

265708
63.3(44кр-421)46
Э 14

Д. И. Эварницкій.

ЗАПОРОЖЬЕ

ВЪ ОСТАТКАХЪ СТАРИНЫ

И

ПРЕДАНІЯХЪ НАРОДА.

Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами.

Часть II.



10165

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА.

1888.

63.3(44кв-430)46

77509

0

9/11/11

Д. И. Эварницкій.

Э 14

ЗАПОРОЖЬЕ

ВЪ ОСТАТКАХЪ СТАРИНЫ

И

ПРЕДАНІЯХЪ НАРОДА.

Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами.

Часть II.

ПЕРЕВІРКА
ФОНДА

624185 РК
Э 892597
7

БИБЛІОТЕКА
№ 10165
И. А. ШЛЯХИНА

69

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА.

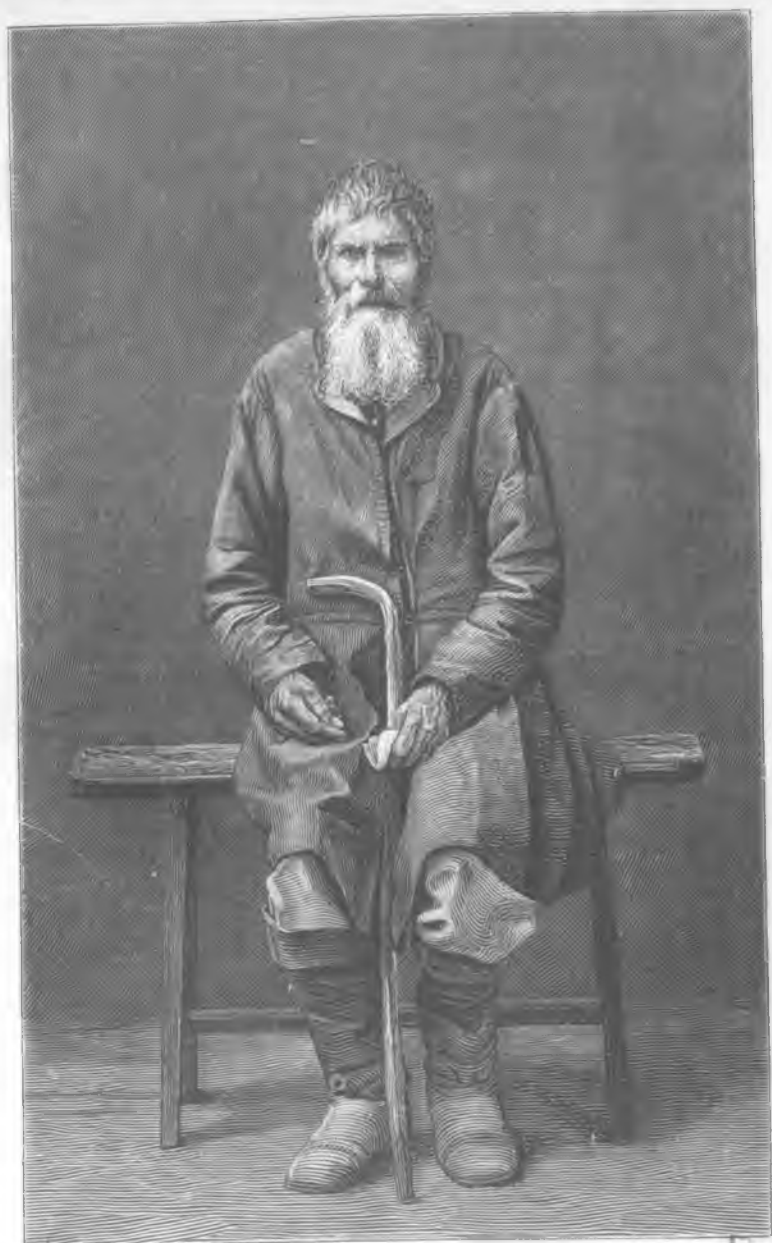
1888.

Запорізька обласна

БІБЛІОТЕКА

ч. М. ГОРЬКОГО

Саратовского Государственного
БИБЛІОТЕКА



Ч. II. Рис. I.

69

Портретъ сѣмнадцатилѣтняго старика
И. И. Россолоды.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Заворожи мени, волхве,
Друже сывоусый!
Ты вже сердце запечатавь,
А я—ще боюся...
Боюся ще погорилу
Хату руйнувати.
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховати...
Бандурысте, орде сывый!
Добре тобі, брате!
Маєшь грылы, маєшь сылу
Е — колы литаты.

Т. Шевченко.

Въ селѣ Чернышовкѣ живетъ глубокой старикъ. Иванъ Игнатовичъ Россолода, единственный представитель павшаго Запорожья, сынъ запорожскаго козака Недоступа. По собственнымъ разчетамъ Ивана Игнатовича, ему около 116 лѣтъ, но онъ еще двигается и по хатѣ и по двору, смотритъ за маленькими дѣтьми, «доглядае» телятъ. Иванъ Игнатовичъ прекрасно сохранилъ воспоминаніе о жизни запорожскихъ козаковъ вообще и о жизни своего отца въ частности. «Мій батько жили отуть саме, де й я живу, а женились тоди, якъ уже розорили Сичу: якъ женились, то имъ було шестьдесятъ годъ: прыжили вони сямъ синивъ, — дочки ни одной не було; я бувъ пидстаршимъ сыномъ у батька, и теперь уєи мои браты поумирали, тилько я одинъ и зостався».

«Батько дуже довго живи, а якъ умирали, то прохали поховаты ихъ на старому кладовищи ¹⁾), щобъ тутъ люде не топталысь по ихъ кисткамъ: вони знали, шо тутъ буде велике селище. Господь прививъ и мини богато на нему свити бачиты. И де я не выходивъ оцимы ногамы? Ходивъ и въ Харьковъ, ходивъ и въ Богодухивъ, и въ Ахтырку, и въ Красный-Кутъ, а въ Києви бувъ ажъ трычи, та все пишкомъ».

— А не страшно вамъ, дідусю, умираты?

— Ни, панечку, нестрашно, нычого не страшно. Я уже давно благаю Бога: Господи, дай смерть, та тилько съ покааніємъ; на цимъ свити житы, тилько гриха набиратыця».

По разеказамъ Ивана Игнатовича, онъ родился въ Никополь, но дѣтство и юность провель вмѣстѣ съ отцомъ на мѣстѣ бывшаго запорожскаго зимовника. гдѣ и теперъ сидитъ хатою. Женился онъ въ полтавской губерніи, и это сложилось такимъ образомъ. Отправился онъ по какой-то надобности въ полтавскую губернію и тамъ въ одномъ хуторѣ увидаль «панночку», «закохався» въ нее да и женился. «Дворянка була, капитаньска дочка, и землю мала (имѣла) собі; тилько на одну погу кривенька була, а людина добрення. розумна. Велике мени спасення видъ тыеи женытбы було: тоди скризь сарана тутъ литала; повидала хлибъ, листя на деревьяхъ, траву. Наставъ голодь великій, ни въ кого хлиба нема. Такъ я було пойду до родычивъ своей жинки, наберу у ихъ гречки, хлиба, прииду до дому тай живу». Вообще о первой своей женѣ Иванъ Игнатовичъ отзывается съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Но къ великому огорченію его, любимая имъ жена очень рано умерла (спустя шесть лѣтъ послѣ брака), оставивъ ему дочь Ирину. «Теперъ мой Орини годъ висидесятъ буде, якъ шо жива, — вона десь помандрувала у Чорноморію. Чувъ, шо у неи и диты булы, и шо у тихъ дитей диты; — то вже правнуки. та и одъ правнуковъ есть поколиння, — це вже прапра-

¹⁾ Теперъ оно называется старымъ.

внуки. Овдовѣвъ послѣ перваго брака, Иванъ Игнатовичъ, спустя четыре года, женился вторично уже на простой крестьянкѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей и четырехъ сыновей: Якова, Самойла, Петра, Ивана, изъ коихъ старшему 53 года, а младшему 30 лѣтъ. Онъ прекрасно помнитъ еще царицу Екатерину.

«Якъ я родивсь, то тоди була ще цариця: я довольно знаю, якъ вона бѣгла сюди.—тоди тутъ усе мыли (каменные столбы) ставили».

Иванъ Игнатовичъ ведетъ жизнь по истинѣ отшельническую: уже больше пятнадцати лѣтъ не пьетъ водки и не ѣстъ скоромной пищи. «Гильки мени й скорому (т. е. скороми), шо пампушки зъ медомъ, олія та молоко, а инколи хлѣбця мякенького пожуюшь—отъ тоби и все». Съ виду Россолода довольно высокаго роста, худощавъ, держится немного сутуловато, носить узкую, средней величины, бороду, на головѣ длинные, густые волосы, едва только посеребренные сѣдиной. (См. табл. I). На мое удивленіе, какъ это Россолода, проживъ столько лѣтъ, почти не посѣдѣлъ, онъ отвѣтилъ: «У мене поридня така, та ще й то сказать вамъ, паничу: то пустый волосъ, шо сидый». Старикъ чрезвычайно богомоленъ: каждый воскресный и праздничный день онъ пѣшкомъ ходитъ въ церковь, что составляетъ въ оба конца около десяти верстъ; лѣтомъ живетъ отдѣльно отъ семьи въ «кѣльѣ», построенной въ саду надъ рѣчкой, на мѣстѣ отцовскаго зимовника. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ необыкновенное уваженіе всеѣмъ своимъ односельчанамъ. Онъ говоритъ мало, потому что страшно устааетъ, но за то весьма охотно и до крайности симпатично; по временамъ изъ его старческихъ глазъ каплютъ горячія слезы... И слова столѣтняго старца звучать, какъ гласъ какого-нибудь ясновидца, какъ слова ветхаго деньми патріарха.

Перенося съ покорностью многія тягости настоящей жизни, старикъ Россолода жалуется лишь на бессонницу да слабость силъ. Бессонница сильно одолеваетъ его.

«Оце ляжешь спати. такъ не заснешь ни за шо, а такъ лежишь. тай годи; и не знаешь, чи воно день. чи воно ничь, тилько шо заплющишь очи». Не мало страданій причиняеть старику и то обстоятельство, что ему почти невозможно лежать: «кыстки болять, тилько й лежишь, шо на спини, а на бокахъ такъ совсимъ невозможно: оце на ладыжкахъ таки струпи пона-лежавъ. шо й доторкнутыця невозможно. А ще гиришь мені уста-вати: Боже якъ важко! Тай очи плохи стали. у вечери бачу, такъ якъ скрызъ сито».

Было воскресенье, когда я явился къ Ивану Игнатовичу Россолодъ. Погода стояла на дворъ чудесная. Прошедъ изъ двора въ садъ, я увидѣлъ здѣсь небольшую хатку, въ видѣ куреня. и приблизился къ ней; оказалось, что это лѣтнее пре-бываніе Россолоды, извѣстное на его языкѣ подъ именемъ «келиі». Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я тотъ же часъ приступилъ къ разпросамъ о житыѣ бытыѣ запорожцевъ. Россолода, будучи предупрежденъ о при-ходѣ къ нему «запорожскаго пана» — такъ звали меня въ селѣ, охотно отвѣчалъ мнѣ на все мои вопросы. Весь разказъ его записанъ мной буквально, въ нѣсколько приемовъ.

— Гай. гай. дидусю, яки жь вы похили!

— А якъ же жь менц, паничу, не бути похилому, якъ мене Господь держитъ на цимъ свити уже бильшь ста годъ!

— Це жь, мабуть. Господь и держитъ васъ за-для того, шобы знати мени одъ васъ те, шо треба.

— А шо жь вамъ треба?

— Та треба мени роспитати васъ де шо про запорожцивъ; шо воно за народъ такий бувъ, якъ вони жили и де вони подиансь, шобы по ихъ жистн и споминати ихъ.

— Се бѣ-то. бачь, правды у ихъ допытатыця?

— Такъ, такъ. любый дидуню. правды допытатыця у ихъ. А чи не чули про нихъ чого-небудъ?

— Якъ не чувъ. якъ мій батько та були ¹⁾ изъ тихъ самихъ запорожцівъ.

— Онъ якъ!

— Такъ пменно! Спершъ вони були у поміщикахъ. коли, чули. при отаману Перебийниціу.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Да. такъ ото вони були у поміщикахъ у пана отамана. бачили ту Сичу. може тамъ скільки разъ. ходили и на війну зъ козаками. а потимъ вийшли изъ Сичи тай силы отуть саме. де й я сижу; тутъ вони и бурдюжокъ собі поставили. тутъ и одружились. а одружились уже старенькими,— такъ, мабуть. годъ шестьдесятъ имъ було. Найлюбійшимъ сыномъ бувъ у ихъ я. Оце було якъ загуляють. якъ запють, то заразы и кричать: — «Әхъ, Ясько. будешъ у мене заporожець!»». Вони й водили мене по-заporожьски: обриють голову, то такъ и ходишь. якъ та салотовка.

— Чимъ же вони брили?

— Бритвою! Гостра така була, шо наче вони гладять. а не бриють.

— Такъ вы. диду, изъ настоящихъ запорожцівъ?

— Изъ настоящихъ запорожцівъ. та ше й самъ трохи заporожецъ. бо якъ крестили мене, то батько ше й пороху подсыпали у купиль, щобъ загартувати. бачите, изъ самого мажку.—уже така поведенція була у тихъ козаківъ.

— Ну. скажите же. любый дидуню, звидкиля ти заporожци набирались?

— Звидкиля набирались? Видо-веюды. Той звидтиля приїде, той звидтиля приїде. зъ десятка до двадцятка. а зъ двадцятка до тридцятка—та такъ цила сила и набиралась. У Сичъ приїмали усякого, тилько мення переставляли: де хто съ-пидъ пана утече, приїмутъ; де хто одъ батька та одъ матери бижить. приїмутъ;

¹⁾ Малороссы объ отцѣ. даже и заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

де якій жинку покине, приймуть; такъ абы. до Сичи докотывъ, го її живе тамъ. не выгонють. Заразъ ему чуприну заведуть и готовъ. заразъ и зодягнуть. Оце прыйде бувало до запорожцивъ человекъ босый, голый, а воны его уберуть якъ пана. Та воно и дыва нема: у ихъ суконъ тихъ, одежи, такъ якихъ хочешъ сортивъ и скільки завгодно можно було достати. Отакъ воны и набиралсь. А инколи такъ и дитей хапали по городахъ: прыманють гостынчикомъ тай похонають. А вже на Сичи воля вольна: не захочешъ жити, иди собі хочъ заразъ. Прыйшовъ якось на Сичу городывыкъ, а у запорожцивъ саме ниеть бувъ, треба до церкви ходити. Ставъ и винъ ходити; увесь ниеть ходе тай ходе. «А шо, батьку, уже мени обрыдло ходити!» — «А якъ обрыдло, то бери грошій тай йди». Дали ему три шуды миднякывъ, винъ и подавсь.

— А кому жъ воны данъ платыли?

— Ажъ нікому! Воны сами собою жили. — такъ, козаки, лыцари тай годн.

— И багато жъ ихъ, скажить, було?

— Точно докзати вамъ не докажу, — Богъ ихъ знае, а такъ якъ подумаю собі, то. наче тысячъ двадцять и було, або й бильшь. Его сыла тяженна була, — того запорожца! Кажуть, будьто ихъ було сорокъ-сорокывъ, та це вже тоди. якъ воны выходили видциля. Треба було народу великого, якъ прывылли велике було.

— А прывылли таки справди велике було?

— Прывылли такъ уже такъ, шо прывылли! Теперь такого ни близько, ни далеко нема. Та шо теперь? Теперь такъ, шо воленъ та недоволенъ, а тоди такъ, шо и воленъ и доволенъ. Недаромъ же кажуть, якъ жылы мы за царыци, или паляныци, а якъ стали за царя, такъ не стало й сухари. Теперь якъ сказати, шо воно тоди було, такъ и не повирять. Тоди цвнты усяки цвилы, тоди травы велики росли. Ось тутъ, де теперь у насъ церква, такъ така була тирса, якъ оцей ципокъ, шо у мене въ руци, якъ глянешъ, такъ наче жито стоить; а ко-

мышь, якъ той лисъ,—поздалека такъ и биліе, такъ и вылыскуетця. А шо вже пырїй, ковыла, мурава, орошокъ, курай, бурунчуки, то якъ увїйдышь у нихъ, такъ тилько небо та землю и выдко, — диты було гублятця въ травѣ. Оце пидниметця у гору, выросте, та вшыять и впаде на землю, та такъ и лежить якъ та хвѣля на морі, а поверхъ нею уже й друга росте. Якъ запалышь було їн, такъ вона недѣли три, або й чотыри горыть. Пидешъ косыть, косою не одвернышь, поженешъ пасты коней, то и не побачишь ихъ, загонишь волнѣв, тильки роги мріють. Чи вынаде снїгъ, чи настане зима, байдужкысинько: хочъ якїй буде снїгъ, а травы не закрѣе. Пустишь соби чи коня, чи товаряку, чи овецъ, такъ вони такъ пуштопашъ и пасутця, тилько коло отары и ходылы чабаньци; а якъ загонишь ихъ у траву, такъ вони помижъ нею наче комашни мріють,—тильки у вечери и вздрышь; тоди вже коло ихъ роботы,—выбирати тирсу, шо поналазе у вовну!.. А шо вже помижъ тїєю травою та разныхъ ягидъ, то й казати ничого. Оце якъ выйдешъ було у степъ та якъ розгорнишь траву, то полуныцю такъ и бери руками. Оцїен погани, шо теперъ поразвелася, ховрашкѣв та гусеныци, тоди и не чути було. Отъ яки тоди травы були!

А бжолы тїен? А меду? Медъ и по пасикахъ, медъ и по зимовникахъ, медъ и по бурдюгахъ такъ и стоить було улиповникахъ: сколько хочешъ, стільки и бери; бильшь усъго видъ дылихъ пчиль. Дика пчола скрызъ було сидить: и на комышахъ, и на вербахъ; де буркунъ, у буркунѣ, де трава, у травѣ. За нею и проходу не було: то було vyrубають дупла, де вона сидить. А лїса того? Бузынина, свыдина, вербїна, дубья, грушья! Грушъ було якъ навада зъ гилля, такъ хочъ бери грабли та горны валки: такъ и лежать на соньци, пока не попечутця. Садки таки були, наче сукномъ покрыти,—такъ патока зъ нихъ и тече. А товщина лїса яка була? Вербы такъ їжи-Богу десятиаршинъ у обхватъ... Земля свѣжїйша була, ниhto їн такъ не вымогавъ, якъ теперъ, снїги лежали велики, и воду пускали

велику, то и дерево росло добре. А звіру, а птыци? Вовки, лысыци, барсуки, дики козы, чокалки ¹⁾). выдныхи—такъ одинъ за однимъ и бижать, такъ и пластають по степу. Вовкивъ така сила була, шо ихъ кійками били, а зъ ихъ кожъ чоботы носили та кожанки робыли. А якака того, якака?.. И казати ничого! Були ще й дыки свыни ²⁾). таки гладки та здорови; вони бильшь усего по плавняхъ шырыли. Оце якъ побачишь у плавни яку свыню, то скорійшь кидайсь на дерево, а то хрю! хрю! чмакъ! чмакъ! та до тебе, такъ рыломъ и пре; выставе морду впередь тай слуха, чи не йде хто; якъ забаче чоловика, заразъ до него, товкыць рыломъ! Зъ нигъ звале, тоди й давай рвати. Були й дыки кони; вони цылыми табунами ходили; косяка три-четыри такъ и ходять... А шо уже птыци було, такъ. Боже великій! Качокъ, лебедивъ, дроховъ, хохитвы, дикихъ гусей, дикихъ голубивъ, лелекъ, журавливъ, тытарвакивъ, курипьятъ,— такъ хо-хо-хо!.. Та все яки плодюци! Одна курипка выведе було штукъ двадцять пять курипьятъ за мисяць, а журавли якъ понапюдыть дитей, то ходють та тилько крякають. Стрепетивъ сильцями ловили, дроховъ волокомъ тягли, тытарваковъ, якъ настане ожеледиця, дрюками били. И шо то за сила тиен птыци була? Якъ пидниметця зъ земли, сонце застеле, а якъ сяде на дерево, то й гилля не выдко: самый комыхъ выше; а якъ спуститця на землю, то вона, наче доливка, такъ и зачорпие. А лебеди якъ заведутця битця промижъ себе, то пиднимуть такой крикъ, шо батько було выскочуть изъ бурдюга та давай на ихъ стрелять, шобъ порозгонить, а вони пиднимутця въ гору та тилько порось-порось-порось!.. Нема теперь и тый силы рыбы, шо тоди була. Оця рыба, шо теперь, такъ и за рыбу не считалась. Тоди все чичуга, пистрюга, коропы та осетры за все одвичали. У одну тоню иш вытыгали стилько, шо на весь

¹⁾ «Тойже вовкъ, тилько алийшій надъ вовка».

²⁾ «Звирь—схожій на лысыцю, тилько живе въ води. На нему така кожа, наче пскры сыпцотця, а якъ поглядшь, то винъ такъ и вылапцуетця». Очевидно, рѣчь идетъ о рѣчной выдрѣ.

куринь ставало. Та все тоди не такъ було. Тоди и зимы теплйшъ були, никакъ теперь, — це вже кацаны своїми лаштями понаносили до насъ холода, а тоди его не дуже чути було. Видь того тоди и сина никто не запасавъ, хйба тилько якъ думали йти у походы, то для тихъ коней шо пидъ-верхомъ ходили. Тоди и урожай луччи були, — хочъ и сйали трошки, а родило богато: якъ чотыри мшка посіе, такъ триста вишь нажне, треба було висимъ женьцивъ, щобъ зняти те все до Покровы. Батю мій, и де воно те все подилось? И очамъ своимъ не вірю! Ось тутъ, де теперь наша Чернышівка, тутъ ни однісенькои хаты не було, одно тильки батькове привилля, а теперь де той и народъ набрався и коли винъ те все повыводивъ. Теперь и вода перемиряна, и земля переризана, а шо вже до лиса, то и казати ничого: шо на саны, шо на полудрабки, шо на одішниця, то на те, то на се, та такъ усе и повырубували. Де пряменьке, гарне та миценьке деревце, то его заразь же й зведуть. А тутъ якъ пишла ще по лису товаряка, то и пенькивъ не зосталось, а шо циле було, то позасыхало, то попрододало. Тай сама скоты — на ходе якъ нежива... Якъ повырубували лиса, пишла на села мошка; за нею теперь и свита божого не выдео, а бидній скотыни такъ и отдыха нема: такъ и ходе уся облита кровью. Теперь дайте вы отій свынн, шо ходе, шматокъ хлиба, то вона й здохне одъ него. А чого? Не привыкла исти!.. Та все теперь перевелось: гадюкъ не стало, повыворали, а въ болотахъ и жабъ не чути, повыздыхали, тай болота теперь чи есть.

— Такъ отъ якъ воно було! Ну, а якъ же запорожци распоряжались тією землею?

— Такъ распоряжались, шо вона у ихъ була вольна, обтова; такъ, де хто оббере собі мсто, де кому охота прынаде, тамъ и сида, де хто живе, тамъ и владіе: ты живешъ тутъ, такъ тутъ и владій, а ты живешъ тамъ, такъ тамъ и владій. И Боже мій, и батечку мій, одинъ одъ другого оре на двадцять версть! Такъ и жили запорожци. Оце выкопа собі землянку, заведе яку-небудъ худобину тай кочуе. Тилько такій зветця

уже не лыцаремъ, и не товаришемъ, а сыднемъ, або гниздюкомъ. Такъ таки и звуться: сыдни тай сыдни, гниздюки тай гниздюки. Воны були жонати, дитокъ малы соби, а жили такъ соби по пять, по десять чоловікъ, розводили худобу, занимались охотою: той индетереже козу, той убоє кабана, та нанесуть махану того, шо цила бида. До нихъ прыходють уже де яки изъ Сичи тай харчуютця. Гниздюки и пасники розводили, и медъ готували. Худоба ото саме ихъ и богатство, а зъ Сичи воны вже паю ниякого не брали. Сичовыки-то вже особа статья. Воны жили такъ, шо ихъ и не вгадаишь: сегодня тутъ, у Сичи, а завтра Богъ знае де по стенахъ, по балкахъ та по выбалкахъ: зберутця у ватаги тай чимчикують, куды треба. Ци вже на війни розживались. Розживали разни города, лядеки та турецки, и забирали тамъ шо тилько можно було забрати.

Бильшь усёго воювали турка та шматували татарву, — сидеьке дило: татары жили на тимъ боци (лѣвомъ) Днипра, а запорожци на цимъ (правомъ), такъ видъ того частенько приходилось имъ битця промижъ собою. А сварка бильшь усёго изъ-за коней була: то козаки перегонять до себе косякъ татарскихъ коней, то татары перенравлять до себе косякъ козацкихъ коней. Якъ татары украдють у козакивъ коней, то и слидъ метлами заметуть, шоь не видко було, якъ шукати, а якъ козаки украдють коней у татаръ, то сидуть на той слидъ тай..... шоь бачила паскудна татарва, хто у неи коней побравъ. А съ турками такъ усе за виру бились. Батько було частенько розсказують про ти баталин козакивъ съ турками. Оце, кажуть, якъ ускочють запорожци у який-небудь турецкый городъ, то першь усёго норовлять, шоь заналити его зъ трехъ сторонъ. Запалють зъ трехъ киньцивъ, а на четвертый постановлятця тай ждуть, поки бигтимуть турки: якъ тильки бижить який-небудь, то заразь же и кладуть его на мсти. Отакъ обкерешують сперше турокъ, потимъ перебьють туркень, а тоди вже берутця за турчатъ. Явъ ускочивъ запорожець у турецку хату, то заразь дывытця у шчы, чи

нема тамъ горячихъ палиныць, и скільки бѣ ихъ тамъ не було, то винъ усн понастромля на ратыще, повыгига изъ печи та въ михъ. Після того уже шука дітей. Якъ найшовъ, заразы одува лаву одъ стины, заведе ихъ за лаву, присуне їи знову, такъ щобъ вона прійшлася якъ разъ противъ горла дітей, та такъ у сихъ одразу и подуше, щобъ не росло погане кодро на погибель християнъ. Не любили запорожци турокъ, дуже не любили, видъ того такъ лютували и надъ ихъ дитьми.

Оттакъ-же не любили вони и ляховъ. Зъ ляхами бились бильшь за землю. Тутъ вони уже не своєю силою воювали. Оце якъ идуть у Польшу, якій тамъ городъ, чи слободу обрати, то заразы попережуютця, визьмутъ съ собою барабанъ та трубу, прыйдуть до кузень, позабирають молоты, тай идуть тоди. Придуть у городъ, пустятця скризь по вулицяхъ, пидійдуть нидъ вигна тай слухають, шо то ляхи промижъ себе балакають. А тутъ молоди ляхки сидять на стулахъ та выхваляютьця передъ панянками, хто скільки козаковъ побье: «Я, каже, шистъ чоловікъ, одинъ тїен погани перебью»... А стари сидять на стулахъ та въ карты грають: «Моя сто бье!»— «А моя двисти!» «А моя триста!» «А моя чотырыста козакивъ побье»!.. А тутъ запорожци якъ ударють у барабанъ та якъ брызнуть у оболонь, такъ вони, якъ ти горобици, такъ и кинутця, хто куды пїймавъ. Отоди вже имъ лоскъ: бо де уже козаки нападуть кого, то никого не помилуютъ, бо ихъ нихто не зборе. Наскочуть на якого пана, то сперше всего допрашуютъ, де у него гроши. Якъ попадетця боязькій панъ, то тутъ же одразу и скаже, де у него и гроши и добро всяке. А якъ попадетця тугій панъ, то запорожци уже прибирають разни способности, щобъ розвязати ему языка. «А ну, хлопци, надиньте ему червону шапку на голову!» То ему и надинуть... «А ну, хлопци, обуйте его въ червони чоботы!» То хлопци и обуютъ го; якъ шить дадутъ, и облуплють голову и пидшкварять огнемъ пятки! Годи и тугій скаже, де й гроши, де й шо друге. И чога тилько вони тия ляхамъ не виробляли? И кожи на

головахъ ножами обгуплювали, и гу-на сверлами вывирчу-вали, и голою ср-кою на горячи сковороды сажали, и огнен-ными лиддискими пидошвы пидпикали. и жигаломъ очи высма-лювали. Одного ляхка якъ пидпыклы пидъ ср-ку, такъ винъ ноги и вмерть, то все окарачъ ходивъ. И боялись же ихъ ляхи! Оце якъ ити на войну противъ запорожцивъ, то вони перше усею гадають, де то ти запорожци кочують. Та це минутъ-роскинуть на картахъ, або на чому другому, тай кажутъ: «ще далеко прокляти харцызяки видъ насъ; десь на своїй землі пьють та музыки водять». А де тамъ у чорта вони пьють! Вони уже коло самого носа ляхвы. Понасыпали у чоботы запорож-ськои землі. позабирали въ руки по куцу терну, посидали на коней тай идуть по лядьскому шляху, а ляхамъ сдается, шо вони десь ще на своїй землі. Тоди вже якъ пидберутця до самисенькихъ ляхивъ, та якъ крыкнутьъ вси одразу, якъ засвистять у суремки. такъ бідни ляхыки ти отъ одного страху подохнуть... И пойдуть геть собі запорожци, а имъ усе сдается, шо ти суремки грають. Та вже семого году ляхва доvidaеться, шо то одни суремки свистять, а запорожцевъ, уже. Богъ зна, коли нема.

Везики воики були! Батько було якъ почнуть розска-зувати про ту удалъ запорожцивъ та про баталиі ихъ съ турками, або татарами та ляхами, такъ ажъ страшно слухати. А оце литомъ, у вечери, якъ почнуть було прудытыця коло кабыни та якъ спустять съ себе сорочку, такъ ажъ мото-рошно дывытыця на нихъ: усё тило, наче те решето, пошма-товано та побито кулями, а на плечахъ та на ногахъ мякоть такъ и тилипаеться. Страшенни воики були! А тилько у себе. на Сичи, никого не трогали, хіба однихъ жидивъ. Жидамъ инколи таки плохо приходилось одъ запорожцивъ. Якъ почують, шо де проходили, то вже бережись, а то якъ де нагрюкають якого, то тутъ ёму й капецъ! У запорожцивъ така й балачка була: «а ну-мо, пани-молодци, кукиль зъ пшеници выбирати!»

Смиха було, якъ розсказують батько про тихъ жиловъ. Иде якось запорожець зимою по стѣну, а ему назустрігъ жидъ.

— Здоровъ, жиде!

— Здоровъ, пане!

— Чи ты чувъ, якъ куе зузуля?

— Чувъ, та мало!

— Ну, хочъ и мало, а все жъ таки я хочу послухати, якъ вона куе. Ползай ось на це дерево тай куй.

Отъ жидъ злизъ на дерево тай кричить: «Ку-ку! ку-ку!» а запорожець баць его изъ пистоля: «Яка жъ таки зузуля куе зимою»!..

Сидить разъ запорожець видъ дубомъ, шѣ горилку, а по шляху иде кудысь у базаръ жидъ.

— Стой, жиде! А якъ ты молишься?

— Та такъ, якъ и вы.

— А якъ ты христишься?

— Та такъ, якъ и вы.

— А перехристися!

Жидъ перехрестився.

— Ахъ ты, сяюхо! Такъ ты ще й глумишься надъ моею вирою! Ну, ось выси жъ ты отугъ, на дереві!

Заразь его за ноги тай повисывъ.

— Якъ нагодитця хто, то той тебе одчене, а якъ не нагодитця, то тутъ тобі й хата!

— Не вже жъ, диду, запорожци усе воювали та воювали и не було имъ ни спокою, ни спочина?

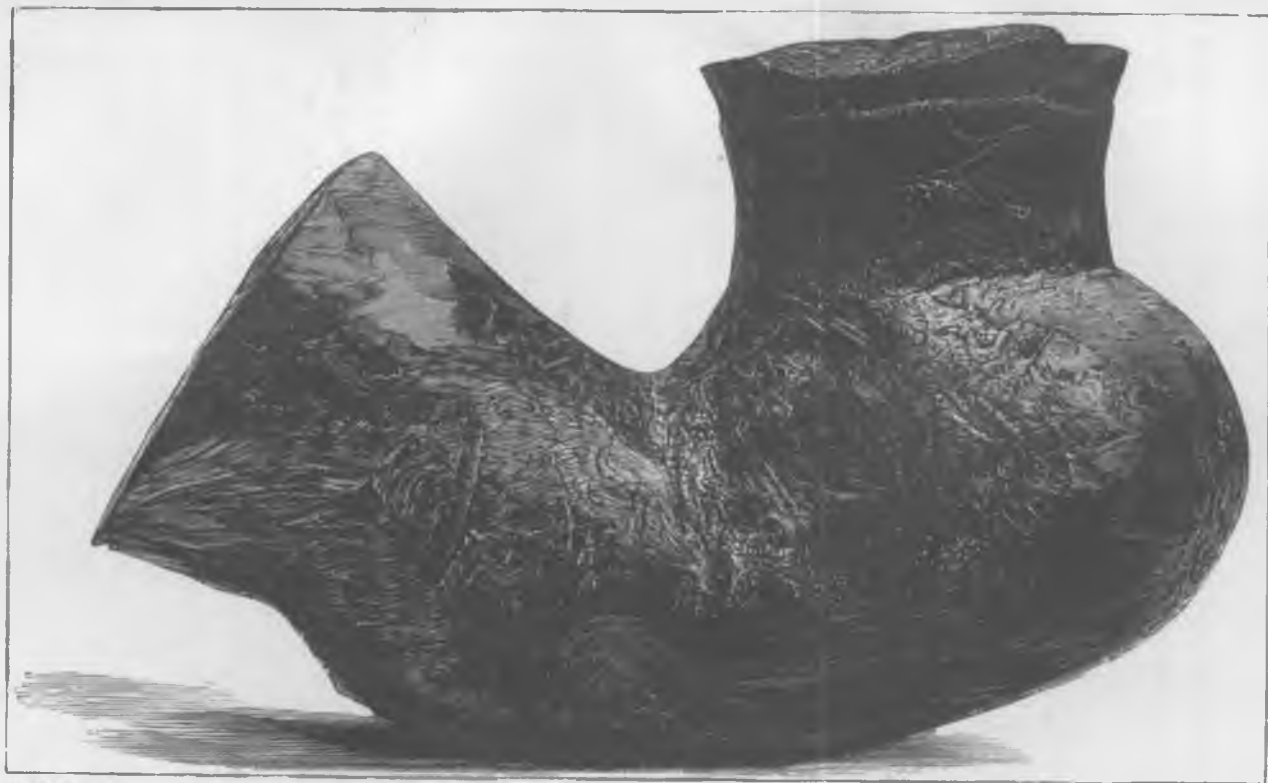
— Ни, бувъ имъ и покой и спочинъ. Вони оце бьють— бьють ляхивъ або туркивъ, а потимъ якъ прийдуть изъ войны на Сичу та повышочують на выгинъ бочокъ десять, або й бильшь горилки та якъ загуляють, такъ неділи дви, або й три, и свита божого не бачуть. Ш де, якъ, шо у нихъ и явитця усе? Тутъ у ихъ и воловина, и телятина, и гусятина, а вже горилки, меду, шива—такъ и счету не було, бо все дешево, не такъ якъ теперь. Танцюють, музыки водять, у карты грають.

писні спивають; а потімъ того давай куфы вывертати, посудь бити. Однимъ словомъ, таке виробляють, шо куды вамъ! Роскышъ имъ велика була: одно знають—воюють та пидулюють. А де яки полягають коло куренивъ та попыхують изъ люлекъ, та балакають, та радятця, звиднѣли знову заходити на татарь та дяхивъ; а де яки посѣдають на коней та выперезають одинъ одного; а де яки понастановляють высокыхъ стовпивъ, понамазують штаны медомъ, шо бъ цубко було держатись, та лизуть на верхъ, перегоняють одинъ другого.

— Такъ воны, кажете, и люльки курили?

— Де вже запорожци та не будуть люлекъ курити? Це саме перше дѣло у ихъ. А же жъ вы чули про того запорожского отамана, шо, розказують, якъ принесли ему паску на великъ-день, а винъ замість того, шо бъ розгивлятыця и каже: нехай, козаки, паска постое, а мы сперше люльки поцунимъ», — то жъ воно саме у запорожцивъ и було. Люлька у ихъ сама перша подруга. Запорожець якъ сивъ на коня, якъ запаливъ люльку, такъ верстовъ шість, або й бильше смале та й зъ рота ии не выпуска. У ихъ на счетъ люлекъ ще й отъ шо водилось: окримъ того, шо кожний козакъ мавъ соби люльку, а то ще и въ кожному курени була люлька, — «общескою» звалася. — велика така, повыцяцькована бляхами, повесажена намістами та повыбита дорогими каминнями ¹⁾ (см. табл. II). У ихъ були и особи майстры, шо люльки робили. Писля люльки найбільшь усего воны любили музыку. Оце було якъ соберутця та якъ уриакутъ, такъ и сами танцюють, и земля танцюе, и лисъ, и вода танцюе. Уже противъ ихъ ниhto въ свити не вытанцюе. Увесь день музыки будуть грати, и весь день запорожци будуть танцювати. А якъ перестане музыка, то воны й сами танцюють. Оце визьмуть два чоловика въ руки ослонъ, одинъ за

¹⁾ Одну изъ такихъ трубокъ мнѣ удалось найти въ с. Покровскомъ, екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сича. Трубка эта нѣмѣть больше четверти длины и около четверти толщины, только безъ всякихъ украшеній.



Ч. II. Рис. 2.

Обчиська трубка.

Тип. Эд. Гоппе.

одинъ край, а другій за другій край, постановляють другъ противъ друга та такъ и танцюють. Шо за втишний народъ бувъ!

— Прямо шо втишний! На чемъ же вони грали?

— На всякій усячини: на ваганахъ, на рилляхъ ¹⁾, на басахъ, на пымбалахъ, на сопилахъ, на свистунахъ, на скрибкахъ, на кобзахъ, на козахъ, — на чимъ попало, на тимъ и грають.

— Шо жъ вона за кобза така?

— Кобза — це така штука, шо вона скидаеця на ваганы. тилько вона круглїйша и пузатїйша, зъ кружечкомъ по середини, зъ вузенькою ручкою, зъ дирочками на ручци и съ срибными струнами. Довжини буде аршина пивтора. Я добре памьятаю їн, бо скільки разъ державъ у рукахъ (см. табл. III).

— А шо жъ воно за коза така?

— Це така кожа, зъ нижками та зъ пишалками, зодрана съ козы: надме їн, положе пидъ мышку, пишалки у ротъ уставе, рукою придавлюе тай грае.

— Такъ ото їмъ тильки й роботы було, шо война. люльки та музыка?

— Ни, вони занималеш и другими дѣлами.

— А якими жъ?

— Та всякими. Вони и сами коровъ доили, сами и сыръ виробляли, сами й масло били; мижъ ними було усякого со-словія: шевци, кравци, ковали, гончары, столяры; були й таки майстры, шо робили возы, гарбычки, — тоди цижъ немецкихъ бричокъ не було, а були невелички возы абы тилько хлїба привезти, або сина наложити; ци возы робились зъ двома вїями, — одно спереди, а друге сзади, щобъ швидче можно було запрягати коней, коли пробижить чутка, шо йдуть татары (см. табл. IV). Були мижъ ними и таки, шо колодези копали, лехи мурували, каюки робили, — каюкъ у кожного запорожця бувъ, на такїй же маниръ якъ и теперъ: були таки, шо табуны стерегли, товару ²⁾ глядили, коло отаръ ходили. — ци вже и особе званіе

¹⁾ На лирахъ.

²⁾ Товаромъ или товариною называютъ малороссы рогатый скотъ.

мали: чабаны; а то були и такі, що садысадили, огородину розводили: канусту, кавуны, дыни, огірки, табакъ; були ликари, що раны заличували, одъ гадюгъ видшептували: такі, що по насикамъ сидили, хлѣбъ у степу обробляли, були й такі, що начальству прислужували. — хлопцями, або молодиками звались. Усеянихъ було и всякого занятія.

— Расскажи же теперь мнѣ, дидуню, якъ были у запорожцѣвъ крѣпости.

— Крѣпости? Сича—ото у ихъ и крѣпость: коло неѣ були, окопы, валы, а въ серединѣ дзвиниця, куды ставлялись пушки; були у ихъ крѣпости и въ паланкахъ.—по нашему уздѣ, по ихнему паланка, або судѣ. Оце и все крѣпости, а бильшь и не чувѣ, щобъ воны у ихъ були. Воны такъ жили, що никого не боялись.

— А якъ же у тѣѣ Сичѣ було?

— У Сичѣ курини у ихъ були: такі хаты; якъ пьятдесятъ хать, то й куринь. Цѣ курини ставлялись одинъ до другого прычлками, а робились на стовнахъ та на сволокахъ, безъ дымаривъ. Видѣ того якъ затоплють було груоу въ куринѣ, то дымъ иде прямо черезъ оселю.—такъ и курить, такъ и курить,—за тимъ-то его и куренемъ прозвали. Середъ сичей куреня ставляли кабицю, надъ кабицею клали залізну перекладину, на залізну перекладину вишали залізні крючки, а на крючки надишали казаны та такъ и варили страву. Оце запають кабицю, понавешають надъ нею казанивъ, а сами полягають животами внизъ округъ кабыци та люльки смалють та балакають де-що про дяхивъ, татаръ та турокъ. А тутъ же, середъ куренивъ, стояла у ихъ церква, деревьяна, у одинъ ярусъ, крыта гонтомъ, а коло церкви дзвиниця, у два ярусъ, тежъ деревьяна. У церквѣ були у ихъ дороги евангелин,—такъ добре обробляли у золото, шо ажъ горять було, иконы, корогвы, хресты, ка-нистаць, увесь мидный, а зверху вызоласченный, а царьски врата изъ чистого серебра. Коло церкви была школа, де вчились молодики читати та спивати ца крылосахъ; а понизче



Ч. II. Рис. 3.

Запорожская кобза.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

школы стоявъ будинокъ кошового, а тамъ, коло будинка, писарьска. Отъ якъ воно було въ Сичи.

— А чи такъ же воно було коло Сичи?

— Ни, тамъ уже инакъ. Коло Сичи, по степахъ, скризь кушами стояли бурдюги, се бѣ то по нашому землянки ¹⁾. чолоникъ на пять, на десять, а иноди й більшь. У такому бурдюзи и мій батько жили. Бурдюги робились просто. Выкопа запорощець ямку, поставе въ ямку лиску, нагорне округъ неи земли, обставе кураемъ, облипе кизякомъ, обмаже глиною, выведе мечеть, шобъ хлибъ пекти, зробе кабыцю, шобъ страву варити, тай живе собі, якъ наче панъ якій у хороми. А шобъ бачить, що воно діетця у степу, зробе собі у бурдюзи маненьке, кругленьке, наче тарилочка, виконьчко, вставе въ него скло, скверненьке таке, зелене, рибе та съ каминьцями, съ кругленькою ряминою изъ чотырехъ трисочекъ, тай дивитця черезъ него изъ бурдюга. Якъ и въ курини, такъ и въ бурдюзи. дымаря не полагалось; у бурдюзи и грубы не було, а була мечеть, схожа на пичь, тилько низенька, зроблена зъ дикого каминя. Якъ запалишь було цю мечеть, то зъ неи полымья такъ и паше, а каминня якъ розгорятця, такъ якъ огонь зроблятця. Съ такою мечеттю холода ничего було боятись... Де въ якихъ бурдюгахъ и вбранство було: по стинамъ высило оружжа, на покути стояли розмалевани нидь золотомъ образа, по-нидъ стинами прироблени були лавки, ослинчики, шобъ було де систи; а который бурдюгъ, то ще й килимами высланъ. Таки бурдюги скризь роскидани були по запорожьськимъ паланкамъ про-мижъ зимовникивъ. Вони открыти були для всякого и николи не замыкались, бо тамъ такъ було, шо чужого ниhto ничего не зачепе. Якъ йде, або йде куды-небудь хозяинъ бурдюга, то такъ и зоставля его, а на стиль ще й страву кладе. Хто хочъ, той и заходь. Оце чвала тамъ де-небудь якій чоловьяга по степу,

¹⁾ Татарское слово „бурдюкъ“, что значитъ „вывороченная цѣликомъ шкура животнаго, просмоленная и употребляемая какъ сосудъ для жидкости“.

Запорожье, ч. II.

264715
2
Запорізька обласна 26576 8
БІБЛІОТЕКА
ім. М. ГОРЬКОГО

624185 ✓

и захотилося ему исти. Баче. стоить бурдюгъ; заразъ завернуть до него, найшовъ тамъ казань. пишоно, сало, або рыбу. выкрысавъ вогню, розвивъ багаття, зварывъ соби обидь, сивъ и зивъ, напився воды, лигъ и спочива инеля обида. Запрета ни въ чемъ не було. Якъ прійде хозяинъ, то винъ ще й радъ гостеви. винъ его прывита, наче батька, бо тилько ему и родыны на широкому степу, шо захожій чоловікъ. А якъ захожій не вспе побачиться съ хозяинномъ бурдюга. то, наившись и виддохнувши. робе маленькій хрестикъ изъ дерева, ставе его середь бурдюга та йде соби зъ Богомъ. куды треба. Це шообъ знавъ хозяинъ, шо бувъ захожій чоловікъ. Отъ якъ воно було у запорожцивъ. Не дуже красовити були ихъ осели, а за те дуже прывитни. Теперъ увійдешъ у хату, такъ вона красить вуглами, а не красить пирогами, а тоди вона красила не вуглами, а пирогами. Окрімъ бурдюгивъ та куренивъ були у запорожцевъ ще й зимовники; це вже таке, наче постоялый двирь: хата, а коло неи кругомъ повитки (см. табл. V¹). До зимовника було якъ дійде хто. то сперше всего кричить: «пугу-пугу»! А ему одвичають: «козакъ зъ лугу»! Тоди вже и пускають. А якъ увійшовъ у сины, то ратыще клади на тяжи ¹⁾, а въ хату не носи.

— Добре, любый дидуню, добре. А чи не знаете, яку жь пищу потребляли запорожци?

— Всяку пищу потребляли: мясне, овощу, рыбу; всячину или, голодомъ себе не морили. Тай ничего було морить, кози скризъ и звирья, и птыци. и рыбы скилько хочъ. Звирей ловили капканами, птышь били изъ ружей, а рыбу ловили ятерями. неведомъ та все и потребляли; однимъ словомъ, или запорожци ласо, бо вони сами соби й варили, сами соби й пекли. Одного тилько й мало було у ихъ, печеного хлиба; замясто хлиба одвичала тетеря; якъ шо таке, заразъ за тетерею. Тетерею называлось кисто изъ жйтной муки, розведена медомъ, або водою зъ медомъ; его оце якъ замишають, то

¹⁾ То-же. что и «кабыни».



Ч. II. Рис. 4.

Запорожскій лагерь и возы.

воно бува риденьке-риденьке. потимъ кисне, після чого уже робитця густымъ; тоди воно й готово. Якъ схотивъ якій запорожень исти, то заразь бере казанъ, виша его не кабицю, налива въ казанъ воды, въ воду кида тетерю, до тетери підбавля пшона, а до пшона рыбы, або раківъ, та тоди й варе. Зваривши истъ и горилкою запива, а якъ шо есть наливка, наливкою. Горилка у ихъ завжди була; вони привозили їн изъ городивъ, а наливку робили сами, у себе на Сичи; въ Сичи вони робили и пиво, на своихъ броварняхъ, и медъ, и сыту и варену изъ озюму або ивжирю зъ горилкою спаренною на огни, робили вони и настой изъ комлыцкон травы, або изъ пашпороти тай пили зъ овечимъ молокомъ.

— Все це добре, а изъ чого жъ йлы запорожци?

— Илы бильшъ изъ корытъ, бо мисокъ не любили: блящицями, кажутъ, воняють. Черешяного та склянного посуда тежъ дуже не любили. Та якъ имъ и съ тимъ черепкомъ та скломъ и возитьця? Ще перебьешъ! Посудъ у ихъ робивсь бильше изъ миди, або изъ чавуна; казаны, кострюльки—це ихъ було, а горшки, глеки та кухлики. — це вже або турецьке, або городяньке. У черепяному посуду запорожци бильшъ усего свою здобычъ ховали; визьме горщикъ, накрыве его сковородою, або якою зализячкою тай закопа у землю. Окромъ казанивъ та кострюль були у ихъ и коряки, тилько вони робились изъ дерева, бильшъ усего изъ вербины, а выстругувались такъ чисто, шо ажъ вылискуютця було на соньци,—це ти корячки, шо звались у запорожцивъ «михайликами». Були у ихъ и ложки, деревьяни и таки, якъ теперъ у панивъ; були баклажки (см. табл. VI), штопы, графины, чарки, тилько те все не ихъ заводу. Сами вони жили дуже просто. Якось лучивсь до ихъ охвыцерь видъ царыци, такъ вони наварили стравы, насыпали їн у корыто тай давай его угошати ¹⁾. Однимъ словомъ, попростецьки.

¹⁾ Рѣчь идетъ о генералѣ П. А. Текелѣ, котораго запорожцы угошали изъ корытъ послѣ разоренія имъ Сичи. «Хочъ съ корыта, та до сыта».

— Расскажи же теперь мени, дидусь, якъ зодягались за-порожци.

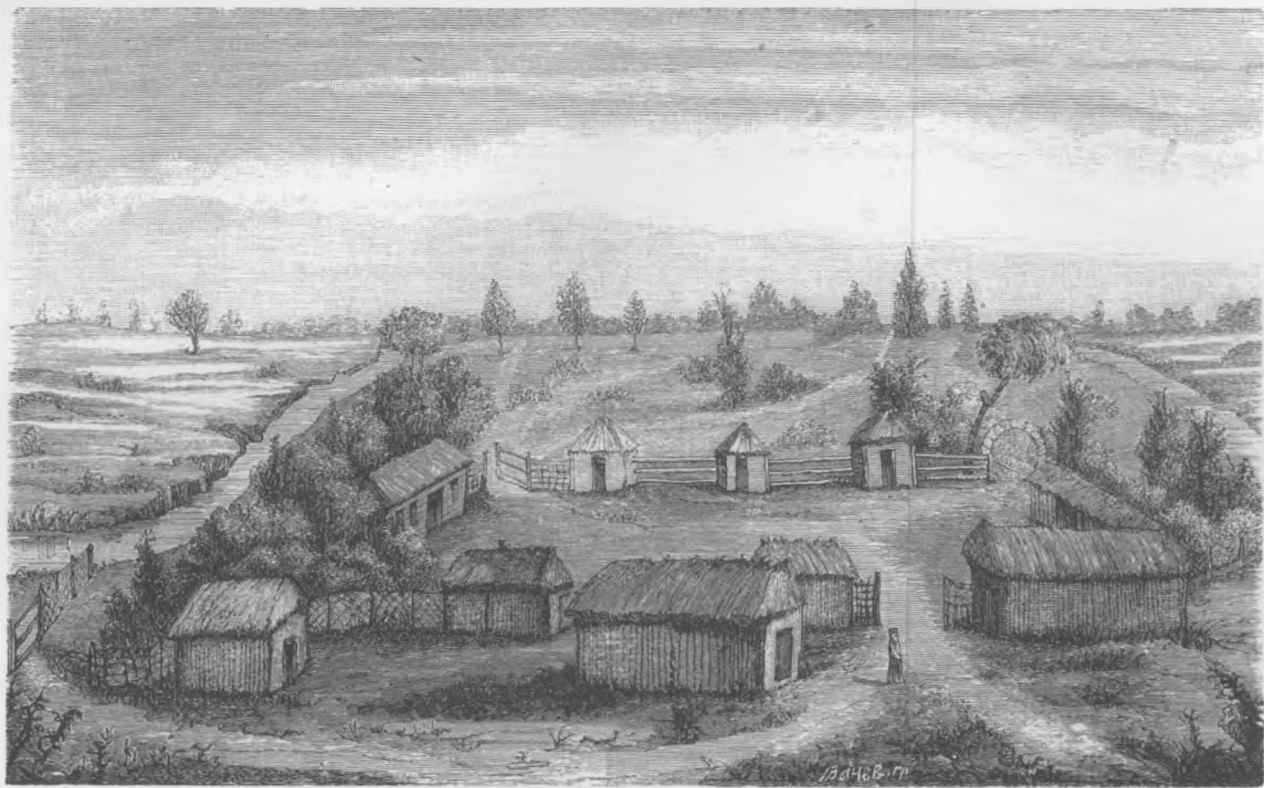
— Зодягались запорожци добре, ходили и браво и чепурно. Воны, бачите, головы брили: обрые та шей мыломъ намаже, шобъ добре, бачъ, волося росло; одну тилько чупрыну ¹⁾ кидали на голови, довгу таку, зъ аршинъ, мабуть довжини, та черну та кучиряву. Заправе ии, замота за ливе вухо разивъ два. або й три, тай повисе, такъ вона й выше ажъ до самого плеча, та такъ и живе за вухомъ... Якъ бы шймавъ за ню то було бъ за шо подержати!.. А ничий визме та перевыже свою чупрыну стричкою, закруте ии на лобови та такъ и спить, а ранкомъ якъ устане та якъ распусте ии, то вона наче хвистъ у вивци зробицца. То все на выхвалку! Дивчата косы кохають, а запорожци чупрыны. А якъ уже дуже довга вырасте, тоди замота ии сперше за ливе вухо, а потимъ проведе по-за за-тылкомъ. перекине на праве та такъ и ходе.

Бороды тежъ брили, тильки одни вуса зоставляли. и кохали ихъ довги-предовги. Оце якъ нахвабрыть ихъ, якъ начернить та якъ росчесе гребёшикомъ. такъ хоть винъ и старый буде. а выйде такій козарлюга, шо тилько хить-хить! Довгени вуса кохали! Ничий визме ихъ обома руками, пидниме въ гору та позаклада ажъ за вуха, а воны ше й нище вухъ звысають. Отаки-то вони вусарі були! Положимъ, де въ якихъ и маленьки вуса були: такъ, якъ у якого волосъ росте, а тилько шо вуса вони дуже любили.

Оце винъ якъ чупрыну замотавъ, вуса росчесавъ, тоди вже зодягаецця у свою одежу. Одежа у ихъ була на дроту ²⁾ та на бавовни, на шовковыхъ шнуркахъ та на гудзыкахъ, изъ тонкого сукна та все разныхъ цвитивъ: той надине голубе, той—зелене, той—червоне.—хто якого забажя; тилько сорочки були своєї

¹⁾ Чупрына отъ слова «чубъ», а слово «чубъ», съ персидскаго «чобъ» — гроздь. кисть, пучекъ.

²⁾ «У середины драть поставленный: скільки хочешъ бій, то не пробьнешъ».



Ч. II. Рис. 5.

Запорожскій зимовникъ.

рукодін, бо бамаги ¹⁾ тоди ще не знали. На голову надивали високу шапку, гостру, съ смушевою околыцею, у четверть ширины, съ суконнымъ або червонимъ, або зеленымъ дномъ ²⁾, у пивторы четверти довжыни, на бавовни, съ золотою перепискою, съ срибною бытицею на самому вершечку и съ гапличкомъ до неи, прыстибувати, щобъ не моталась. Околыця на шапци иноди служила козакови замисть кисета, або кишени: туда винъ, якъ коли, кладе було табакъ, кресало, люльку, рижокъ зъ табакомъ; особливо люльку: якъ вынявъ изъ рта, такъ и застромивъ їи за околыцю. Шапки робились бильшь по куренямъ; якій куринь, така и шапка, такой и цвѣтъ на неи. Передъ тимъ якъ накладати шапку, козакъ отдиле отъ чупрыны пучечокъ волосся и напuste его на передъ лоба, потимъ замотуе саму чупрыну за вухо и тоди вже наклада на голову й шапку. Якъ наложивъ шапку, тоди винъ уже и козакъ. Це—саме перше и саме главне одяннє козака. Потимъ уже надяга каптанъ, довжыни до колѣнъ, червоний, зъ гудзыками, на шовковыхъ шнуркахъ, зъ двома зборами назади та зъ двома крѹчками на бокахъ, для пистоливъ. Застебне той каптанъ гудзыками, пидвяже поясомъ и готовъ. А поясы робились або шалевы, або шовкови турецкои та перськои рукодін, широки та довги. Не таки, шо теперъ наши парубки носятъ, шо тамъ замотують ихъ по середыни живота та завязують спереди вузломъ, а таки, якъ ото черныци роблять попамъ; довжыни—аршинъ зъ десять, або й бильшь, а ширины четверти пивторы, або й зовсимъ дви. Края у ихъ робились позолочени, або посеребряни, а на самыхъ киньчикахъ привязувались шовкови шнурочки. Отъ, якъ треба козакови пидперезатьця, то винъ привяже поясъ шнуркомъ до гвиздка тай качаетця кругомъ, та такъ и намота на себе увесь поясъ. Потимъ шнурки завяже або позади себе, на спыни,

¹⁾ Бумажная ткань.

²⁾ Вершкомъ; красный вершокъ у нѣкоторыхъ называется «солодкимъ дномъ».

або на боку, а позолочени края зоставе спереди, на животу, та такъ и ходе якъ той лыцарь.

Поясы були разныхъ цвѣтивъ: зелени, червони, голуби, коричневи. Окрімъ такихъ довгихъ поясивъ носили запорожци и коротеньки, зроблени зъ кожи, або зъ волоса. Ци вже були такои довжыни, шо бѣ тилько обхопыть живить. На нихъ сзади навишувались кытыци, а спереду гапльчкы, пряжечкы, реминьчкы для пистоливъ, для люльки, кинжаливъ та шабли. Шабли носились нызько: якъ иде козаць, то вона за нимъ такъ и волочетця.

Отъ якъ надивъ запорожець червоный каптанъ, пидпырызавсь поясомъ, почиывъ на себе кинжалъ, повисывъ пистоли, шаблю, тоди вже винъ надива черкеску, або жупанъ. Це уже простора та довга одежа, до самыхъ кисточекъ, съ широкими рукавами, такъ наче пидрызникъ у попа, або оте плаття, шо надивають на себе по городахъ архырейськи пивчи. Черкеска уже була другого цвѣта, нижъ каптанъ: якъ каптанъ червоный, то черкеска або голуба, або сыня. Вона була тежъ на зборахъ та на шнурахъ, уся золотомъ гаптована, зъ разными полосками, повымалеваными та позакарлючыными, съ позументами, гапличками, гудзычками, по тонкому дроту и съ широкими-преширокими рукавами съ прорихомъ, або, якъ тамъ кажуть, зъ роздерами, чи зъ роспорами ¹⁾). Роспоры ци робились якъ разъ у тому мѣсти, де згинаетця рука по локтю, четверти пивторы удовжъ; внизъ за роспорами иде вже штыый рукавъ, а нише его заковраши, чи, по нашому бѣ, завороты, зроблени зъ голубого бархату. У таки рукава просовували руку або прямо черезъ заковраши, ти, шо на коньцяхъ рукавивъ, або черезъ роспоры, ти, шо по середыни рукавивъ. Якъ рука просунута прямо чрезъ заковраши, тоди рукавъ черкески прыстегувавсь гапличкомъ, коло самои кысти, до рукава каптана, видъ чого й выходило, шо коло кысти рукавъ черкески бувъ узенькій, а выще, до локтя, широкій та ще й зъ роспоромъ. А якъ же рука просунута черезъ

¹⁾ Иначе съ вылетами.



Ч. II. Рис. 6.

Запорожські баклажки, зібрання Я. П. Новицького
и И. Е. Рѣпина.

ропзоры, тоди выходило, шо на кожній руци козака надиго було наче три рукава: два лежать, а одинъ зъ зади метляетця. Ти, шо зъ зади метлялись, можно було заложити за спину и вмести звязати тамъ. Видъ чого и выходило, шо якъ иде запорожець верхы, зъ завязанными рукавами, то здаетця, шо сзади его прироблени крыла. По тямъ-то крыламъ и признають було здали запорожця. Поверхъ черкески инколи надивалась ще керей, — це вже одіянне зовсімъ довге, по сами пяты, зроблене або зъ кожи, або зъ вовны, безъ рукавивъ, схоже на плащъ. Отъ яка одежа! Така одежа, шо винь одніей сорочки не продасть за сто рубливъ; якъ иде було по вулицы, такъ наче звиздяный, або квітцями уквичаный.

До ціи вже одежи, широко та просторон, прыстали и широки та простори штаны, изъ сукна, изъ нанки, изъ кожи, на обое боки зъ карманами: и тутъ карманъ, и тутъ карманъ, и обыдва обложени зверху золотыми позументами. Цвитивъ усякихъ, а найбильшь сынего. Матни въ штаняхъ робились таки, шо ажъ до земли доторкались: такъ, якъ будто шось таке волочетця. Якъ иде козаць, такъ й слиць за собою мете. До штанивъ прыгонялись довги очкуры, шовкови, або шерстяни, зъ золотыми китыцями на обохъ коньцяхъ. Холоши штанивъ носились поверхъ голяныщъ, — не такъ, якъ теперь, шо закладують ихъ за чоботы, а поверхъ чобитъ; вони привязувались до голяныщъ срибными пидвязками, або шовковыми шнурками зъ золотыми, або срибными китыцями по краяхъ. Тай сами пидвязки привязувались такъ, шо ихъ, окромя кытиць, и не видис було. Якъ иде запорожець, то тилькы й побачишь, шо изъ-пидъ его штанивъ китыци тилипаютця.

Пидъ штаны вже набувались чоботы, сапьянови, — жовти, зелени, червони, зъ золотыми, або срибными пидковками, зъ узенькими нисочками. Одъ чобитъ тилькы и побачишь, — шо ниски, або закаблуки: отакъ, бачите, запорожци напускали на нихъ штаны. Здалека здаетця, наче то баба въ спидныци стоять, а якъ иде козаць, то наче парусъ роспускае. А шырыня така, шо въ янчи штаны можно штукъ тридцять кавунивъ вложити;

якъ дванадцять аршинъ матеріи, то такі штаны звуться рясни. а якъ пятнадцять, то зватимутця зъ достатку.

Теперь вы бачите, яка була одежа у запорожцівъ, тилько це не повсєгдашня, а праздникова; дома вони, у будень та ще й на роботѣ, недуже роскишно обряжались. Бувало такъ, шо обрыє запорожець соби голову, заправе оселедець за вухо, завьяжетця ганчиркою, натягне на себе ошончину, надине изъ свынячої шкуры патиночки тай ходе. А инчий піймає козу. обдере їи, облупе кожу, вычисте, одинетця, обуе такі постолы. шо кожа у вершокъ товщины, а у двѣ четверти довжини, таи чвалѣ соби. А инчий такъ ищѣ краще: або вырядитця у такі постолы, шо въ нихъ можно Днипро переплысти, або на одну ногу натягне постоль, а на другу сальянъ та ще й спива:

«Одна нога у постолѣ, а друга въ сальянѣ,
Подывися, Ганно, якій постилъ гарный.
Чи сей, чи сей? чи сей, чи сей?»

А то ще лучше: зовсимъ голый; тоди й выходе, якъ тамъ кажутъ, увесь Хвесь:

«Куды схоче, туды й скаче,
Нихто за нимъ не заплаче»...

У день чоловикъ, а въ ночи звирюка.

— Теперь хотилось бы мнѣ знати, диду, яке воно було оружїе у запорожцівъ.

— Оружїе у ихъ було добре, дуже добре, усе вбране въ золото та въ сребро, на оружїе та на коня вони все богатство свое покладали. То и не козакъ, якъ у него погане оружїе. Були у ихъ и пушки, тилько мало: нащо имъ пушки, якъ у ихъ добри кулаки були? Були у ихъ и шабли, и pistols, и келепы. и списы (см. табл. VII). Шабли були у запорожцівъ прости, не дуже закрывлени, и не дуже довги: якъ пять четвертей, то й добре. а тилько шо вони гостри такі були якъ огонь: якъ рубне кого, то такъ надвое и росколе: одна половина головы сюды, а друга туды. Pistols робились коротеньки, такъ, мабутъ, четверти двѣ не бильшь, тилько дула у ихъ простори. Вони



Ч. II. Рис. 1.

Ружье, кинжалъ и сабля.
Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

заряжались кулями, або оливьяными, або чавунными, зъ горобьяче яйце завбільшки, носились на пояси. по два на кожному боци. Келепы (см. табл. VIII) робились изъ стали, шобъ дѣше було розбивати панцѣри, — ти, шо носили лядьски войска, та бити по голови шишихъ ворогивъ: келепомъ усюды ¹⁾ якъ влуче, то вже не будешъ жити; отождь и спивають въ псняхъ:

«А козакъ козацкій звичай знае:
Келепомъ по ребрамъ торкае»

Списы (см. табл. VIII) робились довги, аршинъ пять, на легенькихъ дѣвкахъ, покрашенныхъ червоною та черною краскою, такъ якъ ото красять стовпы, шо на шляхахъ стоять та версты показують; а на ничихъ дѣвкахъ робився ще й перепелъ ²⁾ залізний, це вже для того, шобъ, якъ проткнешъ чи тамъ татарина, чи турка, наскризь списомъ, такъ шобъ винъ згаряча не пройшовъ по спису ажъ до самыхъ рукъ та не схопився бъ знову бытця; бо иншому и живить роспоришь списомъ, а у него и кровь не брызне, винъ и не чуе, та впьять лизе битця. Де яки списы робились на обидва боки: залізка и на цей край и на той; и на цей край кладе, и на той; такъ якъ пробижить, то й вульця. Списы служили запорожцямъ и замисть мостивъ на болотахъ: якъ доидуть де-небудь до топкого мѣста, то заразъ кладуть одинъ за однимъ два ряда списивъ. — у кожному ряду списъ и вдовшь и впоперекъ, — та по нимъ и переходять: першій пройдуть и розберуть, останавлюютця на другому и мостють изъ першого третій. Та такъ и перебираютця. Окромъ пушокъ, шабель, пистоливъ, келепивъ, списивъ були у ихъ и рушныци, и кинжали (см. табл. VII), и ножи, и якирци, таки, шобъ роскидати пидъ ноги татарскимъ конямъ; воно зъ тремя рижками: якъ его не положешъ то все одинъ рижокъ стырчить у гору (см. табл. VIII). Усего треба було. Це все окримъ пушки, и у мене було; була й одежа, була й зброуа, такъ я три разы на своимъ вику

¹⁾ Разказчикъ показываеъ при этомъ или на голову или на бокъ.

²⁾ «Перепелъ» — перепонка.

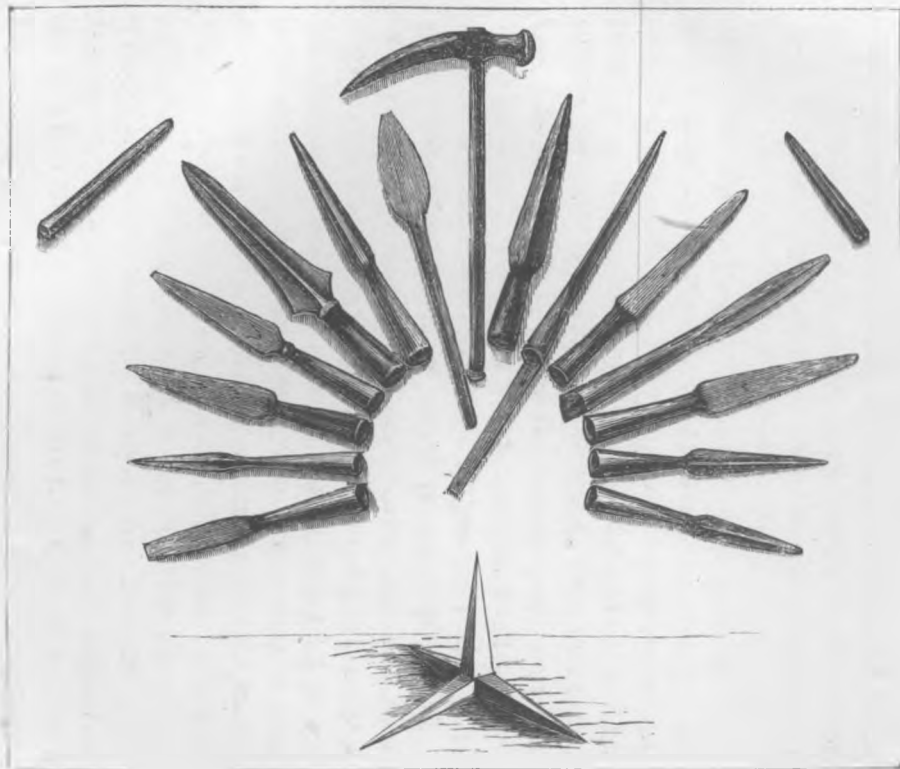
горивъ, оттого у мене всякого добра богато попропадало, а то були коло мене и такі люди. шо мое добро пораскрадали. Изъ всего того мени найдорогша була шабля, стальна, зъ золотою ручкою и съ китыцями. уся закрывлина и гостра—гостра наче бритва, а пыхвы до нея уси уложени були дорогими каминями. Була й збруя: вудела, сидла, стремена, бляхи,—таке, якъ надинешъ було на коня, такъ воно такъ и сие на сонщи.

— Яки жъ до такой збруи були у запорожцивъ кони?

— Кони у нихъ були такі, шо вже!.. Одно слово, якъ зміи... Було якъ поназдуть до корчмы, то все выхваляютьца ими та вызывають одинъ другого, хто лучше сяде на коня, шобъ не перевишты на нему сидла. Отуть коло мого батька живъ запорожець Смыкъ; страшный козарлюга бувъ! Винъ такой бувъ, шо чоловікъ дванадцать захищавъ, а воны его й не визьмутъ. Такъ цей Смыкъ поставе було одну ногу у стремено, а другу на землю, та однією рукою визьметця за гриву, а другою обипретця на свисъ, та такъ, якъ муха, и вскоче на коня, а кинь якъ укопаний стоить. А другій бувъ такой запорожець, Явиръ, якъ напъетця було, шо й на коня не взлизе, тоди й крычить: «Повзи»! То винъ передни ноги протягне впередъ, а задни назадъ тай повзе. Якъ почуе, шо козаць уже а спыни, тоди підниметця тай гайда. А якъ сяде запорожець на коня, то орудуе ногами: куды хоче, туды й поверне.

— А дежъ вони такихъ коней кунували?

— Покупка у ихъ дешева була: у татаръ займали. Украсти у татарина—це саме перше дило у запорожцивъ. Съ татарами вони, якъ коли, то и дружать, умисти и люльки курють. а якъ выдывлятьца, де у ихъ шо лежить, то вже стягнуть. А найбільшь коней крали. Оце підкрадутця потихеньку до табора, де сидять татары тай дивлются, чи вси воны тамъ, а ти й не бачуть ничого: «гала-гала! гала-гала»!.. Тоди запорожци потихеньку одлизуть отъ табора та до коней; штукъ пятьдесятъ, або шестьдесятъ займутъ, мерщій повскакують на нихъ тай повтибають. Татары за ними: «Чуга-чуга! чуга-чуга»! кры-



Ч. II. Рис. 8.

Копья, келеса и якиръци, собранія Г. П. Алексѣва,

чать гонятця та изъ пистоливъ лущать. Такъ-де тоби? Запорожцямъ те й байдуже. Вони тилько сидять та по-татарськи прикрываютъ: «Чопъ-чопъ! а ну, чопъ-чопъ!» Доскочуть до Днипра, переплывуть ричку и сидель не замочуть. Попереду всихъ летить ватажокъ, а за нимъ уже други: хто за хвистъ коневи почепитця, хто за гриву та такъ и плывуть. Переплывуть, заразь до корчмы. по одній коняци за три полтыны штуку продадутъ, гуляй, панове-молодцы! Були у ихъ и татарськи вони, були у ихъ и свои кони, були и куповани.

— А було за-вищо имъ купувати?

— Ще бъ таки! У ихъ гроши по всякій часъ водились. Ходили у ихъ и золоти, и срибни, и мидни гроши; тилько бамажокъ не було. Були у ихъ и карбованьци, и полтынники, и копійки,—руськи гроши; були у ихъ и парычки и левки,—турецьки гроши; були злоти, талары,—лядськи. Имъ треба було разныхъ грошей заводити: сегодня запорожець торгуетця зъ москалемъ,—треба московськи гроши; завтра торгуетця съ туркомъ,—треба турецьки гроши; а тамъ торгуетця зъ ляхомъ,—треба лядськи гроши. Лядськи гроши були бильшь золоти, турецьки бильшь срибни, тоненьки таки, наче рыба луска, а руськи—самый миднякъ. За грошами у запорожцивъ жалю не було. Оце було пидъиде до коваля, выставе ногу тай крычить: «На, куй чобить». Той пидкуе, а винъ ему пригоршь грошій кине тай пойде. Винъ увесь у грошахъ ходивъ. Якъ треба було стреляти, то винъ стріляе кулями, а якъ не стане куль, стріляе греями, а потимъ шагами, а потимъ мидными,—заряде тай дие. Вони якъ повидали Сичу, то несли съ собою и всю свою казну; потимъ кой-яки позакоцували ин у землю по разнымъ прыгметамъ ¹⁾, а кой-яки поскладали у бочонки та поспускали ихъ на зализныхъ цепахъ у рички.

— Такъ отъ якъ воно було!

— Будь бы то такъ!

¹⁾ У малороссовъ, въ произношеніи немногихъ словъ, есть буква г которую мы изображаемъ латинскимъ начертанемъ.

— Скажишь же мени теперь, дидусь, яке начальство було у запорожцивъ?

— Начальство разне було: у первыхъ ¹⁾ ходивъ у ихъ кошовый, — то его и хвамылія була, то его и вельчество; винъ ими усима голдувавъ; вони шидъ его полою и жили. Потимъ ходили у ихъ: осаули, писарь, отаманы, себъ то куренни. Оце вамъ и начальство. Тай те сказати вамъ: запорожци сами соби були паны, сами соби цари, сами соби и крестяне. Изъ себе жъ вони и всю старшину свою выбирали. Якъ выбираютъ кошового, то винъ довго усе одказуе, а вони все вмовляють: «Будь таки нашимъ начальникомъ, будь таки нашимъ батькомъ». Постановляють передъ нимъ уси клейноды, — бунчукъ, булаву, перначъ лытавы, печать, — та все просятъ (см. табл. IX). Довго обырають, а якъ уже выберуть, такъ такого, шо тилько держишь. Куды захоче, туды й поведе: не боитця ни вогну. ни кули. «Бый мене, каже, прямо въ груди, а я оцю саму кулю тоби й назадь кину». Якъ выберуть кошового, вже слухають его, якъ дити батька, абы тилько винъ бувъ добрый воляка; натежъ ему на голову и шлень надывають, якъ выбираютъ. Винъ бувъ самый старшій надъ усима; на выйни веде войська, а дома суде усихъ злѳдінвъ. Оце якъ хто кого обиде, то сперше суде его судья, а потимъ разборъ дилу дае кошовый. Отъ не помиритця тамъ яки-небудъ два козаки; були вони уже у судьи; теперъ идутъ до кошового. Расскажутъ ему усе дило, видъ началу и до киньця, и потимъ просятъ, шобъ винъ давъ имъ росправу. Кошовый выслуха и напередъ усего лаштуетця помирити противныкывъ. «Попрощайтесь, каже, козаки, бо грихъ тяжбу заводити». Козаки, якъ вони люди богобоязьки та слухьяни, заразь же и втыхомыритця: куплять горизки, выпьютъ и розійдутця. А якъ вони неугомони и неслухьяйни люде, то тоди кошовый уже ихъ суде: прыкаже обидчыку чи тамъ грошами заплатити, чи велить его наказати

¹⁾ Въ смыслѣ «первымъ изъ всѣхъ», а не «во-первыхъ».



Ч. II. Рис. 9.

Запорожскіе войсковые клейноды.

якъ-небудь. А наказували бильшь усею розками: оденчуть лозою тай годи. Це у ихъ найчастійшь, а бувало й такъ, шо палкыми по пятахъ, або кійками по идошвахъ били, изъ пистоливъ розстрелювали: выхопыть пистоль, бацне у груди, отъ ему й капуть,—це за измину. За измину жъ и путали: одрубать праву руку та ливу ногу. а потимъ ливу руку та праву ногу ¹⁾). А за дивчатъ до стовпа привязували. Стовпъ у ихъ ставляли на шляху и три кійки коло него клали, хто йде, то бери кіекъ та опяхни три разы привязанного тай идь, а не вдаришь, тебе битимуть. А злодівъ вишали на шибеняцю. Приставлють туды драбину, пиднимуть чоловика, накинуть ему на шію веревку, а потимъ драбину приимуть, и шабань. Поки ногами меле, поки душу отдасть.

Кошового слухають не тилько ти, шо въ Сичи, а й ти, шо по зимовникахъ та по бурдюгахъ вештаютця. Оце якъ война, то вже кошовый скризъ розсыла листы по-мижъ козаками,—де хто е, шобъ ишовъ воювати. Забижить розсылный одъ кошового и въ бурдюгъ: «Отакъ и такъ. каже. идить чи тамъ на раду. чи тамъ на війну, такій-то и такій городъ брати». То вже и йдуть: нихто не сміе одказатця. Начальство свое запорожци держали и слухались его, доки нравилось: якъ не понравилось, выбираютъ другихъ.

— Ну, а скажить теперь, диду, чи здорови були изъ себе запорожци?

— Ростомъ вуйи були народъ середній, а тилько шо крепкій, дебелый, хвабрый, зъ виду мордастый, наче пообточуванный. Не знали вони ни «собъ», ни «пабе», видъ того и здорови були. Тоди така поведенція була, шо парубки годъ до двадцяти ходили безъ штанивъ и работою не дуже-то утруждали себе. Видъ того вони и здорови и довговични були. Теперь народъ слабый та порожній, здоровья нема и недовговичный: якъ девьяносто годъ проживъ, такъ не баче и стежки

¹⁾ Обыкновенно этотъ способъ казни назывался четвергованіемъ.

пидь собою, а тоди у сто литъ тилько въ силу вбрався. Довго жили тай весело. На войну було йдуть зъ радистью та съ смишками, а зъ войны вертаютця зъ музыками та съ пснями. Оце якъ провоювали, такъ и псню зложили, не такъ якъ теперь: воювали жъ зъ туркомъ, а шо жъ хочъ одну псню зложили? Ни одиои. А тоди чи побьють турка, чи пошарпають ляха, за-разъ же и псню зложать на той случай. А шо вже хвабри були. такъ и казати ничего: на вйни кули ажъ свистять, а имъ и гадки не мае. У Польщу було якъ ускоче, у якій го-родъ, чи слободу, та якъ розжене коня, то такъ браму и вы-нысе! А якъ щилымъ строемъ иде, такъ ажъ земля гуде.

— А чи правда тому. шо мижъ запорожцями були якисъ то ха-рактерники, таки, шо ихъ ни куля не брала, не шабля не рубала?

— Ни, чему не вирьте: це тилько одна балачка; вони жили по-божески, не знали вони ни якихъ чаръ; одъ нихъ и поганого слова не почувешъ; «скурвый сыну»,—ото у ихъ най-бильша лайка. Жили вони наче ченцы: жинокъ не трогали, а все воювались та молились Богу, и молились добре: знали и «Отче-нашу» и «Вирую». Бильшь усего молились якъ на вйну йшли. Вони службу церковну любили; вони й постыли и говорили, пидь великъ-день и паски святили, пидь хрещеніе куттю варили и взваръ робили. Де яки пидь старость у мона-стырь йшли; а якъ прїидуть було яки зъ нихъ по дилахъ чи въ Москву, чи въ Петенбурхъ, чи въ Кіевъ, то першь усего йдуть по церквамъ Богу молитьця, до мощей прикладуватьця та подаяніе духовнымъ давати. До церкви вони велике усердіе имили. Разъ якось обрали вони соби кошового Грыцька Лан-туха ¹⁾). А винъ дуже богобоязній бувъ чоловікъ: усе издивъ на прошу по городахъ. Прихавъ якось у Кывивъ, пишовъ по церквахъ, зайшовъ и въ главну, печерську церкву. Дивытця, ажъ тамъ канистасъ такій бідный-бідный та обидранный. По-дывывесъ винъ тай каже старшому архимандрытови: «А шо ты

¹⁾ Историческое лицо.

думаешъ, отче архимандрите? Зроблю я вамъ новый канистасъ». — «О, це велике дило, та чи можешъ тилько ты выстачити усею, шо потрибно на той канистасъ?» «Можу, каже; якъ не самъ, то всімъ запорожськимъ кошомъ». Тай пидрядывсь ажъ на двадцять тысячъ. Отъ якій канистасъ! Приїзжа на Сичу, збира усе товариство тай каже: «оттакъ и такъ, оттакъ и такъ... А шо, братци, збудуемо новый канистасъ до святой печерской церкви, шобъ божи угодники и объ насъ Бога благали». — «А шо жъ? Збудуемо, збудуемо, панс-отамане!» Отъ заразы зобрали двадцять тысячъ карбованцивъ и виддали кошовому. Кошовый зложивъ ихъ до купы, угорнувъ у паперъ тай пославъ якимсь козакомъ ажъ у самый Кіивъ. Прихавъ той козакъ у Кіивъ, прыйшовъ до главнои печерской церкви тай пыта у ченцивъ: «А де тутъ у васъ найстаршій архимандритъ живе?» Ему показали. Пидійшовъ винъ до того архимандрита, такъ у чому бувъ: у червоній куртци та въ широкихъ штанихъ, — пидійшовъ до того архимандрита, узявъ обома руками благословеніе, та потимъ и вытяга изъ кишени паперъ. Архимандритъ дывитця на него. Вытягъ и подае. Нема на тому паперу ни пидписа, ни печати. Архимандритъ узявъ у руки тай пыта: «Шо це таке?» — «Та це батько кошовый приславъ вамъ двадцять тысячъ карбованцивъ на построеніе канистаса у главноій печерській церкви». «Эге, та яка жъ у васъ на Сичи и простота! Така велика сума тай незанечатувана та ще й безъ пидписа». «Та намъ, отче, и писати николи. Тай на-що? Мижъ нашимъ товариствомъ крадишки не бува». «Добри у васъ звичаи! це й намъ треба у васъ перенимати... Ну, скажи жъ велике спасыби пану кошовому та передай ему оци дви иконы на благословеніе».

— А чи були жъ у самыхъ запорожцивъ духовни?

— А якъ же? У ихъ були и поны, и дяконы, и паламари, тилько усе изъ ченцивъ. А може були таки, якъ и вони: такъ понабигали. Вони держали ихъ и въ Сичи и по зымовникахъ, де були церкви, хіба у глухому степу, де ни церкви

ни людей, то тамъ же и духовенства не було. Та вони й сами таки були грамотні, що и въ церквахъ на крылосахъ могли правити.

— Такъ отъ якъ вони жили! А дежъ вони хоронили своихъ покойныківъ?

— Якъ умиравъ козакъ у Сичи, то тамъ було особе кладовище, тамъ и хоронили его, а якъ умиравъ на зимовнику, то его хоронили або середъ степу, або на березу річки, або де въ балци, чи выбальци: де живъ, тамъ и хоронили. А хоронили при всимъ козацькимъ убранстві у каптани, черкесци, у сапьянахъ, у шапци, ще й при оружіи. Гробы робили изъ сосныны, изъ дубины, изъ вербыны; у гробъ ставляли иноди и пляшку зъ горилкою. а иноди ще черепьяну люльку. Оце вмеръ козакъ. «А ну-мо, товариши. поставымо ему пляшку горилки у головы, бо покойныкъ любивъ и!» Тай поставляють. То зъ роскоши!.. Зверху насыпали високу могилу, а поверхъ могилы ставили камьяный хрестъ, зроблений самымъ покойныгомъ ще за живота. Ото жъ и спивають нисню:

«Що взявъ козакъ за жиночку
Высокую могилочку, зеленую долиночку»

— Такъ отъ якъ воно діялось!

— Такъ именно и діялось.

— Теперъ уже наче все мы перебалакали: скажить, дидуно, де вони дились, ти запорожци?

— Де дились запорожци? Зійшли геть!

— А чого жъ вони зійшли геть?

— Не помырылись, бачьте, съ нарыцею Катериною, такъ вона й прогнала ихъ видциля... Бачьте такъ, що покозакували-покозакували собі тай подались геть. Де яки нишли индъ турка, а де яки позаставались и тутъ; тоди и мій батько отутъ саме силы. Передъ тимъ якъ выгонять запорожцивъ, такъ тутъ проихавъ Потемка; винъ выдывывсь усю справу запорожцивъ тай зигнавъ бидолахъ звидциля. А пилса него уже бигла тутъ сама царыця, оглядала усе степы.—ось тутъ, на балци Камь-

янци, понызче Чернышевой, а повызче Новопавловки. и мыли ставили, де вона пробигала. Мени тоди було такъ, шо годъ шестнадцять... Эй, гирко прийшлось бидній сыроми! Тоди ото й писню зложили до зруйнування Сичи, шо, каже:

«Ой пишли, пишли славни запорожци
А не пишки, дубами;
А якъ оглянутця до славной Сичи,
То вмыютця слезами...

— И куды жъ вони пишли?

— Далеко и на далеки земли: ажъ на Дунай, пидь турка. Довго вони тамъ жили, ажъ поки не обрали соби за кошового Осыпа Гладкого; такъ той уже перевивъ ихъ знову сюды. Колы чули, есть Черноморьски козаки, такъ то запорезьского званія. Те, та не те!

На этомъ я и покончилъ свою бесѣду съ Иваномъ Игнатовичемъ Россолодой. Въ заключеніе я выразилъ желаніе осмотрѣть мѣсто бывшего бурдюга отца Россолоды. и старикъ съ готовностью показать мнѣ. Мѣсто бурдюга находится въ огородѣ меньшого сына Ивана Игнатовича. Ивана; оно имѣетъ восемь аршинъ длины и четыре ширины: около него росла верба, посаженная еще отцомъ Ивана Игнатовича, но недавно срубленная сыномъ послѣдняго. «Уже я его пополаявъ за ту вербыну. Воно бувъ поставленъ коло бурдюга стовпъ вербовый, та той стовпъ принявся, и выросла изъ него вербына, а винъ (сынъ) визьми тай зрубай и». У Ивана Игнатовича отъ отца оставался еще «вмшаныкъ», т. е. погребъ для зимовки пчель, но онъ уже давно завалился; теперъ отъ него осталась лишь одна яма. находящаяся въ огородѣ другого сына Ивана Игнатовича, Самойла.

Близъ двора Ивана Игнатовича Россолоды. въ огородѣ крестьянина Прокопа Шила, есть интересное мѣсто, достойное вниманія археологовъ: среди совершенно ровной поверхности земли образовалась впадина, въ видѣ правильного четырехугольника. въ которомъ каждая изъ продольныхъ сторонъ имѣетъ по 20 аршинъ. а каждая изъ поперечныхъ—по шести аршинъ. «Якъ орешъ оце

место, то земля наче бухкотыть; а весною у оцю росколюку усе крыга сунетця. а вода ажъ реве. и не выдко, куды вона выходе звидтля. Якось мы взяли коляку, сажень пять довжыни, тай давай и забивати у росколюку, такъ вона уся увійшла, а дна и не достала. Шо воно таке есть, не можемо розибрати; тутъ якось нашли горщикъ зъ якимь нарядомъ: пряжечками, гапличками. ремничками; тутъ же нашли и стрилку якусь, нижъ стальной. посудыну склянну. Чи не лехъ це запорожскій?»

На разстояніи около двухъ веретъ отъ острова Томаковки стоить деревня Марьевка, принадлежащая владѣлицѣ Е. М. Очеретьковой. Возлѣ Марьевки, въ балкѣ Отченашковой, обращать на себя вниманіе песчаниковый намогильный крестъ, высоты съ небольшимъ полтора аршина. На немъ сдѣлана надпись, къ сожалѣнію попорченная дробью: крестъ служилъ мишенью для выстрѣловъ какихъ-то неучей, родственниковъ владѣлицы. Изъ попорченной подиси съ трудомъ можно было разобрать только слова: «Миръ—рабъ божій козакъ... Павло Гориско... мѣсяца ноября года»...

На разстояніи около пяти веретъ отъ села Чернышовки, въ балкѣ Каменкѣ, стоятъ два намогильныхъ запорожскихъ креста съ надписями. Изъ нихъ первый совсѣмъ вошелъ въ землю, а другой еще стоить надъ землей. въ огородѣ крестьянки Просяничниковой. и имѣеть съ восточной стороны надпись: «Зде опочиваетъ рабъ божій висилій колядумишній шкуринскій преста-вися 1756 году мѣсяца апрѣля 2 дня». Мимо балки Каменки изъ-подъ острова Томаковки идетъ Рѣчище съ двумя притоками: съ правой—Тарасомъ и Прогномъ. и съ однимъ притокомъ съ лѣвой стороны, Днѣприщемъ. т. е. мѣстомъ, гдѣ проходилъ старый Днѣпръ, вправо отъ теперешняго Днѣпра. Ниже этихъ трехъ притоковъ идетъ другой, съ правой стороны. Старое-Рѣчище,—рукавъ теперешняго Рѣчища. отдѣленный отъ перваго Плавенымъ островомъ; ниже второго Рѣчища начинается лиманъ, который идетъ изъ устья балки Каменки и соединяется съ Рѣчищемъ у Лысой-горы, подъ селомъ Новопапавловкой. предметемъ

Никополь. Все это пространство, отъ села Чернышовки и до села Новопавловки, водою, опредѣляется въ семь верстъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе какъ самая Лысая-гора, такъ и то кладбище, которое находится непосредственно у горы. Названіе «Лысая-гора» встрѣчается еще у извѣстнаго Эриха Ласоты, въ 1594 году ¹⁾. По своей обнаженности эта гора дѣйствительно можетъ назваться Лысой, но по почвѣ ее можно было бы назвать Красной, потому что она вся состоитъ изъ красной глины. Высота ея—около двѣнадцати саж.: въ сущности—это не больше, какъ мысъ, омываемый съ одной стороны Днѣпромъ, а съ другой Лиманомъ, мысъ совершенно отвѣсный, ежегодно обрушивающійся въ Днѣпръ. Съ самой вершины Лысой горы открывается великолѣпный и далекій видъ, по направленію къ сѣверу и востоку, и на весь островъ Томаковку съ его курганами и известняковыми копиями и на весь песчаный, открытый лѣвый берегъ Днѣпра. Съ южной стороны къ самой Лысой горѣ примыкаетъ запорожское кладбище, а тотчасъ за кладбищемъ начинается село Новопавловка. Длина всего кладбища—22 саж., ширина—16 саж.; въ самой срединѣ его возвышается небольшой курганчикъ. По разсказамъ старожиловъ, еще въ недавнее время на кладбищѣ стояло очень много каменныхъ крестовъ съ надписями, но теперь уцѣлѣлъ лишь одинъ такой крестъ. Онъ имѣетъ полтора аршина высоты и одну четверть толщины. Съ восточной стороны на немъ сдѣлано обычное распятіе, а съ западной вырѣзаны слова: «1729 Року мѣсяци іюля 10: zde опочиваетъ рабъ божіи василій гайдукъ товаришь куреня левушковского»:

¹⁾ Путевыя записки, Одесса, 1873 г., стр. 52.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Закряче воронъ степомъ летючи,
Заплаче зозуля лугомъ скачуче.
Заврюкають кречеты сызи,
Зажахаютця орлы хыжи
Та все, та все по своихъ братахъ.
По буйныхъ товаришахъ козакахъ.

Народная пѣсня.

Теперь мнѣ предстояло осмотрѣть мѣстечко Никополь, гдѣ была слѣдующая послѣ Томаковской Сичи Микитинская или Микитинская Сича. Никополь, или по старинному Микитинъ-рогъ, Микитинъ перевозъ, Микитина застава, Микитино, есть мѣстечко екатеринославской губернии и уѣзда, вторая пристань на рѣкѣ Днѣпрѣ ниже пороговъ. Никополь расположенъ на правомъ, очень возвышенномъ берегу Днѣпра; мѣстоположеніе его — одно изъ самыхъ красивыхъ на всемъ протяженіи рѣки отъ г. Александровска и до г. Херсона. Уже не доѣзжая до Никополя, путешественникъ видитъ прекрасную, какъ бы висящую въ воздухѣ пятиглавую церковь съ ея высокой каменной колокольней, по обѣимъ сторонамъ которой и живописно, и симметрично обрисовываются небольшіе съ зелеными или черными крышами домики, обсаженные тополями, акаціями и темно-зелеными развѣистыми шелковицами. Все это вмѣстѣ придаетъ мѣстечку такой видъ, будто оно купается въ зелени садовъ. Самый Днѣпръ у Никополя раздѣляется на два рукава: лѣвый, собственно Днѣпръ, который идетъ прямо, и правый, такъ-называемая рѣчка Орлова,

которая, обогнувъ островъ Орловъ, идетъ направо къ Никополю. По послѣдней рейсируютъ и пароходы, такъ какъ она по своей глубинѣ и еще больше того по ширинѣ (до 250 саж.) можетъ поспорить даже съ самымъ Днѣпромъ.

Относительно наименованія мыса или рога Микитинымъ существуетъ такое, довольно вѣроятное, объясненіе. «Нѣкто Микита, предприимчивый малороссъ, плѣнясь разказами своихъ собратій, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрами — отъ оленя и дикой лошади до пугливаго зайца, плодившихся на обширныхъ островахъ его, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ басурманъ, съ которыми издревле Украина вела войны, — этотъ Микита поселился на мысѣ у Днѣпра, который и подучилъ названіе его имени — Микитинъ-ригъ. Предмѣстье Никополя и теперь носитъ названіе Микитине»¹⁾.

Когда же именно и къмъ основана на Микитиномъ-рогѣ Запорожская Сича? По сказанію Дзѣвовича, Микитинская Сича основана на Микитиномъ-рогѣ во время возобновленія крѣпости Кодака, т. е. 1638 году, нѣкимъ козакомъ Ѳеодоромъ Линчаемъ. Но почему запорожцы оставили свою Сичу на Томаковѣ и перенесли на Микитинъ-рогъ — объ этомъ ни Дзѣвовичъ и никто другой не даетъ намъ указаній. Однако пребываніе запорожскихъ козаковъ Сичею на Микитиномъ-рогѣ несомѣнно. На это мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, и весьма достовѣрныхъ писателей, исключая, впрочемъ, Боплана и Эриха Ласоты, изъ коихъ первый совсѣмъ не упоминаетъ о Микитинѣ, а другой ограничивается весьма краткимъ сообщеніемъ о немъ. «Мы дошли до Никитина-рога на лѣвой русской сторонѣ и немного выше, до небольшого острова, гдѣ переночевали»²⁾.

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса, IX, стр. 523.

²⁾ Пут. зап. Эр. Ласоты. Одесса, 1873. стр. 51. Ласота вѣдалъ на этотъ разъ вверхъ противъ теченія Днѣпра.

77509.



Но если у Боплана мы ничего не находимъ о Микитинѣ, а у Ласоты лишь краткое извѣстіе о немъ, то за то другіе писатели дѣлаютъ пребываніе запорожскихъ козаковъ на Микитиномъ-рогѣ несомнѣннымъ. Такъ, Мышенскій, представляя порядокъ запорожскихъ Сичей, между другими, говоритъ и о Микитинской, «которое урочище состоитъ на правой рукѣ берегу, противъ Каменнаго затону ¹⁾... При оной рѣкѣ (Пидпильной или Орловой) имѣется урочище Микитино, гдѣ въ древніе годы бывали запорожскія Сѣчи. При ономъ урочищѣ имѣется ретранжементъ, построенный отъ россиянь въ прежнюю турецкую войну, гдѣ, при ономъ урочищѣ, оставленъ былъ обозъ, въ командѣ гетманскаго сына Поповича ²⁾. То же свидѣтельство подтверждаетъ и Ригельманъ въ своемъ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» ³⁾; это же принимаетъ и Бантышъ-Каменскій ⁴⁾, а вслѣдъ за нимъ и Маркевичъ ⁵⁾. Сича Микитинская освящена пребываніемъ бывшего одно время на ней Богдана Хмельницкаго. Это было уже въ началѣ исторической дѣятельности знаменитаго гетмана. Хмельницкій содержался въ тюрьмѣ въ с. Бужинѣ, чигиринскаго повѣта, кievской губерніи и, по предписанію короннаго гетмана Потоцкаго, долженъ былъ подвергнуться смертной казни, какъ человѣкъ, завѣдомо стоявшій во главѣ народнаго возмущенія прогивъ польскаго правительства. Но въ то время, когда въ Бужинѣ пришло такое грозное предписаніе, казнить уже некого было. Хмельницкій съ сыномъ своимъ Тимошеемъ убѣжалъ на Запорожскую Сичь ⁶⁾. Запорожская Сича была тогда на Микитинскомъ-рогѣ; Хмельницкій

¹⁾ Теперь сл. Малая Знаменка или Каменка, таврической губ. мелитопольскаго уѣзда, въ двухъ верстахъ ниже Никополя.

²⁾ Исторія о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 10 и 69.

³⁾ Москва, 1847 г. Часть I, стр. 2.

⁴⁾ Исторія Малоросс., Москва, 1842 г., т. II, прим. 10.

⁵⁾ Исторія Малоросс. 1842 г., стр.

⁶⁾ Хмельницкій сперва помѣстился на о. Томаковѣ, или Бурцѣ, теперешнемъ Городищѣ, а потомъ, непріязненно встрѣченный здѣсь «личчаивнамъ», удалился на Микитинскую Сичу.

прибыль туда 11 декабря 1647 г.»¹⁾ Онъ собралъ въ Сичи раду и на радѣ сказалъ трогательную рѣчь, которая глубоко запала запорожцамъ въ сердца и которая подвинула ихъ на высокій подвигъ освобожденія Украины отъ польскаго ига. «Вѣра наша святая поругана... Надъ просьбами нашими сеймъ поглумляется... Нѣтъ ничего, чего бы не рѣшился съ нами сдѣлать дворянинъ... Войска польскія... ходять по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки истребляютъ до тла, какъ будто замыслили истребить родъ нашъ!.. Отдали насъ въ рабство проклятому роду жидовскому. Смотрите на меня, писаря войскового запорожскаго, стараго козака... меня гонять, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ... Къ вамъ уношу душу и тѣло; укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя: и вамъ то же угрожаетъ»²⁾ Такимъ образомъ на Микитинской Сичи Богданъ Хмельницкій нашелъ себѣ пристанище, услышалъ первый откликъ на защиту всей Украины, здѣсь онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны «добрыхъ рыцарей» сражаться за униженіе предковской вѣры, и за оскверненіе православныхъ храмовъ; здѣсь же Хмельницкій, выбранный на общей козацкой радѣ гетманомъ всего запорожскаго и малорусскаго войска, самъ того не сознавая, положилъ начало осуществившемуся впоследствии слитію въ одно политическое тѣло Малороссіи и Великороссіи.

Но Сича Микитинская, также какъ Хортицкая, Базавлуцкая и Томаковская, существовала не долго, по крайней мѣрѣ не долѣе 1652 года, такъ какъ съ этого времени начинается свою историческую роль слѣдующая за Микитинскою Сичею, Сича Чортюмыцкая. Въ 1669 году, въ договорѣ поляковъ съ русскими (въ Андрусовѣ), Микитино именуется уже не Сичею, а перевозомъ; а съ 1734 года оно дѣлается уже селомъ, гдѣ кромѣ коренныхъ жителей имѣютъ свое мѣстопробываніе и должностныя отъ Сичи лица: шафарь и подшафарій, писарь и

¹⁾ Костомаровъ. Богд. Хмельницкій. Спб. 1870, т. I, стр. 78.

²⁾ Марковичъ. Очеркъ исторіи зап. казач. Спб., 1878 г., стр. 52. См. также разсужденіе о запорожцахъ Г. Миллера, Москва 1848 г., стр. 51.

подписарій—лица, которыя отбирають деньги у проѣзжихъ за переправу черезъ Днѣпръ, доставляютъ ихъ въ общую войсковую казенницу и ведутъ о томъ приходо-расходныя книги. Кромѣ того, здѣсь-же была таможня, содержались караульные козаки, пограничный комиссаръ отъ московскаго правительства для разбора спорныхъ вопросовъ между запорожскими козаками, съ одной стороны и татарами—съ другой. Сверхъ того, въ Микитинѣ жилъ толмачъ, иначе переводчикъ, знавшій кромѣ русскаго языка языки турецкій и татарскій и снабжавшій всѣхъ ѣхавшихъ въ Крымъ и далѣе за-границу билетами на турецкомъ или татарскомъ языкѣ. Впрочемъ, какова-бы ни была роль Микитина, но оно, какъ село, было въ то время и далеко нелюдно и далеко небогато: въ немъ жило всего лишь до 40 хатъ семейныхъ жителей и до 150 должностныхъ козаковъ, а все богатство его выражалось 300 зимовниковъ, принадлежавшихъ ему. Въ такомъ видѣ и оставалось Микитино до 1775 года, того рокового въ исторіи Запорожья года, когда козаки, потерявъ политическое бытіе, частью ушли къ туркамъ, частью-же остались на родинѣ и наполнили собою разныя семейныя запорожцевъ, жившихъ по отдаленнымъ отъ Сичи зимовникамъ. Тогда-то и Микитино возросло въ численности своихъ жителей. Въ 1764 году оно вошло въ составъ сель учрежденной тогда новороссійской губерніи; 1782 году, по волѣ князя Григорія Потемкина, въ то время новороссійскаго губернатора, Микитино было переименовано изъ мѣстечка въ уѣздный городъ Никополь (Nikopolis—городъ побѣды), но спустя годъ Никополь изъ уѣзднаго города снова переименованъ въ мѣстечко, каковымъ остался онъ и по настоящее время. Теперь это торговое, промышленное и довольно людное мѣстечко (за 12 тысячъ жителей), имѣющее пять большихъ школъ, почту, телеграфную станцію, аптеку, двѣ церкви и до сотни лавокъ. Оно раздѣляется на концы: Микитинку, Довголевку, Лапинку и собственно Никополь или среднюю часть. Изъ церквей главная—Покровская, деревянная, построенная въ 1796 году съ

такую-же колокольной, придѣланной къ церкви въ 1806 году, и кладбищенская, каменная, построенная въ 1858 г. съ каменною колокольной, построенной въ 1865 году. Первая церковь, деревянная, построена была въ Никополѣ еще въ 1734 году запорожскими козаками. Однако, эта первая церковь была уничтожена пожаромъ. Тогда запорожцы соорудили новую церковь во имя Покрова пр. Богородицы, также деревянную съ одною банею (куоломъ), по примѣру крыжовой (католической), съ иконостасомъ «увязаннымъ на полотнѣ». Когда это было—неизвѣстно, но въ 1777 г. эта церковь считается уже обветшавшей и въ ней «хотя сего 1777 года, генваря 23 дня, по опредѣленію Словенской консисторіи, преосвященнымъ Евгениемъ, архіепископомъ Словенскимъ подтвержденному, и опредѣленъ былъ священникъ Петръ Рассевскій, ... но нынѣ означенная Никитская Свято-Покровская церковь остается безъ священниковъ, праздною»¹⁾. Вслѣдствіе отсутствія положительныхъ данныхъ, нельзя ничего сказать о томъ, была-ли на Микитинѣ еще при существованіи тамъ Сичи постоянная церковь или нѣтъ. Преданіе, впрочемъ, разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ положительномъ.

Въ настоящее время въ Никополѣ отъ бывшей запорожской Сичи не осталось и слѣда. Не болѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, у теперешняго Никополя, вмѣсто настоящей рѣчки Орловой, была рѣчка Пидпильна. «Днѣпръ,—свидѣтельствуеть г. Карелинъ,—годъ отъ году размывая берега Пидпильной вливающимися въ нее струями, при весеннемъ половодіи, занялъ наконецъ весь лугъ и образовалъ рѣчку, называемую нынѣ Орловой»²⁾. Но этого мало. Мѣста, гдѣ была самая Сича знаменитаго Микитина-рога, совсѣмъ не существуетъ: оно смыто весеннимъ половодіемъ и унесено Днѣп-

¹⁾ Матеріалы для историко-статистич. опис. Екатер. Епар. Екат. 1880 г., т. I, стр. 64. См. также Записки одесскаго общества исторіи и древн. Одесса, 1867 г. т. VI, стр. 532.

²⁾ Карелинъ. Записки одесск. общ. ист. и древн., т. VI, стр. 524.

ровскою водой. Бывшая во время запорожцевъ у Никитина небольшая рѣчка Пидпильна теперь превратилась въ широкую рѣку Орлову.

«Во время Запорожья между Пидпильной и Днѣпрѣмъ красовался лугъ; по лугу разсѣяны были запорожскія могилы. стояла часовенка, гдѣ теплилась неугасаемая лампада. Тутъ росла дикая, развѣсистая, высокая груша, на этой грушѣ свилъ себѣ гнѣздо большой орелъ, отчего это мѣсто назвали Орлово. Днѣпръ въ одинъ изъ большихъ своихъ разливовъ слился съ Пидпильной, и образовалась рѣка Орлова, сдѣлавшаяся потомъ большимъ притокомъ Днѣпра; по ней-то въ настоящее время и идетъ пароходъ. И потекла, вобравши въ себя прежнюю Пидпильную рѣчку и лугъ, рѣка Орлова по запорожскимъ могиламъ, и цѣлые гробы запорожскіе нерѣдко она вымываетъ изъ могилъ и уноситъ водою въ даль. Толкуя это по-своему, мѣстные потомки запорожцевъ, для которыхъ дѣла дѣдовъ обратились въ благоговѣнное воспоминаніе и облеклись въ живое сказаніе, говорятъ: почували въ землѣ наши лицари-богатыри, что въ турецкии народу христіанскому горе-горькое, беда-бидовая, что бусурманниъ рѣжутъ ихъ за Дунаемъ, въ Анатолиі, и плывутъ они къ нимъ на помощь, на выручку, стать имъ въ великой пригодѣ, плывутъ и мертвые небі живые, въ Днипро-Словуту, до своего козацкаго батька; плывутъ въ своемъ нарядѣ боевомъ знакомой дорогой, къ бывшему Кизикерменю, старому Очакову, замыкавшему путь въ Черное море, которое наши козаки отпирали своими саблями, плывутъ они, какъ плыли когда-то они на выручку христіанъ въ самое гнѣздо бусурманъ, когда на своихъ бойкихъ чайкахъ громили татарскіе и турецкіе города, чинили расправу Кафъ, торговавшей человѣческимъ невольничествомъ, прогуливались по полуденнымъ берегамъ Черноморья, на Босфорѣ, на Дунаѣ, запаливали люльки Синопомъ, Трапезонтомъ, прожигали крылья Бѣлому-городу, давали нюхати пороху Царю-городу!!¹⁾»

¹⁾ Надхинъ. Память о запорожцѣхъ. Москва, 1877 г., стр. 65.

Мѣсто бывшей Микитинской Сичи можно возстановить только по рассказамъ стариковъ. Сича и при немъ кладбище находилась ровно на 350 саж. ниже теперешней пристани, у праваго берега Днѣпра, противъ того мѣста, гдѣ теперь стоятъ въ немъ мельницы, иначе говоря, противъ двора крестьянина Василя Ходарина, живущаго почти у самага берега рѣки. На мѣстѣ запорожской церкви стояла, еще не такъ давно, деревянная часовенка, высоты въ четыре саж. и кругомъ въ одну сажень. Ниже часовенки шла черезъ Днѣпръ переправа, старая козачья переправа, извѣстная у запорожцевъ подъ именемъ Микитинской. Въ этомъ мѣстѣ изъ Днѣпра просачивается небольшой проливекъ, Пидпильна. Возлѣ церкви было кладбище, занимавшее въ длину до 70 и въ ширину—до 100 саж., помѣщавшееся, по теперешнему, противъ двора крестьянина Ѳедора Рыбакова. Но все это, отъ напора весенней воды въ 1846 году, пошло вдоль по теченію Днѣпра. Берегъ, ежегодно обрушивающійся въ воду, обнажаетъ цѣлыя кучи козачьихъ костей, валяющихся въ небреженіи по песку; тутъ-же часто торчатъ полу-сгнившіе дубовые гробы, скрывающіе въ себѣ одни жалкіе остовы нѣкогда доблестныхъ и неустрашимыхъ козаковъ-рыцарей; между скелетами часто попадаются мѣдные крестики, иконки, цуговницы, кольца, а иногда и штофы, наполненные «оковитою», безъ которой запорожецъ не могъ обойтись, очевидно, и на томъ свѣтѣ.

Со времени пребыванія запорожскихъ козаковъ въ Никополь сохранились земляныя укрѣпленія, въ видѣ валовъ и рововъ, находящихся близъ кладбищенской церкви, вереть на пять отъ Днѣпра, по направленію къ юго-западу. Они начинаются съ южной стороны, у двора крестьянина Никиты Петренка, идутъ по-надъ дворами крестьянъ Павла Сидоренка, затѣмъ Семена Гребенника, Ѳедора Вязового и Григорія Дорошенка; отъ двора Григорія Дорошенка до вѣтренокъ, съ западной стороны, укрѣпленія имѣютъ пропускъ для въѣзда и потомъ вновь начинаются отъ вѣтренки крестьянина Дмитрія Хрипуна, затѣмъ новорачиваются къ востоку и идутъ въ огородъ караима Мардохая

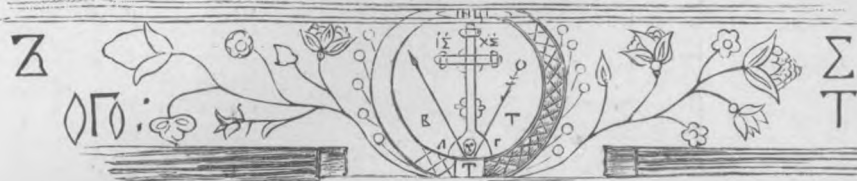
Бабаджана, далѣ черезъ загонъ Ивана Бабушкина, чрезъ огородъ Прокофія Демурѣ, черезъ дворъ Федора Безриднаго и отсюда уже совсѣмъ теряются. Въ общемъ, эти укрѣпленія имѣютъ видъ правильнаго круга и обнимаютъ собою очень большое пространство земли, по измѣренію г. Карелина, 750 саж. длины и 500 саж. ширины, захватывая собою всю базарную площадь Никополя и довольно большое число крестьянскихъ дворовъ. Трудно сказать съ точностью, къ какому времени относится данное укрѣпленіе; но если думать вмѣстѣ съ г. Карелинымъ, то оно насыпано жолнѣрами польскаго гетмана Потоцкаго, для наблюденія за дѣйствіями козаковъ, во время пребыванія на Микитинской Сичи Богдана Хмельницкаго ¹⁾. Впрочемъ, намъ кажется мало вѣроятнымъ такое предположеніе. И въ самомъ дѣлѣ, странно было бы допустить, чтобы запорожцы, жившіе въ Микитиной Сичи, позволили полякамъ насыпать крѣпость всего лишь на разстояніи какихъ-нибудь пяти верстѣ отъ самой столицы козацкаго кишла. И это тѣмъ невѣроятнѣе, что самъ авторъ «Исторіи о козакахъ запорожескихъ», кн. Мышецкій, прямо свидѣтельствуетъ, что существующіе у Микитинской Сичи «ретранжементы», насыпаны «отъ россіянъ въ прежніе годы, какъ хаживали на Крымъ воевать» ²⁾.

Изъ другихъ вещественныхъ памятниковъ, оставшихся въ Никополѣ отъ запорожескихъ козаковъ, обращаетъ на себя вниманіе главнымъ образомъ рубленый домъ, 18 аршинъ длины, 8 аршинъ ширины и 3 высоты, принадлежавшій нѣкогда двумъ запорожескимъ старшинамъ и теперь составляющій собственность Ксеніи Панченковой. Домъ сохранился въ такомъ-же видѣ, какъ былъ при запорожцахъ, кромѣ квадратныхъ оконъ, которыми замѣнены круглыя окна («якъ тарилочки») да небольшой пристройки, придѣланной къ задней части его. Онъ раздѣляется большими сѣнями на двѣ половины: свѣтлую и черную, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ: свѣтлая

¹⁾ Записки одесскаго общ. истор. и древн. Одесса, 1867, т. IX, стр. 525.

²⁾ Исторія о каз. зап. Одесса, 1852, стр. 10.

БЛАГОСЛОВЕНІЄ: СОУА: ИЗРОЛЕНІЄ: Σ Ι Ν Α Ι Σ Ο Δ Ξ Ι Β Ι Ε Μ Ζ
Σ Ο Δ Ξ Α Δ Ο Μ Ζ Σ Ε Ι Α Κ Ο Τ Ο Μ Ζ Π Α Ν Α Β Α Σ Ι Λ Ι Α Γ Ρ Ι Γ Ο Ρ Ι Ε Β Ι Ч А З Ν Α Ν Ο Γ Ο



Σ Τ Α Γ Ο Δ Ξ Α Λ Μ Ι Ν Ξ Δ : 1747 Γ Ο Δ Ξ Α :
Τ Ο Β Α Ρ Ι Ξ Ι Α Κ Ξ Ρ Ε Ν Ι Α Μ Ε Σ Κ Ο Γ Ο : Μ Ζ Δ Ξ Α Γ Ξ Σ Τ Α 13



Ч. II. Рис. 10

Сволокъ и лутки запорожскаго куреня.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

имѣть кимнату съ кафляной печкой, и опочивальню, отдѣленную отъ кимнаты лимпачовою стѣною,—обѣ съ выходомъ въ сѣни; черная половина раздѣлена также на два помѣщенія: кухню и кладовую, отгороженныя одна отъ другой глухою стѣною и также имѣющія выходъ въ сѣни. Принадлежность дома запорожскимъ старшинамъ засвидѣтельствована слѣдующею надписью, сдѣланною на его сволокѣ: «создася домъ сей рабомъ божіимъ онфріемъ (т. е. Онуфріемъ) назаровичемъ куреннымъ васюринскимъ да курѣннымъ переяславскимъ гавриломъ игнатовичемъ 1751 года іюля 12 дня». На самой срединѣ надпись эта раздѣлена высѣченнымъ изображеніемъ креста съ обычными при немъ деталями: копьемъ, тростью и пр. Сволокъ имѣеть 19 арш. длины, сдѣланъ изъ сосны (см. табл. X).

Въ Никополѣ былъ и другой такой-же домъ, съ подобнымъ-же сволокомъ; онъ принадлежалъ женѣ купца. Шмагайловой; но въ настоящее время проданъ еврею Тиссену; Тиссенъ часть дома обратилъ въ кухню, часть сжегъ. А сволокъ вдѣлалъ въ сѣверную часть стѣны кухни. Этотъ сволокъ имѣеть длины восемь аршинъ и толщины четыре вершка; на немъ, какъ и на первомъ, сдѣлана была надпись въ такомъ родѣ: «Изволеніемъ Бога Отца Искупителя Іисусъ Христа и совершеніемъ Святаго Духа Амынь, созданъ домъ сей стараніемъ Максима Калниболоцкого: 1746 году іюня».

Оба домика собственно построены были не въ Никополѣ, а въ с. Покровскомъ, мѣстѣ послѣдней запорожской Сичи, а отсюда ужъ, послѣ купли, перевезены въ Никополь.

Кромѣ домовъ, есть еще въ Никополѣ запорожскій курень, во дворѣ купчихи Анны Степановны Гончаровой. Онъ весь рубленъ изъ дерева, имѣеть 10 аршинъ длины и 5 арш. съ четвертью ширины; для входа въ него сдѣлано двое дверей съ рѣзными лутками, окрашенными въ красную и зеленую краску. На одной изъ лутокъ вырѣзана слѣдующая надпись: «1763 года іюня 6 д. построинъ курѣнь полъ» (см. табл. X). Къ сожалѣнію верхняя часть лутки отрублена, а съ ней уничтоженъ и конецъ надписи.

Изъ другихъ древностей запорожскихъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, интересна большая глиняная амфора, принадлежащая домовладѣльцу Михаилу Егорьевичу Мержанову. Амфора найдена въ Днѣпрѣ крестьяниномъ Григоріемъ Маньковскимъ; она имѣетъ въ окружности 11 четвертей, высоты 5 четвертей, всѣтъ четыре пуда и съ наружной стороны украшена восемнадцатью вѣнцами. Толщина стѣнокъ амфоры—около трехъ мужскихъ пальцевъ. Видимо, она служила у запорожцевъ вмѣсто закрома или сосуда для жидкостей ¹⁾). Но кромѣ этого въ Николаѣ, отъ времени запорожскаго козачества, сохранились и другіе вещественные памятники, сдѣлавшіеся исключительно достояніемъ соборной церкви. Такова, на примѣръ, пушка, находящаяся въ церковной оградѣ, съ правой стороны, положенная на двухъ песчаниковыхъ камняхъ ²⁾). Она отлита изъ мѣди, длины пять четвертей, ширины четыре четверти (ручная), со шпилемъ съ глухой стороны въ полторы четверти и съ горломъ до четверти величины. На ней сдѣлана надпись: С^А₄ R^У₂₀ и штемпель въ видѣ круга съ крестикомъ по серединѣ: ⊕. Это одна изъ тѣхъ пушекъ, которыя найдены крестьяниномъ Николаемъ Михаиломъ Козачкомъ, въ плавнѣ, принадлежащей помѣщицѣ Нечаевой, среди Днѣпра, въ 1872 году, на третій день Троицы. Пушки, видимо, работы польской, но были въ употребленіи у запорожцевъ. Изъ трехъ найденныхъ Козачкомъ пушекъ одна куплена извѣстнымъ археологомъ А. Н. Подемъ въ Елатеринославѣ, другая приобрѣтена въ Одессу для музея исторіи и древностей извѣстнымъ ученымъ, теперь уже покойникомъ, Н. Н. Муразакевичемъ. Кромѣ пушки, въ оградѣ стоитъ еще желѣзный крестъ съ церкви, построенной на Никитинѣ въ 1747 году. Церковь эта была перенесена въ с. Шолохово, херсонскаго уѣзда, а мѣсто, гдѣ она стояла, смыто водой. Въ самой церкви хранятся также нѣсколько памятниковъ запорожскаго

¹⁾ Приобрѣтена В. В. Тарновскимъ, владѣльцемъ с. Качановки, черниговской губ., борзенскаго уѣзда.

²⁾ Приобрѣтена В. В. Тарновскимъ. См. назадъ стр. 57, табл. I.



Ч. II. Рис. 11.

Икона Богоматери въ Никополѣ.

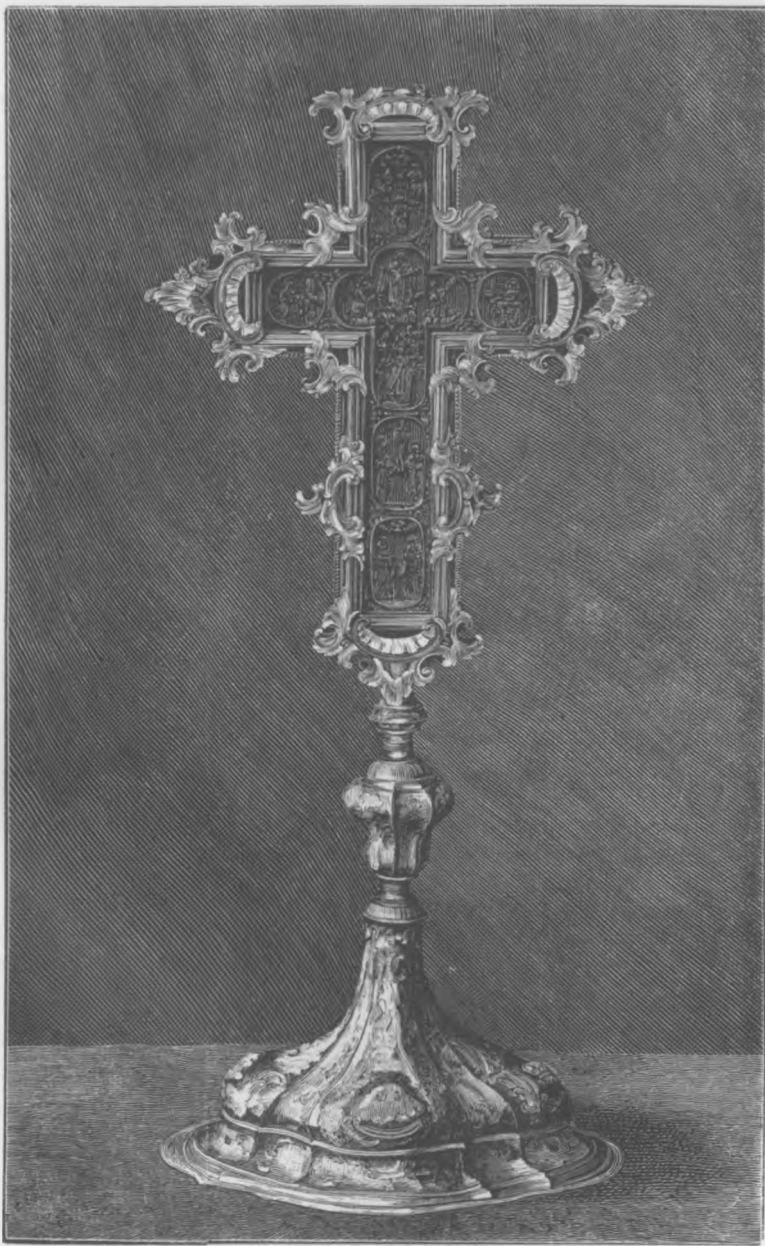
козачества. Въ средней части храма, въ углу стѣны, отдѣляющей переднюю часть отъ средней, на лѣвой сторонѣ, помѣщена икона, обращающая на себя вниманіе уже одною своею отдѣлкою. Она вложена въ большой кіотъ и представляетъ изъ себя круглую серебряную доску, со вставленными на ней, въ видѣ креста, бѣлыми, зелеными и красными камнями, съ вырѣзаннымъ по краямъ сіяніемъ и съ девятью изображеніями ликовъ: Духа святаго, четырехъ апостоловъ, Маріи Магдалины, Богоматери, Іоанна Богослова и свѣтлаго ангела, стоящаго у подножія гроба. Главный интересъ иконы — въ деревянномъ кипарисовомъ крестѣ, вдѣланномъ въ самую средину ея: онъ заключаетъ въ себѣ драгоценнѣйшую святыню, — кусочекъ животворящаго древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель, величиною въ одинъ дюймъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая краткая, но весьма выразительная надпись, сдѣланная на доскѣ, ниже креста: «У семь крестѣ животворящее древо». Ниже этой надписи сдѣлана другая: «Сія Таблица До храму Покрова пресвятой Богородици сооружена кошто^м всего Войска Запорозкого А стараніемъ Ктитора Павла за Атамана кошового Павла козлицького 1747 году м-ца Октоврия 2 дня. вѣсу во всѣй 3 ф. 76 зол. 5.7». Въ кіотъ икона вдѣлана въ 1851 году. Въ этой-же, средней или второй части храма, помѣщены четыре хоругви, также оставшіяся отъ времени запорожскихъ козаковъ. Изъ нихъ одна сдѣлана изъ двойного бархата, съ одной стороны краснаго, а съ другою зеленаго; на одной сторонѣ бархата изображенъ Покровъ, а на другой воскресеніе Спасителя. Хоругвь имѣетъ видъ квадрата по $7\frac{1}{2}$ четвертей съ каждой стороны. Другая хоругвь сдѣлана изъ простого холста, съ изображеніемъ съ одной стороны архангела Михаила, а съ другою — Богоматери и ниже ихъ — плачущихъ Адама и Евы. Форма хоругви — квадратъ пяти четвертей съ каждой стороны. Третья хоругвь также изъ холста, имѣетъ изображеніе Богоматери и Спасителя, стоящихъ на солнцѣ, и Георгія Побѣдоносца, стоящаго на змѣѣ. Четвертая хоругвь такая-же, какъ и третья, но только безъ рисунковъ, которые стерты временемъ.

Въ этой-же части церкви помѣщены двѣ иконы, одна Николая, другая Варвары, оставшіяся отъ запорожцевъ. «Сія икона сооружена бывшаго войска запорожскаго куреня титаровскаго козакомъ антономъ Супою въ святопокровскую Никопольскую церковь 1803 года февраля». «Написана сія икона отъ трудовъ Михаила Решетняка (.) уплачена Григоріемъ Шферстюкомъ 1807 года».

Въ третьей части церкви за боковыми дверьми, съ одной стороны на западной стѣнѣ, съ другой—на восточной, одна противъ другой, вблизи иконостаса, помѣщены двѣ иконы, уцѣлѣвшія также отъ времени запорожскихъ козаковъ. Одна изъ нихъ представляетъ Спасителя, другая—Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ (см. табл. XI); обѣ въ кіотахъ за стекломъ; обѣ имѣють въ высоту $7\frac{1}{2}$ четвертей, а въ ширину—5, но одна изъ нихъ вѣситъ 13 фунтовъ и 15 золотниковъ, а другая 8 фунтовъ и 48 золотн., мѣдныя, ризы серебряныя. Въ запорожской церкви онѣ были мѣстными, стояли на хорахъ, гдѣ устроенъ былъ другой престолъ во имя чудотворца Николая. Лики реставрированы въ 1866 году, но въ тѣхъ-же самыхъ очертаніяхъ.

Въ самомъ алтарѣ также хранятся нѣсколько вещей, оставшихся отъ запорожцевъ. Такъ, на престолѣ есть небольшой кипарисовый крестъ (см. табл. XII), отдѣланный въ серебро и имѣющій слѣдующую надпись: «Сей крестъ зъ мощами святыхъ, отецъ пещерскихъ Лаврентія и Силуана Кушовскаго куреня войска запорожскаго козака Ловрѣна Горба». Кромѣ креста: евангеліе, плащаница, двѣ священническія ризы, аналой, икона Покрова Богоматери, двѣ серебряныя кружки, портреты запорожцевъ Шияновъ, золотая медаль, данная запорожскому полковнику Коленку, шелковый поясъ и небольшой желѣзный молотокъ.

Евангеліе замѣчательно какъ по отдѣлкѣ и красотѣ, такъ и по вѣсу и величинѣ. Снаружи оно обложено малиновымъ бархатомъ, который окованъ рѣшетчатымъ серебромъ. Съ лицевой стороны на евангелии изображены пять различныхъ ликовъ,



Ч. II, Рис. 12.

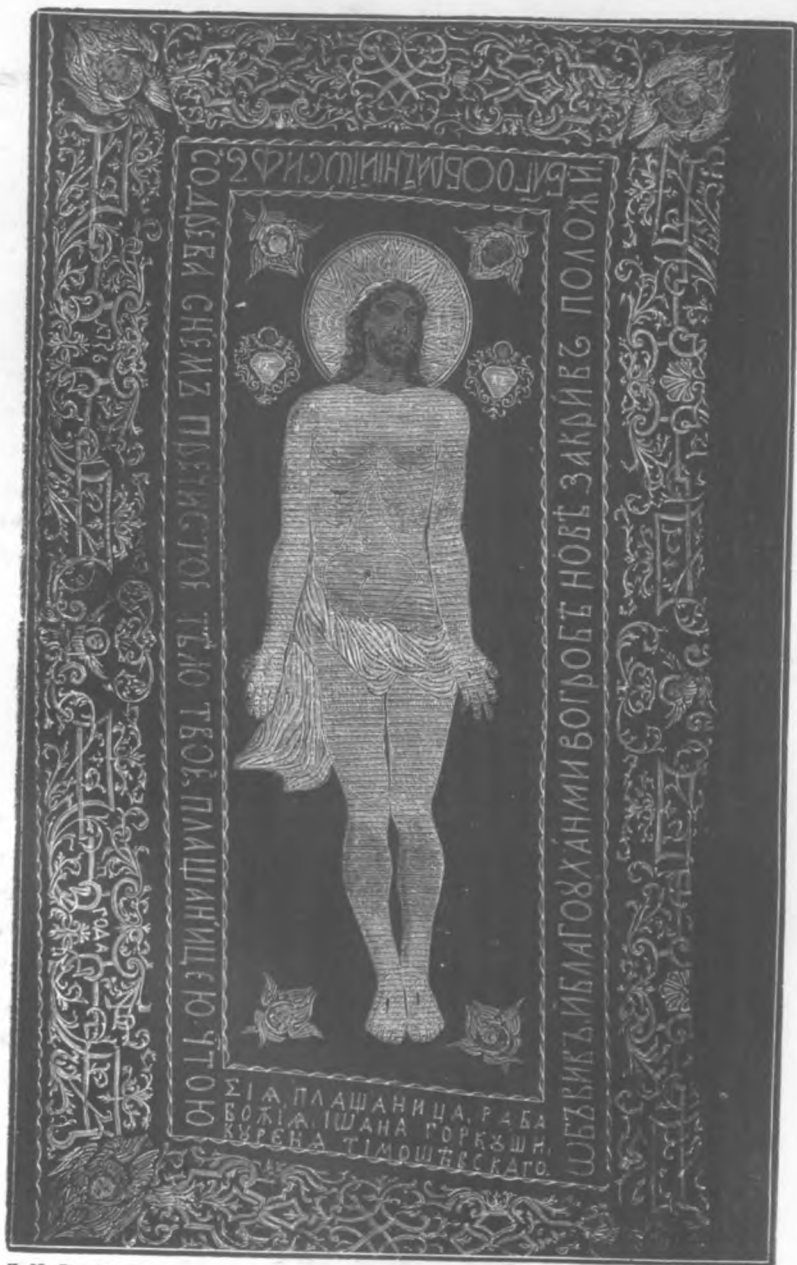
Напрестольный крестъ въ Никополь.

съ оборотной—ликъ Покрова Богоматери. Въ вышину евангеліе имѣть аршинъ съ вершкомъ, въ ширину—три четверти. а вѣсомъ безъ трехъ фунтовъ два пуда. Напечатано въ Москвѣ. въ 1759 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, отдѣлано въ 1766 году. какъ это видно изъ самой надписи сдѣланной на доскѣ евангелія, въ самомъ низу, съ внутренней стороны. «Во всемъ Евангеліи серебра вѣсомъ 28 фунтъ и два золотника. Резанскій мастеръ анофрей немолотовъ». Листы большіе, александрійскіе, печать крупная. Съ оборотной стороны къ евангелію придѣлано было четыре подножки, изъ коихъ одной уже не существуетъ. По своей тяжеловѣсности евангеліе употребляется только два раза въ годъ: на праздникъ Христова Воскресенія и въ день Покрова пресвятой Богородицы: но во всемъ Никополѣ есть только одинъ старикъ, который въ состояніи носить его вокругъ церкви въ означенные праздники, во время крестныхъ ходовъ.

Плащаница сдѣлана изъ двухъ бархатовъ: краснаго по краямъ и чернаго—посрединѣ; на черномъ бархатѣ вышито тѣло Спасителя изъ кованнаго серебра, вокругъ котораго вышить трошарь: «Благообразный Иосифъ съ древа снемъ пречистое Тѣло Твое» и проч. а у самыхъ ногъ Спасителя вышиты слова: «сія плащаница раба божія іоана горкуши, куреня тимошѣвскаго 1756 года». Длина плащаницы — $11\frac{1}{2}$ четвертей, ширина $6\frac{1}{2}$ четвертей; цѣнится въ 1200 руб. (См. табл. XIII).

Изъ двухъ ризъ одна сдѣлана изъ сплошной золотой парчи, кромѣ оплечья, кованнаго изъ серебра, а другая изъ красной парчи, кромѣ оплечья, сдѣланнаго изъ зеленаго бархата съ шитьемъ изъ золота и серебра. Подкладка въ той и другой холщевая, синяго цвѣта. На одной ризѣ вышить Покровъ Богородицы, на другой—Благовѣщеніе. Первая цѣнится въ 1000 р. и есть приобрѣтеніе Коша Чортомлыцкаго, а вторая цѣнится въ 700 р. и приобрѣтена Кошемъ на Нидпильной. Обѣ употребляются только въ большіе праздники. Къ ризамъ имѣются два епитрахля. (См. табл. XIV и XV).

Аналой пріобрѣтенъ запорожцами за время отъ 1709 года по 1734 г., когда казаки принуждены были, вслѣдъ за измѣною гетмана Ивана Степановича Мазепы и кошевого Константина Гордѣевича Головка, оставить свои родныя мѣста и удалиться во владѣнія турокъ. Лишившись всего на родинѣ, запорожцы лишились и духовенства, которое присылалось имъ изъ кіевскаго межигорскаго монастыря. Но чтобы имѣть возможность удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ въ новомъ отечествѣ, запорожцы обратились къ царградскому патріарху съ просьбою о высылкѣ имъ священниковъ. Патріархъ не только удовлетворилъ просьбѣ запорожцевъ, но, для увѣренія въ полномъ къ нимъ расположеніи, послалъ даже нѣсколько подарковъ, въ видѣ разныхъ церковныхъ вещей, между коими былъ и аналой. Этотъ-то аналой и хранится теперь въ Никополѣ, въ соборной церкви. (См. табл. XVI.) Онъ сдѣланъ изъ дерева, называемаго по-арабски «абоность», и сверху обложенъ черепахой, слоновою костью и перламутромъ. Форма его нѣсколько отличная отъ тѣхъ, какія даются имъ теперь: взяты четыре выгнутыя, на подобіе полозьевъ, трости, по срединѣ скрѣплены посредствомъ небольшого валка, а на самомъ верху схвачены толстою буйволовою кожей. Такимъ образомъ выходитъ, что верхніе концы полозьевъ, обращенные на передъ, оканчиваются внизу, на обратной сторонѣ, и наоборотъ: верхніе концы полозьевъ, обращенные назадъ, оканчиваются внизу, на передней сторонѣ. Проще сказать; каждая пара полозьевъ представляетъ изъ себя римскую цифру X, скрѣпленную по самой срединѣ небольшимъ валкомъ, но съ концами, расходящимися въ противныя стороны. Верхніе концы каждой изъ тростей поднимаются нѣсколько выше кожи и оканчиваются змѣиными головками, согнутыми внутрь, изъ коихъ двѣ сохранились, а двѣ затеряны. Высота 8 четвертей. Работа аналая во всехъ отношеніяхъ прекрасная: особенно хорошимъ кажется онъ при солнечномъ блескѣ. Говорятъ, что точно такой же работы и точно такого же матеріала имѣются въ Константинополѣ, въ патріар-



Ч. II. Рис. 13.

Запорожская плашаница въ Никополь.

шей перкви, съдалише и амвонъ, оставшіеся еще отъ времени Іоанна Златоуста и дороги особенно тѣмъ, что на нихъ произносилъ свои боговдохновенныя и величественныя рѣчи этотъ знаменитый ораторъ, неподражаемый духовный витія.

Икона Покрова Богоматери поражаетъ не столько кистью, сколько оригинальностью. На липовой доскѣ, въ три четверти длины и въ двѣ ширины, изображены Богоматерь, Николай чудотворецъ и Михаилъ архистратигъ. а ниже ихъ представлены въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами, съ открытыми, гладко выбритыми головами, запорожцы. Они представлены въ видѣ полукруга надъ краями иконы, со знаменами въ самой срединѣ и со всей казацкой арматурой; внизу иконы, отъ казака, стояшаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ избави отъ всякаго зла». Надпись эту надо читать съ конца, отъ правой руки къ лѣвой, совершенно такъ, какъ пишутъ и читаютъ евреи. Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: «Избавлю и покрюю люди моя». (См. табл. XVII). По преданію, эта икона изображаетъ кошевого П. И. Калнишевскаго съ говариществомъ, молящагося объ отвращеніи грозившаго Сичи бѣдствія со стороны Москвы.

Кружки — обѣ серебряныя съ позолотой; обѣ имѣютъ крышки наверху и рукояти сбоку; на обѣихъ также подѣланы различныя рельефныя изображенія. (См. табл. XVIII). Причемъ одна изъ кружекъ, съ крестикомъ на крышкѣ, имѣетъ высоты три фута и вѣситъ одинъ фунтъ 42 золотника, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной снаружи ея, въ днѣ. Съ наружной стороны на этой кружкѣ подѣланы рѣзныя изображенія птицъ, мотыльковъ, жуковъ; вмѣстимостъ ея равняется четыремъ стаканамъ.

По объясненію столѣтняго старика Михаила Рѣшетняка, жителя Никополя, эта кружка принадлежала кошевому атаману

Ивану Дмитріевичу Сирку, который добылъ ее отъ крымскаго хана и употреблялъ вмѣсто чарки, никогда не расставаеь съ ней. Послѣ смерти Сирка, кружка эта поступила въ египетскую церковь и хранилась въ ней какъ большая драгоценность. Въ настоящее время она употребляется какъ сосудъ для кропленія мірянъ святою водою. Другая кружка, меньшая въ сравненіи съ первой, высоты два фута, вѣсомъ одинъ фунтъ и двадцать-четыре золотника, безъ крестика на верху, имѣть съ наружной стороны, по бокамъ и на крышкѣ сверху, въ видѣ медальоновъ, шесть саксонскихъ монетъ; на каждой монетѣ отлиты изображенія трехъ лицъ и выбиты года: на первой—1592 годъ, на второй—1593 годъ и на третьей—1595 годъ, затѣмъ на остальныхъ трехъ—1596, 1597 и 1598 годы; сверхъ того на монетѣ, которая вдѣлана на крышкѣ сосуда, выбитъ 1600 годъ. Вокругъ монетъ вырѣзаны латинскими буквами слѣдующія четыре имени: «CHRISTIAN, IOHAN, GEORG ET AUGUSTUS». Съ внутренней стороны, въ углубленіяхъ, соотвѣтствующихъ вышуклостямъ снаружи, вырѣзанъ гербъ и вокругъ него слова: «FRAT. ET DUCES SAXON». Кромѣ того, съ той-же внутренней стороны, на крышкѣ вырѣзаны три буквы «A. S. M.». Вместимость кружки равняется одному стакану. Какъ и первая, она въ настоящее время употребляется также для кропленія мірянъ святою водою. Тотъ-же крестьянинъ Михаилъ Рѣшетникъ объяснялъ, что эта вторая кружка захвачена запорожцами у какого-то нѣмца, жившаго около г. Канева, кievской губерніи. По совершенно справедливому соображенію г. Карелина, это можетъ относиться къ 1746 году, когда запорожцы посланы были въ Польшу для поимки гайдамакъ; отправленные противъ гайдамакъ, запорожцы на пути пограбляли деревню саксонскаго генералъ-маіора Вейсенбаха, близъ Канева и Богуслава, и въ числѣ добычи захватили данную кружку ¹⁾. Въ этомъ по край-

¹⁾ Записки одесскаго общ. истор. и древн., Одесса, 1867, т. VI, стр. 535—538.



Ч. II. Рис. 14.

Запорожская риза въ Никополь.

ней мѣрѣ убѣждаетъ, кромѣ разсказа старика. и самая надпись «Duces Saxo»...

Портреты запорожцевъ Шіяновъ. (См. табл. XIX и XX). Братья Шіяны, Яковъ и Иванъ, до 1775 года были запорожскими козаками, а съ этого времени сдѣлались простыми жителями Никополя, выполнявшими однако должность церковныхъ ктиторовъ, послѣдовательно одинъ за другимъ. Какъ ктиторы церкви, они извѣстны своею благотворительностью и усердіемъ къ храму Божию. Такъ, въ 1782 году они поставили въ церкви новый иконостасъ; въ 1783 году устроили горнее сдѣлаище, жертвенникъ и рукомойникъ, какъ значится это изъ слѣдующей надписи, помѣщенной въ алтарѣ, на восточной стѣнѣ, прямо противъ престола: «1783 года сентемврія 28 дня сіе горне сдѣлаище. жертвенникъ и рукомойка сооружены какъ слѣсарного такъ и жевописнымъ искусствомъ собственными трудами здѣшни(хъ) ктитореи іакова и ивана шіяновъ въ честь церквѣ себѣ-же во спасеніе обновлено 1856 года». Въ 1790 году тѣ-же Шіяны пожертвовали для церкви купленный на собственный счетъ колоколь, въ 45 пудовъ и 18 фунтовъ. За все это потомство отблагодарило ихъ богоговѣйною памятью: съ нихъ сняты были портреты нѣсколько менѣе, чѣмъ въ ростъ, и повѣшены въ самой церкви на иконостасѣ, одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны; къ портретамъ сдѣланы были надписи: «сей партреть снято с ктитора Якова Шіяна и поставленъ здѣсь при то^{мъ} мѣстѣ гдѣ труды его всему обществу на иконостасѣ видни. 1784 года генваря 9 дня». Въ надписи подъ другимъ портретомъ говорится о томъ-же, но только вмѣсто Якова названо имя Ивана. «сей партреть снято съ ктitora івана Шіяна»...

Шіяны до самой смерти ходили въ запорожскихъ костюмахъ, брили себѣ головы и бороды, оставляя только длинные чубы да усы; въ такомъ видѣ они и сняты. Въ такомъ-же видѣ ихъ портреты были повѣшены на иконостасѣ въ церкви.

По этому поводу случилась, говорятъ, такая забавная исторія. Проѣзжали по епархіи какой-то мѣстный архіерей. За-

ѣхалъ онъ и въ Никополь. Вошелъ въ соборную церковь, приблизился къ иконостасу, чтобы приложиться къ иконамъ, какъ вдругъ видитъ вмѣсто ликовъ святыхъ на двухъ иконахъ изображенныя лица запорожцевъ.

— Православные, кому вы молитесь?

— Богу, ваше преосвященство!

— Кому вы молитесь? спрашиваю

— Богу, ваше преосвященство!

— Не Богу, а запорожцамъ! Что это? Идолопоклонство?

Убрать немедленно!..

И портреты тотъ-же часъ были убраны. Спустя немного послѣ этого они были взяты извѣстнымъ археологомъ Н. Н. Мурзакевичемъ для одесскаго музея исторіи и древностей, гдѣ хранятся и понынѣ. Въ Никополь-же остались копіи съ портретовъ, сдѣланныя на простой бумагѣ въ краскахъ, въ длину по двѣ съ половиной, въ ширину по полуторы четверти, въ простыхъ рамахъ за стекломъ, повѣшенныя въ алтарь. Снимокъ съ подлинника съ одного изъ портретовъ, Ивана Шиня, напечатанъ въ видѣ приложения къ «Исторіи запорожскихъ козаковъ» кн. Мышецаго ¹⁾. А снимки съ обоихъ портретовъ напечатаны въ «Запискѣ одесскаго общества исторіи и древностей», въ видѣ приложения къ статьѣ г. Карелина «Мѣстечко Никополь» ²⁾.

Золотая медаль дана полковнику Коленку за время войны русскихъ съ турками при императрицѣ Екатеринѣ II-ой. Коленко командовалъ цѣлымъ отрядомъ запорожскихъ козаковъ, тогда вновь собранныхъ по волѣ князя Г. А. Потемкина, при взятіи въ 1788 году крѣпости Очакова. «Войска запорожскаго полковнику Коленкѣ за отлично храбрые противу непріятели поступки». Надпись сдѣлана съ обратной стороны, съ лицевой весьма отчетливо представленъ бюстъ Екатерины II-ой. Медаль

¹⁾ Издана въ Одессѣ, въ 1852 г.

²⁾ См. т. VI. Одесса. 1867 г.



Ч. II. Рис. 15.

Запорожская риза въ Никополѣ.

постушила въ церковь послѣ смерти Коленки, въ 1791 году.

Шелковый зеленый поясъ, съ позументами на краяхъ, длины пять съ половиною аршинъ, ширины семь вершковъ, съ мѣткой на одномъ изъ концовъ.

Небольшой желѣзный молотокъ съ выбитымъ на немъ 1751 годомъ. Наконецъ, между бумагами архива церковнаго хранятся такого рода весьма интересная росписка: «Сей Службникъ, для непремѣннаго по немъ священнослуженія въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, въ Сѣчи запорожской имѣющейсѣ, посылаемъ. 1740 году. Ноемвріа 5 дня. Смиренный Рафаилъ Архіепископъ Кіевскій». Росписка писана церковно-славянскими буквами съ подлинною подписью Рафаила. (См. табл. XXI).

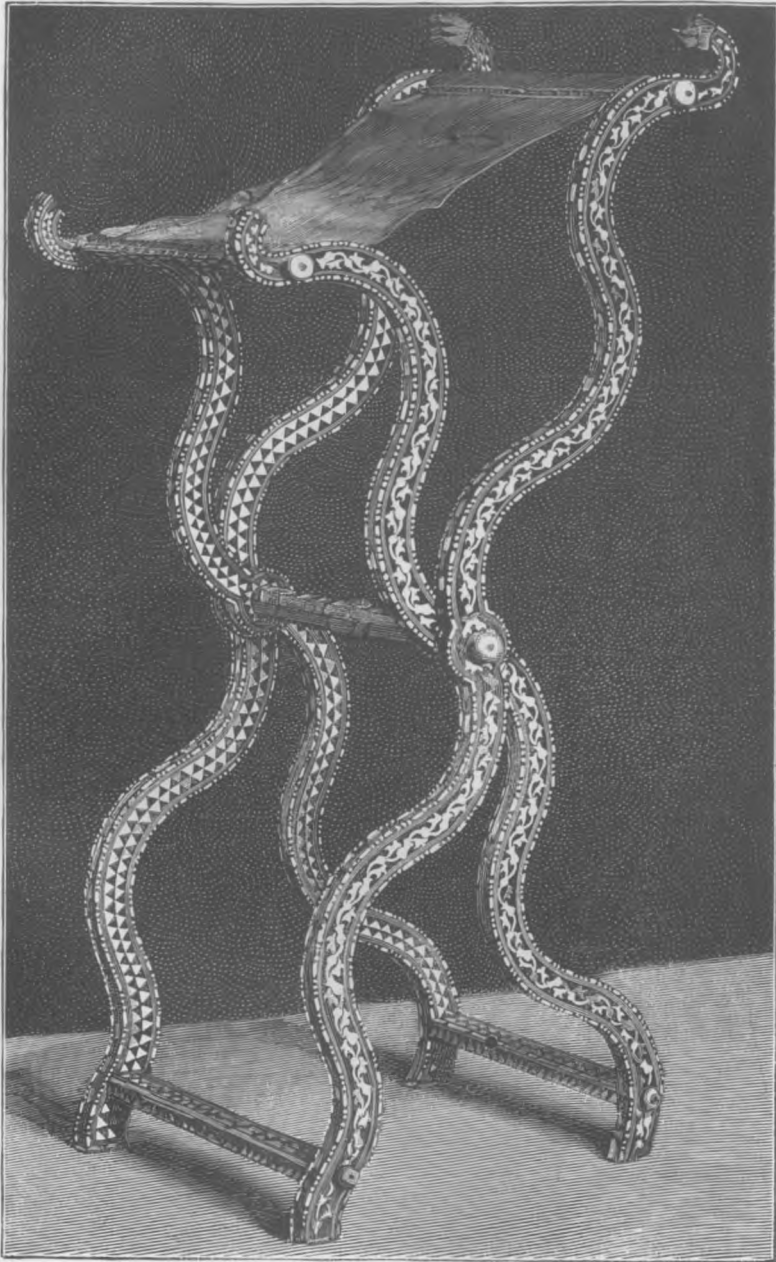
Но кромѣ названныхъ вещей, въ церкви Никополя имѣлись еще и слѣдующія другія: 1) два большихъ напрестольныхъ подвѣчника («лихтаря»); 2) крестъ съ мошами; 3) четыре серебряныхъ лампады съ серебряными-же дощечками, хранившіяся на хорахъ; 4) двадцать разныхъ иконъ на мѣдныхъ дощечкахъ («бляшкахъ»), отдѣланныя серебромъ; 5) пятьдесятъ серебряныхъ позлащенныхъ разнаго рода («сорта») коронъ; 6) четыре серебряныхъ вызолоченныхъ креста, между коими три съ серебряными цѣпочками («ланцюжками»); 7) два кипарисовыхъ, отдѣланныхъ въ серебро, креста; 8) два серебряныхъ, вызолоченныхъ дуката; 9) два куска червонцевъ въ лому; 10) одинъ кусокъ золота; 11) одинъ слитокъ серебра 24 фунт.; 12) тринадцать нитокъ мелкаго и три нитки крупнаго жемчуга съ красными кораллами, на мѣстной иконѣ Богоматери; 13) пятнадцать, съ двумя большими и двумя малыми червонцами нитокъ, мелкаго жемчуга и шесть нитокъ съ красными монистами крупнаго, на меньшей иконѣ Богоматери; 14) десять нитокъ жемчуга, съ шестью цуговицами; 15) пятьдесятъ нитокъ краснаго мониста изъ крупныхъ и мелкихъ коралловъ съ двумя червонцами и кускомъ янтара; 16) сто-пятьдесятъ три разнаго калибра червонцевъ на четырехъ цѣпочкахъ («ланцюжкахъ»), въ числѣ коихъ десять большихъ;

17) сто-двадцать книгъ разнаго наименованія, богослужбныхъ, нравственныхъ и историческихъ; 18) двадцать-восемь фелоней изъ парчи разныхъ цвѣтовъ и достоинствъ; 19) двѣнадцать подризниковъ; 20) двадцать-восемь паръ поручей; 21) двѣнадцать епитрахилей; 22) семьдесятъ-семь стихарей; 23) девять поясовъ; 24) пятьдесятъ-семь платковъ шелковыхъ и на бѣломъ полотнѣ гаптованныхъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ; 25) одиннадцать напрестольныхъ облачений; 26) шесть паръ воздуховъ; 27) три апалойчатыхъ покроя; 28) два куска парчи; 29) два куска штофа; 30) два куска гарнитура; 31) двадцать-восемь штукъ мѣдной посуды, отъ котловъ до мисокъ; 32) тридцать штукъ оловяной посуды.

Таково-то богатство, которое хранилось въ церкви Никополя. Къ крайнему нашему сожалѣнiю, мы должны сказать, что большая часть всѣхъ этихъ драгоценностей совершенно исчезла изъ церкви, осталась лишь самая ничтожная доля ихъ. Но нужно радоваться и тому, что хотя эта оставшаяся часть драгоценностей сохраняется въ цѣлости, чему мы обязаны мѣстному отцу протоіерею Іоанну Карелину, который завелъ подробную опись всѣхъ оставшихся вещей и даже обнародовалъ эту опись въ одномъ изъ томовъ «Записокъ одесскаго общества исторiи и древностей»¹⁾.

Послѣ всего этого естественно спросить: откуда же и какимъ путемъ все это богатство очутилось въ церкви Никополя? Богатство это перешло въ Никополь изъ церкви св. Покрова послѣдней запорожской Сичи, тепершняго села Покровскаго, екатеринославскаго уѣзда. Дѣло въ томъ, что когда генераль Петръ Текели уничтожилъ, по распоряженiю русскаго правительства, запорожскую Сичу, то велѣдъ за этимъ то-же правительство озаботилось на развалинахъ Сичи устроить городъ. Городъ былъ устроенъ и названъ Покровскою; для удовлетворенiя религиозныхъ потребностей народа туда отправлено было

¹⁾ Зап. одес. общ. истор. и древн. Одесса, 1867, VI, стр. 535—538.



Ч. II. Рис. 16.

Запорожскій аналой въ Никополѣ.

и духовенство. Но скоро положеніе духовенства въ Покровскѣ оказалось во всѣхъ отношеніяхъ безотраднымъ: оно совсѣмъ принуждено было оставить свою парафію въ Покровскѣ, потому что, вслѣдствіе бѣгства народа, не могло пріискать себѣ никакихъ способовъ къ существованію. И вотъ уже въ 1780 году протоіерей Григорій Кремянскій и вслѣдъ за нимъ священникъ Петръ Терпило просятъ у митрополита Евгенія о переводѣ ихъ въ провинціальный городъ Никополь, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «за расходомъ изъ Покровска людей въ разныя слободы, двумъ священникамъ въ городѣ Покровскѣ жить было нечѣмъ»¹⁾. Просьба была уважена, и священники изъ г. Покровска переведены были въ г. Никополь. Тутъ-то Кремянскій, переходя изъ Покровска въ Никополь, съ разрѣшенія новороссійскаго губернатора, Николая Даниловича Языкова, и перевезъ часть имущества сичевой церкви Покровска въ соборную церковь Никополя. Это было въ 1783 году; тогда же составлена была и подробная опись церковнымъ вещамъ и книгамъ, забраннымъ въ Покровскѣ. Таково прошлое Микитина и Никополя.

Изъ древнихъ дидовъ въ Никополѣ когда-то обращалъ на себя вниманіе лишь одинъ Степанъ Яцковскій, или, по-уличному, Дужка. Но въ настоящее время этотъ старикъ сдѣлался такимъ дряхлымъ, что уже самъ не можетъ застегнуть и очкура въ своихъ штанахъ. Ему за девяносто лѣтъ; это небольшая сморщенная сухая фигурка, съ потухшими глазами, съ желтоватыми и мягкими, какъ ленъ, на головѣ волосами, съ маленькой чуть замѣтной заострившейся книзу бородкой. Онъ говоритъ тихо, постоянно переводя духъ и все ниже и ниже поникая головой. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ онъ свалится съ ногъ и разсыплется какъ глиняная кукла. Медленно подниметъ онъ вверхъ голову, медленно окинетъ присутствующихъ своими мутными глазами и медленно наклонится къ столу... «Ой якъ мина важко»!..

¹⁾ Феодосій. Матеріалы для историко-статист. опис. Екат. еп. Екат. 1880, I, 65.

Трудно было что-нибудь узнать о запорожцах от такого дряхлаго старика, какимъ оказался Степанъ Яцковскій. На вопросъ, не знаетъ ли онъ чего-нибудь о жизни запорожскихъ козаковъ, старикъ отвѣчалъ: «якъ хочете узнати объ нихъ шо небудь. то пидить до Орыны Даныленковой: у неи е запорожскій патреть и идь тимъ патретомъ зроблений пидпись. О той пидпись и покаже вамъ усе». У Орины Даниленковой дѣйствительно оказался портретъ, онъ изображаетъ запорожскаго гайдамаку-характерника: характерникъ сидитъ на землѣ и играетъ на бандурѣ; возлѣ него, по обыкновенію, стоитъ конь, привязанный къ воткнутому въ землю копыю, сбоку лежитъ опороженная отъ горилки фляжка, тутъ же валяется снятая съ головы шапка, а за спиной стоитъ высокое вѣтвистое дерево, изъ-за котораго высматриваютъ пять ляховъ, держащихъ въ своихъ рукахъ по рушпицѣ и готовыхъ выстрѣлить въ гайдамаку. Но гайдамака не простой человекъ, онъ знаюка, характерникъ, его и пуля не беретъ, «хиба тильки ерибна». Отъ того-то онъ и сидитъ такъ невозмутимо... Картина рисована тушью и въ самомъ низу имѣетъ надпись: «Козакъ Мамай».

Изъ Никополя мнѣ предстояло ѣхать прямо на западъ, къ мѣсту бывшей, пятой по счету, запорожской Сичи, Чортомлыцкой. По пути я завернулъ въ деревню Липинку, чтобы видѣть здѣсь крестьянина Мокія Лося, потомка одного изъ запорожскихъ козаковъ, у котораго хранилось, какъ объ этомъ сообщили мнѣ раньше, запорожское платье. Мокія Лося я искалъ скоро, но только не скоро сошелся съ нимъ по вопросу объ уступкѣ мнѣ запорожскаго платья. И то сказать, запорожское платье въ настоящее время считается такою рѣдкостью, за которую можно было бы дать огромныя деньги, чтобы только посмотрѣть на него. По крайней мѣрѣ, что касается лично меня, то я шесть лѣтъ ѣздилъ по Запорожью, шесть лѣтъ упорно искалъ случая увидѣть запорожское платье и только у Мокія Лося впервые увидѣлъ его, но и то все-таки не сполна. Мокій Лось сохранилъ два каптана и поясъ запорожскій. (См. табл. XXII и XXIII.)



Ч. II. Рис. 17.

Икона Покрова съ молящимися запорожцами.

Оба каптана одинаковаго покроя и разница между ними только въ величинѣ: одинъ сдѣланъ для козака высокаго роста. другой—для козака средняго роста. Оба сшиты изъ краснаго сукна бураковаго цвѣта, на клѣтчатоу персидскаго издѣлія подкладкѣ, оба очень просторны въ плечахъ и очень узки въ перехватахъ, оба застегиваются на груди при помощи шелковыхъ петлей и шелковыхъ же гудзыковъ. Рукава въ каптанахъ, вообще довольно узкіе, къ концу еще болѣе сужаются; въ самомъ концѣ, съ нижней стороны, противъ ладоней, каждый изъ рукавовъ имѣетъ разрѣзъ въ четверть длины, оттого-то эти концы легко отворачиваются назадъ (называются «закаврши»); они обложены темно-голубымъ бархатомъ и застегиваются въ разрѣзахъ стальными галличками. Съ каждаго бока кафтана между швовъ вдѣлано по одному карману. Покрой кафтановъ до нѣкоторой степени напоминаетъ кафтаны, которые теперь въ употребленіи у черноморскихъ козаковъ. Изъ двухъ кафтановъ болѣе сохранился лучше, меньшій хуже: онъ весь почти изъѣденъ молью. Это тѣ каптаны, которые носились запорожцами подъ такъ-называемоу черкеской или подъ кунтушемъ, длиннаго и широкаго платья съ откидными рукавами или вылетами. Кромѣ двухъ каптановъ, у того же Лося я нашелъ и запорожскій поясъ, вытканый изъ шелковаго сырца, ширины двѣ съ половиною четверти, длины одиннадцать аршинъ, темно-бураковаго цвѣта съ позолоченными концами, въ три четверти каждый, и съ шелковыми плетеными шнурками, длины въ аршинъ, прикрѣпленными къ каждому изъ концовъ пояса. Изъ другихъ запорожскихъ вещей, найденныхъ мной въ деревнѣ Лапинкѣ, достойны вниманія запорожская сабля и запорожскій графинъ. (См. табл. XXIV.) Сабля въ длину имѣетъ два аршина, она немного искривлена, лезвіе ея вкладывается въ деревянныя ножны, обтянутыя кожей, ручка лезвія оканчивается головой птицы, сдѣланной изъ простаго некрашеннаго дерева. Специалисты по части россійскихъ вооруженій утверждаютъ, что эта сабля имѣетъ большое сходство съ тѣми саблями, которыми турки сражались въ послѣднюю русско-турец-

кую войну (1878 г.). Однако на лезвіи сабли стоитъ клеймо русской Императрицы Екатерины II. Запорожскій графинъ, найденный въ той же Лапинкѣ, сохранился также отъ временъ козаковъ. Онъ сдѣланъ изъ тонкаго зеленого стекла съ ручкой и съ мерезками въ видѣ правильныхъ круговъ съ наружной стороны. Вместимость его—шесть стакановъ.



Ч. II. Рис. 18.



Кружка кошеваго Ивана Сирка.

Тип. Эд. Говле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сужио сонце зь неба сивте, степь безкрайный
топне въ мглі..
Мате-Сича, поклонитись я прыйшовъ твоіи землі!
И молюсь тобі, якъ святу: покажи теперъ мнѣ
Свій гассанъ, свій кошъ, крамыни.
Церкву и башты, й курни..
...Чую стыхъ могильный галасъ, витерь віе округи,
И хлюнощутя по пяскахъ Чортюмыка береги.

Я. Щоголевъ.

За Микитинскую Сичею слѣдовала Чертюмыцкая или, такъ называемая, Старая Сича. Повидимому, объ этой самой Сичѣ распространяется словоохотливый, но не всегда точный и правдивый Бопланъ (1620—1637). «Нѣсколько ниже р. Чортюмыка, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе, нежели 10000 (?) острововъ, которые разбросаны неправильно... Сіи-то многочисленные острова служатъ притономъ для козаковъ, которые называютъ ихъ войсковою скарбницею. т. е. казной» ¹⁾. Князь Мышецкій, перечисляя всѣ запорожскія Сичи, во второй главѣ своего сочиненія «Исторія о козакахъ запорожскихъ», говоритъ «Старая Сѣчь, которая состоитъ близъ Днѣпра. на рѣчкѣ Чортюмыкѣ. Оная Сѣча

¹⁾ Описаніе Украйны, Спб., 1832, стр. 26.

начатіе свое имѣть, какъ еще запорожцы за поляками жили»¹⁾).

Чортомлыцкая Сича устроена была въ 1652 году, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: «Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлыка и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ шесть сажень; съ поля отъ Сумской стороны и отъ Базовлука, въ валу устроены пали и бойницы, и съ другой стороны отъ устья Чортомлыка и отъ рѣки Скарбной до валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землю. А въ томъ городѣ башня съ поля, мѣрою кругомъ 20 сажень, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомлыкѣ и на Скарбную восемь фортокъ («пролазовъ»), и надъ тѣми фортками бойница, а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣча съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлыка сто жъ сажень, да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомлыкѣ, и впади тѣ рѣчки въ рѣчку Скарбную, которая течеть позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 сажень. А строили этотъ городъ Сѣчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ»²⁾).

Вотъ годъ основанія Чортомлыцкой Сичи. Видимо, эту же самую Сичу посетили въ 1682 г., 21 марта, и московскіе посланцы, дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ и стольникъ Василій Михайловичъ Тяпкинъ, когда отправлялись въ Крымъ для заключенія бахчисарайскаго мира съ турками и татарами. «Марта въ 21 день пришли мы къ Запорожью, не дошедъ до Сѣчи верстъ съ десять, на Базавлукъ рѣку. Тутъ насъ запорожскіе

¹⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 10. То-же самое говорить и Гр. Миллеръ въ «Разсужденіи о запорожцахъ». Москва, 1847, стр. 63.

²⁾ Актъ помѣченъ 1672 годомъ; вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20). подучимъ 1652 годъ, годъ возникновенія Сичи. Акты южн. и западн. Россіи, т. XI, стр. 12, № 5.



Ч. II. Рис. 19.

Запорожець Иванъ Шіянъ.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

козаки приняли съ радостію и перевезли насъ въ липахъ на свою сторону... Мы пошли зъ Базавлукъ рѣки къ Сѣчѣ и, не дошедъ верстъ за пять, ночевали на степи, милостію божіею отъ всякаго непріятеля безопасно; съ нами-жъ на томъ мѣстѣ ночевалъ запорожскій войсковый есаулъ съ козаками, въ небольшомъ числѣ людей, который насъ по приказу кошоваго атамана Ивана Стягайла встрѣтилъ и принялъ на Базавлукъ рѣкѣ. Марта, въ 22-й день, предъ обѣдомъ, пришли мы въ Сѣчу, и стали подъ городомъ, въ лугахъ и, обослався съ кошевымъ атаманомъ, поѣхали въ городъ Сѣчу¹⁾.

Говоря о возникновеніи и устройствѣ запорожской Сичи у р. Чортомлыка, мы не можемъ не сказать и того, что здѣсь, на этой Чортомлыцкой Сичи, была впервые устроена у запорожцевъ и войсковая церковь. Много разъ случалось намъ проѣзжать по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ, много разъ намъ приходилось видѣть столицу этихъ низовыхъ рыцарей, Сичу, и много разъ намъ приходилось убѣждаться, что сичовики, въ выборѣ мѣста для построенія своего кишла, руководились не только стратегическими соображеніями, но и художественнымъ чувствомъ и не менѣе того чувствомъ религиознымъ. Стоитъ только бѣгло взглянуть на каждую изъ осьми Сичей и на различныя вещи домашняго и церковнаго обихода, уцѣлѣвшія до нашего времени отъ запорожцевъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Выискавъ какой-нибудь величественный островъ среди Днѣпра, или высмотрѣвъ какой-нибудь возвышенный рогъ на берегу его, устроивъ на немъ сперва внѣшній, а потомъ изъ внѣшняго отдѣливъ внутренній кошъ, запорожцы затѣмъ выбирали въ послѣднемъ самое красивое и самое открытое мѣсто и на немъ прежде всего строили церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а потомъ уже возводили будинокъ для кошеваго атамана и домикъ для войсковой канцеляріи. «Пусть

¹⁾ Статейный списокъ. Записки одес. общ. исторіи и древн., т. II, отдѣл. II, стр. 646.

красуется храмъ Божій въ небесной высотѣ и пусть святія молитвы съ открытаго мѣста несутся объ насъ прямо до престола Господа Бога». Церковь всегда и при самыхъ тяжкихъ положеніяхъ составляла главнѣйшую заботу сичевыхъ козаковъ.

Но является вопросъ: когда же именно и на какой изъ осьми Сичей устроена была у запорожцевъ первая церковь? Съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что первая постоянная церковь основана была у запорожцевъ именно на Сичи Чортотмыцкой, близъ р. Базавлука. «Въ мартѣ мѣсяцѣ 1659 года, на Романовомъ курганѣ,—говоритъ авторъ «Историческаго обзора церкви екатеринославской епархіи»,—была общая рада всего бывшаго въ Запорожьѣ на лицо козацкаго войсковаго товарищества; на сей радѣ между прочимъ рѣшено было устроить церковь въ Сѣчи, на Чортотмыкѣ, какъ на мѣстѣ, уединенномъ, далекомъ отъ татарь, поляковъ и русскихъ, и потому весьма безопасномъ. Усердіе козаковъ къ построенію церкви было искреннее и живое; при работахъ присутствовали и ими завѣдывали два спасшіеся отъ татарь іеромонаха Самарскаго монастыря, вслѣдствіе чего работы шли успѣшно и въ сентябрѣ окончены; церковь освѣщена была въ честь Покрова пресвятой Богородицы и наканунѣ храмоваго праздника открыта богослуженіемъ» ¹⁾. «Марта въ 22-й день,—пишутъ въ своемъ «Статейномъ спискѣ», дьякъ Никита Зотовъ и стольникъ Василій Тишкинъ,—марта въ 22-й день, предъ обѣдомъ, пришли мы въ Сѣчу и стали подъ городомъ, въ лугахъ и, обослався съ кошевымъ атаманомъ, поѣхали въ городъ Сѣчу, къ церкви Божіи помолитца... А пришедъ въ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, помолился, и за государское многолѣтнее здравіе было соборное иѣніе» ²⁾. Для насъ приведенныя слова имѣютъ значеніе словъ первостепенной важности, такъ какъ они, во-первыхъ, основаны на показаніяхъ архивныхъ актовъ и на свидѣтельствѣ очевидцевъ, а, во-вторыхъ, совершенно со-

¹⁾ Екатеринославъ, 1876 г., стр. 35.

²⁾ Записки одесскаго общ. истор. и древн., т. II, отд. II, стр. 646.



Ч II. Рис. 20.

Запорожець Яковъ Шіянъ.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

выдаютъ съ показаніемъ одной весьма интересной гравюры. хранящейся въ Петербургѣ въ императорской публичной библиотекѣ, въ отдѣленіи портретовъ Петра Перваго, работы Леонтія Щирскаго. Она изображена на холстѣ. длины 12-ть четвертей, ширины 7¹/₂. и имѣетъ въ самомъ верху такую надпись: «Богословскій и философскій тезисъ (,) поднесенный кievскою духовною академіей царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ 1691 года». Она вся написана ликами, раздѣляющимися на шесть рядовъ и помѣщенными одинъ ниже другого, отъ самаго верха и до самаго низа. Въ первомъ ряду представлена Богоматерь; во второмъ—святой князь Владиміръ и ниже его—двуглавый орелъ, а по бокамъ Богоматери и Владиміра—12 фигуръ разныхъ святыхъ и, кромѣ нихъ. фигуры Спасителя и Бога Отца; въ третьемъ ряду представленъ видъ г. Кіева; въ четвертомъ—изображены: съ лѣвой стороны будинокъ. гдѣ сидятъ запорожцы съ поляками (а можетъ быть и турками или татарами: гравюра сильно попорчена) на радѣ, по срединѣ—группа козаковъ, раздѣряющихъ копыями землю. а съ правой стороны—запорожская Сича съ клубами дыма надъ ней. Сича обнесена высокимъ валомъ. на которомъ стоятъ три пушки на колесахъ, за валомъ виднѣются шесть куреней, а среди куреней возвышается маленькая. трехглавая деревянная церковь. Ниже Сичи идетъ рядъ фигуръ: византійскихъ императоровъ Аркадія и Гонорія, Василя и Константина. и русскихъ царей Іоанна и Петра. Мысль, вложенная художникомъ въ гравюру. очевидна: онъ представилъ главные моменты изъ исторіи кievской Руси, въ связи съ исторіей запорожскаго козачества. и изобразилъ современное ему царское двоевластіе въ Россіи. подкрѣпивъ послѣднее примѣромъ византійской имперіи.

Таковы данныя, касающіяся Чортомылицкой Сичи. Здѣсь у мѣста спросить: почему же запорожцы оставили свою Сичу на Микитиномъ-рогѣ и перенесли ее на рѣчку Чортомыль? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ сравнительномъ удобствѣ одной мѣстности съ другой. Дѣло состоитъ въ

томъ, что мѣстность Микитина-рога, какъ довольно возвышенная и съ трехъ сторонъ совершенно открытая, представляла большія неудобства въ стратегическомъ отношеніи. Это-то неудобство и могло быть причиною того, что казаки оставили свою Сичу на Микитиномъ-рогѣ и перенеслись пониже. на рѣчку Чортюмлыкъ, гдѣ въ этомъ отношеніи представлялось большое удобство. «А непріятельскаго приходу къ нему (укрѣпленію на Чортюмлыцкой Сичи) лѣвомъ чають съ одну сторону полемъ, отъ крымской стороны, отъ рѣки Безовлука, а съ трехъ сторонъ, за рѣками, нѣкоторыми мѣры промыслу никакова учинить подъ нимъ нельзя. А въ зимнее время на тѣхъ рѣкахъ ледъ запорожцы кругомъ окалываютъ безпрестанно и въ осадное время Сѣчу городъ шти тысячамъ человѣкомъ одержать мочно, а что людей и всякихъ запасовъ и пушекъ будетъ больше, то и непріятелю будетъ страшно. А многолюдныхъ турковъ и татаръ до Сѣчи перенять не мочно, потому что прилегла степь и въ стени ихъ не удержать»¹⁾).

Устроенная въ 1652 году Чортюмлыцкая Сѣча на этотъ разъ существовала до 1709 года, пока не была разрушена русскимъ царемъ Петромъ I. Въ настоящее время на мѣстѣ прежней Сичи находится деревня Капуливка, какъ ее называютъ крестьяне, или Капыловка, какъ она пишется на официальныхъ бумагахъ, екатеринославской губерніи и уѣзда. Она приписана къ селу Покровскому и отъ Никополя отстоитъ ровно на 20 верстъ. Изъ Никополя въ Капуливку ведетъ ровный, широкій шляхъ, начинающійся тотчасъ же за Никополемъ и оканчивающійся почти у самой деревни. Это превосходная, гладкая и совершенно открытая дорога, съ правой стороны окаймленная цѣпью кургановъ, а съ лѣвой охваченная широкой рѣчкой, за которой тянется, по топкимъ плавнямъ, густой и высокій

¹⁾ Акты, относящіяся къ исторіи Южн. и Западн. Росс., XI, № 5, стр. 14.

и Службникъ, для не прѣмѣннаго
понѣмъ Свѣщеннослуженїа въ Цркви =
Покрова Пресвѣтѣла Кцы, въ Свѣи За-
порожской имѣющейея, посылаемъ.

Миренной рафѣилъ =
Архїепїтв Кїевскїи

лѣсъ. Все это придаетъ особенно своеобразный характеръ мѣстности, на которой, кромѣ всего этого, выдѣляется линия кургановъ. идущая по-надъ правой стороной шляха, въ самомъ строгомъ порядкѣ: одинъ курганъ отстоитъ отъ другого на разстояніи четверти версты и притомъ такъ, что сперва большой курганъ, потомъ малый, затѣмъ опять большой и за нимъ снова малый и т. д. И когда шляхъ дѣлаетъ загибъ справа налѣво. то и курганы дѣлаютъ такой же загибъ. Такимъ образомъ эта цѣпь кургановъ приводитъ какъ разъ къ самому мѣсту бывшей Чортотмыцкой Сичи. Но кромѣ этихъ указателей, на шляху есть еще такъ-называемыя мили, т. е. каменные четырехгранные столбы. свидѣтели проѣзда здѣсь императрицы Екатерины II.

Вдоль этого шляха тянутся: слобода Неплюева, съ лѣвой стороны. хуторъ Чортотмыкъ, у одноименной съ нимъ рѣчки; слобода Новомихайловка, нѣсколько вдали отъ дороги, и наконецъ деревня Капуливка. расположенная въ береговой низменности рѣчки Чортотмыка, сидящая въ небольшомъ «заулочкѣ». На полторы версты выше д. Капуловки, на возвышенномъ, открытомъ выгонѣ, какъ разъ противъ хаты крестьянина Ивана Ковалея, стоитъ огромное земляное укрѣпленіе, такъ-называемый сомкнутый редутъ съ траверсами внутри. Южная линия этого редута имѣетъ 1250 саж., сѣверная—780 с., восточная—380, западная—700 саж. Время сооруженія этого укрѣпленія всего легче отнести къ 1704 году, когда противъ запорожцевъ посланы были Петромъ I російскія войска для разоренія ихъ Сичи; войска эти должны были долгое время простоять у Сичи. и тогда, вѣроятно, сооружены были означенныя земляныя укрѣпленія. Къ югу отъ укрѣпленія, у самой деревни, бросаются въ глаза два небольшихъ холмика. въ огородахъ крестьянина Семена Кваши, на первомъ изъ коихъ стоитъ высокій песчаниковый крестъ, съ высѣченною на немъ надписью: «Здѣ опочиваетъ рабъ божии семень таранъ козакъ куреня шнуринаго преставися року 1742 мця дека 3 чис.»; на четверть версты ниже,

въ огородѣ крестьянина Коваля, стоитъ другой крестъ. Съ восточной стороны на немъ сдѣланы начальныя буквы: Ис. Хр, Иі+КА, К+П, Т+Р, М+Л, Р+Б, съ западной вырѣзана надпись: «Зде представіся рабъ божі фѣдоръ товстонѣгъ: куреня шербишовскаго козакъ погребенъ року 1770: пойма 4 дня».

На треть версты ниже двора крестьянина Ивана Коваля стоитъ дворъ крестьянина Николая Алексеѣвича Мазая, въ огородѣ котораго находится третій запорожскій памятникъ: намогильный камень надъ прахомъ знаменитаго въ исторіи запорожскаго козачества кошеваго атамана, Ивана Дмитріевича Сирба; это уже не крестъ, а родъ узкой плиты, книзу болѣе утолщенной и широкой, кверху нѣсколько утонченной и какъ-бы отрубленной. Онъ высѣченъ изъ песчаниковаго камня и поставленъ на небольшой, въ видѣ пьедестала, также песчаниковый саркофагъ. Этотъ памятникъ имѣетъ высоты два аршина безъ полутора вершка, ширины снизу пять четвертей, сверху двѣ четверти, толщины — одну четверть. Онъ взнесенъ на невысокій холмъ, обсаженный съ трехъ сторонъ шестью шелковицами и съ одной, восточной стороны, тремя серебрястыми тополями. На самомъ верху имѣетъ два небольшихъ углубленія, по вѣмъ соображеніямъ, для бывшаго нѣкогда на немъ креста; на восточной сторонѣ памятника высѣчено обычное распятіе Христа съ обычными же при немъ буквами І. Н. Ц. П; ИС. ХС, ИИ. КА, К. П. Т. Р. М, Л. Р. Б; а на западной сторонѣ, въ самомъ верху, высѣченъ четырехъ-конечный крестъ и ниже креста помѣщена слѣдующая надпись: «Р Б АХИ МАѢ Д ПРЕСТАВИСИ-А РАБЪ БО ИОАНН СЪРЬКО ДМИТРОВИ АТАМАНЪ КОШОВИИ ВОСКА ЗАПОРОВСКОГО ЗА СГО... Ц П В ФЕВДОРА АЛЕСѢВИЧА ПАМІ-АТ ПРАВЕДНАГО СО ПОХВАЛАМИ» ¹⁾. (См.

¹⁾ Г. Скальковскій, вмѣсто словъ «Память праведнаго со похвалами», прочелъ: «Памятникъ отъ всего посольства». См. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885 г., ч. III, стр. 262. Ничего подобнаго нѣтъ на памятникѣ.



Ч. II. Рис. 22

Запорожское платье.

Рисунокъ И. Е. Гѣпина.

табл. XXV). То есть: «Року божого 1680 мая 4 преста-
вися рабъ бо(жій) іоанъ сѣрько дмитрови(чь) атаманъ кошовий
воска запорозкого за его... (Здѣсь въ памятникѣ выбить ку-
сокъ камня) ц. п. в. (царскаго пресвѣтлаго величества) феодора
алексѣевича(.) память праведнаго со похвалами». Менѣе, чѣмъ
скромная могила скрываетъ въ себѣ болѣе, чѣмъ великаго пол-
ководца. Кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко—колоссаль-
нѣйшая и вмѣстѣ съ тѣмъ типичнѣйшая личность славнаго
запорожскаго козачества. У современниковъ онъ былъ предме-
томъ общаго удивленія, а у людей послѣдующаго поколѣнія онъ
служилъ примѣромъ самаго ревностнаго и самаго живого подража-
нія. По преданію, Сирко родился въ с. Мереѣ, теперешней харь-
ковской губерніи и уѣзда. Выступивъ сперва въ должности каль-
ницкаго ¹⁾ полковника, Сирко потомъ, съ 1663 г., былъ избранъ
кошевымъ атаманомъ и занималъ этотъ высокій у запорожцевъ
постъ въ теченіе осьми лѣтъ, чего до него изъ вѣка-вѣковъ
не было, такъ какъ запорожцы выбирали всю старшину свою
только на одинъ годъ, а въ случаѣ надобности и меньше, чѣмъ
на годъ. Мужественный, храбрый, удивительно отважный, за-
мѣчательно предприимчивый, въ высшей степени подвижный.
Сирко вѣчно воевалъ если не съ турками, то съ татарами, если
не съ татарами, то съ поляками, а если не съ поляками, то
съ русскими. И враги страшно боялись его. На татаръ, напри-
мѣръ, онъ наводилъ такой страхъ, что они отъ него, точно
зайцы отъ гончей собаки, бѣжали безъ оглядки. «Собака! чи-
стая собака! Сирко! настоящій Сирко!» говорили объ немъ сами
козаки-запорожцы. «Шайтанъ! урусъ шайтанъ—чортъ! русскій
чортъ!» кричали въ испугъ крымскіе и бѣлгородскіе татары.
завидя Сирка и стараясь скрыться отъ него въ ущелья, ку-
старники и непроходимые лѣса; а туркамъ онъ такъ уѣлся.

См. также нашу статью «Архивные матеріалы для исторіи Запорожья»,
Кіевская стар., 1886, июль, стр. 531. Здѣсь редація произвольно
сдѣлала нѣкоторыя измѣненія.

¹⁾ Село Кальникъ, кіевской губ., липовецкаго у., на берегу р. Соба.

что самъ сулганъ издавъ указъ молиться въ мечетяхъ о гибели Сирка. Словомъ, это былъ такой человекъ, который при достаточномъ числѣ войска могъ сдѣлаться Тамерланомъ или Чингизъ-ханомъ, т. е. великимъ завоевателемъ. Но отличаясь такимъ рѣдкимъ безстрашіемъ, Сирко считалъ всякое сраженіе игрушкой и шелъ на войну съ малымъ количествомъ козаковъ; повоевавши же врага, онъ отказывался отъ всякой добычи. гнушаясь корыстолюбіемъ, и никогда не преслѣдовалъ слабого врага, такъ какъ былъ великодушень. Оттого всю свою добычу онъ раздавалъ козакамъ; оттого же къ нему обращались на судъ даже сами враги его: «Какъ Сирко разсудить, такъ тому и быть!» Враги находили защиту у Сирка даже и въ томъ случаѣ, когда у другихъ и соотечественники не могли найти правды. Однажды запорожцы пограбили татарскій аулъ и угнали изъ него скоть. Тогда въ станъ Сирка пришла татарка и стала жаловаться ему на то, что у нея нечѣмъ кормить дѣтей, потому что козаки увели ея корову. Сирко велѣлъ немедленно возвратить весь скоть аулу, а въ томъ числѣ и корову татарки; мало того, онъ приказалъ даже, чтобы аулъ, когда не станетъ молока у коровы татарки, кормилъ бы самъ ея дѣтей; кромѣ того, Сирко подарилъ нѣсколько штукъ матеріи для дѣтей татарки и мирно отпустилъ ее въ аулъ.

Отличаясь рѣдкимъ мужествомъ и примѣрнымъ великодушіемъ, Сирко, какъ истинный малороссъ, да еще запорожець, вмѣстѣ съ этимъ отличался и необыкновенною склонностью къ юмору, а нерѣдко и большою глубокомысленностью. «Когда бы и чортъ, пане гетмане, помогаль людямъ въ крайней ихъ нуждѣ, то брезговати тѣмъ не годится; бо кажутъ люде: нужда и законъ зминяе. А когда мы, живя съ татарами по-сосѣдски, помогаемъ одинъ другому, то сіе умному ни мало неудивительно, а то намъ тилько дивно, що ты, пане гетмане, багато коло насъ хархируешъ, мовъ твоій покійникъ батюшка на хавтурахъ съ паравхіянами у Зинькови. чего мы и вамъ упріиме



Ч. II. Рис. 23.

Запорожское платье.

Рисунокъ И. Е. РѢПИНА.

желаемъ» ¹⁾. Въ этомъ же отвѣтъ Сирка сказалась характерная черта и всего Запорожья: оно было гульливо, какъ морская волна, свободно, какъ степной вѣтеръ, непостоянно, какъ капризная красавица.

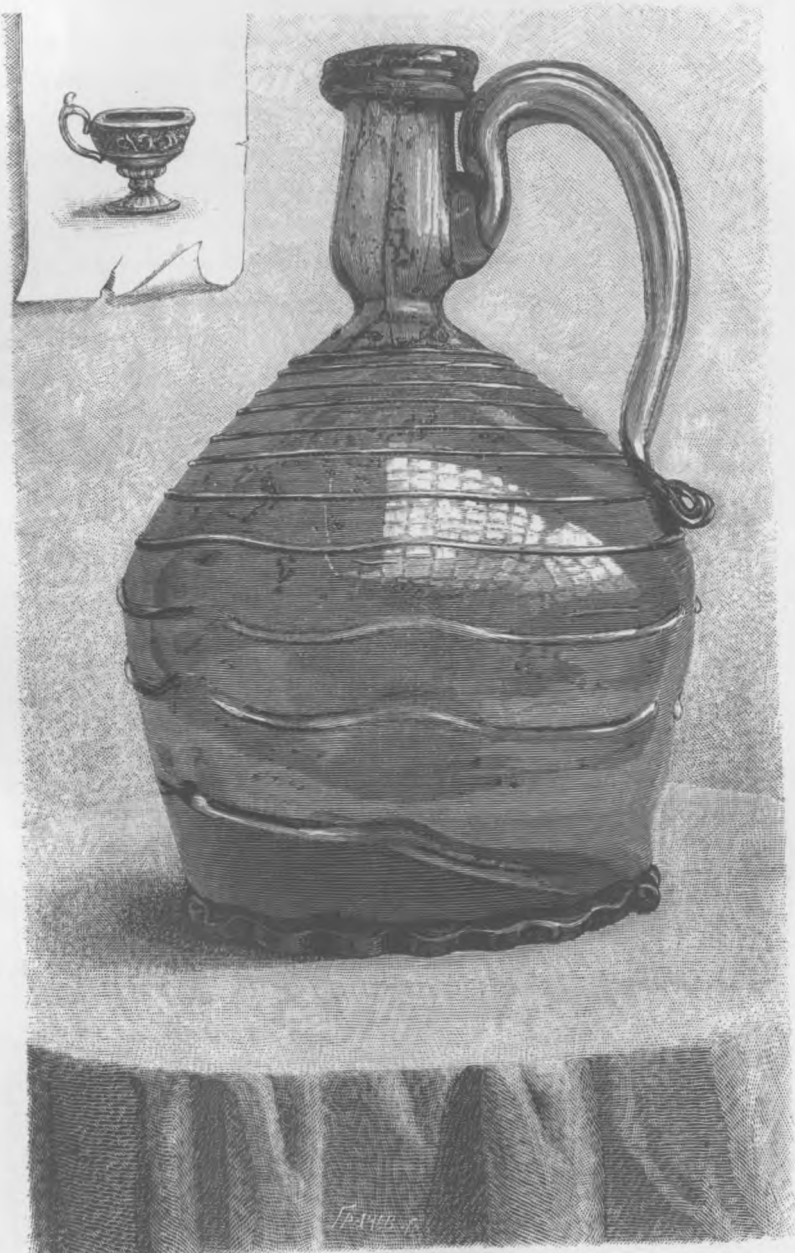
«Ивашъ Сирко—человѣкъ знаменитый въ исторіи Малороссіи. Въ продолженіе двадцати лѣтъ слишкомъ, отъ смерти Богдана Хмельницкаго до его кончины, мы безпрестанно встрѣчаемъ его въ званіи кошеваго атамана, хотя онъ носилъ это званіе непостоянно, напротивъ, нѣсколько разъ его замѣняли другія избранныя лица; даже онъ не разъ не ладилъ съ запорожцами и уходилъ отъ нихъ съ досадою, но потомъ мирился и снова былъ избираемъ въ кошевые атаманы. Мы не сдѣлаемъ ошибки, сказавши, что этотъ человѣкъ былъ истинный типъ запорожца, что онъ своею личностію какъ бы выражалъ все свое запорожское общество. Его свѣтлыя и темныя стороны были характерными чертами запорожской общины. Любилъ напитокъ, какъ и всѣ запорожцы, и въ пьяномъ видѣ показывалъ особенный задоръ, какого бы не показалъ въ трезвомъ; дѣйствовалъ по минутному увлеченію и потому часто, одумавшись, поступалъ совершенно противно тому, какъ обѣщаль прежде. Онъ былъ храбръ и отваженъ на войнѣ, а каждый запорожець по своему призванію долженъ былъ отличаться этими качествами, и потому Сирко былъ истиннымъ образцомъ для сичевиковъ: оттого-то его такъ и уважали, и почему-нибудь не поладивши съ нимъ, все-таки снова къ нему обращались и добровольно поступали подъ его начальство. Всю жизнь свою онъ былъ заклятымъ врагомъ бусурманъ, особенно крымцевъ; много разъ водилъ запорожцевъ на Крымъ, жегъ улусы, истреблялъ безъ милосердія и старыхъ и малыхъ и наводилъ на татаръ такой страхъ, что татарки-матери его именовемъ пугали своихъ дѣтей. Наводить страхъ на бусурманъ было идеальное призваніе запорожца. На то и славная Сича существовала на свѣтѣ,

¹⁾ Г. Конискій. Исторія Русовъ, Москва, 1846, стр. 174.

чтобы бороться съ мусульманами. Всегда, когда воевалъ Сирко съ татарами, выручалъ онъ изъ неволи христіанъ, которыхъ было тогда у татаръ много: и это былъ также нравственный долгъ запорожца. Не отличался Сирко постоянствомъ, какъ и вся Сича запорожская имъ никогда не отличалась: мы видимъ Сирка усерднымъ слугою то царя московскаго, то короля польскаго, то онъ былъ другомъ и сторонникомъ Дорошенка, выручалъ его изъ бѣды, то поддерживалъ Дорошенковыхъ соперниковъ, Суховіенка и Ханенка, а потомъ, когда этихъ соперниковъ не стало, опять сблизился съ Дорошенкомъ. Такое непостоянство всегда было въ характерѣ запорожцевъ. Политическій идеалъ Сирка былъ исключительно запорожскій: у каждаго запорожца въ душѣ таилась мысль, что славное Запорожье должно распорядиться судьбою Украины¹⁾. Оттого Сирко, хотя былъ и кошевымъ атаманомъ, но вмѣстѣ съ этимъ стремился сдѣлаться и малороссійскимъ гетманомъ. Одно время, послѣ паденія Многогрѣшнаго, онъ едва не достигъ своей цѣли, но его облеветали сторонники Ивана Самойловича: Сирка схватили, отправили въ Москву, изъ Москвы въ Сибирь, но потомъ, однако, по просьбѣ запорожскихъ козаковъ и польскаго короля, воротили назадъ въ Чортотмыцкую Сичу.

Исторія сохранила намъ извѣстіе о подвигахъ Сирка, даже на самомъ закатѣ его жизни. Въ 1679 году, противъ запорожцевъ, державшихъ тогда сторону Москвы, выступили татары въ союзѣ съ янычарами. Пользуясь ночнымъ временемъ, они бросились было на Сичу; но Сирко, узнавъ во-время о нападеніи враговъ, бросился противъ нихъ, отбилъ все приступы и потомъ двинулся даже въ Крымъ съ пятнадцатью тысячами запорожцевъ, разорилъ множество татарскихъ ауловъ и, захвативъ въ плѣнъ четыре тысячи татаръ, благополучно возвратился въ Сичу. Вслѣдъ за этимъ отправилъ письмо

¹⁾ Костомаровъ. Самозванецъ Симеонъ. Историч. Вѣстникъ, 1880, январь, 2—3.



Ч. II. Рис. 24.

Запорожскій графинь.

крымскому хану, въ которомъ, какъ нигдѣ лучше, обрисовалась его страшная отвага и неодолимое мужество. «Для одержанія побѣды надъ нами, постыднымъ образомъ вторглись вы ночью въ наши жилища и понесли пораженіе. Богъ-сердцевѣдецъ помогъ намъ лучше гостить въ панствѣ крымскомъ, нежели вашими ордами около кучки сичевой. Если же пребываніе наше немного обезпечило васъ, то это оттого, что козаки, происходя не отъ одной матери, имѣютъ также различные нравы и обычаи: иной стрѣлялъ вправо, другой влево, третій просто, — только всѣ попадали въ цѣль. Но когда и засимъ дерзнете вы тревожить нашъ кошъ, вѣдайте, что не одиѣ границы, а вся отчина ваша почувствуетъ силу оружія, на самый даже Стамбулъ ужасъ наводившаго. Теперь посидѣшите выкупить вашихъ плѣнныхъ; въ противномъ случаѣ, черезъ полтора мѣсяца отправимъ мы ихъ къ доброму и богатому его царскому величеству, который навѣрно вознаградитъ насъ изъ казны своей за такую важную присылку»¹⁾.

По всему этому кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ сдѣлался настолько извѣстнымъ въ свое время, что на немъ каждый малороссійскій лѣтописецъ и каждый малороссійскій историкъ считаетъ долгомъ такъ или иначе остановиться²⁾. Въ актахъ южной и западной Россіи, начиная съ пятого тома и кончая двѣнадцатымъ, то-есть въ теченіе лишь одного года (1675 — 1676), можно встрѣтить имя Сирка чуть-ли не на каждой страницѣ. Кромѣ того, въ разныхъ малороссійскихъ архивахъ (въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ) находится огромное количество дѣлъ, относящихся до личности Сирка. Такъ, въ одномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится болѣе трехъ-сотъ актовъ, касающихся личности Сирка.

Подвиги Сирка еще большее впечатлѣніе произвели на совре-

¹⁾ Подлинникъ письма у Ригельмана. Лѣтоп. повѣствованіе. Москва, 1847, II, 168—170.

²⁾ Таковы: Самовидецъ, Величко, Ригельманъ, Гр. Грабянка; историки: Симоновскій, Гр. Миллеръ, Бантышъ-Каменскій, Маркевичъ и др.

менниковъ, что выразилося прежде всего въ созданіи разныхъ пѣсенъ объ немъ:

«Ой якъ крыкне старый орель, шо пидъ хмары вьетця,
Гей загуло Запорожжа та до Сирка тнетця.
Ой не витерь въ поли грае, не орель литае,
Ото жъ Сирко съ товариствомъ на Сичи гулие.
Старый Сирко передъ стягомъ раду оглядае,
Козачѣнкивъ прывитае, стиха промовляе:
«Гей молѣдци-запорожци, татарва лякае!
Не дрижайте, товарищи, бо въ руки алапае;
Збирайтеся до купоньки та сиджайте коня,
Тин кони вороніи, що ждуть на прыпони!»..
Загудило Запорожжа, якъ те Чорне море,—
Понеслися козаченьки облавою въ поле.
Ой якъ свысне старый Сирко на конику сывимъ,
То спынылись запорожци, якъ соньчыко сило.
Ой якъ крыкне старый орель, на шпиль-гору сивши,
Засмутились запорожци, ковей погубивши.
«Ой, батьку нашъ, отамане, шо маемъ робити?
Безъ коней мы, наче орлы, шо въ степу, пидбити?»
Ой якъ крыкне нашъ отаманъ та й до козачѣнкивъ:
«Не журитьця, запорожци, друзи молоденьки!
Ой, годи жъ вамъ турбуватись, годи, пань-браты!
А берите въ руки списы, рушайте гарматы!
То жъ не витерь въ поли грае, не орель витае,
Ото жъ Сирко съ товариствомъ по степу литае»¹⁾

Тѣ-же подвиги Сирка были, затѣмъ, причиною и того, что объ немъ, уже тотчасъ послѣ его смерти, стали ходить разные легенды. Такъ историкъ Мышецкій передаетъ, что запорожцы, послѣ смерти Сирка, нятъ лѣтъ возили въ гробу тѣло своего атамана, чтобы тѣмъ устрашать враговъ и обращать ихъ въ бѣгство, такъ какъ все козаки твердо вѣрили, что съ Сиркомъ нестрашно было идти на войну и тогда, когда онъ уже сталъ мертвымъ²⁾.

Сирко умеръ въ 1680 году, 1 августа, въ собственной

¹⁾ Изъ пѣсенъ, записанныхъ мной въ с. Покровскомъ, екатеринославскаго уѣзда. Пѣсня, видимо, не народнаго склада.

²⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 11.



Ч. II. Рис. 25.

Памятникъ П. Д. Сирка.

пасикѣ, въ Грушевкѣ. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ малороссійскій лѣтописецъ Самуилъ Величко. Того-же лѣта (1680 г.), перваго августа, представился отъ жизни сей, черезъ нѣкоторое время послѣ болѣзни, въ Грушевкѣ ¹⁾, въ своей пасикѣ, славный кошевой атаманъ, Иванъ Сирко. Препровожденный водою до запорожской Сичи, онъ погребенъ честно всею войскою низовымъ запорожскимъ въ полѣ, за Сичею, противъ московскаго окопа, гдѣ погребалось и другое запорожское товариство. Погребенъ онъ знаменито, 2 августа, со мноюю арматною и мушкетною стрѣльбою и съ великою отъ всего низоваго войска жалостію, какъ и слѣдуетъ справному и счастливому вождю, который съ молодыхъ лѣтъ и до старости своей, пробавляясь военными промыслами, не только удачно воевалъ Крымъ и попалилъ въ немъ нѣкоторые города, и не только громилъ въ дикихъ поляхъ, по разнымъ мѣстамъ, татарскіе загоны ²⁾ и отбивалъ христіанскихъ плѣнниковъ; но и, выплывши въ Черное море лодками, въ разныхъ мѣстахъ немалыя škody и разоренія чинилъ бусурманамъ; а по самому морю громилъ корабли и каторги ³⁾, плывшіе изъ Константинополя въ Крымъ, Азовъ и другія мѣста, и съ великою добычею счастливо съ запорожскимъ войскою до своего коша возвращался; его все войско очень любило и за отца своего почитало. Похоронивши же его, какъ выше сказали, съ жалостію, знатную высыпали надъ нимъ могилу и на ней каменный крестъ поставили съ надлежащимъ именемъ и съ подписомъ его дѣяній ⁴⁾.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Сирко, а на Украйнѣ его и до сихъ поръ не забыли. Говорятъ, что

¹⁾ Намъ кажется, что это—Голая-Грушевка, село екатеринославскаго уѣзда; по крайней мѣрѣ, тамъ и теперь у владѣльца Шишкина есть цѣлое урочище, Сиркивка, гдѣ у него отъ предковъ существуетъ пасика.

²⁾ Въ подлинникѣ стоитъ «чамбули», что съ турецкаго языка (чануль) значитъ «загонъ», разбойничій и быстрый «назадъ».

³⁾ По-турецки «гадрпга», судно по три паруса по три тента.

⁴⁾ Лѣтопись С. Величка. Кіевъ, 1851 г., т. II, стр. 497—498.

Сирко явился на свѣтъ божій совсѣмъ иначе, какъ являются обыкновенные люди. «Ото якъ винъ тилько родився, то баба взяла его на руки та виднесла до стола, а на столи стояли пироги зъ потрібкою. Сирко ухопивъ перигъ руками та й зъивъ. Родився, бачете, зъ зубами тай и весь виць ивъ вогивъ»... Говорять, что Сирку и самъ чортъ былъ не братъ. Шель какъ-то онъ по-надъ рѣчкою, у которой стояла тогда Сича. Идетъ, ажъ гулькѣ! въ рѣчкѣ плещется чортъ. Сирко выхватилъ изъ-за пояса пистоль и, не мигнувъ глазомъ, положилъ бѣса на мѣстѣ. Оттого-то и рѣчка стала называться Чортмлыкомъ: «въ ней чортъ только млыкнулъ¹⁾ вверхъ ногами, когда луснулъ его Сирко». Говорять, что равнаго Сирку не было, да не будетъ въ цѣломъ свѣтѣ, и ему самъ Господь открылъ это. Оттого, умирая, онъ далъ завѣщаніе не хоронити выше себя никого. «Хто ляже наровнѣ зо мною, то ще братъ, хто жъ передъ мене, той проклять». Говорять также, что Сирко даже и не умеръ, а гдѣ-то бродитъ по свѣту, незримо воюя съ врагами.

«Вы думаете, паньчкы,—разсказываетъ старуха Зиновія Ивановна Нелипа, теща крестьянина Николая Алексѣевича Мазая, въ огородѣ котораго стоитъ памятникъ Сирка,—вы думаете, шо въ цій могилѣ лежитъ Сирко? Ни, тутъ ёго одна тилько рука, а винъ самъ ходе десь по свиту и воюе зъ ворогами... Якъ ставъ, бачете, Сирко умирати, то й каже запорожцямъ: «Хто тилько оцю мою праву руку буде носити, то буде винъ вогивъ и день и ничъ кришити». Отъ небѣ-бѣ-то и вмеръ винъ. Запорожци одризили у него руку, засушили їи, симъ годъ возили съ собою на війну. Та все города брали. Оце яка немира, то вони заразъ выставлятъ їи въ гору тай кричать: «стойте,

¹⁾ На самомъ дѣлѣ слово «Чортмлыкъ» сложено изъ двухъ словъ, русскаго «чортъ» и татарскаго окончанія «млык», которое приставляется для образованія отвлеченныхъ понятій, преимущественно именъ существительныхъ отъ именъ прилагательныхъ, какъ напр. «бай»—богатый, «байлыкъ»—богатство.

молодци, душа и рука Сирка зъ нами! Такъ ти вороги, якъ зачуютъ Сирка, та такъ якъ скажени и порозбигаютця... Такъ отутъ та сама рука и похована, а самъ Сирко и доси гуляе десь по свиту: его, чуєте, и земля не бере, бо винъ такий страшный вояка, шо й земли не сдерже. Намъ винъ, хай надъ нимъ земля перомъ, щастить; за те я їго и въ граматку записала, щобъ панъ-отець поминавъ у церкви».

Сравнивая вышеприведенную надпись на памятникъ Сирка съ свидѣтельствомъ лѣтописца Величка, мы находимъ небольшую разницу въ показаніи времени смерти Сирка. Намогильная надпись гласитъ, что Сирко скончался 1680 г., 4 мая, между тѣмъ какъ Величко утверждаетъ, что Сирко умеръ 1680 года, 1 августа. Чему вѣрить предпочтительно? Какъ ни странно, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ больше вѣры можно дать Величку. Дѣло въ томъ, что показаніе Величка совершенно совпадаетъ съ показаніемъ преемника Сирка, кошевого атамана Ивана Стягайла, заключающемся въ письмѣ его къ полковнику Василю Перхурову. «о смерти кошевого атамана Ивана Сѣрка, перваго августа воспослѣдовавшей»¹⁾. Что же касается показаній памятника, то въ данномъ случаѣ остается предположить, что это совсѣмъ не тотъ памятникъ, который поставленъ былъ Сирку тотчасъ послѣ его смерти и о которомъ упомянулъ Самойль Величко; нужно думать, что первый памятникъ былъ разрушенъ русскими войсками въ то время, когда они осаждали Чортотмыцкую Сичу, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана. Въ то время много было разрушено вещественныхъ памятниковъ запорожскихъ, а въ томъ числѣ могъ быть разрушенъ и памятникъ Сирка. Послѣдующее поколѣніе, возстановляя памятникъ, могло ошибиться въ числѣ и мѣсяцѣ смерти Сирка, не имѣя передъ собою подлинника.

Въ деревнѣ Кацуливиѣ ходитъ разсказъ о сѣдлѣ Сирка, выкопанномъ въ землѣ крестьяниномъ Прусенкомъ. Крестья-

¹⁾ Письмо это открыто мной въ Москвѣ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, подъ 1680 годомъ, августа 9, за № 20, въ связкѣ № 55.

нинь Прусенко копалъ землю близъ илетня, чтобы подвести подъ него подпору. Выкопалъ онъ яму не болѣе, какъ въ ко-
лѣно, вдругъ видитъ, какъ будто что-то блеснуло. Сталъ ко-
пать дальше, видитъ—лошадиныя кости; къ костямъ. на нихъ
сѣдо съ блестящими «гайками». Сталъ онъ выбирать эти
«гайки». Выбиралъ—выбиралъ и цѣлый подситокъ набросалъ.
«Что оно такое? Блестить, точно золото, но золото ли на са-
момъ дѣлѣ? Дай пойду въ Никополь къ жиду Оськѣ; онъ вѣдь
долженъ знать, что оно такое, золото ли или мѣдь». Собралъ
Прусенко всѣ гайки въ женскій рукавъ. — полнехенькій ру-
кавъ!—и пошелъ къ жиду. Пришелъ. «Здоровъ!»—«Здоровъ!
А шо скажешь?» «Та подивись, Оська, что я выкопавъ». Оська
посмотрѣлъ. повертѣлъ въ рукахъ, попробовалъ зубами,
полизалъ языкомъ и спрашиваетъ. «А багато ты найшовъ
нихъ штукекъ?» «Та цилый рукавъ!»—«Добре. Ты мени ихъ
зоставъ, а я понесу до Ицки. такъ той намъ и разгадае, шо
воно таке есть, чи золото, чи, може, мидь. А ты, чоловіче,
посидь тутъ у корчми, за стойкою. щобъ якъ хто прійде,
отпустити ему горилки». «Чомъ-же не такъ»?... Жидъ ушелъ,
а Прусенко остался за стойкой. Какъ забрался за стойку, тутъ
ему и матъ пришелъ: вынилъ сперва чарку, а на ту чарку
другую. а на ту другую третью—и потомъ пошелъ писать...
Да такъ цѣлыхъ три дня. Хватился уже на четверый день, а
Оськи нѣтъ. Прождалъ еще два дня, а его все нѣтъ. Бросился
тогда Прусенко къ Ицкѣ. «А шо бувъ у тебе Оська?»—«Ни,
зъ роду винь у мене не бувавъ. та я їго и знати добре не
знаю»... Такъ Оська и исчезъ. Уже спустя много времени
послѣ этого кто-то рассказывалъ, что видѣлъ Оську въ Одессѣ.
Тогда только Прусенко догадался, какого онъ зѣвка далъ. Изъ
всѣхъ «гаекъ» у него только осталось двѣ, которыя онъ далъ
поиграть дѣтишкамъ. Понесъ онъ эти гайки къ управляющему
экономіей въ село Покровское. «Да это, братецъ, чистѣйшее зо-
лото, да еще какое золото! Хочешь получить за эти двѣ штучки
пару самыхъ лучшихъ воловъ въ экономіи и къ нимъ двѣ

кованныхъ брочки?— «Та-вже жь давайте, бо якъ не дасте, той ци жидь лкійсь выдуре». Этотъ разсказъ подтвержденъ официальнымъ показаніемъ становаго пристава. Н. П. Корнилова.

Кромѣ могилы кошеваго Сирка. въ Каузулівкѣ есть двѣ могилы козака Симеона и Данила Борисенка,—обѣ въ току крестьянина Марка Мирошниченка, по-уличному, Богатаго. На каждой изъ могилъ стоитъ каменный крестъ съ надписью: «Зде опочиваесть: рабъ божі сімеонъ ко... товаришъ куреня васюринскаго преставися: року 1728 года». «Зде опочиваесть рабъ бж данило Борисенко; к: стеблѣвскаго вышаго умре року 1709 мѣсяца марта 4». Кромѣ того, за токомъ подь плетнемъ у Марка Мирошниченка лежитъ еще такъ-называемая гробница, т. е. подставка подь крестъ съ надписью: «Отъ рождества христова 172 г.: мѣсяца июля 16». Молва гласитъ, что хозяинъ двора подь вторымъ крестомъ нашель кладъ, почему изъ бѣднаго челоувѣка сдѣлался сразу богачемъ и воротилой всей деревни.

Съ западной стороны, близъ самой деревни, находится такъ называемое старое запорожское кладбище, на которомъ стоитъ четыре каменныхъ креста съ надписями. «Року 1728 мѣсяца ноябрия дня 4 помяни господи душу усбшагося от адама даже и до сего дне. Зде опочиваесть рабъ божіи даниилъ конеловскаго куреня козакъ». «Зде престався рабъ божіи лукіанъ товаришъ куреня медведевскаго року 1729 мѣсяца сентеврія дня 17». «Зде опочиваесть рабъ божіи сидоръ знатный товаришъ куреня кисляковскаго преставися за атамана евстаѳія шкури. а року 1729 июня дня 20 Н. М. К». «Помяни господи душу раба своего ефрема носѣвскаго куреня васюринскаго а преставися року 1728 мѣ декамврия дня в 17».

Со стараго кладбища открывается великолѣпнѣйшая перспектива на мѣсто самой Сичи, точно утопающей среди роскошной зелени и точно плавающей среди множества рѣкъ. Но чтобы близко рассмотреть Сичу, надо спуститься внизъ

съ высокаго кладбища и пройти улицею до рѣки Пидпильной. Тутъ прежде всего бросается въ глаза довольно возвышенный, но отлогій, песчаный спускъ, усѣянный множествомъ мелкихъ рѣчныхъ ракушекъ и усаженный толстыми вѣтвистыми вербами и осоками; а ниже спуска, черезъ рѣку, открываются необозримыя сплошныя плавни, мѣстами затопленныя водой, мѣстами покрытыя водой, но въ томъ и другомъ случаѣ поросшія густымъ лѣсомъ, изъ деревьевъ мягкой породы: осокорей, шелковицы, вербы, ивы, шелюги. Съ востока на западъ лѣсъ тянется необозримо длиною полосой, съ сѣвера на югъ онъ простирается на протяженіи пятнадцати верстъ, до самаго Днѣпра. Здѣсь-то, въ виду вѣковѣчнаго лѣса, опоясанный множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, стоитъ небольшой, но довольно возвышенный и живописный островокъ, кругомъ окаймленный молодыми деревьями и сверху поросшіи высокими густымъ бурьяномъ. Мѣстоположеніе острова, при всей его поразительной красотѣ, кажется, однако, какимъ-то пустыннымъ, наводящимъ уныніе на душу человѣка; отъ него вѣтъ чѣмъ-то далекимъ—далекимъ, чѣмъ-то давно-давно и безвозвратно минувшимъ.

— Да не это ли Сича?

— Это она и есть!...

Въ настоящее время эта Сича стоитъ пустыремъ; на ней, кромѣ небольшой экономической хаты, да немногихъ крестьянскихъ огородниковъ, нѣтъ никакихъ и признаковъ жилья. Одинъ вольный низовой вѣтерокъ свободно гуляетъ по ней. Тишина, точно на днѣ глубокой могилы... А между тѣмъ когда-то здѣсь кипѣла жизнь, и какая жизнь? Жизнь во всемъ просторѣ, во всемъ широкомъ разгулѣ: тутъ и бандуры звенѣли, тутъ и пѣсни разливались, тутъ-же и злые танцоры кружились такимъ вихремъ, отъ котораго пыль поднималась столбомъ, воздухъ стоналъ стономъ, земля звенѣла звономъ... А теперь? гробовое молчаніе, теперь мертвая тишина, такая тишина, точно въ закодванномъ темною силою царствѣ. Теперь... что теперь? Лишь одни слабые намеки на то, что когда-то жило

здѣсь полною, открытою. никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемою жизнью.

Вотъ, съ лѣвой стороны. къ рѣкѣ Пидпильной бѣжитъ рѣка Чортотмыкъ, а по правому берегу Чортотмыка видны остатки запорожскаго кладбища. По всѣмъ признакамъ, во время пребыванія здѣсь запорожцевъ, оно было довольно обширно, но теперь большая часть его находится подъ деревней, а меньшая вся изрыта кладоискателями. Жажда золота и мертвымъ не даетъ покоя!.. Къ тому же и самъ Чортотмыкъ не щадитъ своей святыни: ежегодно разливаясь, онъ подмываетъ свой правый берегъ и выноситъ изъ него цѣлые гробы съ козацкими костями. Оттого на берегу рѣки или на самомъ днѣ ея, во всякое время года, въ особенности же весной и осенью, можно видѣть цѣлыя кучи валяющихся череповъ и костей. А если взять въ руки лопату и отвалить нѣсколько кусковъ земли отъ праваго берега Чортотмыка, то тутъ можно видѣть и цѣлые человѣческіе остовы, и куски разнаго платья, и длинные козацкіе чубы, и оловяныя пули, и цѣлые куски свинцу, и большіе круги дроту, и даже козацкое оружіе. Грустно смотрѣть на эти нѣмые остатки нѣкогда кипѣвшей здѣсь живымъ ключемъ человѣческой жизни! Грустно въ особенности потому, что и самые остатки эти попираются ногами проходящихъ людей и нерѣдко смѣшиваются съ костями и мясомъ дохлыхъ лошадей, коровъ, собакъ и кошекъ... И невольно вырывается въ такой моментъ святой стихъ «лиричнаго» поэта:

«Подывысь на кладовыще, де лежать мои сыны;
Ихъ могилы розмывае повидь жоднои весны!
Вспомъ до тихъ могилъ байдуже, и нема тиі руки,
Щобъ якъ свято поховала черепы и кистняки»¹⁾).

Самый островъ, на которомъ была славная и грозная Сича Чортотмыцкая, представляется въ настоящее время въ такомъ видѣ. (См. табл. XXVI). Весь онъ состоитъ изъ песку, раздѣленъ на двѣ неровныя половины: возвышенную на западѣ и

¹⁾ Щоголевъ. Ворскло. Харьковъ. 1883 г., стр. 152.

низменную на востокъ. Первая заключаетъ въ себѣ всего лишь 1050 квадр. сажень, а вторая—двѣ десятины и 1200 квадр. сажень. Но собственно только возвышенную часть и можно назвать островомъ, такъ какъ она никогда не затопляется водой. Весь сѣверный берегъ острова возвышенный, поднимающийся до четырехъ сажень надъ уровнемъ воды; южный—отлогій, постепенно понижающийся и подъ конецъ покрытый деревьями; западный также возвышенный, но менѣе чѣмъ восточный, зато онъ крутъ, обрывистъ и въ юго-западномъ углу покрытъ лѣсомъ; восточный нѣсколько выше западнаго, но не такъ крутъ и обрывистъ, зато онъ весь охваченъ густыми и высокими деревьями. На этой возвышенной половинѣ острова отъ запорожцевъ сохранились въ настоящее время два рва съ валами и пять ямъ, изъ коихъ три ямы находятся въ сѣверо-восточномъ углу острова, передъ рвами, а двѣ на западной сторонѣ его, за рвами. Рвы расположены одинъ возлѣ другого, на разстояніи около сажени, и тянутся сперва съ сѣверо-востока на юго-западъ, на протяженіи четырнадцати сажень, потомъ, подъ прямымъ угломъ, поворачиваютъ на юго-востокъ и тянутся на протяженіи пятнадцати сажень, высоты имѣютъ до четырехъ, глубины до трехъ сажень.

Что касается низменной части острова, то это есть собственно то, что въ Малороссіи называютъ левадой; возвышаясь надъ уровнемъ рѣчныхъ водъ едва нѣсколькими футами, она уже въ небольшую воду затопляется; на ней растутъ великолѣпныя высокія и вѣтвистыя деревья, а между деревьями разбросаны громадныя гранитныя глыбы. Вокругъ всего острова, и возвышенной и низменной его части, сходятся восемь рѣчекъ: съ сѣвера Пидпильня; съ востока Гнилая, въ старыхъ картахъ Прогной, и Скарбная ¹⁾; съ юга Павлюкъ ²⁾, прітокъ Днѣпра,

¹⁾ Скарбная идетъ изъ Днѣпра; имѣетъ въ длину 7 верстъ, въ ширину отъ 6 до 4 саж.; она обязана своимъ названіемъ тому, что въ ней запорожцы прятали свой скарбъ.

²⁾ Рѣчка Павлюкъ названа отъ куреннаго атамана Павлюка, спод-



Ч. II. Рис. 26.

Видъ Чортommyцкой Сичи.
Рисунокъ С. И. Васильковскаго.

Тип. Эд. Гоппе.

и проризъ Бейкусъ, впадающій однимъ концомъ въ Павлюкъ, другимъ—въ Скарбную; съ запада тотъ же Павлюкъ и та-же Пидпильня. Кромѣ того, Скарбная принимаетъ въ себя рр. Лалинку ¹⁾ и Скажену, идущія къ ней по направленію отъ сѣверо-востока къ югу-западу, а Пидпильня—рѣчку Чортомлыкъ, бѣгущую къ ней прямо съ сѣвера и дающую названіе самой Сичи ²⁾. Уже изъ одного этого перечня рѣчекъ видно, насколько описанная мѣстность была удобна для построенія на ней Сичи: со стороны крымской Сича была защищена широкими и непроходимыми плавнями и множествомъ водныхъ протоковъ, со стороны польской—широкой болотистой рѣчкой Чортомлыкомъ, а еще ниже Чортомлыка—вѣтвистой и глубокой рѣкой Базавлукомъ, удаленной отъ Сичи верстъ на восемнадцать къ западу.

Но спрашивается, таковъ-ли былъ видъ Чортомлыцкой Сичи во времена самихъ запорожцевъ? Далекое не таковъ. Въ настоящее время она представляется въ видѣ небольшого, совершенно круглаго острова; но во времена пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ это не былъ островъ, а только мысъ или рогъ, на подобіе мыса или рога Микитина. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, во-первыхъ, приведенный выше «Указъ кошевыхъ о запорожскихъ городахъ» ³⁾, во-вторыхъ, «Планъ всей мѣстности по Днѣпру отъ г. Никополя до Борислава» ⁴⁾; въ-третьихъ, «Планъ старой Чортомлыцкой Сичи козаковъ», снятый въ 1738 году ⁵⁾ съ цѣлью укрѣпить эту мѣстность для возвращавшихся тогда изъ изгнанія запорожскихъ козаковъ и, наконецъ, рассказы и увѣренія стариковъ: Михаила Рѣшетняка, жителя мѣстечка

вижника Ивана Сирка; Павлюкъ въ этой рѣчкѣ потопилъ отрядъ татаръ. Она имѣетъ длины 4 версты, ширины отъ 80—30 саж.

¹⁾ Лалинка выходитъ изъ Днѣпра, подъ Никополемъ; длины имѣетъ 13 верстъ, ширина до 10 саж.; впадаетъ въ лиманъ.

²⁾ Чортомлыкъ вытекаетъ изъ балки Соленой или Чортомлыцкой, подъ Никополемъ, тянется на 100 верстъ и впадаетъ въ Лалинку.

³⁾ Акты, относящіеся къ южн. и зап. Рос., т. XI, стр. 12.

⁴⁾ Шмидтъ. Зап. одес. общ. истор. и древн., т. IV, стр. 468, табл. X.

⁵⁾ Тамъ-же, таблица XII.

Никополя, и Одарки Бѣлой, жительницы деревни Капуливки, прожившихъ около ста лѣтъ и много видѣвшихъ на своемъ вѣку. «Чувъ я, якъ козакувавъ у Новій Сичи (последней по времени) отъ Өтоминича та отъ Билыцькаго (кошевые ата-маны), шо того острова (Чортомлыцкаго) не було, а запорожци зробили ривъ и пропустили воду зъ Чортомлыка, щобъ не датья москалямъ (русскимъ войскамъ). Бувъ тоди наказный отаманъ Богушъ Якимъ, гарный козакъ, на мисто кошового Кости Гордіенка, шо зъ Мазепою зминовъ русскому царю (Петру I-му); винъ одкопавсь отъ берега, зробивъ на шпыли крипость, поставивъ гарматы и веливъ принести туды увесь козацкій скарбъ»¹⁾. Отъ этого-то изъ рога и образовался островъ. Однако Богушъ не удержался въ своемъ укрѣпленіи, и козаки, долго защищаясь, подъ конецъ должны были забрать свое имущество и удалиться внизъ по Днѣпру, къ туркамъ. Тогда ихъ Сича, по распоряженію царя Петра, посланными имъ полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ, была срыта до основанія. Но съ тѣхъ поръ р. Чортомлыкъ стала нести свои воды не въ Скарбную, а въ выкопанный Якимомъ Богушемъ ровъ и, постепенно размывая его, превратила его въ широкую рѣку, соединившуюся съ р. Пидпильней. (См. пл. IV). Измѣненіе мѣстности такъ скоро произошло, что уже на картѣ 1745 года, напечатанной по-французски и хранящейся въ румянцевской библіотекѣ въ Москвѣ, Чортомлыцкая Сича представлена въ видѣ острова, омываемаго съ южной стороны Павлюкомъ, а съ сѣверной—Пидпильной въ соединеніи съ р. Чортомлыкомъ²⁾. Въ такомъ же видѣ Чортомлыцкая Сича представлена и на картѣ 1798 года, хранящейся въ экономіи великаго князя Михаила Николаевича, въ с. Грушевкѣ, херсонскаго уѣзда, кото-

¹⁾ Рышетнякъ имѣлъ около 30 лѣтъ при уничтоженіи последней Сичи. Записки одесск. общ. истор. и древ., т. IX, 441.

²⁾ Recueil de toutes les cartes Publiées par l'Académie de Petérsbourg à Paris, 1745.

рому въ настоящее время принадлежать всё мѣста бывшихъ Сичей Базавлуцкой, Чортомлыцкой и Пидпильненской.

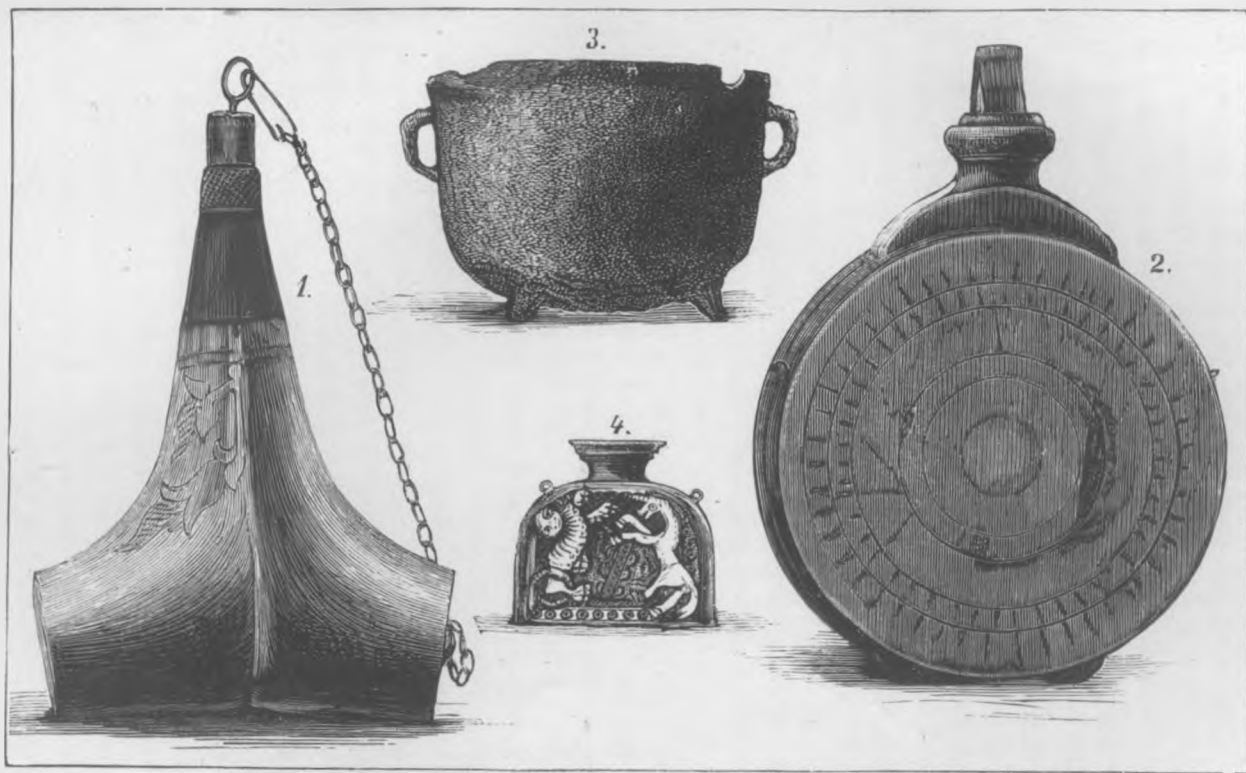
Вотъ все, что можно сказать о ви́шнемъ видѣ Чортомлыцкой Сичи въ ея прошломъ и настоящемъ. Не довольствуясь, однако, однимъ осмотромъ съ ви́шной стороны Чортомлыцкой Сичи, я рѣшилъ на возвышенной части острова произвести небольшую раскопку. имѣя цѣлью, главнымъ образомъ, отыскать мѣсто бывшей здѣсь запорожской церкви. Для раскопки взята была одна изъ ямъ средней величины, въ юго-восточномъ углу Сичи, показавшаяся мнѣ мѣстомъ фундамента какого-то зданія. Яма по виду была круглая, въ окружности имѣла 10 саж., въ глубину до 2 аршинъ. По очисткѣ отъ травы и по снятіи всего одной четверти аршина земли, въ ней найденъ былъ сперва слой рыбьей шелухи, покрывавшій все пространство ямы, кромѣ самаго центра ея, на четверть толщины; ниже слоя рыбьей шелухи шелъ слой древесной золы, покрывавшій также все пространство ямы, но на глубину полуторы четверти аршина; ниже слоя древесной золы слѣдовалъ слой костей отъ разныхъ животныхъ и птицъ; ниже слоя костей—слой битой посуды, прекрасно обожженной и сдѣланной изъ превосходной глины. Послѣ послѣдующихъ пяти слоевъ обнаружился материкъ, который оказался крупнымъ желтымъ пескомъ, и тутъ, на глубинѣ двухъ съ половиной аршинъ отъ поверхности ямы, найденъ большой деревянный сундукъ, сбитый желѣзными скобками, но отъ времени совсѣмъ развалившійся. Внутри сундука лежало нѣсколько штукъ гвоздей, двѣ черепковыя хорошенькія трубки, одна краснаго, другая чернаго цвѣта, кусокъ желѣзной подковы, кусокъ поддоски, кусокъ желѣзнаго шкворня, суконная подпруга съ желѣзной пряжкой на ней, множество стекла, множество черепковъ отъ битой посуды, оловянная пуля для пистолета, небольшой надточенный брусокъ, мѣдный перстень съ печатью, свистунъ, имѣющій подобіе коня, черепковые грузки для рыбныхъ снастей, костяная. въ видѣ рога, съ узорами, натруска, чернильница, деревянная рѣзная пороховница, чугуинной казанъ. Послѣд-

ній вмѣстимостью полтора ведра, имѣеть два ушка съ боковъ и три ножки снизу, служащихъ ему вмѣсто подставки. (См. табл. XXVII). По всему этому видно, что вскрытая яма служила мѣстомъ войсковоу скарбнищю, куда козаки клали разное свое добро, какъ теперь простой народъ владеть его въ каморки или пуньки.

Двѣ остальные ямы были нѣсколько больше первой: одна въ окружности 15 сажень, другая — 12 сажень. Обѣ онѣ оставлены мной нетронутыми, разрыты только валы. При раскопкѣ валовъ взято было направленіе отъ сѣвера къ югу и разрыто небольшое пространство, всего лишь въ полторы сажени длины. Легкость, съ которой происходила разработка вала, показала, что онъ насыпанъ сравнительно въ недавнее время, лѣтъ сто, полтораста тому назадъ. При раскопкѣ вала въ немъ найдены остатки толстыхъ и у самаго конца обугленныхъ палей, разставленныхъ вдоль всего вала и служащихъ указателемъ, очевидно, того, какъ нѣкогда укрѣплена была Сича: окопанная высокимъ валомъ и осторченная высѣченными въ лѣсу дубами, она представляла изъ себя первобытнаго вида крѣпость и была въ истинномъ смыслѣ слова Сича.

Покончивъ съ раскопками на Сичи и собравъ нѣсколько древнихъ вещей, хранившихся у крестьянъ ¹⁾, я рѣшилъ осмотрѣть, въ нѣсколько приѣмовъ. ближайшія мѣста къ Чортотмыцкой Сичи, въ сопровожденіи опытныхъ лѣсничихъ; сѣвъ въ лодку, мы направились сперва къ правому берегу рѣчки Чортотмыка, на полверсты выше Чортотмыцкаго острова, и тутъ увидѣли пять окоповъ отъ бывшихъ запорожскихъ куреней. Судя по этимъ окопамъ куреней, можно думать, что на островѣ помѣщались только главныя постройки Сичи: церковь, будинокъ для кошеваго атамана, домикъ для войсковаго скарба, да зданіе для войсковоу канцелярїи, а самыя курени козаковъ расположены были на теперешнемъ правомъ берегу рѣчки Чортотмыка,

¹⁾ На Чортотмыцкой Сичи, между прочимъ. находятся каменные молотки неолитическаго періода и фибулы бронзоваго вѣка.



Ч. II. Рис. 27.

Казань, пороховницы и чернильница.

причемъ причолки ихъ выходили на берегъ рѣки, а боковыя стѣны—на югъ и сѣверъ.

Отъ Чортмлыка мы направились вверхъ по Павлюку къ рѣкѣ Днѣпру. Проплывъ нѣсколько Павлюкомъ, который страшно быстро мчитъ свои воды въ Пидпильню, мы тотъ-же часъ вскочили въ Чортмлыцкое Днѣприще. Промчавшись еще нѣсколько по Чортмлыцкому Днѣприщу, мы очутились наконецъ и у самого Днѣпра. Все это время мы плыли между плавень, сплошь покрытыхъ густымъ и очень высокимъ лѣсомъ. Отъ острова до Днѣпра считается всего лишь три версты: полторы версты отъ Сичи до Чортмлыцкаго Днѣприща и полторы версты отъ Чортмлыцкаго Днѣприща до самого Днѣпра.

— Скажи мени, добродію,—обратился я къ одному изъ своихъ лодочниковъ, Прокопу Табуненку,—скільки воно оця Сича займала земли за козакивъ?

— За козакивъ вона займала земли бильшь, ніжъ теперь. Це ін писля козакивъ кругомъ обваляло: видцила вода риже и видцила, то вона и йде у воду. За козакивъ вона була, гляди, коли не тысячу сажень кругомъ. Тоди не такъ воно було. Тоди и рички, шо теперь коло Сичи, совсимъ не такъ шли: вони вси вершались до Сичи. Оця ричка, то йде видъ Капулипки, Прогній (Гнилая), падала першъ у Липинку, а сама Липинка умисти съ Прогноемъ падала у Скарбну, а Скарбна уже йшла по-за Сичею, сажень на висимдесять нижче, а потимъ сходилась съ Павлюкомъ, самъ же Павлюкъ выльавався у Пидпильню. Отъ якъ воно було. Якъ бачьте, зовсимъ не такъ, ніжъ теперь: теперь и Прогній, и Липинка, и Скарбна бижать передъ самою Сичею и падають у Пидпильню, а не въ Павлюкъ, бо теперь винъ уже самъ собою идѣ. Тоди оця ричка, шо мы называемо ін Пидпильнею, не доходила до Сичи: тутъ противъ Сичи була невеличка канавка, а черезъ ту канавку лежала дощечка, а по тій дощечци переходили. кому треба було, на саму Сичу. Якъ мы були малыми, то намъ диды розказували, шо бъ-то по тій дощечци переходили люди на Сичу до

церкви, бо тамъ. кажуць, стояла гарна церква, на камени змурована.

— Такъ отъ якъ воно було! Хто-жъ то оце все попереминавъ?

— Сами жъ запорожци! Видбывались вони видъ царици та й зробили тутъ, видъ суши, проризъ, а въ проризъ направили воду изъ ричокъ; тоди вже вода пишла сюди передъ Сичею, а прежне свое русло, по-за Сичею, зоставила. Черезъ него-то и лежала дощечка, шобъ переходити людямъ изъ слободы на Сичу.

— На-що жъ то було людямъ переходити изъ слободы на Сичу?

— Ловити рыбу. Тамъ, по-за Сичею, була, коли хочете знати, глыбока яма, дуже глыбока, а въ тій ями плодилась невидима сила рыбы. Такъ за тією рыбою и ходили люди на Сичу. Окримъ того ходили люди и за звиромъ; за Сичею тамъ же велики плавни, по тихъ плавняхъ звиръ усякій водивсь, такой звиръ, шо вже не припизняйся було, хлопче, зъ вивцями, а то не однои не зостанетця. Народу мало було та й слобидка мала було, може хать десять на всю Капуливку, а звиру, мабуть, у десятеро бильшь, ніжъ людей та хать.

— А воды тоди бильшь було, ніжъ теперь?

— Ни, цего не скажу: воды, наче, тоди меньшь було; Пидшильня була якъ тычечка; отъ хиба Чортомлыкъ? Цей глыбокій бувъ та й ширше, ніжъ теперь.

— А лиса добри були?

— Лиса прямо несходыми и невидыми. Отъ тилько округъ самой Сичи, тамъ лиса не було.

— Якъ не було? А теперь же якій великій росте!

— Э, не такъ давно винъ повырись!

— А якъ?

— Съ тихъ пиръ, якъ умеръ Грыцько Горбатый.

— Хто жъ воно есть той Грыцько Горбатый?

— Це нашъ таки капуливскій чоловікъ. Богатыня бувъ такий, шо страхъ одинъ! Тай не даромъ: ему чорты гроши возыли. Пжи Богу, кажуть, шо возили. Мій батько сами бачили тихъ чортивъ. Оце, кажуть, устанешъ було ранкомъ тай йдешъ повзъ рички на плавни за киньми, а воны (чорты) уже й идуть; два запряжени у тачку, а третій, падлющій-препадлющій, горбатый, увесь обидранный, съ пидбитымъ окомъ, сидыть на передку та паня тыми двома. А ци бидолахи ажъ у три погибели згинаютця та везуть; худкїи таки, шо ажъ ребра у ихъ повылазыли. А батько оце поривняютця зъ ними тай кажуть: «Здоровъ!»—«Здоровъ!» Не кажуть уже тамъ: «помогай Бигъ», бо того чорты не люблять, а тилько «здоровъ» та й годи. «А кому везете золото?»—«Та тому клятому сыну, Грыцьку Горбатуму! Не якъ не настачимъ»... «Ну, везить, везить, ягъ шо не настачите»... То воны й попруть прямо у двирь до Горбатого. А Грыцько Горбатый выйде до нихъ, поличе золото, высыпе его у скрыню, тоди вже зове чортивъ у хату обидати. А люди того й не бачуть. Та оце наварють Грыцьку казаныше борщу, видерь десять, або й бильшь, тай дывляютця, якъ то винъ те все поисть. А имъ и гадки нема, шо коло Грыцька три чорты. Тилько шо нальють борщу у казанъ, а его уже й не стало: «Хапъ! хапъ! хапъ!» Такъ усе и похопають. «А шо нахрекались борщомъ?»—«Нахрекались!»—«Ну, теперь знову за работу!». Та такъ воны бидолахи робили ему, може, годъ двадцать, коли не бильшь, а потимъ уже якось и пытають: «Доки жъ мы тоби возытымимъ, Грыцьку, те золото?»—«Ажъ поки не обсадите усю Сичу молоднягами та поки не засыпете землею оту яму, шо за Сичею. Чули?»—«Чули!»... У тужъ ничъ якъ принялись чорты, якъ принялись, та такъ усю Сичу и обсадили молоднягомъ: де осокорами, де вербою, а де шовковицею. А видь ямы, шо була за Сичею, и слида не зоставыли: усю землею завалили. Отъ съ тихъ поръ Сича и обросла лисомъ; съ тихъ же поръ и вода їй ничого не поробе, а то десь давно бъ уже рознесло.

— Ну, а скажите мени, чи була таки тутъ церква у запо-
рожцивъ?

— Кажуть, шо була; самы-то мы. по правди сказать, не
бачили, а отъ кого не спытаемо изъ старыхъ людей, то всяке
каже, шо була.

— А дежь вона дилась?

— Та балачка е, шо бѣ то їи звела цариця Катерына.

Понаравилась, бачьте, царицы Катерыни запорожська земля.
Отъ вона й задумала звести зъ неи запорожцивъ. Задумала
тай прыбыгла сюды ажъ изъ самисенького Петенбурху тай стала
отутъ саме, де стоить у насъ млынъ ¹⁾ на гори. Стала и да-
вай зазывати до себе запорожцивъ, небі бѣ то въ гости. Отъ
воны й зибрались. А промиждо ними бувъ одинъ такий. шо де
шо знавъ соби,—такъ знаюкою винъ и звався у нихъ. Винъ и
непоказный изъ себе бувъ: такий невеличкій, хромый та ще и
пидслипуватый. Шлявся десь по степахъ, та лазивъ десь по
плавняхъ, а дали й почувъ, шо козаки збираютця до царицы.
Кой-якъ дошкандыбавъ до Сичи та заразъ на майданъ; ды-
вытця, ажъ тамъ рада; винъ и соби до рады. «А куды не вы,
панове-молодци, зибрались»? — «До царицы въ гости»? «Ось по-
слушайте мене, панове, та не ходите вы до тихъ клятыхъ мо-
скиливъ». — «А чому такъ»? «А тѣму, шо превельке буде вамъ
лыхо видь ныхъ». «Шо за лыхо? Та нема того на всимъ свити
лыха, шо бѣ мы ёго боялись! Пидьмо, братци, шо зъ нимъ бази-
кати»? Отъ и пишли. Приходють прямо до царицы, отдають їй
чоломъ, чи яжъ тамъ треба, а вона заразъ и пыта ихъ: «А
чи вси вы, дитки, прійшли»? — «Усп, мамо!» «И никого на
Сичи не zostавили»? — «И никого, мамо, на Сичи не zostавили.
окримъ хйба тихъ, шо хроми, або слипи, або убоги». «Ну.
помолитця жъ теперъ Богу та попросайтесь изъ своею Сичею.
бо бильшь вамъ їи не бачити. Не съ тимъ я прійшла до васъ,
щобъ шакувати, а щобъ руйнувати». Якъ тилько вымовыла ца-

¹⁾ На сѣверъ отъ мѣста бывшей Сичи.

рыця оци сами слова, заразь же кинулись до запорожцивъ москали. позакували ихъ у кайданы, поодбирали одъ нихъ худобу тай поразсылали кудысь свить за очима. Якъ ось почувли уже ти, шо позаставались на Сичи. Давай мерци збирати свое збижжа, та сидати на каюки та тикати пидъ турка. Выскочили уже геть-геть за Сичу тай схаменулись. «Эхъ, панове-молодци, усе мы гараздъ зробили, усе мы добре вдіялы, та тилько одно погано учинили, шо церкву свою покинули. Ну, шо жъ теперь казати?.. Хай крые ін Божя мате!.. А тимъ часомъ москали уже перевязали запорожцивъ, уже й кинулись до Сичи. та тилько трохи опизнились. До неи, а тамъ никогисенько нема, стоить одна церковця. «Ну, шо жъ, кажуть, намъ и церква здастья!..» Та до неи, а вона видъ нихъ; до неи, а вона видъ нихъ; до неи, а вона видъ ныхъ... Потимъ отакъ ходыла-ходыла тай пишла скрызъ землю передъ самисенькими очима москаливъ. Уся, якъ есть, зъ дзвыницею и съ крестомъ, такъ и пирнула. Одна яма одъ неи тилько й зосталась... Наши батьки ще бачили хочъ ту яму, а мы вже й ямы не бачили: вода пидмыла. Це вже, мабуть, за наши тяжкii грихы.

Разказанное преданіе относится къ 1709 году и должно быть связано съ личностью не Екатерины II, а Петра I. Петръ I, мстя запорожцамъ и ихъ кошевому атаману Константину Гордѣвичу Головку, за измѣну въ пользу шведскаго короля, Карла XII, послалъ къ Чортотмыцкой Сичи большой отрядъ московскихъ войскъ, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана, и велѣлъ разрыть её до основанія или, какъ говорятъ малороссы, «у пень», а поляки—«до шенту». Приказаніе было исполнено въ точности: разрушены были не только курени, но даже могильные памятники. Тогда же уничтожена была и сичевая церковь. А такъ какъ она построена была изъ дерева, что подтверждаетъ и гравюра Щирскаго 1791 года, хранящаяся въ императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ, то отъ нея, разумѣется, и не сохранилось никакихъ остатковъ до нашего времени.

— А хто жъ воно, скажить мени, оцю Сичу разоривъ?

— Оцю Сичу разоривъ якійся Галаганъ; винъ знався зъ чортами, и якъ ще бувъ винъ далеко одъ Сичи, то якійсь-то хлопчикъ просивъ кошового атамана, шо бъ цей позволивъ застрѣлити Галагана у ливе око, — инакше нельзя було вбити; а кошовый и каже: «не слиде проливати хрыстіянску кровь». А якъ побачивъ, шо Галаганъ уже близько, тоди й самъ ставъ просити хлопця, шобъ винъ убивъ Галагана. Тилько тоди вже було пизно. Галаганъ бувъ велькій характерный и зробивъ такъ, шо казалось, будто у него не одна голова, а богато. Тоди й хлопчикъ уже не-мигъ розличити, де у него настояща голова. «Теперь бый самъ, каже винъ кошовому, а я не могу знати, куды стрѣляти, бо у него бачъ скільки головъ... Такъ той Галаганъ и розоривъ Сичу. А якъ розорили Сичу, то бильша половины козакивъ утекла въ турецьку землю, посадавши на лодки, а тимъ, ще побрали, москали позрубували головы: бильшь у сего досталось сыднямъ, за те, шо вони не хотили покоритьца ¹⁾).

О Галаганъ сохранились преданія и въ другихъ мѣстахъ, но почему-то всегда въ шутливомъ тонѣ:

Ты казавъ, пане Галагане.
Шо въ насъ вѣйска не мае;
А якъ выйде на таракана,
Такъ якъ макъ процвитае.

Отъ Сичи я воротился въ деревню къ дидамъ Дмитру Сукуру и Семену Оникіенку. Помню, было около пяти часовъ вечера, когда я, прошедъ большую часть деревни, явился къ дидамъ. Я взошелъ прямо на токъ Сукура и тутъ подъ высокой повиткой, возлѣ большого чумацкаго воза, увидѣлъ маститаго дида, сидѣвшаго лицомъ прямо противъ солнца, которое стояло какъ разъ въ упоръ повитки и, казалось, готово было спалить огнемъ все убогое строеніе старика. А между тѣмъ

¹⁾ Записано отъ учителя д. Капуливки, А. П. Біянтовскаго.

дидь спокойно сидѣлъ на своемъ ложѣ и спокойно держалъ на рукахъ маленькаго ребенка, поднявъ кверху голову и какъ бы нарочно вперивъ свой взоръ въ раскаленное солнце. Я подошелъ ближе, поздоровался и тутъ только увидѣлъ, что дидь былъ слѣпъ. Вотъ почему онъ и не отворачивалъ своего лица отъ солнца. Это былъ Сукуръ. Дидь Оникѣнко былъ зрящій: онъ сидѣлъ противъ Сукура, подмостивъ подъ себя скамеечку, на которой отбиваютъ крестьяне свои косы, и что-то убѣдительно доказывалъ своему собесѣднику.

— Эй, ветхи жъ диды!

— Не то шо, пане, ветхи, а слаби. Шо за ветхи, якъ мени симдесять шить, а оцему дидови, шо противъ мене, висимдесять висимъ? Шо це тага за ветхистъ? Стари люде далеко билышъ насъ жили, а таки похыли, якъ оце мы, не були.

— А чого воно такъ, диды?

— Чого такъ? Того, шо, бачите, не такъ важко жити було на свити.

— Це правда, диды, свята правда!

— А видъ чого воно, диды, тоди легше було жити, нижъ теперь?

— Видъ того, шо тоди простійши порядки були, нижъ теперь.

— Якъ же простійши? Тажъ волость, тажъ Капуливка. тижъ люди!

— Люди, та не ти!

— А яки жъ?

— Козаки, отъ яки! Коли вы чували.

— Чувати-то чувъ, а знати не знаю.

— Де жъ вамъ знати, якъ вы живете по городахъ та учитесь жити по книжкахъ. Козаками вони звались видъ того, шо у ихъ начальныкъ бувъ козарь,—таке прозваніе, а прозваніе свое винъ получивъ за те, шо кохавсь козами: у него цила тысяча кизъ була.

— Онъ воно видь чого! Отъ ты тутъ и додумайся!

— Додумайшся. ажъ поки тоби не скажуть.

— Якъ же цей народъ, козаки,—народився?

— Якъ? Изъ дитворы! Тутъ якъ розказавати, такъ цила історія! Вони изъ маленькихъ дитей; ихъ усего було дванадцять чоловікъ. Якій одъ батька утече, якій одъ пана, якій не схоче пасти овечать, то покыне свое кубло тай бижить свить за очима. Той укравъ у батька рушникъ, той — одѣжу, той икону,—у батька вона була такъ соби негодяша: ведро, може, накрывавъ, або — шо, а вони їи пидмалювали, пидкропыли водыцею... идѣ! Ото зибрались посидали хто на булыголову, хто на лозинку, поначищляли на ихъ лычка, мотузочки, реминьчики, та й ну издйти. Поки издили, поки не прокраслись. Якось поскладали ти лозинки у кўпци, яки по ривчакамъ, а якѣ по куриньцямъ, понакрывали ихъ ланцемъ тай кажуть: «Ну, хлопци, глядять же, шо бѣ у насъ воровства не було!» Трошки зъ годомъ якесь хлопья и прокрасось. Давай тоди шукаты вора, шо чужу лозинку вкравъ. Побигли по повиткамъ, нашли и прысудыли его высикти розками. Высыкли та тимъ и судъ установили. Треба тоди старшину обрати; обрали и старшину: постановили кошового, писаря, осавуду. Уже намножилось ихъ багато, давай обряджати войско, обрядыли: «Ну, якъ же его назвати?» «Назвать его запорожськимъ!» Назвали. Отѣ и пишло: запорожци тай запорожци. Теперъ треба и коній заводити, худобу добувати. Завели ї коній, раздобули ї худобы. Живуть соби и живутъ. Коли це обновылась у ихъ икона; дывлютця, ажъ пидъ нею и пидпысь: «вамъ, запорожци, вамъ славне низове войско, ця молитва написана. Якъ будете цю молитву знати, якъ будете їи добре памьятати, то не преже свита, ни до коньця вика не буде васъ ни якій огонь брати. Заведить, запорожци, у себе сорокъ тысячъ чоловіка, держить суды, выбирайте старшихъ, тоди вы будете славни одныни и до вика». Ото вони ї послушали. Зробили соби Сичу. Сперше вона була вона у

Стеблови. потимъ пидь Росью ¹⁾); прожили вони тамъ мало багато, набралось ихъ уже чи мало; тоди подались вони пидь Косый яръ, у Ивановку, що коло Кременьчука. А тамъ, пидь Косымъ яромъ, проживавъ собі чоловічекъ, сказати бы гайдамака, Коржъ; у него була своя шайка, така, що винъ їи розсылавъ по разнымъ шляхамъ. Такъ запорожцы визьми тай кинься до того Коржа; прыйшли и просятця сеты коло Ивановки. «Ну шо жъ? коли хочете, то й сидайте». Силы вони; жилы-жилы, не понаравылось и тутъ. «Ну якъ такъ, то справлю васъ, хлопци, туды, куды знаю,—ажъ у Софіевку ²⁾), до туркывъ. Тамъ на Днипри есть остривъ, такъ тамъ и живить». Подалось вони и до Софіевки: роздывылись на той остривъ, понаравывся; давай тамъ поманеньку Сичу отакувати. Зробили нову Сичу тай живуть. Коли це набига на ихъ ляхъ, а потомъ турокъ. Былись-былись вони, ни якъ не здолють ляха, давай тоди прохати на помичъ до себе Коржа. Коржъ скоро прибувъ изъ своею ватагою до запорожцывъ. Напали вони умисти на ляха, выбили его и загнали далеко ажъ за Случъ. «Оце знай, ляше, поки твое, а поки наше». Оце розбили звидциля ляха, тоди звидциля заняли турка; якъ нагнали его та ажъ до Днипра, та такъ увесь Днипро трупомъ и загатили; сами перейшли по трупу на той бикъ Днипра, тричи насышали землю турецкою кровію, а салтана прогнали ажъ до Крыма, тутъ и Перекишъ зробили. Отъ съ тихъ пиръ турки и стали житы въ таврической губерніи, а запорожцы стали владити Днипромъ ажъ до Берислава и жити у двохъ губерніяхъ: катеринославской и херсоньской, ажъ поки царица не скасувала ихъ Сичи.

— А за вищо жъ царица скасувала ихъ?

— Не такъ царица, якъ той Потемка, Грыцько Нечоса. Приходить, бачите, якось до царицы Потемка та й каже: «шо ты есть за царица, якъ ты не знаешь своихъ людей».—

¹⁾ Киевской губерніи.

²⁾ Херсонской губерніи и уѣзда, близъ с. Мѣловаго.

«Якихъ такихъ людей?» «А онъ тихъ людей, шо ни податей не платять, ни въ якому состояніи не состоять». — «Де жъ ти люди живутъ?» «О тамъ-то и тамъ!» — «А якъ же вони прозываютця?» «Прозываютця запорожцями». Запно стало царици видъ цего. Давай ихъ до себе зазывати та у військо повертати, а того и не розшушукала, шо вони військо и есть. Повбирались запорожци, понадивали на себе саме найдорогше плаття, яке у ихъ було, а зверхъ понащипали саме найсквернійше, яке тилько нашли у себе тай понхали. Приехали и прямо у дворець. Дивлютця на нихъ пань, а вони таки соби чудакувати: чудно зодягняни, чудно й балакають: тильки й балачки у ихъ, шо «эге, а тожъ, та ни». Поглядъ зовсиль не людській. Боже храни, якѣ страшенни! Якъ съ кимъ балака, то й не глядитъ ему въ вичи, а якъ же гляне, шо наче варомъ обдасть. У всехъ головы брыти, вуса ажъ на жупанъ звысають. «Давай, каже царица, я зъ нихъ посміюсь». Ото заразь выйшла до нихъ, а за нею й свита. Ряснѣ та довга: усе хрелины та яноралы. «Здравствуйте, запорожники!» — «Здравствуй, наша вельможная мате!» Звидкиля вы, дитки? — «Изъ Низу, мамо». «А де жъ той Низъ?» — Та тамъ, де киньчатця верхъ!» «Далеченько»!.. Баче царица, шо хлопци не промахъ, загадала тоди, шобъ зварили имъ обидъ. Зварили имъ обидъ, понаставляли усякой усячины, а вони дивлютця на ту всячину тай кажутъ: «Ни, мамо, мы такой стравы не имо». — «А яку жъ вы исте?» «У насъ усе тетеря, сытѣ та рыба». — «Ну, варить имъ тетерю та рыбу, сытить сыту»: наварили имъ тетери, наготовили рыбы, розсытыли сыты: «Ну, сидайте обидати!» Помолились вони Богу, посадали за стиль, коли дивлятця, за столомъ нема ложокъ: «Шо жъ це воно таке? Дайте жъ намъ хочъ одну ложку на всехъ! Хиба у васъ идыть жме нями?» Принесли имъ ложки, коли вони до тихъ ложокъ, а воно ложки не ложки, по пивтора аршина кожна. Сказать бы кіи? Такъ ни, не кіи, а здаетця ложки. Одному тилько отаманови и положена ложка, якъ ложка, тилько и та ябасъ чудна:

не зъ дерева, а вся зъ срибра зроблена. «Ну шо жь? будемъ исты»? Выпили по чарци горилки, узялись за ложки; коли це отаманъ чи взявъ, чи не взявъ стравы ложкою тїєю, якъ уже й кричить: «Тьфу, цуръ тобі зъ твоею ложкою! уси губы попикъ! И якъ ти паны у биса идять цими ложками? А ну, хлопче, подай мени мій корячокъ, тамъ десь у кишени лежить!» Угамувося отаманъ, истъ. «Эге, панове, забалакали тоди вже козаки, якъ же цими ложками исты? Держальци у ихъ таки чи маленьки?» — «Та якъ? Давай годувати одинъ другого черезъ стиль». «И то правда! Давай!» Та такъ сидять та одинъ другому черезъ стиль и подають: ты сидишь противъ мене, мени й подаешь, а я сядю противъ тебе, тобі й подаю. Идять вони собі тай идять, а царици тамъ десь у проходку ходе по кимнатахъ. Ходила-ходила, а дали й каже: «Иду жь я подивлюсь черезъ двери, якъ-то вони идять». Пишла. А вони идять собі тай идять. Отъ одинъ ивъ-ивъ, а дали й каже: «Шо це воно, панове, за ложки таки?» — «Та це жь ти, шо мате дитей годуе та приговаруе: «агу, маненьки»!.. Тутъ одинъ зовсимъ було улопався, такъ другый его пидираывъ... Здывувалась тоди царици и одійшла собі геть. Зостались одни тилько генералы та князи; сміютця вони съ тихъ запорожцивъ. «И де цей дурный народъ нарождаетця»? пыта одинъ генераль у другого, чи тамъ по-нимецкому, чи тамъ по-хранцузскому. — «А де? У Хохландіи?» одвить дае другый. А запорожци все те добре розуміють, бо вони хочъ зъ виду и таки собі були, а на разни языки умили балакати. «О-е-ей, скилько панивъ!» Забалакавъ одинъ. — «Та все розумни та велики!» пидхопивъ другой, «И де вони родятця, пане-брате»? спитавъ третій. — «Та де? У Петенбурги та въ Москви!» одвить четвертый. «А де вмирають»? пыта пятый. — «У Камчатци та въ Сибири!» гукнувъ шостый. Повтикали тоди й генералы; зостались запорожци одни. Ото пенили, поили, повставали изъ-за стола, помолились Богу, подякували царицю; тоди якъ поскидали съ себе кожанки, то такъ уси

хоромы царьски и засіялы вони видь ихъ одежи. Тутъ якійсь якъ ударе въ бандуру, якъ понеслись же танцювати за-порожци, такъ ажъ хрелыны усе повыскакували та дивлятея. Потимъ посадили на коней тай гайда на Сичу. «Ну, шо, пыта Нечоса царицю, чудный народъ?»—«Чудный!» «Треба его скасувати!»—«Тай треба!» Ото заразь заславъ винъ верхового у Сичь. «Выслать мени стилько-то людей. пише кошовому, я узнаю, яка у васъ есть нужда, чимъ усе войско содержитця и скилько того войска». «Ну шо жъ? Выслать!» Высали одного чоловічка. Прихавъ винъ у Петенбурхъ, заразь до Нечосы. Увійшовъ до него, привитавъ тай каже: «Ось тобі, батьку, цидулка видь пана кошового!»—«Яка така цидулка?» «А такъ, цидулка тай годи!»—«Съ кимъ ты прийшовъ?» «А такъ, не съ кимъ, самъ съ собою!»—«А до кого прийшовъ?» «Та до Грыцька Нечосы!»—«Шо ты за дуракъ такий? Хiba тамъ на Сичи умійшого не бузо, шо мени такого дурня отрядили?» «Та бузи, батьку, такъ умнійшихъ видислали до умныхъ, а мене до тебе».—«Геть, звидциля!»—Крыгнувъ Потемка и выгнавъ его одъ себе... Тоди зибравъ войско и пишовъ воювати запорожцивъ. Пришовъ; самъ остановився у Мамай-Сурьци, а войско у Красный-Кутъ отправивъ: винъ тоди Краснымъ-Кутомъ звався, а це вже теперь Покровськимъ та Грушивкою дражнитця. Прихавъ, давай скрызъ копать валы, заставлять пушки, ловити запорожцивъ та повертати у москаливъ. А вони соби сидять тай байдуже. Оце выпале Нечоса изъ пушки, а вони позбирають запасъ, понакладають ёго на возы та ему назадъ и везуть: «На, кажутъ, бильшь буде». Або нахапають у жмени бомбъ, розмахаютъ-розмахаютъ та назадъ и пошпурляють: «На, кажутъ, батьку, та не збавляй запасу». А винъ усе пале та пале. Тоди вони зибрали всю свою худобу та за Дунай и подались, зосталось у Сичи тилько два чоловіка: кошовый та писарь. Такъ и тихъ не взявъ. Уже чого винъ имъ не робивъ? А дали давай землю коло ихъ копати. Кошавъ-копавъ, ничего не зроби:

шо выкона яму, а вона за ничь и завалитця. Догадавсь потимь Потемка, та пиздно: «А ну, каже, оцю землю та въ ричку!» Згорнули ту землю у ричку, коли до Сичи, а вона пуста. Давай тоди збирати старыхъ та немочныхъ. Зибравъ, показнивъ тай пишовъ назадъ. Уже пился того схаченувсь та давай писати до нихъ; ажъ трома нападами писавъ, усе пидмовлявъ, шобъ вернулись назадъ; дававъ имъ и степи, и дуги и чотыри лимани, шобъ ловили рыбу та справляли жушаны; такъ ни, кошовой одвитывъ ему такъ: «Ой спасибѣ, каже, тоби, Грыцьку, та за твою ласку, шо мы йли на Великъ-день та гречану паску...» Бачъ добре вже винъ заливъ имъ за шкуру сала.

— Такъ отаки воны були?

— Отаки воны и були! Хочь и сила не дуже велика, а боялись ихъ дуже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

А въ темному лузи явирь зелененькій,
Иидь явиромь коникъ вороненькій,
На коннву козакъ молоденькій:
Спынывся жь вивь тай ставь меркувати.
Взявъ бандуру почавь выгравати.
Ой голосно жь бандурочка грае,
Струна струни стиха промовляе:
Ой де жь тии козаки гуляють?
А де жь вони славы добувають?....

Народная пѣсня.

Изъ деревни Капуливки я вновь возвратился въ мѣстечко Никополь, гдѣ сѣлъ на пароходъ «Носпѣшный» и направился далѣе внизъ по Днѣпру къ слѣдующей за Чортommyскою Сичею, Сичѣ Каменской. На этомъ пути мы миновали множество рѣчекъ, острововъ, заборъ и урочищъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ исторіи запорожескихъ козаковъ. Первое, что бросилось намъ въ глаза, по выходѣ изъ Никополя, это правый притокъ Днѣпра. Лапинка, идущая съ востока на западъ, по направленію къ рѣкѣ Чортommyку, затѣмъ островъ Осетровскій и забора этого же имени, островъ Дѣва, расположенный параллельно Осетровскому, и противъ Дѣва острова рѣка Конка, выходящая изъ Днѣпра и тутъ-же, противъ заборы Осетровской или села Малой-Знаменки на таврическомъ берегу вновь впадающая въ него. У запорожцевъ здѣсь была переправа черезъ Днѣпръ, называемая Каменно-затонскою,

отъ каменистаго берега и русла Днѣпра. затоненнаго или громажденнаго дикими камнями. Объ ней упоминаеть еще Эрихъ Ласота въ своихъ запискахъ ¹⁾). Противъ Каменнаго затона. на лѣвомъ берегу Днѣпра, какъ разъ у устья рѣчки Конки, русскими построена была въ 1696 году Каменно-затонская крѣпость, а въ 1736 году ими возведенъ былъ здѣсь Каменно-затонскій редутъ. Въ настоящее время Каменный затонъ извѣстенъ у лопмановъ подъ именемъ Каменной заборы, достойной вниманія въ томъ отношеніи. что она составляетъ послѣднюю забору на всемъ протяженіи Днѣпра отъ сѣвера къ югу. На десять верстъ ниже Каменнаго затона, съ лѣвой стороны, впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Бѣлозерка. Она беретъ начало въ таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда, течетъ на протяженіи около 200 верстъ и впадаетъ въ Днѣпръ посредствомъ Бѣлозерскаго лимана, между селами Малой и Большой Знаменокъ. На этой рѣкѣ между XIII и XIV вѣкомъ построенъ былъ генуэзцами городъ Бѣлозерка. Потомъ, когда генуэзцы ушли въ Италію, на мѣстѣ Бѣлозерки поселилась владѣтельница, прозванная Бѣлозерскою. Эта владѣтельница оставалась въ своемъ городѣ до нашествія татарскаго хана Мамая. Перепуганная нашествіемъ Мамай, владѣтельница Бѣлозерская сошла внизъ по Днѣпру, на правую сторону его ²⁾), и здѣсь поселилась на рѣкѣ, давъ ей названіе новой Бѣлозерки. Пришедшій Мамай разорилъ покинутый городъ, и только въ 1736 году здѣсь построенъ былъ русскими ретраншементъ съ редутами ³⁾). Ниже р. Бѣлозерки среди Днѣпра протянулась коса Сироштанка, а за ней два большихъ острова, Британъ и Сузима, иначе Спорный, слѣдующіе одинъ за другимъ и расположенные противъ сель Не-

¹⁾ Путев. зап. Одесса, 1873 г., 51. А. А. Русовъ видитъ въ Каменно затонской переправѣ Никитинскую («Русскіе тракты», стр. 123), но стоитъ только обратиться къ Ласотѣ (стр. 51), чтобы убѣдиться, что Каменно-затонская переправа и Никитинскій перевозъ не одно и то же.

²⁾ Теперь нѣмѣе Г. А. Скодовскаго.

³⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожск., Одесса, 1852, стр. 62.

плюева, съ правой стороны, и Большой Знаменки—съ лѣвой. Островъ Британъ имѣеть въ длину около четырехъ верстъ, въ ширину около двухъ, покрытъ травой и небольшимъ лѣсомъ. принадлежитъ крестьянамъ мѣстечка Никополя. хотя удаленъ отъ нихъ болѣе чѣмъ на пятнадцать верстъ. На немъ сохранились слѣды какихъ-то старинныхъ укрѣпленій. Сулима-островъ имѣеть въ длину около двухъ верстъ, въ ширину около полуторы версты, покрытъ травой и небольшимъ лѣсомъ. отдѣленъ отъ острова Британа протокомъ. Гришкинымъ рукавомъ. Гришкинъ рукавъ, въ началѣ небольшой протокъ, съ 1859 года сдѣлался большой рѣчкой, послѣ весенняго разлива, по которой въ настоящее время ходять даже пароходы. Островъ Сулима былъ предметомъ долгаго спора между жителями села Большой Знаменки и мѣстечка Никополя; нѣсколько разъ онъ переходилъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, но подъ конецъ однако закрѣпленъ за жителями Никополя.

За островомъ Сулимой впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Павлюкъ. тотъ самый Павлюкъ, который бѣжитъ къ Чортомлыцкой Сичи: ниже устья Павлюка протянулся по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра островъ Холодный. покрытый превосходнымъ лѣсомъ. имѣющій болѣе версты длины и около полуверсты ширины. По разсказамъ старожиловъ, островъ Холодный образовался лѣтъ сорокъ—пятьдесятъ тому назадъ и сперва былъ голымъ островомъ, а потомъ покрылся небольшимъ лѣсомъ, съ теченіемъ времени разросшимся до высокаго и большого. Противъ Холоднаго острова, прямо на сѣверъ, протянулся островъ Андрушкинъ, охваченный съ восточной стороны рѣчкою Павлюкомъ. съ западной—рѣчкою Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ, съ южной—заливомъ Днѣпра, Днѣприщемъ. отдѣляющимъ Андрушкинъ островъ отъ Холоднаго. Своимъ очертаніемъ Андрушкинъ островъ напоминаетъ фигуру треугольника, вершиной на сѣверъ, тамъ гдѣ сходятся рѣчки Павлюкъ и Чортомлыцкое Днѣприще, основаніемъ—противъ острова Холоднаго. Видимо, островъ Андрушкинъ нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ островомъ Холоднымъ.

Въ окружности островъ Андрушкинъ имѣеть до восьми верстъ; оттого многіе принимаютъ его не за островъ, а за плавню. Свое названіе онъ получилъ отъ какого-то арендатора Андрушки. Оба острова, Холодный и Андрушкинъ, принадлежать экономіи великаго князя Михаила Николаевича. Противъ Андрушкина острова тянутся, одинъ за другимъ, острова Шіюватый и Середовый, а за ними, съ правой стороны, идутъ: урочище Раковъ уступъ, островъ Козацкій среди Днѣпра, длины полверсты, ширины четверть версты, покрытый травой и лѣсомъ, урочище Васюринское, островъ Липскій, длины нѣсколько менѣе версты, ширины около четверти версты, и рѣчка Мамай-Сурка, впадающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Рѣчка Мамай-Сурка имѣеть теченія всего лишь десять верстъ и названа по имени хана Мамай, который построилъ здѣсь городъ своего имени, на десять верстъ ниже покорежнаго имъ города Бѣлозерки ¹⁾. Ниже рѣчки Мамай-Сурки слѣдуетъ уступъ Грузское, а за нимъ островъ Хмельницкій, немного выше села Карай-дубина, расположеннаго по лѣвому берегу Днѣпра. Островъ Хмельницкій имѣеть около полуторы версты длины и около версты ширины: съ восточной стороны онъ охватывается уступомъ Грузскимъ, съ южной—рѣчкой Конкой, которая подходит къ нему въ видѣ полудуги, и съ западной—притокомъ Хмельницкимъ. Ниже острова Хмельницкаго слѣдуетъ островъ Конскій, островъ совершенно круглый, имѣющій въ окружности до шести или даже восьми верстъ, покрытый лѣсомъ, омываемый съ западной стороны рѣкой Конкой и расположенный какъ разъ противъ села Карай-Дубина, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. Лѣтъ двадцать тому назадъ этотъ островъ считался за крестьянами мѣстечка Никополя, теперь онъ считается собственностью казны. Ниже Конскаго острова тянется островъ Пограничный, также круглый островъ, покрытый лѣсомъ, имѣющій въ окружности около четырехъ верстъ. назван-

¹⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852, стр. 62.

ный такъ потому, что западный конецъ этого острова служить раздѣльной чертой между селеніями Карай-Дубинымъ и Ушкалкой. Ниже острова Пограничнаго, съ лѣвой стороны Днѣпра, стоитъ село Ушкалка, а противъ, среди Днѣпра, раскинулся островъ Верхній Ушкальскій, длины около одной версты, ширины около полуверсты, покрытый лѣсомъ, принадлежащій крестьянамъ села Ушкалка. Смежно съ селомъ Ушкалкой стоитъ деревня Бабино, а ниже ея, среди Днѣпра, протянулись острова Домашинъ, Пшеничный, отдѣленные между собой рѣчкой Домашой и отъ лѣваго берега рѣчкой Конкой, затѣмъ Верхній и Нижній острова, оба песчаные, безлѣсные, принадлежащіе крестьянамъ деревни Бабиной. За Нижнимъ островомъ слѣдуетъ островъ Просередъ, въ Кривомъ колѣнѣ, противъ озера Федорова и рѣчки Басанки, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны; за Просередомъ островомъ—островъ Песчаный, небольшой, обнаженный, недавняго происхожденія. Здѣсь Днѣпръ дѣлаетъ нѣсколько заломовъ, чрезвычайно крутыхъ и неправильныхъ, вслѣдствіе чего пароходъ въ этомъ мѣстѣ Днѣпра то идетъ впередъ, то возвращается назадъ, то опять идетъ впередъ. Такъ, ниже Песчаного острова онъ поворачиваетъ назадъ подъ угломъ съ юга прямо на сѣверъ въ широкій рукавъ и идетъ сперва мимо острова Скалозуба, находящагося въ Днѣпрѣ, противъ деревни Отмети, съ правой стороны, потомъ мимо небольшого островка Отметскаго и, наконецъ, пристаеъ къ пристани Малыхъ-Гирлъ, противъ маленькаго островка Гирловекаго. Въ этомъ же мѣстѣ, противъ Днѣпра, съ правой стороны, впадаетъ въ рѣчку Скарбную рѣчка Базавлукъ. Ниже пристани Малыхъ-Гирлъ, противъ деревни Фирсовки, изливается такъ-называемый лиманъ Великихъ-водъ, противъ котораго впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны рѣчка Скарбная, идущая изъ рѣчки Иидпильной, находящейся пониже Чортотмыцкой Сичи. У Малыхъ-Гирлъ пароходъ поворачиваетъ съ сѣвера на югъ и вновь идетъ мимо острова Отметскаго, деревни Отмети, острова Скалозуба и отсюда уже въ настоящій Днѣпръ. Тутъ, съ правой

стороны, въ Днѣпръ падаетъ балка Золотая или Лютая, на картахъ прошлаго столѣтія—Дурная долина, ниже которой начинается деревня Золотая, потомъ деревня Леонтьевская. Противъ деревни Леонтьевской стоитъ въ Днѣпрѣ островъ Леонтьевскій, ниже котораго впадаютъ въ Днѣпръ, съ лѣвой стороны, рѣчки Ревунъ и Татарка, а ниже р. Татарки слѣва и деревни Бажановки справа протянулся островъ Лысый, длины двѣ версты, ширины около версты, а за островомъ Лысымъ раскинулся громадный островъ Колобродъ, омываемый Днѣпромъ и его притокомъ Колобродомъ, находящійся противъ деревни Михайловки и имѣющій около 15 верстъ длины. Ниже острова Колоброта впадаютъ въ Днѣпръ рѣчки Царская и Конка, съ лѣвой стороны, противъ которыхъ стоитъ въ Днѣпрѣ островъ Царскій. Островъ Царскій расположенъ какъ разъ противъ церкви села Малой Лепетихи и имѣетъ всего лишь сто сажень длины. Ниже Царскаго острова слѣдуютъ три небольшихъ островка Лепетихиныхъ, расположенныхъ одинъ подлѣ другого на такомъ ничтожномъ разстояніи, что между ними образуется какъ бы Фермопильское ущелье. За тремя Лепетихиными островками слѣдуетъ островъ Просередъ и за нимъ пристань села Большой-Лепетихи. Въ этомъ мѣстѣ въ прежнее время впадала въ Днѣпръ съ лѣвой стороны рѣчка Лопатиха, отъ которой, вѣроятно, и образовалось искаженное названіе села Лепетихи. Какъ разъ противъ середины села Большой-Лепетихи стоятъ въ Днѣпрѣ два небольшихъ островка, расположенныхъ одинъ ниже другого, съ названіемъ Песчаныхъ, а ниже Песчаныхъ островковъ, у устья р. Конки, идущей къ селу Сѣвернымъ-Каирамъ, слѣдуютъ два Каирскихъ острова и за ними островокъ Рахмановъ, длины около 200 сажень, противъ рѣчекъ Носоковки и Кушовки, съ правой стороны. Здѣсь, по описанію Боплана, находились въ Днѣпрѣ два большіе острова, Каиръ и Носоковка. «Островъ Каиръ, совершенно плоскій, имѣетъ въ длину отъ пяти до шести миль; одна часть его покрыта камышемъ, а другая ветлою. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ русской сторонѣ, а потому восточный берегъ

острова гораздо шире, но зато западный не потопляется разлитіем Днѣпра» ¹⁾). Черезъ островъ Носоковку у татаръ существовала такъ-называемая малая переправа; она считалась неудобною, потому что въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ имѣлъ три четверти мили ширины, наполненъ островами, заросъ камышемъ и раздѣлялся на множество рукавовъ, по которымъ татаръ подстерегали запорожцы и убивали. «Безлѣсный островъ Носоковка, длиною около двухъ миль, потопляется весеннимъ разливомъ. Черезъ него и черезъ островъ Каиръ-Космакъ, имѣющій въ длину не болѣе полумили, лежитъ татарская переправа. Между Носоковкою и русскимъ берегомъ протекаетъ рукавъ Днѣпра, называемый Космакомъ. Тамъ скрываются козаки при выходѣ въ Черное море, изъ опасенія, чтобы не открыла ихъ турецкая стража, которая всегда находится близъ Исламова городка, на рукавѣ Таванѣ» ²⁾).

По старымъ картамъ ³⁾, островъ Каиръ расположенъ былъ параллельно острову Носоковки, причѣмъ выходило такъ, что Каиръ находился у лѣваго берега Днѣпра, а Носоковка у праваго. Послѣдній по сравненію съ первымъ представленъ на картахъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо меньшимъ.

Ниже острововъ Каира и Носоковки, по правому берегу рѣки Днѣпра, раскинулось село Кочкаровка ⁴⁾. На семь верстъ отъ села Кочкаровки прямо по направленію отъ сѣвера къ югу стоитъ село Мѣловое, нѣкогда принадлежавшее помѣщику Николаю Ивановичу Вертиляку. Село Мѣловое возникло на мѣстѣ разрушеннаго города Мѣловаго; въ немъ, по преданію, стояла запорожская церковь, построенная изъ камыша и обмазанная глиной. Въ теперешней церкви села Мѣловаго отъ времени запорож-

¹⁾ Описание Украйны. Спб., 1832, стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 28.

³⁾ Карта: «*Typus Generalis Ukrainae sive palatinum podoliae, noviusis et brazlaviensis terras nova delineatione exhibens*». Хранится въ С.-Петербургѣ въ частномъ собраніи Павла Яковлевича Дашкова.

⁴⁾ Съ татарскаго «кочкар», что значитъ «баранъ».

скихъ козаковъ хранятся оловянная дарохранительница и двадцать-двѣ церковно-богослужебныя книги, перешедшія изъ запорожской церкви. Дарохранительница (см. табл. XXVIII) имѣетъ видъ креста, съ буквами вверху—І: Ц: Н: І: и по сторонамъ—ІС. ХС. При помощи шарнира, придѣланнаго внизу, верхняя доска дарохранительницы открывается сверху внизъ и обнаруживаетъ четыре отдѣленія съ перегородками внутри: одно, самое большое, по срединѣ, куда ставился флакончикъ съ виномъ, два по бокамъ и одно внизу, подъ большимъ,—эти три назначались для частицъ просфоры. Дарохранительница носилась монахомъ (запорожцамъ служили монахи) на шеѣ, при помощи шнура, вдѣвавшагося въ ушки, придѣланныя вверху ея. Изъ книгъ достойны вниманія слѣдующія: евангеліе (Кіевъ. 1712 года), двѣнадцать четъ-миней (Москва, 1724 г.). послѣдованіе вечерни (Кіевъ, 1746 г.), служебникъ (Черниговъ, 1747 г.), цвѣтная тріодъ (Москва, 1750 г.), общая миinea (Москва, 1752 г.), прмологіонъ (Москва, 1758 г.), постная тріодъ (Кіевъ, 1761 г.), часословъ (Кіевъ, 1764 г.), чинъ малой вечерни (Кіевъ, 1768 г.).

На двѣ съ половиной версты ниже села Мѣловаго, стоитъ земляное укрѣпленіе на правомъ берегу Днѣпра. противъ села Горностаевки, расположеннаго на лѣвомъ берегу его. По внѣшнему виду, это такъ-называемое открытое укрѣпленіе, состоящее изъ трехъ фасовъ съ пеходящими углами и такой-же формы въ горжѣ укрѣпленія редюитъ. Направленіе главной линіи съ сѣвера на югъ. Сѣверная линія укрѣпленія представляетъ изъ себя балку 150 саж. длины и 5 саж. наибольшей глубины; южная—40 саж. длины и 10 саж. наибольшей глубины; западная—60 саж. длины и два аршина наибольшей глубины. Восточная сторона укрѣпленія упирается прямо въ Днѣпръ.

Тотчасъ ниже укрѣпленія стоитъ хуторъ Консуловка или Разоровка. Здѣсь была шестая по счету запорожская Сича, Каменская. «На оной рѣкѣ Каменкѣ¹⁾ имѣлась запорожская Сѣча,

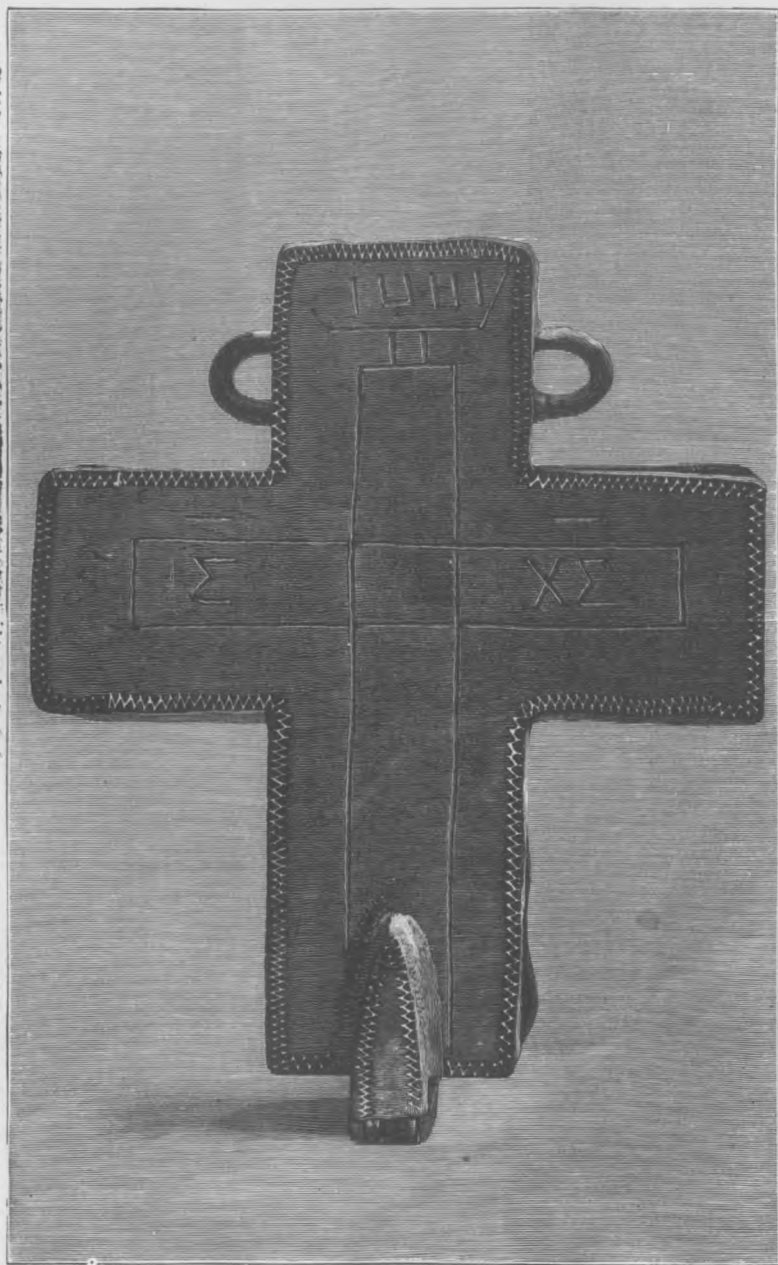
выше Кизикерменя (Берислава) въ 30 верстахъ, на правой сторонѣ Днѣпра»²⁾. «А карауламъ быть по самой границѣ, зачавъ по той сторонѣ рѣки Днѣпра, гдѣ нынѣ войсковою перевозъ да въ Усть-Каменке, гдѣ прежде сѣчь была, а оттуда до гарду»³⁾. Каменская Сича устроена запорожцами въ бытность ихъ подъ протекціей Крыма, «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ», съ 1710 года и по 1734 годъ. Причиной удаленія запорожскихъ козаковъ изъ родныхъ мѣстъ въ мѣста иноплеменниковъ и даже заклятыхъ враговъ ихъ было переходъ ихъ отъ Петра I къ Карлу XII въ 1709 году передъ полтавской битвой. По словамъ лѣтописца, это произошло такъ. «Въ 1709 году король Карлъ XII шель съ своею арміею въ Россію и когда пришелъ къ малороссійскимъ границамъ, тогда кошевой⁴⁾ со своими запорожскими козаками по согласію съ малороссійскимъ гетманомъ Мазепою, измѣнили російскому престолу и присоединился къ шведской арміи и пошелъ войной на Россію. Но когда русскіе разбили на голову подъ городомъ Полтавою шведское войско и поплѣнили тамъ людей, то названный запорожскій кошевой Константинъ Гордіенковъ съ малою дружиною и шведскимъ королемъ бѣжалъ въ турецкую область, въ провинцію Бендеры. А русскіе, послѣ той побѣды, послали войско разорять Сѣчу, за измѣну запорожцевъ; войска, пришедъ, атаковали запорожскихъ козаковъ и хотя казаки очень жестоко оборонялись отъ нихъ, но Сѣчи своей не могли отстоять; многихъ изъ нихъ русскіе порубили, многихъ въ плѣнъ взяли, за ихъ себѣ измѣну, многихъ вѣшали на плотахъ и пускали внизъ по Днѣпру, всю имѣвшуюся у нихъ артиллерію, болѣе ста пушекъ, взяли съ собой и от-

1) По балкѣ Каменкѣ течеть рѣчка Каменка.

2) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожск. Одесса, 1852 г., стр. 71.

3) Изъ актовъ собственнаго собранія: указъ имп. Елизаветы Петровны 1754 г., 27 сентября. См. «Матеріалы для исторіи зап. казаковъ» Спб., 1888 г.

4) Константинъ Гордѣевичъ Головкинъ.



Ч. II. Рис. 28.

Запорожская дарохранительница.

вели въ Россію, а самую запорожскую Сѣчу до основанія разорили. Оставшіеся же изъ запорожцевъ нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ спасли себѣ жизнь бѣгствомъ; бѣжавъ, они отдались въ подданство крымскому хану, отъ котораго получили себѣ бун-чукъ, булаву и прочее, и поселились при рѣкѣ Каменкѣ, гдѣ русскіе вновь, пришедши съ войскомъ, выгнали ихъ изъ на-званнаго мѣста Каменки; тогда они, удалившись, поселились при урочищѣ Алешкахъ, у рѣки Днѣпра, на крымской сто-ронѣ... А какъ запорожскіе козаки, подъ командою крымскаго хана, ходили на черкесовъ («въ черкесы») ¹⁾, числомъ въ нѣ-сколько тысячъ, то запорожскіе-же козаки, тѣ, которые живутъ при рѣкѣ Самарѣ, собравшись большою силою, пошли воору-женною рукой на запорожскую Сѣчу, къ урочищу Алешкамъ, и всю ее разбили и разгромили, людей множество перерубили и перевѣшали; все это они дѣлали за то, что запорожцы дер-жали ихъ у себя какъ подданныхъ и многія имъ насилія и обиды наносили. И когда кошевой возвратился съ запорож-скими козаками изъ похода на черкесовъ и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, то собралъ всѣхъ запорожцевъ и переселился изъ помянутаго урочища Алешекъ въ старую Сѣчу Каменку, о которой выше въ нѣсколькихъ пунктахъ упомянуто» ²⁾.

Итакъ, послѣ Чортомлыцкой Сичи запорожцы сидѣли сперва Сичами Каменской, потомъ Алешковской и потомъ снова Ка-менской. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣлствуетъ князь Мы-шецкій. Тотъ же Мышецкій даетъ поводъ думать, что запо-рожцы держались въ Каменкѣ до самаго того момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, вновь перешли въ пре-дѣлы Россіи, что совершилось въ 1734 году, въ царствованіе

¹⁾ По характерному выраженію Ригельмана, «во множественномъ числѣ».

²⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожск., Одесса, 1852 г., стр. 18—20. Тоже см. у Ригельмана. Лит.-писное повѣствованіе о Мал. Рос., Москва, 1847 г., ч. III, стр. 96. Приведенныя слова кн. Мышецкаго переданы съ замѣной устарѣлыхъ словъ современными.

императрицы Анны Ивановны ¹⁾). Съ этимъ свидѣтельствомъ автора «Исторіи о козакахъ запорожскихъ» вполне совпадаетъ свидѣтельство и автора «Записокъ о запорожскихъ обычаяхъ», протоіерея Григорія Кремянскаго, современника послѣдней запорожской Сичи на р. Пидпильной. «По разореніи Петромъ I Старой Сѣчи (на р. Чортотмыкѣ). пишетъ Кремянскій въ 1836 году, октября 17, запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка. гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы Анны Іоанновны о принятіи ихъ опять подъ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы поселились выше Кизикермена (теперь городъ Бериславль, Херсонской губерніи) въ Омилловомъ и, проживши тамъ, какъ говорятъ, семь лѣтъ, переселились въ Красный кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ. устроя Сѣчь свою. жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II» ²⁾). На картѣ «La Piccola Tartaria colla Crima. Venezia, 1798. Presso Antonio Zatta» Каменская Сича названа St. Sicza, т. е. Старая Сича и поставлена противъ Каиру мечети ³⁾). Съ такимъ же названіемъ Каменская Сича занесена и на карту «Recueil de toutes les cartes publiées par l'Academie de Pétersbourg. A Paris, 1745» ⁴⁾). То же названіе «Старой Сѣчи» Каменская Сича сохраняетъ на картѣ Де-Боксета 1751 года ⁵⁾).

Упомянутое урочище Омилово есть не что иное, какъ балка Мѣловая съ названнымъ выше селомъ Мѣловымъ, находящимся на четыре версты выше балки Каменки и иѣкогда принадлежавшимъ помѣщику Н. Н. Вертильяку, а теперь составляю-

¹⁾ Исторія о козак. зап., 23—27. Ригельманъ по этому вопросу колеблется: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сичу въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733 года, а въ другомъ держится указанія Мышецкаго: III, стр. 96 и 139.

²⁾ Записки одес. общ. ист. и древн., т. VI, стр. 645.

³⁾ Въ собраніи П. Я. Данкова, въ С.-Петербургѣ.

⁴⁾ Въ собраніи гравюръ и картъ въ Румянцовскомъ музеѣ, въ Москвѣ.

⁵⁾ Въ собственномъ собраніи.

щимъ собственность владѣльца М. Ѳ. Огаркова. Такимъ образомъ свидѣтельство кн. Мышецкаго о пребываніи запорожскихъ козаковъ Сичю въ Каменкѣ до 1734 года совершенно совпадаетъ со свидѣтельствомъ протоіерея Кремянскаго, не смотря на то, что этотъ послѣдній, вмѣсто Каменки, называетъ Омилово, но Каменка и Омилово—смежныя мѣста, въ ту пору, да и теперь часто не различаемыя одно отъ другого. Эти показанія достойны гораздо большаго довѣрія съ нашей стороны, нежели свидѣтельства Ригельмана, увѣренія г. Скальковскаго ¹⁾ и повторенія г. Марковина ²⁾. «Сочинитель запорожской исторіи, г. Скальковскій,—говоритъ по этому поводу Н. И. Вертильякъ,—полагаетъ, что Каменская Сѣчь была только одинъ годъ; не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ; большое количество надгробнымъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 года многихъ кошевыхъ, войсковыхъ писарей и войсковыхъ судей, не было дѣломъ случайности ³⁾; наконецъ, многія изустныя преданія и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила треметать измѣнниковъ-запорожцевъ и вынудила ихъ переселиться на крымскую сторону, въ Алешки; но несчастный прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служить достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ; это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли» ⁴⁾. Таковы историческія данныя о прошломъ Каменской Сичи. Теперь на мѣстѣ

¹⁾ Исторія Новой Сѣчи. Одесса, 1846, т. II, стр. 40—45.

²⁾ Очеркъ исторіи запорож. козачества. Спб., 1878, стр. 68.

³⁾ Н. И. Вертильякъ писалъ въ 1852 году; но почти то же самое можно сказать и теперь.

⁴⁾ Мышецкій. Истор. о козак. зап. Одесса, 1852, стр. 22, прим. 35.

ея, какъ сказано, стоитъ усадьба Консуловка или Разоровка, владѣльца М. Ѳ. Огаркова. Насколько помнитъ самъ владѣлецъ, Консуловка сперва принадлежала помѣщику Байдаку, затѣмъ консулу Разоровичу, потомъ владѣльцу Константинову, далѣе помѣщику Эсаулову и, наконецъ, съ 1858 года самому М. Ѳ. Огаркову. Отъ второго владѣльца, консула Разоровича хуторъ и теперь называется Консуловкой или Разоровкой. Онъ стоитъ у устья балки Каменки. Въ старину по балкѣ Каменкѣ протекала довольно большая рѣчка того-же имени, которая бралась изъ Малаго-Ингульца въ степи и шла на протяженіи ста верстъ, впадая въ Днѣпръ съ правой стороны, по теперешнему, на полтора ста верстъ ниже экономическаго двора владѣльца, иначе противъ с. Большихъ или Нижнихъ Каирь, расположенныхъ по лѣвому берегу Днѣпра. Въ настоящее время эта рѣчка Каменка имѣетъ не больше шести верстъ длины въ обыкновенное время года, въ жаркое-же лѣто и того меньше. По лѣвому берегу ея расположена усадьба Михаила Ѳедоровича Огаркова, а по правому, черезъ рѣчку, усадьба Ивана Прокофьевича Блажкова, вмѣстѣ съ хуторомъ, состоящимъ изъ восьми дворовъ.

При осмотрѣ балка оказалась въ высшей степени дикою, но зато и въ высшей степени живописною. Русло ея относительно береговъ очень низкое, самые-же берега устьяны громадными гранитными глыбами, между которыми растутъ разной породы лѣсъ, плющевыя деревья и дикій виноградъ. Отъ этого по берегамъ балки да и въ самомъ руслѣ ея можно видѣть такія причудливыя бесѣдки, такія густыя, непролазныя чащи, какихъ не выдумать и самой разнообразной фантазіи человѣка. Мѣстность по-истинѣ замѣчательная. Не даромъ она такъ восхищала путешественниковъ! «Здѣсь въ этомъ тихомъ уголкѣ, между этими угрюмыми скалами, говорить Аванасевъ-Чужбинскій, любитель природы просидѣлъ-бы нѣсколько часовъ, предавшись безпечнымъ думамъ и, можетъ быть, надолго сохранилъ-бы въ памяти оригинальный дикій пейзажъ изъ странствій по низовью днѣпровскому. А если

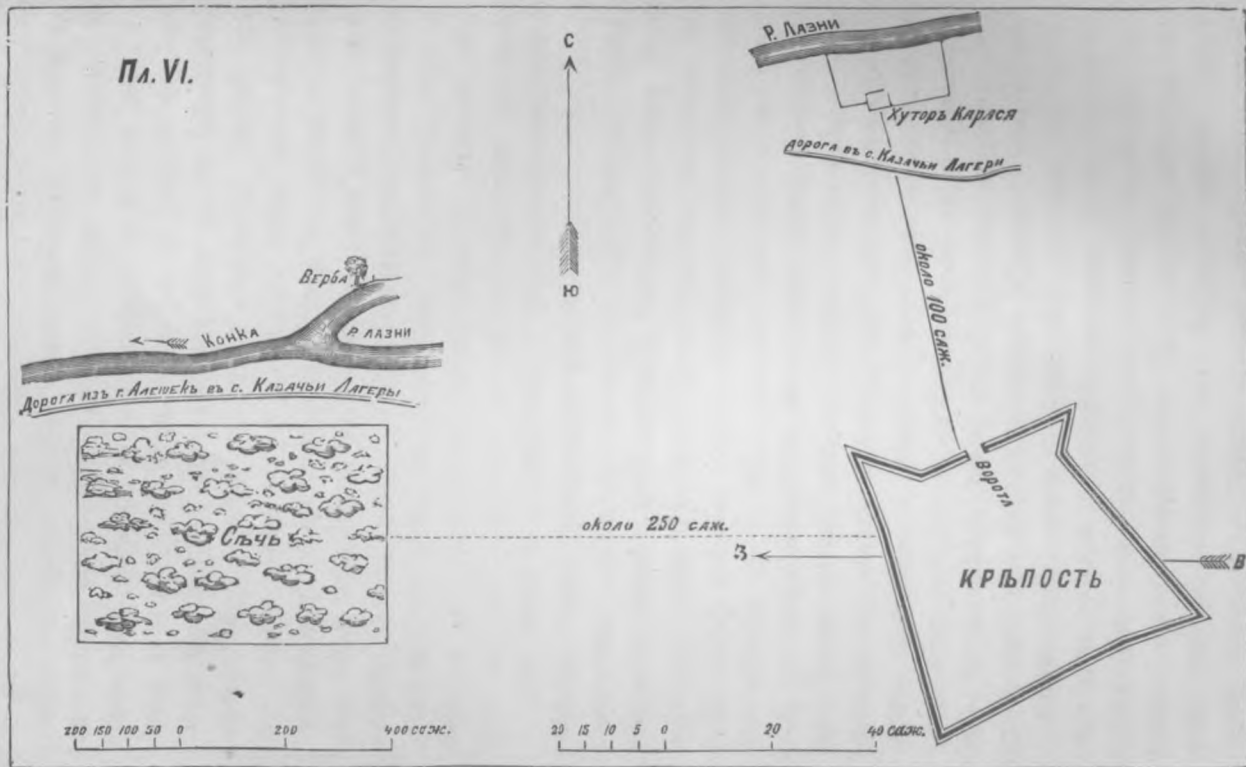
этотъ странникъ малороссъ, думы его будутъ стараться проникнуть смыслъ одной страницы изъ русской исторіи¹⁾. Но еще лучше кажется этотъ уголокъ въ ночное время. при мягкомъ и серебристомъ свѣтѣ луны.

Было какъ разъ около десяти часовъ вечера, когда я, пройдя сухую вершину балки, добрался до рѣки. Здѣсь уже давно стояла приготовленная для меня лодка съ двумя гребцами. Мы сѣли въ лодку и пустились внизъ по теченію рѣки. Въ то время ночь была самая очаровательная. Рѣка, точно скованная дремотой, точно охваченная легкимъ полусномъ, струилась до того тихо, что казалось, совсѣмъ замерла въ своемъ теченіи. Отъ этого наша лодка едва-едва скользила по поверхности воды. Гребцы уже давно вынули изъ воды свои весла, уже давно сложили ихъ на дно лодки и, спокойно скрестивъ свои руки на груди, отдались теченію рѣки. Предъ нами постепенно раскрывались берега балки. Особенно живописенъ оказался правый берегъ. Тутъ сперва обрисовался прекрасный старый садъ владѣльца И. П. Блажкова, за нимъ раскинулась роша громадныхъ, вѣковѣчныхъ гигантовъ-дубовъ, за рошей выдвинулись массивнѣйшія гранитныя скалы, поросшія чернымъ мхомъ, окутанныя дикими кустарниками различной породы деревь. Весь этотъ берегъ, вообще, высокій, подъ конецъ еще больше того возвышается. Здѣсь природа дѣлаетъ какъ-бы послѣднее усиліе и выдвигаетъ громаднѣйшую скалу, саженъ сорокъ или пятьдесятъ высоты, носящую названіе Пугачевой горы. У самаго Пугача рѣчка Каменка дѣлаетъ крутой загибъ съ сѣвера на югъ и мчитъ свои воды въ Козацкое-Рѣчище, идущее по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра, на пространствѣ трехъ верстъ, и потомъ сливающееся съ Днѣпромъ. Таковъ характеръ праваго берега балки Каменки. Нѣсколько инымъ представляется лѣвый берегъ ея. Здѣсь уже нѣтъ ни громадныхъ вѣковѣчныхъ дубовъ, ни массивныхъ гранитныхъ скалъ, ни дикой, величественной горы

¹⁾ Аванасьевъ-Чужбинскій. Повѣдка въ Южную Русь. Спб. 1863 г. 1, 248.

Пугача, но зато тутъ самымъ берегомъ рѣки, въ видѣ длинной канвы, картинно протянулся рядъ молодыхъ зеленыхъ вербъ, которыя тѣмъ становятся чаще, чѣмъ больше рѣка Каменка подходитъ къ рѣкѣ Днѣпру. И въ то время, когда одинъ рукавъ рѣчки Каменки отдѣляется отъ общаго русла и отходитъ къ правому берегу балки и, поворотивъ съ сѣвера на югъ у Пугача-горы, сливается съ Козацкимъ Рѣчищемъ, въ это самое время другой рукавъ той-же рѣчки Каменки отдѣляется отъ общаго русла и отходитъ къ лѣвому берегу балки Каменки и отсюда, поворотивъ съ сѣвера на югъ, сливается съ тѣмъ-же Козацкимъ Рѣчищемъ, протянувшимся здѣсь на четыреста сажень длины. Такимъ образомъ вся балка представляетъ собой какъ бы подобіе виль, рукоятки которыхъ будетъ соответствовать вершина ея, а двумъ рожкамъ—устья. Въ устьѣ балки, между двумя рожками, стоитъ прекрасный островъ Каирскій, покрытый сплошь высокимъ лѣсомъ, имѣющій въ длину двѣ версты, въ ширину полъ-версты и раздѣленный между тремя владѣльцами: Огарковымъ, Блажковымъ и Полуденнымъ. Таковъ характеръ лѣваго берега балки Каменки.

Само Казацкое Рѣчище имѣетъ также своеобразный характеръ. Это—въ буквальный смыслѣ слова панорама, устроенная природой изъ воды, живой зелени травъ и молодого лѣса, охваченная съ лѣвой стороны высокимъ, по мѣстамъ почти отвѣснымъ берегомъ рѣки, съ правой—окаймленная длиннымъ рядомъ вербъ, кудрявыхъ, развѣсистыхъ осокорей и тонкой, низко нагибающейся къ водѣ лозой. Вода здѣсь до того чиста, что въ ней, точно въ зеркальной поверхности со всѣми подробностями отражаются и деревья, стоящія у береговъ, и звѣзды, блестящія въ небѣ, и луна, выплывающая изъ-за гигантскихъ скалъ, и лодка, едва слышно плывущая по рѣкѣ и, наконецъ, самыя лица сидящихъ въ ней пловцовъ. И въ то же время какая замѣчательная тишь! Только и слышно, какъ иногда пронесется гдѣ-нибудь по верхушкамъ высокихъ осокорей низовой вѣтерокъ, зашумитъ-заиграетъ между лозъ, протянется



Ч. II. Пл. VI.

Планъ Алешковской Сичи.

тонкой полосой между молодыхъ плакучихъ вербъ и снова за- тихнетъ, снова успокоится... «Гей, хлопци, гей!.. А ну къ вес- ламъ, ну!» крикнулъ одинъ изъ гребцовъ, завидя Днѣпръ. Этотъ крикъ вызвалъ къ дѣйствительности какъ меня самого. такъ и моихъ спутниковъ. невольно погрузившихся въ глубокое мол- чаніе въ виду царствовавшаго безмолвія самой природы. Я вздрог- нулъ и бросилъ взглядъ впередъ: передо мной вольно и плавно раскинулся широкій Днѣпръ. Гребцы усиленно налегли на весла, и мы поплыли противъ теченія рѣки по-надъ правымъ берегомъ ея. Берегъ оказался высокимъ, крутымъ и совершенно откры- тымъ. Я взглянулъ на самую вышку его и тутъ увидѣлъ боль- шой каменный крестъ и подлѣ него высокую, круглой формы, могилу. Тутъ гребцы сняли шапки и перекрестились.

— Это что такое?

— Запорожское кладбище.

— А нельзя-ли добраться до этого кладбища?

— Отчего-же нельзя?.. Братцы, держите лѣвъй! Разъ-два- три! Вотъ и берегъ.

Поднявшись не безъ затрудненій на берегъ рѣки, мы уви- дѣли здѣсь какіе-то холмы и развалины.

— А это что за холмы?

— А это запорожская Сича.

— Такъ вотъ она! Такъ вотъ тѣ нѣмые остатки слав- ныхъ и грозныхъ «лыцарей», имя которыхъ нѣкогда гремѣло по всему свѣту и слава которыхъ разливалась когда-то по всей Украинѣ! И гдѣ-то все дѣлось?! Страшною грустью повѣло на меня отъ этого кладбища.

Каменская Сича оказалась расположенною въ томъ самомъ углу, у котораго сходится рѣчка Каменка съ Козацкимъ Рѣчи- щемъ, отдѣляющимся отъ Днѣпра по направленію отъ сѣвера къ югу, и представляетъ изъ себя неправильный треугольникъ, протянувшійся съ сѣвера на югъ по-надъ правымъ берегомъ Козацкаго Рѣчища, основаніемъ на сѣверъ, вершиною на югъ. (См. пл. V). Вся величина Сичи, по четыремъ линіямъ,

опредѣляется такъ: сто пятнадцать сажень съ востока, шестьдесятъ шесть сажень съ сѣвера, сто двадцать-три сажени съ запада, тридцать-шесть сажень съ юга. Самая форма Сичи представляется въ такомъ видѣ. По срединѣ ея, съ сѣвера на югъ, идетъ площадь, ширины у сѣверной окраины шесть сажень, у южной три сажени, а по обѣимъ сторонамъ площади тянутся курени, числомъ сорокъ. Одинъ рядъ ихъ идетъ вдоль Козацкаго Рѣчища съ выходами на западъ, а три ряда идутъ отъ степи, встрѣчно р. Каменки, съ выходами и на востокъ, и на западъ. Между послѣдними тремя рядами, также какъ и между первыми, тянется отъ сѣвера къ югу площадь, равная и по ширинѣ и по длинѣ первой. Каждый изъ куреней имѣетъ двадцать-одинъ аршинъ длины и двѣнадцать аршинъ ширины. Вся Сича обнесена была каменной оградой, отъ которой въ настоящее время сохранились только кое-гдѣ небольшіе камни. За оградой, у сѣверной окраины Сичи, уцѣлѣли еще семь небольшихъ круглыхъ ямъ: три къ востоку, четыре къ западу, приспособленныхъ къ стратегическимъ цѣлямъ и носившихъ у запорожцевъ названіе волчьихъ ямъ. Южная окраина Сичи, тамъ, гдѣ сходятся Каменка и Казацкое Рѣчище, отдѣлена небольшою канавою, идущею отъ востока къ западу, ниже которой, съ наружной стороны, тянется рядъ небольшихъ холмиковъ, числомъ девять, въ томъ же направленіи, какъ и канава. Пространство земли ниже канавы къ югу, до мѣста сліянія Каменки съ Козацкимъ Рѣчищемъ, носить названіе стрѣлки и принадлежитъ владѣльцу Н. П. Блажкову. Здѣсь тянется рядъ холмовъ, числомъ восемь, съ сѣвера на югъ, параллельно р. Козацкому Рѣчищу, но перпендикулярно канавѣ, отдѣляющей южную окраину Сичи. Быть можетъ, эти послѣдніе холмы служили у запорожцевъ базами для пушекъ, которыми они ограждали свою столицу съ юга, какъ ограждали волчьими ямами съ сѣвера. Таковъ общій видъ Каменской Сичи.

Къ этому нужно добавить лишь то, что на сто шаговъ отъ Сичи къ сѣверу находится еще запорожское кладбище, на коемъ



Ч. II. Рис. 29.

Памятникъ кошеваго К. Г. Головка.

въ настоящее время сохранилось всего лишь четыре каменных креста, одинъ цѣлый и три разбитые въ куски, съ надписью, сдѣланною полувязью на каждомъ изъ нихъ. Первый крестъ имѣеть высоты два аршина и три четверти, толщины полъаршина; на немъ, съ западной стороны, вверху выбита фаза луны, возлѣ нея крестъ и возлѣ креста нѣчто подобное цвѣтку, а ниже цвѣтка помѣщена слѣдующая надпись: «Во Имя Оца И Сна и Сго Дха Зде Опочиваетъ Рабъ Бжїи К^нстѣнтїнъ Гордѣевичъ Ятаманъ Кошовый: Славнаго Войска Запорозкаго Низоваго А Куреня Платѣрскога: Преставися Року Аулїя Мѣсяца Д Числа». (См. табл. XXIX). Съ восточной стороны креста высѣчено обыкновенное распятїе, съ обычными при немъ буквами, а ниже распятїя изображена козацкая арматура: копыя, сабли и пушки на колесахъ. У самаго креста насыпана могила, высоты черезъ вершину двѣ съ половиной сажени, въ окружности двадцать сажень. Второй крестъ разбитъ на три куски и потому на немъ можно было прочесть лишь слѣдующія слова: «Во имя пресвятїя и живо... тройци аминь. Зде опочиваетъ рабъ бжїи василї дероѣеви отаманъ кошовый... а куреня титаровскаго преставися в року 1731-мъ в мѣсяцѣ маѣ дня 23». Крестъ лежалъ возлѣ небольшой могилки, близъ которой онъ видимо когда-то стоялъ.

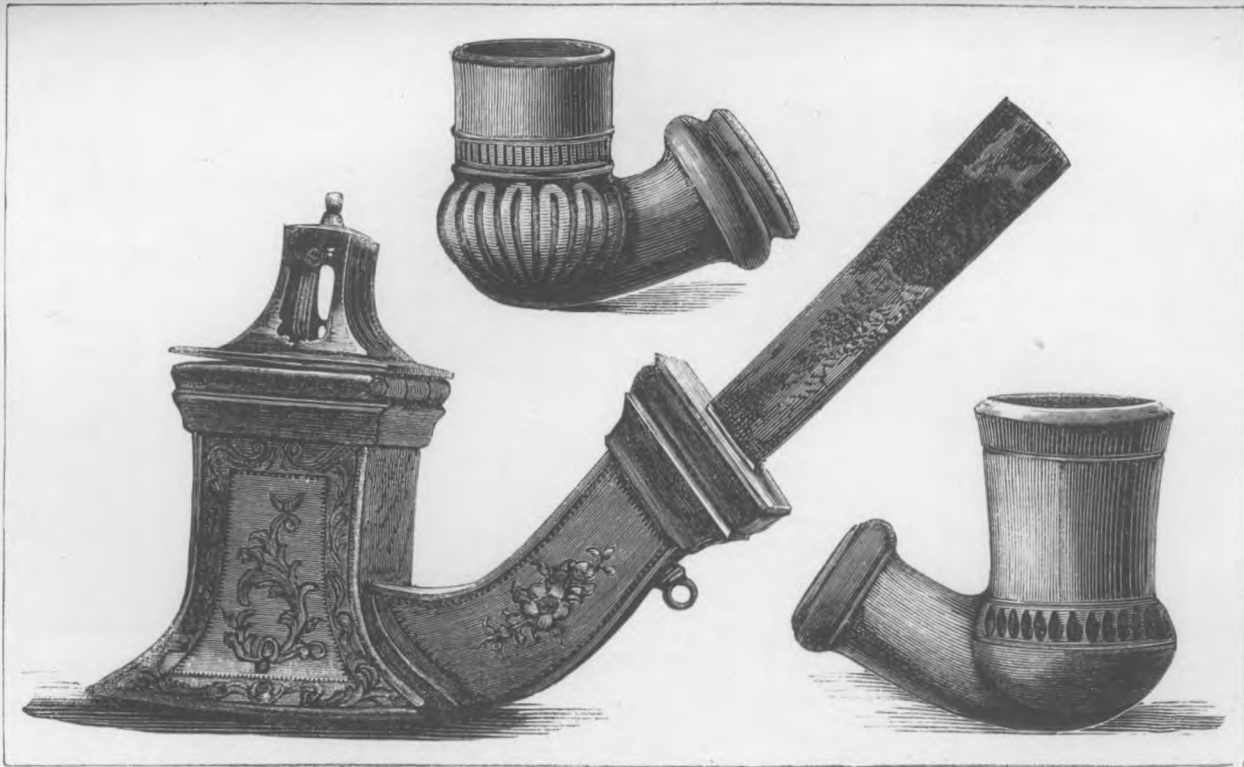
Приведенныя надписи указываютъ на то, что подъ двумя крестами покоится прахъ двухъ кошевыхъ: Василия Героѣевича и Константина Гордѣевича. Изъ двухъ этихъ кошевыхъ атамановъ о первомъ намъ ничего неизвѣстно, а о второмъ извѣстно лишь то, что онъ былъ сынъ Гордѣя Головка, что онъ именовался собственно Константиномъ Гордѣевичемъ Головкой, что онъ занималъ постъ кошеваго атамана уже съ 1701 года, затѣмъ, отказавшись отъ своихъ «дѣдовскихъ хуторовъ», перешелъ на сторону гетмана И. С. Мазепы, игралъ въ одну руку съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что былъ обманутъ гетма-

номъ; тогда заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ въ мѣстечкѣ Будищахъ, тепершняго полтавскаго уѣзда, передался ему въ подданство и умеръ, какъ видно изъ приведенной надписи, въ 1733 году. Остальные два креста настолько повреждены, что на нихъ можно было прочесть лишь одни имена козаковъ Якова и Федора. Это и все, что нашелъ я на запорожскомъ кладбищѣ близъ Каменской Сичи, а между тѣмъ, глядя на множество могилъ, можно думать, что здѣсь было довольно большое кладбище, отъ котораго однако же въ настоящее время уцѣлѣло лишь четыре неполныхъ креста, о чемъ заявлялъ уже сорокъ три года тому назадъ покойный Н. Н. Вертильякъ. «Не болѣе какъ лѣтъ за пятнадцать назадъ (Вертильякъ писалъ въ 1844 году) кладбище бывшей на рѣкѣ Каменкѣ Сичи запорожской устьяно было крестами и надгробными памятниками съ надписями; даже крѣпостные валы сохранили обшивку свою изъ тесанаго камня. Теперь все это истреблено. На кладбищѣ остается только четыре креста. Одинъ изъ нихъ вовсе безъ надписи ¹⁾., на другомъ стерлась она отъ времени такъ, что ничего нельзя разобрать; зато надписи двухъ остальныхъ обогащаютъ насъ весьма важными свѣдѣнiями относительно исторiи Запорожья: первая опредѣляетъ годъ смерти кошеваго атамана Кости Гордiенка, о которомъ въ «Исторiи послѣдняго коша» г. Скальковскаго сказано, что неизвѣстно, гдѣ онъ умеръ. Вторая дополняетъ списокъ кошевыхъ новымъ неизвѣстнымъ именемъ Василя Ерофѣева ²⁾).

Каменская Сича, какъ уже сказано, существовала недолго. «Коль скоро объ ономъ (о томъ, что запорожцы поселились въ

¹⁾ Это невѣрно: всѣ четыре креста имѣютъ надписи, но только на двухъ изъ нихъ трудно прочесть, потому что они разбиты на нѣсколько частей. Невѣрно также прочесть г. Вертильякъ и годъ смерти Гордiенка: не 1731, а 1733, на кресту стоитъ АУ ДГ, гдѣ изъ послѣдней буквы Д сдѣлано и Г, что и составитъ 33, а не 31, чего г. Вертильякъ и не замѣтилъ

²⁾ Записки одес. общ. истор. и древн., т. I, стр. 607.



Ч. II. Рис. 30.

Запорожскія трубки.

Тип. Эд. Гоппе.

Каменкѣ) извѣстно стало, то черезъ посланную партію ихъ (т. е. запорожцевъ) опять согнали (россіяне) и кошгъ ихъ разорили. Тутъ запорожцы должны были пройти за Днѣпръ на крымскую сторону и, по приказанію крымцевъ, построились еще ниже, близъ Днѣпра же. въ урочищѣ Алешкахъ ¹⁾). Но изъ Алешекъ запорожцы вновь возвращались на нѣкоторое время въ Каменку. По объясненію кн. Мыщенкаго, это произошло по слѣдующей причинѣ: «Какъ запорожскіе козаки, подъ командою хана крымскаго ходили на черкесы въ нѣсколькихъ тысячахъ, то запорожскіе козаки-жь, которые живутъ при р. Самарѣ, собравшись во многой силѣ, и пошли военною рукою на запорожскую Сѣчу, въ урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вѣшали, и потомъ оную всю выжгли; и зато они то чинили, что запорожцы подданными у себя имѣли и многія имъ насильства и обиды чинили. И какъ кошевой съ запорожскими козаками изъ черкесъ возвратился и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, собралъ всѣхъ запорожскихъ козаковъ и переселился изъ того урочища, Олешекъ, въ старую Сѣчу, Каменку» ²⁾). Такимъ образомъ запорожцы снова возвратились въ Каменку и жили здѣсь до 1711 года, когда «гетманъ Скоропадскій, вмѣстѣ съ генераломъ Бутурдинымъ и восемью всероссійскими полками, охранявшій близъ Каменнаго Затона ³⁾ границы отъ нападенія непріятеля, разорили Сѣчу у рѣчки Каменки. Запорожцы поселились тогда на восточномъ берегу Днѣпра при урочищѣ Алешкахъ» ⁴⁾).

Древностями Каменская Сича не богата, и изъ вещей, найденныхъ здѣсь, можно назвать лишь одну стальную трубку съ рѣзьбой съ наружной стороны и съ крышкой наверху (см. табл. XXX). Она имѣетъ длины около четверти и найдена вмѣстѣ

¹⁾ Ригельманъ. Лѣт. пов., 1847, III, 96.

²⁾ Исторія о козакахъ запорож., Одесса. 1852 г., стр. 23. .

³⁾ Теперь с. Каменка или Малая Знаменка, таврической губ., мелитопольск. у.

⁴⁾ Бантышъ-Каменскій. Истор. Малорос., Москва, 1842, III, стр. 125.

съ двумя черепковыми трубками и большимъ аметистомъ базисъ одной изъ запорожскихъ могилъ, около Сичи. Къ трубкѣ при-дѣланъ стальной чубукъ, въ который видимо вкладывался дру-гой деревянный, истлѣвшій, однако, въ землѣ. По оригинальности работы эта трубка—единственный экземпляръ изъ множества нами видѣнныхъ.

Слѣдующимъ днемъ я оставилъ хуторъ Консуловку и, пере-правившись черезъ рѣчку Каменку, скоро очутился въ хуторѣ Блажковомъ. Владѣлецъ хутора, Иванъ Прокофьевичъ Блаж-ковъ, какъ и вся его семья, оказался очень милымъ, госте-примнымъ и даже чрезвычайно душевнымъ человѣкомъ. Въ немъ нашелъ я самое живое участіе къ своему дѣлу.

Исходивъ вдвоемъ всѣ завѣтныя мѣста по берегу балки Каменки, по столѣтней дубравѣ, гранитнымъ скаламъ и большому среди Днѣпра острову Каирскому, мы подъ конецъ рѣ-шили выбратъся на скалу Пугачъ и немного отдохнуть на ней. Взойдя на самую вышку горы и бросивъ далекій взглядъ вверхъ противъ теченія Днѣпра, мы увидѣли здѣсь одну изъ симпа-тичнѣйшихъ картинъ, какія раскрываются на немъ только въ лѣтнее время, при полномъ расцвѣтѣ природы и полномъ оби-ліи водъ. Помню, было около девяти часовъ утра, а Днѣпръ все еще окутанъ былъ прозрачными водяными парами, легкою пеленою носившимися надъ нимъ. Солнце поднялось уже до-вольно высоко и яркіе лучи его начинали прорываться сквозь тонкій покровъ водяныхъ паровъ и загораться милліонами огней по ровной поверхности чистыхъ водъ, пробуждая всю природу къ жизни и все живущее на ней — къ борьбѣ и дѣятельности. Вотъ изъ сосѣдняго острова поднялась большая стая птицъ. Она взлетѣла противъ самой середины Днѣпра, быстро закружилась надъ нимъ, потомъ шархнула въ раз-ныя стороны и далеко-далеко разлетѣлась по сторонамъ. «Пугу! пугу!» вдругъ неожиданно раздалось гдѣ-то въ лѣсу.

— Это пугачъ, старожиль горы, отъ него-то она и на-званіе свое получила. Теперь довольно намъ бродить, пора воз-

вращаться и назадъ, къ обѣду. — Рѣшено было возвратиться домой. Солнце уже страшно пекло, и мы усталые, обливаясь потомъ, возвратились въ хуторъ. Семья была въ полномъ сборѣ, и столъ уже давно былъ накрытъ.

Солнце стояло какъ разъ въ зенитѣ, и жаръ былъ невыносимый, когда мы, покончивъ съ обѣдомъ, оставили душныя комнаты и потянулись внизъ къ самому берегу Каменки, гдѣ раскинулся широкой и густой садъ владѣльца. Войдя въ садъ, мы увидѣли здѣсь старика, Семена Герасименка, садовника и вмѣстѣ сторожа сада. Садъ раскинулся по взгорью балки и состоитъ большею частью изъ фруктовыхъ деревьевъ. Мы выбрали самую тѣнистую яблонь и тотчасъ же растянулись подъ ней, на шелковой травѣ. Возлѣ насъ присѣлъ на корточки и сторожъ Семень.

— А шо, диду, чи багацько на свити прожили?

— Ни. не дуже багацько! Не бильшь, мабуть, якъ шесть-десять годъ!

— Не мало одначе!

— Тай не дуже багато!

— А все-жъ бильшь насъ.

— И бильшь и не бильшь.

— Якъ такъ?

— А такъ. шо хочъ я бильшь васъ проживъ, такъ меньше васъ знаю.

— Це вже хто ёго зна? Отъ якъ бы кого изъ насъ запытали, шо вонъ есть за хресты таки, шо на стрильци стоять, по той бикъ Камьянки, то зъ насъ бы ништо того не доказавъ, а вы, гляди, и докажете.

— Та це-то невелике диво! Тамъ стояла запорожська Сича, себѣ то така столица, де збирались козаки, а коло Сичи заведено у ихъ було кладовыше; видъ того тамъ и хресты стоять.

— Ну, а церкви жъ тамъ не було?

— Церква була, та тилько не тутъ, а на бальци Миловій, та яка церква? Комышова.

— Такъ значить запорожци християне були?

— А якъ-же? Вони нашої виры, а це оти чорты, турки, такъ ти нехрещени.

— А шо-жъ то кажуть, шо небі запорожци и турки одні-ей поведенціи?

— Ни; це неправда! Вони й съ погляду одинъ на одного несхожи. Турки зовсимъ голову голять, а запорожци голяли, та не всю: чубы зоставляли. Видъ ныхъ уже и у насъ була поведенція чубыти носити. Якъ були мы малыми, то намъ було повыстрыгують головы, а чубки позоставляють, такъ мы якъ заведемось битыця та якъ повматаемо одинъ другому руки у ти чубки, та такъ и водимось якъ бараны, ажъ поки хто не розведе, або не визьме ножницъ та не повидризуе чубивъ. Мы ихъ носили не то шо малыми, а уже й великими, та ото якъ повернули насъ изъ мужиковъ въ уланы,—це було годъ тридцять пять, або й сорокъ назадъ,—то понаихали до насъ стрижіи та давай намъ ризаты чубы, а мы у голосъ, іки Богу, та ревма ревемо за ними. «Лучче бъ насъ побили, ніжъ оце поодривали намъ ковтуны»... О такъ якъ пропали наши чубы, то такъ пропали и запорожци съ чубами: цариця Катерина скасувала. Бигла вона сюди Крымъ розбивати, розбила его съ трехъ сторонъ та за однимъ заходомъ и Сичу зруйнувала.

— Та такъ Сича и пропала?

— Такъ и пропала!

— А десь, мабуть, гарно було жити тутъ запорожцямъ?

— Мабуть шо гарно, коли подивитьця, шо тутъ за сторона була. Тоди тутъ по плавняхъ та по скеляхъ вовкивъ, лисиць, зайцивъ, дикихъ свиней—прямо не пройдешь. Дыки кабаны були пудивъ по десять, або й бильшь вису: на силу шість чоловікъ на сани зложуть. Тутъ було такого звіру, шо верховыхъ давали изъ города, чоловікъ сорокъ-пятьдесять, шобъ розгонити его. Такъ де тоби? Его гоняють по степу, а винъ у плавни. Издили зъ ружжами та съ шаблями

по плавнямъ та палили комыши. Та вже тоди трохи налякали его, а то прямо и выйти страшно. Рыба, такъ та сердешна, ажъ затхнетца, а ракивъ штанами ловили. А шо игыци, такъ и казати ничего. Якъ пидешъ на охоту, то до дому несешъ наче видра на коромысли. Стрепеты, огари ¹⁾, лебеди такъ пишкомъ и ходять. Травы высоки-превысоки, ажъ по груди, а то ще й бильшь; а роса по трави, наче вода: якъ хочешъ ийти по степену, то першъ усего скинь штаны, а то й не дотягнешъ, якъ намокнуть. А скинешъ штаны, пидбирай и сорочку, бо й ця замокне. Якъ идешъ у постолахъ, то вода тилько чвыркъ-чвыркъ! Лисъ росъ густый та высой: груштя, калины, винограду дикого—не пролизишь. Ничью страшно було и ходити... А урожаи таки, шо теперь и не почувешъ. Тоди жъ и дешевистъ на все була: пудъ проса десять копіекъ, пудъ пшеницы сорокъ копіекъ, та ще й то дорого!..

Можеть быть наша бесѣда продолжилась бы на нѣсколько часовъ, если бы мнѣ не нужно было спѣшить дальше изъ хутора Блажкова, по направленію къ Бизюкову монастырю, куда я имѣлъ проѣхать въ тотъ же вечеръ. Возвратившись въ домъ, я простился съ гостепріимными хозяевами, сѣлъ въ экипажъ и быстро помчался по направленію къ Бизюкову монастырю.

Второкласный григорьевскій Бизюковъ монастырь находится въ 90 верстахъ отъ гор. Херсона, въ 17 верст. отъ г. Бериславля и въ 6 верст. отъ хутора Блажкова, расположенъ по взгорью праваго берега Днѣпра, среди открытой и довольно живописной мѣстности. Основаніе ему положено архимандритомъ Феодосіемъ Масловымъ, родомъ изъ Глухова, черниговской губерніи. бывшимъ настоятелемъ молдавской мирнополянской пу-

¹⁾ Огарь—большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся, *anas rutila*.

стыни, близъ Дуная. Бѣжавъ въ 1769 году изъ Молдавіи, вслѣдствіе притѣсненій со стороны турокъ, въ станъ русскихъ войскъ, воевавшихъ въ то время съ турками, Θεодосій снискалъ расположеніе у фельдмаршала ихъ князя Потемкина и былъ отпращенъ въ С.-Петербургъ, къ императрицѣ Екатеринѣ II; здѣсь онъ получилъ назначеніе сперва въ Софроніеву, находящуюся въ 40 верстахъ отъ г. Глухова, а потомъ, въ 1782 г., 23 мая, испросилъ позволеніе основать «собственное подворье» съ тѣмъ же названіемъ Софроніевскаго, у Днѣпра, ниже Херсона, на бывшей землѣ запорожскихъ козаковъ. Для этой цѣли Θεодосію отведенъ былъ участокъ земли по правому берегу Днѣпра, у балки Пропасной, въ три тысячи двѣсти сорокъ пять десятинъ земли да черезъ рѣку, по лѣвому берегу Днѣпра, болѣе двухъ тысячъ десятинъ земли такъ-называемыхъ плавень. Для монастыря Θεодосій избралъ мѣсто нагорнее, близъ Пропасной балки; онъ обвелъ его землянымъ валомъ, построилъ внутри часовню, соорудилъ нѣсколько келій и назвалъ все это мѣсто «подворьемъ Софроніевой пустыни». Въ слѣдующемъ, 1783 году, построена была и церковь, деревянная, однопрестольная, во имя священномученика Григорія, епископа и просвѣтителя великой Арменіи, патрона князя Григорія Потемкина. Вскорѣ, однако, оказалось, что мѣсто, избранное для пустыни, вслѣдствіе своей необыкновенной крутизны, было неудобно для монастыря; тогда рѣшили всѣ постройки перенести ниже, но по тому же направленію. Возводя новыя постройки, нашли возможнымъ вмѣсто деревянной церкви построить каменную, сохранившуюся и понынѣ подъ именемъ церкви Григорія. Вскорѣ послѣ этого Θεодосій къ 5000 земли получилъ еще 20718 десятинъ по р. Ингульцу, съ лѣвой стороны ея, и съ тѣхъ поръ Софроніевское подворье стало именоваться уже Новогригорьевскою пустынью; спустя десять лѣтъ послѣ этого, въ 1802 году, 9 декабря, скончался самъ основатель ея, архимандритъ Θεодосій, будучи восьмидесятилѣтнимъ старцемъ. На слѣдующій годъ послѣ смерти Θεодосія, по высочайшему указу,

опредѣлено: бывшее Софроніево подворье, потомъ Новогригорьевскую пустынь преобразовать въ григорьевскій Бизюковъ монастырь на мѣсто упраздненнаго, за бѣдностію, въ смоленской епархіи ставропигіального крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Настоятелемъ новаго монастыря назначенъ былъ архимандритъ Іосифъ, котораго послѣдовательно смѣнили Досифей, Галактіонъ и Никифоръ Звенигородскій. При послѣднемъ въ монастырь сооружена была новая церковь, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, возведена каменная ограда вокругъ всей обители и построенъ страннопріимческій домъ для богомольцевъ. Послѣ кончины Никифора слѣдовали архимандриты: Іаковъ Вечерковъ, посвященный потомъ епископомъ въ Саратовѣ, Анастасій, Іона, посвященный епископомъ въ Екатеринбургѣ, Поликарпъ, Геронтій и, наконецъ, въ 1854 году Діонисій. Такова въ краткихъ словахъ исторія Бизюкова монастыря ¹⁾.

Въ настоящее время Бизюковъ монастырь представляется въ такомъ видѣ: съ наружной стороны онъ обнесенъ правильной четырех-угольной стѣной съ башнями по угламъ, въ которую ведутъ двое воротъ: съ востока и съ запада. За стѣной растетъ фруктовый садъ; за садомъ стоятъ три каменные большіе корпуса для братіи, пріѣзжающихъ богомольцевъ; кромѣ того палаты, конюшни, скотные дворы и т. п. Прямо къ востоку отъ западныхъ воротъ стоятъ три церкви: трех-святительская, григоріевская и покровская, всѣ сдѣланныя изъ камня, всѣ очень прочныя, хотя и мало-помѣстительныя. Подъ монастыремъ считается 25963 десятины земли и, кромѣ того, два рыбныхъ завода: одинъ на Днѣпрѣ, другой на Конкѣ. По положенію, всей братіи въ монастырь считается восемнадцать человекъ съ настоятелемъ, которые получаютъ, кромѣ монастырскихъ доходовъ и доходовъ отъ земли, еще правительственнаго жалованья 758 руб. и 51 копѣйку.

¹⁾ Для исторіи Бизюкова монастыря мы располагаемъ сочиненіемъ архимандрита Діонисія: «Свѣдѣніе о второклассномъ григор. Бизюковомъ монастырѣ». Одесса, 1852 года».

Запорожскихъ вещей въ монастырѣ нѣтъ никакихъ. Да и вообще монастырь не богатъ древностями. Въ немъ хранятся лишь пять грамотъ, три евангелія, крестъ и колоколь, оставшіеся отъ древнихъ временъ. Изъ грамотъ одна относится ко времени царя Алексѣя Михайловича, другая—ко времени царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, третья—ко времени императрицы Анны Ивановны, четвертая—ко времени императрицы Елизаветы Петровны.—всѣ четыре касаются разныхъ правъ, привилегій и земныхъ угодій смоленскаго Бизюкова монастыря, и наконецъ пятая, писанная отъ имени митрополита Стефана Яворскаго о посвященіи архимандрита для монастыря. Изъ евангелій одно напечатано въ 1636, другое—въ 1657, третье—въ 1689 году, въ Москвѣ. Последнее имѣетъ вѣса до двухъ пудовъ, высоты аршинъ, ширины двѣ съ половиной четверти, обложено мѣдью съ разными изображеніями. съ надписью по краямъ доски, съ внутренней стороны: «Лѣта 7223 декабря 21 Сіе святое евангеліе построено при державѣ благочестивѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князѣхъ Иоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ всеи великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ (.) а строи сіе святое евангелія смиренны варооломе архимандритъ свято и общежитено (тельной) обители симоновско а положено буде сіе святое евангеліе в томъ монастырѣ гдѣ буду (тъ) мо (и) грѣшніе кости страшнаго суда божія дожидатьца». Крестъ, высоты двѣ съ половиной четверти, сдѣланный изъ мѣди, съ изображеніемъ распятія на лицевой сторонѣ и съ вырѣзанными тутъ-же словами; «Се есть сынъ мо возлюбленный о немъ же благоволихъ того послушайте». Колоколь, повѣшенный на колокольнѣ изъ четырехъ каменныхъ столбовъ и перевезенный изъ смоленскаго Бизюкова монастыря. На немъ, съ внутренней стороны, вырѣзана слѣдующая надпись: «Вылить сѣ колоколь въ царствующемъ граде москвѣ влѣто отъ рождества христова 1765 году генваря 3 в ставропигіальный крестовоздвиженскій Бизюковъ монастырь з дозволенія коллегіи экономіи в бытность высокопреподобнѣйшаго господина отца архи-

мандрита Іова Малѣвскаго вѣсу в не (мъ) 102 пу. Спаси Господи и помилуй рабъ своихъ строящія храмы божія и подающія имъ всякое благопотребное подаваніе и даждь имъ господи царство небесное ради пресвятаго имени своего. Лѣтъ въ Москвѣ на заводѣ Дмитрія Пирагова».

За оградой монастыря, у самаго берега Днѣпра, сдѣланъ такъ-называемый предтеченскій скитокъ, по-просту сказать, бесѣдка. Чудное мѣстечко! Представьте себѣ возвышенный берегъ Днѣпра и на этомъ берегу небольшой мысокъ, далеко вдавшійся въ рѣку. Вотъ на этомъ-то мыску и построенъ такъ-называемый предтеченскій скитокъ, или бесѣдка, съ выведенной надъ нимъ крышей на большихъ кирпичныхъ отштукатуренныхъ и выбѣленныхъ колонкахъ. Съ бесѣдки передъ зрителемъ открывается прелестный видъ на Днѣпръ и раскинувшіяся по лѣвому берегу его села Мальцево и Вольныя или Нижнія-Каиры, а по самой рѣкѣ—островъ Санджаровскій. Въ одной верстѣ отъ этого скитка, въ скалѣ, надъ самымъ Днѣпромъ, есть небольшая пещера, состоящая изъ двухъ келій, ископанная, по преданію, какимъ-то архимандритомъ монастыря. Въ настоящее время она стоитъ необитаема, но читается народомъ, какъ великая святыня.

Слѣдующимъ днемъ я оставилъ Бизюковъ монастырь и возвратился назадъ мимо Блажковки, Каменки, Софіевки и Мѣлового, по бѣгому тракту, къ пристани Кочкаровка, чтобы здѣсь вновь сѣсть на пароходъ и вновь продолжать свой путь внизъ по Днѣпру, къ седьмой Сичи, Алешковской. Тотчасъ ниже Кочкаровка впадаетъ въ Днѣпръ, съ правой стороны, рѣчка Лиговатка, и противъ нея протянулся большой островъ Керсинъ-первый, длины до пяти верстъ, ширины больше одной версты, песчаный, покрытый лѣсомъ, и ниже его Керсинъ-второй, значительно меньше перваго, расположенный параллельно первому; далѣе—островъ Кочкаровскій, песчаный, покрытый густымъ лѣсомъ. Ниже острова Кочкаровскаго у берега Днѣпра, съ правой стороны раскинулось село Мѣловое, въ балкѣ того-же имени, потомъ хуторъ Консуловка или Разоровка и противъ нея оди-

ноко стоящій крестъ у могилы Константина Гордѣевича Головка; далѣ, съ лѣвой стороны, судоходная рѣчка Быстрикъ. а противъ Быстрика, съ правой стороны. въ устьѣ р. Каменки. островъ Каирскій, длины двѣ версты. ширины полторы версты. раздѣленный между тремя владѣльцами: Огарковымъ, Блажковымъ и Полуденнымъ. У татаръ и запорожцевъ противъ балки Каменки и острова Каирскаго черезъ Дибирь существовала Каменская или Каирская переправа. съ праваго берега на лѣвый, по теченію рѣки. очень удобная, но съ лѣваго на правый, противъ теченія, довольно затруднительная; оттого обозы. шедшіе сверху внизъ, переправлялись у балки Каменки, а обозы. шедшіе снизу вверхъ—въ Кизикирменѣ. Ниже о. Каирскаго впадаетъ въ Дибирь съ правой стороны рѣчка Козацкое-Рѣчище, ниже его стоитъ деревня Блажкова, далѣ идутъ: села Горностаевка, Большіе или Нижніе Каиры, рѣчка Волошка съ лѣвой стороны. д. Новоавловка, островъ Полууденный. образовавшійся лѣтъ сорокъ тому назадъ, островъ Санжаровскій. насыпанный лѣтъ пятнадцать тому назадъ. коса Штаны, среди Дибира, деревня Рогулина, балка Пропасная, на которой. по сказанію Мыщенскаго, когда-то стоялъ городъ Пропасный ¹⁾. потомъ Бизюковъ монастырь, Левковское озеро, съ лѣвой стороны. затѣмъ такъ называемая Старая переправа. Большой лиманъ или Великія воды, чистое, открытое пространство Дибира. лежащее между немногими островами, противъ Осокоровки ²⁾; далѣ островъ Костырка. длины три версты, ширины верста. и за нимъ рѣчка Костырка. противъ колоніи этого-же имени, съ правой стороны. и такъ-называемое Волчье-горло—съ лѣвой; островъ Бѣшенный. длины почти верста. ширины полверсты, противъ южнаго конца острова Костырки и противъ озера Серебрянаго. что среди плаветъ на лѣвомъ берегу Дибира. Еще ниже идутъ колонія Клостендорфъ, противъ того же о. Костырки. колонія Старливец-

¹⁾ Исторія о казакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., стр. 71.

²⁾ Бопланъ. Описаніе Украины. Спб. 1832 г., стр. 27.

кая съ островомъ Старливецкимъ противъ нея, около версты длины и около полуверсты ширины, острова Пончингъ, параллельно одинъ другому, около версты длины и четверть версты ширины. рѣчка Кладовая, съ правой стороны, деревня Сомова или Любимовка, съ лѣвой, съ остатками турецкой крѣпости противъ нея, у устья Конки, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. По свидѣтельству кн. Мышецкаго, «тутъ при Конскихъ водахъ, въ древнее время, имѣлся татарскій великій городъ. какъ именовался, того неизвѣстно, который отъ самыхъ татаръ разоренъ за тѣмъ, что въ ономъ городѣ науки, а по турецкому званію мармуки, или тарантулы, людей поѣдали; ково оныя ни ужалать, тотъ уже не будетъ живъ» ¹⁾. Въ самомъ Днѣпрѣ, какъ разъ противъ устья р. Конки, показываютъ мѣсто затонувшаго дуба, т. е. большой лодки, имѣющей подобіе запорожской чайки.

Ниже деревни Сомовой слѣдуетъ село Мальцево и противъ него, среди Днѣпра, островъ Домаха, длины верста, ширины треть версты, островъ возвышенный, покрытый лѣсомъ, а ниже острова Домахи, съ правой стороны, начинается такъ-называемое урочище Лыса-гора, въ старину островъ Лысый ²⁾ и противъ Лысой-горы, съ лѣвой стороны, мѣстечко Каховка съ развалинами большой крѣпостцы, находящейся между Каховкой и берегомъ Днѣпра. Образованіе Каховки относится къ концу прошлаго столѣтія; она получила свое названіе отъ перваго владѣльца, втораго правителя екатеринославскаго намѣстничества и бывшей таврической области, В. В. Нечуй-Каховскаго; вторымъ владѣльцемъ Каховки съ 1800 года сдѣлался Овсяннико-Куликовскій.

Противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки на островѣ, близъ лѣваго берега Днѣпра, у турокъ была устроена крѣпость Осланъ, какъ о томъ свидѣствуетъ кн. Мышецкій. «А пониже отъ

¹⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 64.

²⁾ У Мышецкаго, урочище Высшей головы Космахи, стр. 71.

оного города Шингерей одна верста чрезъ рѣчку Конскую, на островѣ Днѣпра рѣки былъ турецкій городъ, именуемый Осланъ, а въ 1738 году на ономъ мѣстѣ построенъ отъ россіянь Андреевскій редутъ¹⁾. Въ настоящее время противъ Каховки, на одну версту ниже Конки, нѣтъ никакого острова, но онъ былъ до 1848 года и находился ниже теперешней пристани, противъ мельницы Параваява, на немъ была и турецкая крѣпость; въ 1848 году, во время большой воды, островокъ этотъ былъ снесенъ теченіемъ, а крѣпость его рушилась на дно рѣки; остатки ея и теперь можно видѣть въ рѣкѣ²⁾. Въ 40 гг. близъ Каховки крестьяне нашли мѣдную турецкую пушку и продали ее на сплавъ кушамъ города Обояни, курской губерніи.

Ниже Каховки, съ лѣвой стороны, противъ того мѣста, откуда выходитъ изъ Днѣпра рѣка Конка, лежатъ остатки крѣпостцы Кизикирменя, сооруженной русскими въ 1736 году³⁾. а ниже крѣпостцы впадаютъ въ Днѣпръ, съ правой стороны, рѣчки Рѣчище, Космаха съ остатками крѣпости Космахи, на правомъ берегу ея⁴⁾, и тутъ-же идетъ большая песчаная коса, противъ устья р. Космахи, а за косою открывается островъ Космакъ или Каиръ-Космакъ, длины до пятнадцати верстъ, отдѣленный отъ праваго берега Днѣпра рѣчкой Космакомъ и начинающийся сѣвернымъ концомъ своимъ какъ разъ противъ Шведской колоніи.

Часть этого острова (точнѣе плавни) принадлежитъ жителямъ Берислава, часть—жителямъ Шведской колоніи, а часть—казнѣ. Объ этомъ островѣ упоминаетъ еще Болланъ. «Островъ Каиръ—совершенно плоскій. имѣетъ въ длину отъ пяти до

¹⁾ Мышецкій. История о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 64.

²⁾ Причиной разрушенія крѣпости былъ не столько самый Днѣпръ, сколько приказъ владѣльца Каховки Овсяннико-Куликовскаго, брать съ нея камни для постройки церкви.

³⁾ Тамъ-же, стр. 71.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 71.

шести миль; одна часть его покрыта камышомъ, а другая— ветлоу. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ русской сторонѣ, а потому восточный берегъ острова гораздо шире, но за то западный не затопляется разлитіемъ Днѣпра»¹⁾). Ниже острова Космака стоитъ городъ Бериславль, расположенный съ правой стороны Днѣпра, на три съ половиною версты ниже мѣстечка Каховки. Въ настоящее время противъ этого города, въ Днѣпрѣ, есть небольшой островъ Денисенковъ, длины въ одну версту, ширины въ полверсты, съ остатками каменной крѣпости и большого лѣса по берегамъ. Этотъ островъ, называемый по-турецки Тавань²⁾, видимо былъ продолженіемъ того острова, который находился противъ мѣстечка Каховки, и который теперь смытъ водой.

На этомъ острову, у сѣверной окраины его, былъ построенъ у турокъ упомянутый городъ Ослань, а у южной—городъ Тавань. Между этики городами черезъ Днѣпръ, отъ берега къ крѣпости, турки протягивали желѣзныя цѣпи, чтобы затруднить козакамъ проходить ночью по Днѣпру; для этой-же цѣли у береговъ рѣки устроены были ворота и на нихъ наведены были изъ городка пушки. Однако запорожскіе козаки ухитрились счастливо проходить мимо этихъ укрѣпленій: не добзкая городка, они вырубали толстое съ вѣтвями дерево и потомъ, войдя въ рѣчку Космаху, которая шла по-надъ самымъ Кизикерменемъ, пускали это дерево къ цѣпямъ; какъ только дерево ударить въ цѣпи, и какъ только эти цѣпи забренчатъ, турки поднимаютъ изъ пушекъ пальбу и стрѣляютъ до тѣхъ поръ, пока не высялятъ весь запасъ; а запорожцы межъ тѣмъ, пользуясь темнотою ночи и пальбою изъ пушекъ, сворачиваютъ къ лѣвому берегу, входятъ въ р. Конку, перетаскиваютъ свои чайки черезъ греблю по-за плавней и выходятъ снова въ Днѣпръ, ниже о. Таваня. Иногда, впрочемъ, запорожцы проходили и безъ этой хитрости: такъ тихо проплывутъ, что турки и не замѣ-

¹⁾ Описание Украйны. Спб. 1832 г., стр. 27

²⁾ По-русски это значить «потолокъ, палуба».

тятъ. По взятіи русскими г. Кизикермена, на островѣ Тавани, въ 1739 году, построень былъ Таванскій редуть ¹⁾. Въ настоящее время на берегу Дибра, подъ горою, гдѣ стоялъ Кизикермень, существуютъ развалины двухъ стѣнъ, въ два аршина толщиною каждая. Стѣны изъ мѣстнаго известняка, кладки на извести, разстояніе между ними — десять шаговъ. Въ этихъ стѣнахъ и теперь видны правильныя четырехугольныя дыры, идущія далеко во внутрь. Въ эти дыры и были, вѣроятно, закрѣплены концы цѣпей; остатки этихъ цѣпей видны были еще лѣтъ 50 тому назадъ. У татаръ между островомъ Таванью и берегомъ Дибра существовала самая лучшая переправа Таванская; она весьма удобна была потому, что находилась не далѣе одного дня пути отъ Крыма и потому состояла изъ двухъ рѣкъ, изъ боухъ одну, Конку, переходили въ бродъ, а другую. Дибирь, переѣзжали вплавь, такъ какъ онъ имѣетъ здѣсь всего 600 шаговъ. Существованіе переправы у Кизикерменя не нравилось занорозкамъ, потому они просили русское правительство черезъ крымскаго хана запретить татарамъ переправу у Кизикерменя и перенести ее къ Никитину-Рогу. Остатки переправы и теперь видны между островомъ Денисенковымъ и плавней, въ видѣ гребли и вбитыхъ въ песокъ свай.

Городъ Бериславль, у грековъ Мелитополь, у русскихъ Бѣлая-вежа, возобновленъ былъ турками на правомъ берегу Дибра. вмѣстѣ съ крѣпостями Арсланъ-Эрдакъ и Шагинъ-кермень, на лѣвомъ берегу, и названъ Кизи-керменемъ, что значитъ «крѣпость дѣвицы». Здѣсь производился торгъ плѣнниками, вѣсобоенности плѣнниками, дѣвушками, захваченными на Украинѣ и Польшѣ татарами. Русскіе нѣсколько разъ пытались вырвать этотъ городъ изъ рукъ турокъ, но это удалось имъ только послѣ четвертаго раза. Впервые Кизикермень взятъ былъ русскими въ 1695 г. 31 іюля, при царѣ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ; потомъ вторично, въ 1736 г., при императрицѣ Аннѣ

¹⁾ Описаніе Украины, стр. 64.

Ивановиъ, фельдмаршаломъ Минихомъ; далѣе, въ третій разъ, при императрицѣ Екатеринѣ II, графомъ Шереметевымъ и, наконецъ, въ четвертый и послѣдній разъ, въ 1771 году, отрядомъ войска князя Долгорукаго-Крымекаго, послѣ чего онъ переименованъ былъ въ городъ Бериславль и съ 1774 года утратилъ свое значеніе крѣпости. Въ 1787 году Бериславль ознаменованъ былъ пребываніемъ въ немъ императрицы Екатерины II: 18 мая и 1 июня она имѣла здѣсь ночлегъ, когда ѣхала въ Крымъ и обратно. Въ г. Бериславлѣ есть нѣсколько древностей, оставшихся отъ времени запорожскихъ козаковъ. Изъ нихъ часть находится въ теперешней соборной воскресенской церкви, часть — въ частныхъ рукахъ. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Бериславлѣ стоялъ рубленый деревянный соборъ, находившійся прежде въ козацкой крѣпости Переволочнѣ, но потомъ перенесенный, по приказу князя Потемкина, въ г. Бериславль ¹⁾. Въ немъ-то и хранились разные запорожскія древности. Теперь соборъ этотъ снесенъ, и всѣ вещи, находившіяся въ немъ, перешли въ настоящій соборъ. Впрочемъ, изъ этихъ вещей сохранились только слѣдующія. Евангеліе обыкновеннаго формата, въ листъ, кievской печати 1697 года съ надписью, сдѣланною на переплетномъ листѣ: «Сію книгу именуемую Евангеліе на престольное надаль его милость панъ Никита Фоменковъ козакъ з (съ) сѣчи запорожской куреня менского до храму церкви св. Воскресенія Христова, за пресвитера челоувколюбца отца Іоанна Григорьевича Стринского въ томъ же храму вишереченномъ при людехъ (.) за умершихъ роднихъ (.) а особливе при Остапу Филиповичу Тараненку в томже храму будучому (.) второй частіи кторови Іосифу Яковлевичу знатному товаришеви сотнѣ переволочанской, и при инихъ людехъ на тотъ часъ згодившихся Року 1706 іюля 9 дня. Помяни господи души чадъ своихъ: Филимона, Фому, Екатерину».

¹⁾ Всеволожскій: Путешествіе. Москва, 1839 г. 48; Записки одесск. общ. истор. и древн. I, 606.

Евангеліе, московской печати 1730 года, поступившее въ церковь въ 1790 году «отъ черноморскаго поручика Семена Шкляревскаго». Евангеліе, московской печати 1735 года, поступившее изъ крѣпости Переволочной въ 1783 году. Напрестольный крестъ, серебряный, позлащенный, высоты полторы четверти, съ надписью: «Сей крестъ съ мощами святыхъ печорскихъ чудотворцевъ Лаврентія затворника, нестора, анисія, монсея, тита, апатія, мортира, агафонта, зиновія. Мощи святыхъ невскихъ печерскихъ чудотворцевъ положилъ въ сей крестъ по обѣщанію столникъ и полковникъ Степанъ Ивановичъ Яновъ. 1566 года, вѣсъ 1 ф. и 6 зол.». Напрестольный крестъ кипарисовый, оправленный въ серебро, высоты три съ половиной четверти, съ серебрянымъ подножьемъ. вѣсу 3 ф. 57 зол. Кромѣ этихъ древностей въ церкви г. Берислава хранится еще нѣсколько высочайшихъ указовъ, повелѣній св. синода и распоряженій епархіальной консисторіи съ 1721—1734 года. рукописный нотный примолой, «написанный въ Нѣжинѣ трудолюбіемъ Леонтія Глобацкаго съ 1730 года»; нетолкованіе молитвы Господней Іоанна Златоуста, рукописная книжка 1748 года; бѣсѣды Іоанна Златоуста, напечатанныя въ Москвѣ въ 1767 году.

Изъ древностей, находящихся въ частныхъ рукахъ, интересны древности въ собраніи П. П. Шило. Иванъ Парфентьевичъ Шило, запорожець по происхожденію, купецъ по профессіи, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный; въ немъ сочетались всѣ лучшія черты малорусскаго характера: это большой хлѣбосоль, остроумный собесѣдникъ, тонкій юмористъ, глубокой самородогъ-философъ, замѣчательный ораторъ и превосходный знатокъ малорусскаго литературы. какъ въ ея прозѣ, такъ и въ стихахъ. Свято храня память о своемъ дѣдѣ, запорожцѣ Шилѣ, Иванъ Парфентьевичъ много сберегъ у себя запорожскаго боевого оружія, не желая ни продать, ни даромъ передать его въ чужія руки. Изъ рѣдкостей этого рода у П. П. Шило сохранились: превосходной работы рушница, т. е. ружье, прекрасный

пистоль; свяченый гайдамацкій ножъ; длинный вмѣстѣ съ древкомъ списъ; стальной, чеканной работы, келепъ; стальная, безъ ручки, сабля; кромѣ того, двѣ серебряныя, съ изображеніями, чарки и нѣсколько фамильныхъ бумагъ, доказывающихъ несомнѣнное происхожденіе Н. П. Шила отъ запорожца Шила.

Бериславскій старожилъ Трофимъ Пономаренко разсказываетъ слѣдующее о происхожденіи фамиліи Шило. Однажды во время похода козаковъ въ Польшу, три запорожца заѣхали къ одной «господынѣ» въ гости. Лошадей оставили во дворѣ, а сами зашли въ хату погулять. «Господыня» приняла ихъ сперва очень привѣтливо, но потомъ, подѣ какимъ-то предлогомъ, вышла изъ хаты, заперла дверь и сама побѣжала дать знать, кому слѣдуетъ, о своихъ гостяхъ. Бросились запорожцы къ дверямъ—заперты; туда-сюда—нѣтъ выхода! Подѣ конецъ нашли отверстіе въ сѣняхъ, но оно оказалось такъ мало и такъ высоко, что выбраться чрезъ него не было никакой возможности. Тогда два запорожца подсадили одного изъ своихъ товарищей, высокаго и сухощаваго, и онъ, какъ шлю, проскочилъ въ отверстіе и отперъ дверь для оставшихся въ сѣняхъ. Запорожцы удрали, но съ тѣхъ поръ сухощаваго товарища прозвали Шиломъ. Этотъ Шило и былъ родоначальникомъ теперешняго бериславскаго купца Н. П. Шила.

На пять верстѣ ниже г. Бериславля идетъ въ Дибірѣ островъ Козацкій, противъ него впадаетъ рѣчка Козацкая, а противъ рѣки Козацкой стоитъ деревня Козацкая, имѣніе князя Трубецкаго; островъ имѣетъ въ длину одиннадцать верстѣ, кончается противъ колоніи Львова, покрытъ лѣсомъ, состоитъ изъ песку. На островѣ Козацкомъ есть озеро Заманиха и небольшой проливъ, называемый Ерикомъ, идущій отъ востока къ западу, впадающій въ рѣчку Козацкую и раздѣляющій островъ двумя третями къ сѣверу и одной третью къ югу. Противъ острова, нѣсколько сѣвернѣе южнаго конца его, къ таврическому берегу есть еще Алисовскій ерикъ или Штаны. Ниже острова Козацкаго, съ лѣвой стороны идутъ: село Малая Ка-

ховка, и противъ нея впадаетъ въ Днѣпръ за длиннымъ выступомъ Писаревскимъ, противъ середины села Британовъ, рѣка Конка, затѣмъ самое село Британы, съ той-же лѣвой стороны, и противъ села островъ Британъ, параллельно Козацкому, длины полторы версты, ширины верста, покрытый лѣсомъ. Ниже острова Козацкаго и Британовъ слѣдуетъ островъ Писаревскій, полторы версты длины и около версты ширины, видимо, оторванный отъ острова Козацкаго, отдѣленный отъ южнаго конца его рѣкой Домахой и покрытый прекраснымъ лѣсомъ. По всѣмъ изображеніямъ, островъ Писаревскій есть тотъ самый, который у Боплана и на разныхъ картахъ Днѣпра извѣстенъ подъ именемъ Бургунскаго острова. Онъ находится ниже рѣки Бургунки, выше села Тягинки, расположенныхъ съ правой стороны Днѣпра, имѣеть въ длину около полумили, затопляется полноводіемъ¹⁾. Здѣсь у татаръ была переправа Бурганская, гдѣ они должны были переплывать рѣку Конку и два раза глубокой Днѣпръ. На полторы версты ниже острова Писаревскаго, натаврическомъ берегу, расположенъ Корсунскій монастырь, по-надъ рѣчкою Каменною, выходящею изъ Днѣпра; тутъ-же деревня Дядьковка и противъ нея въ Днѣпрѣ о. Дядьковскій, длины двѣ съ половиной версты, ширины полторы версты; ниже острова, съ правой стороны, рѣка Козацкая, далѣе еврейская колонія Львова, затѣмъ деревня Красный Бургунъ или Карагунъ на десять саж. ниже колоніи Львова, обѣ на красной горкѣ; далѣе слѣва небольшой, но чрезвычайно красивый корсунскій скитокъ и рыбный заводъ, стоящій у самаго берега Днѣпра; а потомъ на полверсты ниже Корсунскаго скитка рѣка Конка, выходящая изъ Днѣпра и идущая по-надъ селомъ Козачьими лагерями.

Какъ Корсунскій скитокъ, такъ и самый Корсунскій монастырь возникли уже послѣ паденія Запорожья. Начало возникновенія монастыря относится къ 1784 году, по инициативѣ архимандрита Никодима и по волѣ князя Г. Потемкина. Сперва

(¹ Бопланъ. Описаніе Украины. Спб. 1832 г., стр 29.

онъ основанъ былъ близъ села Большой Знаменки, а потомъ перенесенъ на теперешнее мѣсто, на сорокъ верстъ выше Херсона, на сорокъ семь выше Алешекъ и на двадцать верстъ ниже Берислава; подъ монастырь отведено было 14000 десятинъ земли. Онъ заложенъ во имя Корсунской Божіей Матери. строился цѣлыхъ три года и назначался сперва исключительно для старообрядцевъ. но потомъ, съ 1845 года, по распоряженію архимандрита херсонскаго и таврическаго Иннокентія, сталъ принимать къ себѣ и православныхъ иноковъ. Въ настоящее время онъ исключительно православный монастырь. Въ немъ шесть церквей: соборная Корсунской Божіей матери съ отдѣльною трехъ-ярусною колокольнею, николаевская архіерейская, михайловская трапезная, дмитріевская и кладбищенская, каменная, весьма красивой архитектуры. Монастырь обнесенъ каменною стѣной, высоты три сажени, ширины аршинъ съ четвертью. съ башнями на четырехъ углахъ съ осмиконечными на нихъ крестами. Кромѣ церквей въ монастырѣ есть еще нѣсколько зданій для архимандрита, братіи, домъ для архіерея, для трапезы, богомольцевъ; зданія для службъ, постройки для скота, склады для запасовъ и т. п.; затѣмъ два сада, цвѣтникъ, огородъ. Всѣхъ иноковъ въ немъ считается 22, послушниковъ—12. Запорожскихъ древностей въ немъ нѣтъ рѣшительно никакихъ, за то есть много старообрядческихъ рѣдкостей: иконы московско-суздальскаго письма, кресты, облаченія, чаши, книги и др. ¹⁾.

Ниже рѣки Конки, съ правой стороны, идетъ село Тягинка, расположенное по балкѣ Тягинкѣ и тутъ-же у праваго берега Диѣпра четыре островка Тягинскихъ, расположенныхъ параллельно одинъ другому отъ востока къ западу и отдѣленныхъ отъ праваго берега Диѣпра рѣчкою Тягинкою; изъ этихъ острововъ первый отъ берега имѣетъ длины версту, второй—версту съ четвертью, третій—полверсты, четвертый—четверть версты

¹⁾ О Корсунск. монастырѣ см. Запис. одес. общ. истор. и древн., т. XII, стр. 405.

Всѣ они какъ-бы удалены отъ Днѣпра и находятся скорѣе въ устьѣ балки Тягинки, чѣмъ въ самой рѣкѣ. Всѣ они покрыты лѣсомъ и на одномъ изъ нихъ возвышается высокій курганъ. По словамъ кн. Мышецкаго, при рѣкѣ Тягинкѣ, у самаго Днѣпра, находился городокъ Тягинка съ треугольнымъ замкомъ и съ круглыми башнями; въ длину этотъ городокъ имѣлъ одну версту, а въ ширину нѣсколько болѣе полуверсты; онъ построенъ былъ на каменномъ фундаментѣ нѣмецкими народами франками (т. е. генуэзцами), а потомъ, въ 1738 году, русскіе построили здѣсь свой замокъ¹⁾. Теперь отъ рѣки Тягинки остался одинъ ручей, въ три версты длины, и сухой оврагъ въ тридцать верстъ длины. Село Тягинка когда-то принадлежало помѣщику Энгельгардту, въ настоящее время оно составляетъ собственность владѣльца Волохики. Противъ села Тягинки, съ лѣвой стороны, впадаютъ въ Днѣпръ рр. Конка и Крымская Татарка, а ниже ихъ образуется такъ-называемый Дубовый лиманъ.

На семь верстъ отъ села Тягинки, на почтовомъ шляху, около екатерининской мили, стоитъ большая могила, о которой у мѣстныхъ старожиловъ существуетъ такого рода преданіе. Однажды задумали раскопать эту могилу запорожцы, прослышавши о скрытомъ будто-бы въ ней кладѣ. Разрыли и нашли въ ней гробъ, на крышкѣ гроба позолоченную бляху, на бляхѣ изображеніе Георгія Побѣдоносца. Вскрыли гробъ и увидѣли въ немъ нетлѣнное тѣло богато убранной панночки съ дорогимъ перстнемъ на пальцѣ правой руки. Тогда одинъ изъ кладовискателей бросился къ этому перстню, но, не могши снять его руками, взялъ перстень вмѣстѣ съ пальцемъ въ ротъ и такъ сильно рвануль его зубами, что онъ проскочилъ ему въ горло. Хищнику грозила опасность умереть. Но тутъ къ нему подскочили товарищи, привели къ жизни, перстень вынули, вновь надѣли на палецъ панночки, а могилу зарыли. Нетлѣнность панночки они объяснили ея праведностью.

¹⁾ Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 72.

Ниже села Тягинки слѣдуютъ: островъ Дидовъ, Глухой лиманъ съ лѣвой стороны, деревня Драная, Новоселовка, устье р. Малаго-Ингульца—всѣ съ правой стороны, и противъ него островъ Ингульскій, а противъ острова Ингульского, съ лѣвой стороны, село Козачьи-Лагери, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда.

По объясненію старика Федота Анищенка, Козачьи-Лагери получили свое названіе оттого, что здѣсь, на полторы версты выше села, гдѣ теперь городище, стояли лагеремъ запорожцы; тутъ у нихъ была и церковь изъ камыша, стоявшая на толокѣ. Это было въ то время, когда русскіе брали крѣпость Кинбурнь (1787 года, подъ начальствомъ А. В. Суворова). «Тогда запорожцы передъ вели москалямъ, показывали мисья». Сперва москали и запорожцы понадѣлали батарей и паланокъ въ Алешкахъ, а потомъ стали лагеремъ, близъ тепершняго села Козачьихъ-Лагерей. «Мой дядько Карпо Кобзарь добре зналъ и тѣ батареи и тѣ паланки, потому что онъ былъ самъ запорожець. Тутъ, рассказывалъ дядько, очень опасно было стоять: турки одолѣвали. Разъ какъ-то всю святую недѣлю москали и запорожцы стояли съ пистолями: разнеслась чутка, что турокъ паски не даетъ... И долго таки тутъ пришлось стоять запорожцамъ. А какъ перебрались они въ Черноморію, то такъ оно и пошло: Лагери да Лагери. Тогда сюда поприходили литвины, волохи, греки и кое-кто изъ села Матвѣвки, то-що».

Противъ с. Козачьихъ-Лагерей, съ правой стороны, идутъ д. Бановка, бывшая Терноватка, с. Никольское, бывшее Понятовка, и противъ нея островъ Понятовскій, длины восемнадцать верстъ, принадлежащій частью владѣльцу Трошину, частью брестьянамъ Понятовки и раздѣленный на одной трети Ерикомъ, въ направленіи отъ востока къ западу. Ниже о. Понятовскаго слѣдуютъ р. Конка (Лагерная), выходящая въ Днѣпръ изъ подъ Козачьихъ-Лагерей съ лѣвой стороны, рѣка Ингуль съ правой стороны, о. Сомовъ, длины двѣ съ половиной, ширины полверсты, рѣка Конка, выходящая снова изъ Днѣпра, подъ

Алешками, два раза: впервые выше Гульбища, вторично ниже Гульбища; потомъ с. Садовая Фалъевка, бывшее имѣніе графа Костандіуса, и ниже с. Фалъевки нижній рукавъ р. Малаго-Ингульца, урочище Гульбище, д. Широкая, иначе Антоновка, съ правой стороны; р. Раскопанка, идущая въ Алексѣевъ лиманъ и изъ-подъ Алексѣева лимана въ р. Конку; слобода Тындійка и противъ нея островъ Точковой (правильнѣе мысъ), длины полторы версты: далѣе, хутора Тындійскіе, дача Терещенка, женскій монастырь Перепелицынъ, основанный священникомъ Перепелицынымъ, военный госпиталь и, наконецъ, городъ Херсонъ, противъ лимана Кардашинскаго и ниже города Алешекъ.

Городъ Херсонъ основанъ княземъ Г. А. Потемкинымъ въ 1778 году, какъ кажется, на мѣстѣ крѣпости Александръшанца, построенной русскими войсками въ 1737 году, при впаденіи р. Кошевой въ Днѣпръ. При основаніи Херсона устроена были крѣпость, верфь, адмиралтейство, арсеналь, монетный дворъ¹⁾, парходная пристань, второклассная таможня и пр. Предполагалось сдѣлать Херсонъ торговымъ и военнымъ портомъ. Но эту роль онъ выполнялъ недолго. Съ основаніемъ въ 1788 году г. Николаева, на Бугѣ, и г. Одессы въ 1795 году, на Черномъ морѣ, Херсонъ долженъ былъ уступить первому свое значеніе военнаго порта, а второму—значеніе торговаго рынка. Послѣ этого и черноморскій флотъ (въ 1795 г.) и адмиралтейство (въ 1826 г.) перешли въ Николаевъ, а крѣпость (съ 1835 г.) совсѣмъ упразднена, и Херсонъ съ 1803 года оставленъ только губернскимъ городомъ.

Изъ запорожскихъ вещей въ Херсонѣ сохранилось немного. Всѣ онѣ хранятся въ церкви св. Екатерины, построенной въ крѣпости на сѣверной окраинѣ города. Евангеліе московской печати 1748 года, съ надписью: «Сіе Евангеліе сооружено за-

¹⁾ Верфь—ниже теперешней учительской семинаріи; адмиралтейство тамъ, гдѣ теперь архіерейскій домъ; арсеналь, гдѣ теперь тюрьма; а монетный дворъ—ниже тюрьмы.

порожнемъ славнаго войска Низоваго куреня Дядьковскаго знатнаго товариша Андрея Кичкина; коштомъ и стараніемъ его. Серебра въ немъ полпята фунта и лоть. На позолоту его вышло червонцевъ шесть. Дѣлалъ же штукъ-мейстеръ Симеонъ Золотаръ въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ». Евангеліе московской печати 1785 года, съ надписью: «Запорожская Сичь Екатерининскому собору». Крестъ кипарисовый, обложенный серебромъ, полторы четверти высоты, съ надписью: «Сей крестъ до церкви Сячевой Покрова Пресвятія Богородици серебра церковнаго съ тщаніемъ Ониська Горбика». Кромѣ названныхъ вещей въ той-же церкви хранятся еще четыре ризы, даръ запорожскихъ козаковъ: одна съ изображеніемъ сошествія Св. Духа, другая съ изображеніемъ Крещенія, третья съ изображеніемъ Успенія Богородицы и четвертая съ изображеніемъ Троицы.

Изъ Херсона я направился шаландою въ городъ Алешки, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, гдѣ была у запорожцевъ Сича. Алешковская.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ой піднявся орель зъ Великого-лугу
Тай почавъ скликати орлянятъ до кругу:
Злітайтеся, диты, годи вже сидити!
Чи така жъ година? Ой якъ важно жити!
Польнемо, братцы, на ридни могилы,
Бо тін могилы славу нашу вкрыли...

Народня пѣсня.

Алешки очень древній городъ. Нумидійскому географу Эдриси онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Алеска, у итальянцевъ онъ назывался Елехе, или Егехе, что подало поводъ извѣстному путешественнику Юсафату Барбаро XIII в. назвать и самый Днѣпръ именемъ Елісі, тогда какъ другому путешественнику, Плано Карпини, это же самое подало поводъ назвать Днѣпръ именемъ Laresse. Профессоръ Брунъ доказываетъ, что мѣстоположенію тепершняго города Алешекъ соотвѣтствуетъ прославленная Геродотомъ лѣсная область Гилея ¹⁾). Возникши на мѣстѣ или близъ греческой колоніи Александры, Алешки становятся извѣстными подъ именемъ Олешья уже со второй половины XI столѣтія и служатъ промежуточнымъ пунктомъ въ торговлѣ между Кіевомъ и Царьградомъ. «Въ се-же лѣто (1084) Давидъ зая грекы въ Олешьи... Бывшю же гладу велику, пойдоша возы къ плаву, божию же милостію придоша лодви изъ Олешья, и пріѣхаша въ нихъ на Днѣпръ, и насытишася рыбъ

¹⁾ Записки одесск. общ. истор. и древн., т. IV, 236—239.

и вина» ¹⁾). Но затѣмъ съ XIII вѣка, со времени нашествія татаръ, Олешье какъ бы совершенно исчезаетъ и появляется уже въ началѣ XVIII вѣка, подъ именемъ Алешекъ; съ 1784 года они дѣлаются уѣзднымъ городомъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда. Городъ стоитъ при двухъ рѣкахъ: Конкѣ и Чайкѣ, въ 17^{1/2} верстахъ отъ Херсона, если идти къ нему по Конкѣ, и въ 12, если идти по Овдинкову ерику ²⁾); съ трехъ сторонъ онъ окруженъ глубокими, бѣло-желтоватыми песками, извѣстными у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ кучугурь. Кучуры—страшный бичъ для Алешекъ; они давно бы покрыли собою городъ, еслибы жители не пришли къ счастливой мысли разорать окрестности города и засадить ихъ красной шелюгой, которая одна въ состояніи удержатъ зыбкій песокъ на одномъ мѣстѣ.

Для занимающихся исторіей запорожскаго козачества Алешки важны, какъ мѣсто бывшей здѣсь Сичи, основанной «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ огарянскихъ» кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордѣвичемъ Головкой. Трактатомъ 1712 года, въ Константинополѣ Россія отказалась отъ своихъ правъ на Запорожье и признала его улусомъ турокъ, а запорожцевъ—райями Порты, въ командѣ ханскихъ сераскировъ. «Его царское величество весьма руку свою отнимаетъ отъ козаковъ съ древними ихъ рубежами, которые обрѣтаются по сю сторону Днѣпра и отъ сихъ мѣстъ и земель, и фортець, и мѣстечекъ, и отъ полуострова Сѣчи, который сообщенъ на сей сторонѣ вышеупомянутой рѣки». Запорожцы такъ поспѣшно ушли изъ своихъ владѣній во владѣнія турокъ, что едва только успѣли захватить съ собой свои походныя церкви, сдѣланныя въ видѣ холщевыхъ и клеенчатыхъ палатокъ; духовенство явилось къ нимъ

¹⁾ Дѣтопись по Ипатскому списку. Спб. 1871, 144, 491; также 320, 346, 357.

²⁾ Ерикъ впадаетъ въ Конку, а Чайка въ Кардашинскій лиманъ. За запорожцевъ Чайка «сходылась зъ Конкою, а теперь Чайка сама соби, а Конка сама соби».

уже послѣ, частью изъ Польши, частью изъ Аѳона, а частью изъ Иерусалима и Константинополя. Такъ, въ это время настоятелемъ войсковаго духовенства въ Алешкахъ былъ архимандритъ Гавріилъ, родомъ грекъ и только съ 1728 года прибылъ къ нимъ православный русскій священникъ Дидушинскій. Въ Алешкахъ запорожцы испытали много кривдъ и притѣненій со стороны татаръ и турокъ. У нихъ отнято было отведенное имъ вначалѣ низовые Днѣпра до его пороговъ; ихъ продавали въ рабство на турецкіе гадриги или морекія судна, ихъ принуждали воевать съ своими соотечественниками малороссійскими козаками. Вдобавокъ къ этому и въ Россіи не забывали объ измѣнѣ запорожцевъ: «Козаковъ измѣнниковъ,—сказано было въ инструкціи 1725 года на имя генераль-маіора Чернышова, губернатора азовской губерніи,—козаковъ измѣнниковъ-запорожцевъ и прочихъ ни съ товары, ни для какихъ дѣлъ, въ губерніи и никуда въ великороссійскіе города, также и изъ той губерніи и ни откуда чрезъ ту губернію туда на Запорожье съ товары, ни за добычею и ни съ чѣмъ отнюдь не пропускать ¹⁾».

«Ой, Оленки, будемъ васъ знати, —
И той лыхій день и ту лыхую году; —
Охъ, будемъ довго памятаты,
Тую погану вашу лычнну».

Въ настоящее время въ Алешкахъ отъ болѣе, чѣмъ двадцатипятилѣтняго пребыванія здѣсь козаковъ осталось очень немного памятниковъ, чтобы не сказать ничего. Жители Алешекъ даже и не знаютъ о томъ, что на мѣстѣ ихъ города была нѣкогда запорожская Сича. Въ мѣстной церкви никакихъ остатковъ старины не сохранилось. Если что и уцѣлѣло отъ запорожцевъ въ Алешкахъ, такъ это небольшое земляное укрѣпленіе (см. пл. VI); оно находится на полторы версты выше города къ востоку и состоитъ изъ длинныхъ, полузасыпанныхъ пескомъ канавъ

¹⁾ Марковинъ. Очеркъ Исторіи запорожск. козаковъ. Спб. 1878 г. стр. 68.

съ высокими валами. Въ общемъ оно представляетъ изъ себя форму бастіона съ тупыми углами, съ воротами съ южной стороны, примѣннаго къ мѣстности. (См. пл. VI ¹⁾). На 250 сажень западнѣе отъ укрѣпленія, противъ впаденія въ рѣку Конку рѣчки Лазнюка ²⁾, старожилы показываютъ мѣсто бывшей Алешковской Сичи. По разсказамъ стариковъ, Теокиста Горбатенка, Василя Киріяша, Аванасія Плохаго и Даніила Бурлаченка, Сича оставалась вцѣлѣ до 1845 года, когда, по распоряженію правительства, въ виду опасности отъ песчаныхъ кучугуръ, грозившихъ засыпать весь городъ Алешки, была разорана и засажена красной шелюгой вмѣстѣ съ ближайшими окрестностями ея. Насколько помнятъ названные старики, Сича заключала въ себѣ всего лишь двѣ десятины земли; по виду она казалась правильнымъ четырехугольникомъ, съ валами до двухъ аршинъ высоты, съ редутами по угламъ и съ воротами въ двѣ сажени ширины у сѣверной окраины. Во всю длину Сичи лежала ровная, точно метлой сметенная, площадь, ширины до 40 сажень. Когда старики были еще мальчиками, то они находили на Сичи различныя мелкія монеты, копѣйки, парички, левки, а вмѣстѣ съ монетами оружіе, особенно копья съ четырьмя углами. «Оце якъ подуе великій витерь та якъ піднине на Сичи песокъ, то мы було й кричимо одинъ другому черезъ плитъ: «а ходимъ, Васылю, чи тамъ Даныло, на городокъ собирати копійки!» Тай бижымо туды». Находили и серебряныя брестики, и восковыя свѣчи въ гробахъ, и куски смолы, и круги дрота, и свинцовыя пули, и разную черепковую посуду, напримѣръ, «гликы, або куманы». «Богато чого доводи-

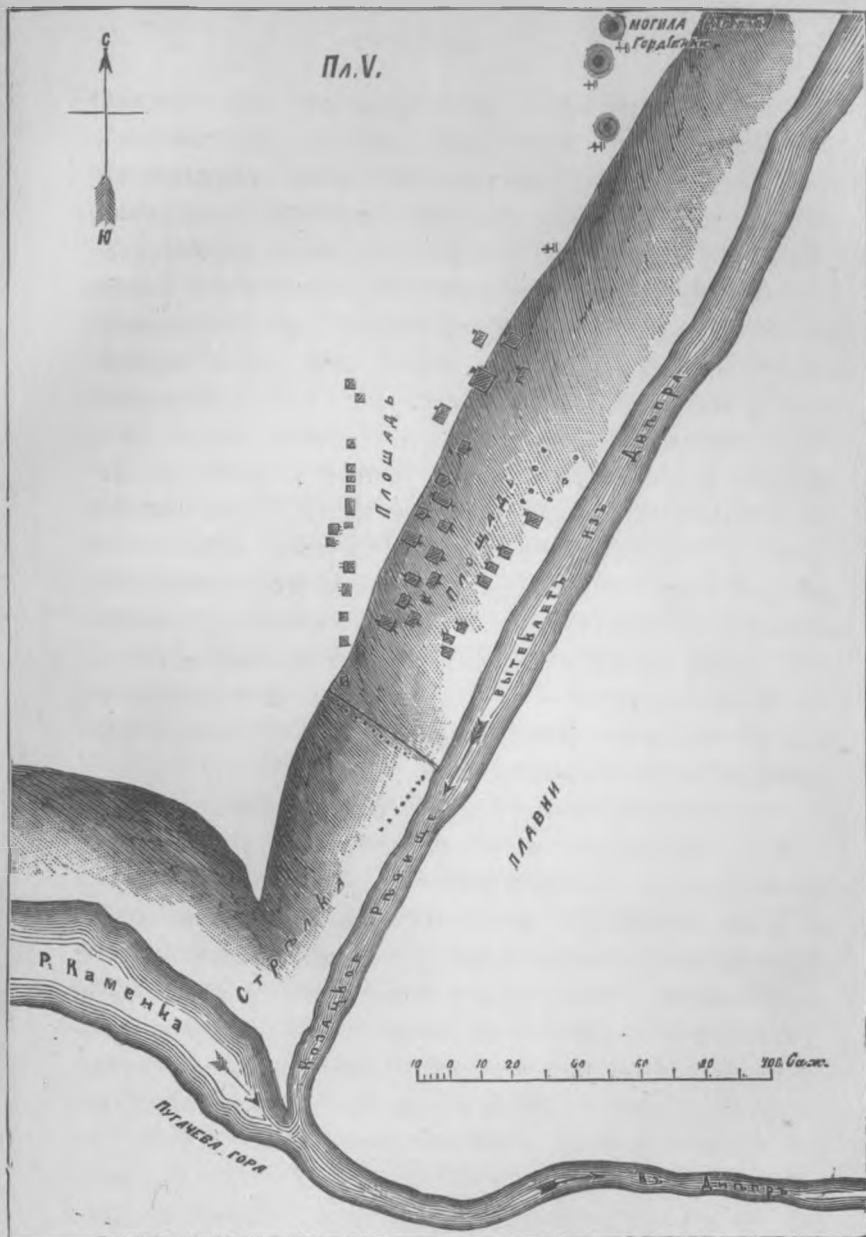
¹⁾ О запорожскихъ укрѣпленіяхъ вообще нужно сказать, что они весьма часто отличаются неправильнымъ характеромъ построения, но зато изобличаютъ громадное умѣніе козаковъ приспособляться къ условіямъ мѣстности. Впрочемъ, это всегда бываетъ тамъ, гдѣ предоставляется большая самостоятельность единицамъ, чѣмъ массамъ.

²⁾ Устье Лазнюка служило у запорожцевъ пристанью. Лазнюкъ беретъ свое начало въ плавняхъ, тянется на протяженіи трехъ верстъ, глубины имѣетъ до трехъ сажень.

лось бачиты на той Сичи: якось наткнулись мы на цилыхъ пнѣтнадцять трунъ, и чудне дило: воны не схожи на наши: а здаются наче на каюки зъ видризанными носами. Доводылось бачиты и чоловичи головы: якъ тыквы валяютьця. А покойныкы лежать такъ, якъ и у насъ». Сколько запомнять старики, Сича была покрыта травой, оттого они часто пасли на ней, будучи хлопцами, телятъ; но потомъ мало-по-малу ее стало заносить пескомъ. Случилась какъ-то «драная зима»; тогда особенно много нанесено было вѣтромъ песку на Сичу. «Рвала-рвала. сыпала-сыпала хуртеча той писокъ, та дойшло до того, шо й Алешки стала замурувувати». Послѣ этого-то и вышель приказъ разорать окрестности города и засадить ихъ шелюгой. «Тоди цю шелюгу усе возили изъ Вознесенки; отоди и Сичу засадили лозою». По разсказамъ тѣхъ же стариковъ, близъ Сичи, на берегу р. Чайки ¹⁾, тамъ, гдѣ теперь пристань, у запорожцевъ стояла церковь, сдѣланная изъ камыша; около церкви отведено было кладбище и тутъ же выкопана была криница, въ которой никогда не замерзала вода. Вотъ и все, что помнятъ старожилы объ Алешковской Сичи.

На одну четверть версты ниже города Алешекъ, съ правой стороны, впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Кошевая, а противъ нея протянулся островъ Карантинный съ лиманомъ Стеблिवскимъ въ самой срединѣ его, длины пять верстъ, ширины двѣ съ половиной; въ настоящее время онъ застроенъ лѣсопильнями и шеретомойками. Противъ острова Карантиннаго, у лѣваго берега Днѣпра, на пять верстъ ниже города Херсона, стоитъ островъ Потемкинъ, охваченный съ лѣвой стороны Новымъ Днѣпромъ, съ правой—Старымъ Днѣпромъ—или такъ, называемымъ Гологрудовскимъ рукавомъ, и имѣющій длины четыре версты, ширины двѣ съ половиной. Противъ острова Потемкина выходитъ изъ Днѣпра рѣчка Конка, называемая здѣсь Збурьевскимъ рукавомъ, а противъ рѣчки Конки тянется островъ Галухинъ, имѣю-

¹⁾ Теперь такъ-называемый Маркуцьскъ берегъ.



Ч. II. Пл. V.

Плань Каменской Сичи.

щій восемь верстъ длины и семь ширины, отдѣленный съ правой стороны рѣкой Ольховымъ Днѣпромъ, съ лѣвой—Старымъ Днѣпромъ, расположенный почти противъ села Голой-Пристанн, стоящей на таврическомъ берегу. Западнѣе отъ острова Галухина, черезъ Ольховый Днѣпръ, стоитъ островъ Запорожскій, иначе Ольховый, отдѣленный съ правой стороны рѣкой Кошевой. съ лѣвой — Ольховымъ Днѣпромъ и расположенный противъ деревни Арнаутовки, что у праваго берега Днѣпра. Ниже острова Запорожскаго, по тому же берегу, соединяется съ Днѣпромъ Бѣло-озеро. Противъ Бѣло-озера, съ лѣвой стороны, стоитъ женскій монастырь, а за нимъ село Бѣлозерка или Шкадовка, съ 1784 года принадлежавшая генераль-поручику Ивану Абрамовичу Ганнibalу, а затѣмъ перешедшая къ графу Александру Андреевичу Безбородку ¹⁾, и послѣ него поступившая въ собственность подполковнику Балтазару Балтазаровичу Скодовскому. Ниже Бѣло-озера и села Бѣлозерки впадаетъ въ Днѣпръ, съ правой стороны, рѣчка Кошевая, а противъ ея устья, среди Днѣпра, стоитъ большой островъ Погорѣлый, длины десять, ширины шесть верстъ, ниже котораго, съ правой стороны, идетъ рѣчка Корабелка. Рѣчка Корабелка получила свое названіе уже со времени основанія города Херсона, когда по ней плавали къ Херсону корабли, ходившіе до 1855 года, пока англичане не затопили рѣчки обломками старыхъ судовъ. Ниже Корабелки, съ лѣвой стороны, слѣдуютъ село Голоя-Пристань, рѣка Серединка; съ правой — село Гнилице, у озера Гнилухи, островъ Касперовскій, село Касперовка ²⁾ съ чудотворной иконой Касперовской Божіей матери, рѣчка Пидцильна, впадающая въ Днѣпръ чрезъ Дидово озеро и гирло Ревачъ, съ правой стороны. Ниже Касперовки идутъ села: Кизимысь (т.-е. Дѣвичій мысь, теперь произносятся Кизій-мысь),

¹⁾ Въ 1787 году, 14 мая, въ Бѣлозерскѣ остававливалась императрица Екатерина II, во время своего путешествія по Новороссіи. Здѣсь она объѣдала у графа А. А. Безбородка.

²⁾ Имѣніе владѣльца Сербинова.

бывшая турецкая крѣпость, построенная турками для содержанія въ ней милиціи на случай набѣговъ запорожцевъ; далѣе село Софівка, принадлежащее владѣльцу Скоропадскому, колонія Розенталь, по правому берегу Днѣпра; село Збурьевка, у Збурьевскаго лимана, по лѣвому берегу Днѣпра; рукавъ Днѣпра, съ правой стороны, Бѣлогрудовскій, рукавъ Днѣпра, съ лѣвой стороны. Збурьевскій, пристань Глубокая, деревня Широкая, обѣ съ правой стороны; села Богоявленское, Прогнои, Вяземка, всѣ съ лѣвой стороны; островъ Янушевъ, длины около версты, ширины около полуверсты, ниже Вяземки; деревня Бузовая слѣва; островъ Вербки, село Соленая-Пристань, съ лѣвой стороны, и, наконецъ, мѣстечко Станиславъ, съ той же стороны, у устья Буга.

У устья Буга кончались владѣнія запорожскихъ козаковъ; отсюда они шли уже по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки вверхъ до впаденія въ нее р. Синюхи. Первое село на этомъ пути— Александровка или Штыхова, — имѣніе владѣлицы Е. П. Милорадовичъ. Близъ этого села есть два замѣчательныхъ мѣста въ исторіи запорожскихъ козаковъ: мѣсто, гдѣ погребень запорожець Коношко, и мѣсто, гдѣ пребывалъ Семень Козарь, такъ называемый «Семенивъ-ригъ». Крестъ стоитъ въ одной верстѣ отъ усадьбы владѣлицы, надъ проѣзжей дорогой; онъ обнесенъ деревянной оградой, по мысли управляющаго имѣніемъ А. В. Скубы, и съ южной стороны имѣетъ такую надпись: «Бывшаго войска запорожскаго козакъ куреня платнѣрѣвскаго Зде опочиваетъ рабъ божій василіи Коношко блаженно памяти 1782 году мѣсяца генваря 21 дня». Семеновъ-рогъ ¹⁾ находится на двѣнадцать верстъ ниже села Александровки, на полторы версты ниже хутора Хаблова, и представляетъ изъ себя небольшую площадку, у самаго берега рѣки отгороженную съ востока и запада естественными обвалами, а съ сѣвера — небольшою канавой съ валомъ, длины 150 шаговъ. Судя по

¹⁾ У Боплана Семеновъ-рогъ извѣстенъ подъ именемъ Semenwiruk'a, стр. 30.

тѣмъ холмикамъ и ямкамъ, которые кое-гдѣ разбросаны на мѣстѣ Семенова-рога, можно думать, что тутъ дѣйствительно было какое-то жилище, но какое и когда именно, этого безъ основательной раскопки сказать, конечно, нельзя. Мѣсто Семенова-рога замѣчательно тѣмъ, что на немъ многіе лѣтописцы, какъ малоросейскіе, такъ и польскіе, полагають начало запорожскаго козачества. Былъ въ Польшѣ какой-то воинъ Семень; въ 948 году, «для битыя дикихъ козь», кабановъ и разной дичи, онъ оставилъ мѣсто своей родины, пришелъ на устье рѣки Буга, выбралъ здѣсь самое лучшее мѣсто, косу или рогъ, и сталъ промышлять на немъ. Такъ прожилъ онъ здѣсь годъ и возвратился на родину. Но, побывавъ на Бугѣ разъ, онъ захотѣлъ побывать на немъ и въ другой разъ; теперь уже Семень отправился не одинъ, а съ ватагой болѣе чѣмъ въ сто человекъ промышленниковъ, избравшихъ его своимъ атаманомъ. На этотъ разъ ватага прожила много лѣтъ на Бугѣ, сшила себѣ кафтаны и штаны изъ кожъ дикихъ козь и такъ прославилась потомъ, что сдѣлалась воинствомъ. получившимъ названіе козаръ или козаковъ ¹⁾).

Выше Семенова-рога идутъ деревни Лупарева-балка, Зайцева, иначе Евфимовка, и село Кисляковка. Въ послѣдней обращаетъ на себя вниманіе небольшая каменная, но весьма оригинальная церковь. Изъ церковной описи видно, что эта церковь, во имя Спаса, построена еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія (1772 года) запорожскими козаками. Стѣны ея сдѣланы изъ дикаго камня и имѣють до двухъ аршинъ толщины. Внутренняя обстановка церкви уже нѣсколько разъ измѣнялась послѣ запорожцевъ. Колокольня, также каменная, построена отдѣльно отъ церкви и не съ западной стороны, какъ принято строить, а съ юго-восточной; она имѣеть видъ четырехугольной, нѣсколько удлинненной, башни въ два этажа,

¹⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г.²
стр. 1—2.

съ амбразурами, двумя широкими дверьми, одна противъ другой, съ востока на западъ. и двумя камерами внутри. Колокольня поставлена такимъ образомъ, что одна дверь ея стоитъ направлениемъ вдоль рѣки Буга, а другая—вдоль Днѣпровскаго лимана. Отсюда очевидно, что она приспособлена была архитекторомъ къ боевымъ цѣлямъ.

Отъ времени запорожцевъ въ церкви осталось нѣсколько книгъ, иконъ и утвари. Изъ утвари сохранилось два малыхъ серебряныхъ ковчега и одна серебряная позлащенная чаша, а изъ книгъ—полное собраніе четь-минеи кievской печати 1750 года, апостоль, октоихъ, тріодъ цвѣтная, — всѣ кievской печати 1765 года,—и собраніе поученій безъ обозначенія города, но въ царствованіе императрицы Екатерины II. Изъ иконъ интересны мѣстные: иконы Спасителя и Богоматери, длины 7 четвертей, ширины 4 четверти; рисунокъ превосходный. Обѣ находятся въ колокольнѣ. Тамъ-же стоитъ прекрасной работы аналой, нѣсколько хоругвей, крестовъ, кадильницъ, столиковъ и т. п.

Выше Кисляковки идетъ городъ Николаевъ, стоящій при впаденіи рѣки Пугула въ рѣку Бугъ и основанный уже послѣ паденія запорожской Сичи. въ 1788 году; за Николаевомъ слѣдуютъ села: Арнаутовка, Новогригорьевка, Булгарка, далѣе рѣка Мертвоводъ, съ притоками Арбузинкой и Костоватой, и при устьѣ ея городъ Вознесенскъ, у запорожцевъ Соколы. За Вознесенскомъ—небольшое село Александровка и за Александровкой село Кременчукъ. Здѣсь, между этими двумя селами, черезъ рѣку Бугъ, у запорожцевъ существовалъ небольшой бродъ Чортайскій. «Ниже онаго гарду в нѣсколько веретъ на той рѣкѣ Бугу имѣется бродъ прозвасмий чортайскій, но чрезъ оный бродъ никакого проезду имѣть неволно и не доуцается. а бивало прежде козакки сичовне верхомъ лошадыю чрезъ тотъ бродъ проѣзжаютъ за какою-либо ихъ добичею и то развѣ скритнимъ образомъ, да той переездъ чрезъ оный бродъ верхомъ лошадыю биваетъ в самое время малой води и то съ опасностію отъ быстрого теченія воды, такъ что и вози и коня свалить, но

во время великой воды никакому проезду бить невозможно» ¹⁾ Повидимому, это тотъ-же самый бродъ, о которомъ упоминаетъ и князь Мышецкій, «на Бугъ рѣкѣ, къ Мертвымъ водамъ, гдѣ куницы изъ Польши, Малороссіи и прочихъ мѣстъ хаживали въ Очаковъ и изъ Очакова» ²⁾.

За селомъ Кременчукомъ слѣдуетъ мѣстечко Константиновка елисаветградскаго уѣзда, за рѣчкой Малымъ-Ташлыкомъ. Близъ Константиновки замѣчательны три мѣста въ исторіи запорожскихъ козаковъ: гардѣ, бывшая переправа и пороги. Гардѣ находится на три версты ниже Константиновки въ рѣкѣ Бугѣ и представляетъ изъ себя ни больше, ни меньше, какъ греблю или «китець» для ловли рыбы. Онъ устроенъ изъ двухъ перегородокъ на подобіе лѣстницъ, положенныхъ бокомъ одна противъ другой въ водѣ между камнями и немного полурастворенныхъ, чтобы въ нихъ могла проходить безъ особаго затрудненія плывущая вверхъ рыба. Этотъ гардѣ устроенъ въ томъ именно мѣстѣ порога, гдѣ рѣка сѣуживается съ обѣихъ сторонъ камнями и имѣетъ небольшую «тычю» (струю) близъ праваго берега Буга. Такихъ гардовъ на Бугѣ два: старый или козацкій и новый или архіерейскій. Послѣдній находится ниже перваго на версту и называется архіерейскимъ потому, что со времени поселенія въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ архіерея, онъ отошелъ для архіерейскаго двора. Рыбы здѣсь ловилось чрезвычайное множество: въ нѣсколько часовъ ею нагружали пять-шесть и даже больше возовъ, и то брали лишь большую, а малую вновь бросали въ рѣку. Теперь въ архіерейскомъ гардѣ ловля рыбы совсѣмъ воспрещена.

Тотчасъ ниже гарда, среди Буга-рѣки, стоитъ островъ Гардовый, дикій, скалистый и по краямъ заросшій густою травой и высокой лозой. На одномъ изъ камней Гардоваго острова показываютъ мѣсто, гдѣ стояла у запорожцевъ церковь, разру-

¹⁾ Изъ актовъ собственнаго собранія, 1753 г., 20 мая.

²⁾ Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 21.

шенная козакомъ-ренегатомъ Саввою Чалымъ, о которомъ еще и теперь поютъ пѣсню наши слѣпцы-бандуристы...

«Ой бувъ въ Сичи старый козакъ,
прозваніемъ Чалый,
Выгудувавъ сына Саву
козакамъ на славу.
Ой не схотивъ та панъ Сава
въ Сичи панувати
Та поихавъ винъ у Польщу
ляхивъ захищати...
Пишовъ же винъ до ляшенькивъ
славы добувати,
Та зъ ляхами жъ святу церкву
въ нивичъ повертати.
И до Гарду козацкого
пасунувъ зъ ляхами
Зруйнувавъ винъ слави мисци
по-надъ берегами».

У лѣваго берега Буга, противъ Гардоваго острова, стоятъ три огромнѣйшихъ скелі: Сова, Брама и Пугачъ, возвышающіяся надъ берегомъ рѣки на подобіе отвѣсныхъ стѣнъ и имѣющія около двадцати-пяти сажень высоты. На камнѣ острова Гардоваго, противъ скелі Пугача, сдѣлано подобіе подковы, а среди стени, противъ того же Пугача, на сѣромъ гранитѣ, выбита человѣческая рука, въ коей одна кисть имѣетъ семь съ половиной четвертей, а большой палецъ—три четверти. Прямо противъ руки, только на сто сажень южнѣе въ степь, насыпана небольшая, но живописная могилка. Такіе указатели, какъ скеля Пугачъ, подкова, рука, могилка, послужили живой канвой для созданія слѣдующей легенды:

Это было еще тогда, когда здѣсь жили запорожцы. Страшный народъ былъ! У каждаго по семь пудовъ голова, у каждаго такіе усища, что бывало какъ возьметъ онъ ихъ въ обѣ руки да какъ расправитъ одинъ усъ туда, а другой сюда, такъ и въ дверь не влѣзетъ, хоть бы въ нее цѣлая тройка съ повозкой проскочила; они умѣли на двадцати языкахъ го-

ворить, они могли изъ воды сухими выходить, они умѣли и сонъ насылать и людей замовлять, и котами перекидываться и въ рѣчки переливаться; они имѣли у себя такія «верпадла» (зеркала), черезъ которыя за тысячу верстъ видѣли, они были такими искусниками, что бывало только доторкнется который-нибудь изъ нихъ до «скрыни» (сундука), то она такъ сама собою и «одчинитца». Вотъ какой народъ былъ! «Вельты-люди, знаюки, у, яки знаюки! На всяки прымусиіи способни»... Вотъ и задумала ихъ «звести царици». Но что она имъ ни дѣлала, а вреда не принесла никакого: пробовала «и въ арканы уборсаты», и въ водѣ вытопить, и бомбами выбить, такъ нѣтъ, и не вбрала, и не вытопила и не выбила. Онъ вотъ это схватить въ голую «жменю» бомбу да ѿ смотритъ на нее, а она «ажъ шкварчить, а ему ѿ байдуже». Потомъ поддержитъ-поддержитъ, подниметъ вверхъ, размахаетъ-размахаетъ да и шпурнетъ назадъ «мижъ москаливъ». Наконецъ и самимъ запорожцамъ опостылѣла такая жизнь: всѣ отъ нихъ бѣгутъ, всѣ ихъ боятся. Тогда они собрались вотъ тутъ, гдѣ стоитъ могила и противъ нея лежитъ камень-гранитъ, и съ общаго согласія рѣшили броситься въ рѣку Бугъ. Сперва выѣхалъ на конѣ кошевой, снялъ шапку, перекрестился на всѣ четыре стороны, слѣзъ съ коня, подошелъ къ камню, ударилъ по нему рукой, и вышла точь-въ-точь рука атамана: «Нехай знаютъ, якій кошевой бувъ у запорожцивъ!»! Слѣзъ на коня и отѣхалъ въ сторону. За нимъ выскочилъ есаулъ. Подѣхалъ къ камню, снялъ шапку, перекрестился на всѣ четыре стороны, слѣзъ съ коня, ударилъ рукой по камню, и вышла рука есаула.

«Батьку кошовый, а подывесь, чи ѿ я таковый?»..

За есауломъ, судья, за судьей писарь, а за писаремъ уже простые козаки. Всѣ попрощались съ свѣтомъ, посадились на коней и помчались. Впереди летѣлъ атаманъ. Какъ разыгрался онъ на конѣ, какъ разыгрался, да такъ и вкочилъ на могилу! А оттуда какъ разогнался, какъ разогнался да прямо на двадцатипяти-саженнюю скалу! А со скалы какъ шархнется внизъ на

островъ. «Пугу-пугу!» да и пошелъ вмѣстѣ съ конемъ на дно рѣки, отъ коня только слѣдъ на острову... «Пугу-пугу!» вскрикнули все остальные козаки и бросились велѣдъ за кошевымъ... И теперь они гдѣ-то плаваютъ подъ водою, на самомъ днѣ Буга-рѣки... А «скеля Пугачъ» стоитъ одиноко и уныло смотреть въ безконечную пропасть и ревушей и стонущей рѣки...

На четверть версты ниже скели Пугача и козацкаго гарду существовала у запорожцевъ старая переправа черезъ рѣку Бугъ, къ которой вела, съ лѣвой стороны, балка Паланская. Въ этой балкѣ, противъ бывшей переправы, въ настоящее время сохраняются запорожское кладбище, мѣсто кузницы и тридцать пять ямъ, расположенныхъ по взгорью Паланской балки и свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ пребываніи здѣсь запорожцевъ.

Во время запорожцевъ отъ Сичи къ гарду вели два тракта: низшій и высшій. Первый шелъ на рр. Солоную, Базавлукъ, Каменку, Малый-Ингулецъ, Добрую-Висунь, село Балацкое, рѣку Великій-Ингуль¹⁾, безводными стѣнями на протяженіи семи миль, рѣчки Куцый-Еланецъ, Сухой-Еланецъ и Великій-Еланецъ²⁾, село Бѣзюновку, р. Мертвоводъ и Малый-Ташлыкъ, отсюда въ гардъ. Второй шелъ на рр. Солоную, Базавлукъ, Каменку, Саксагань, Малый-Ингулецъ, Боковую-Висунь, Великій-Ингуль, Костоватую, Камышеватую, Гарбузинку, село Бановку и р. Малый-Ташлыкъ. Это такъ-называемый Гардовый шляхъ; онъ замѣчателенъ своею прямизною и на пространствѣ 300 верстъ шелъ безъ всякихъ извилинъ и уклоненій; теперь онъ не существуетъ. Обѣ дороги, особенно нижняя, пролегали черезъ край дикій, пустынный, малонаселенный и малолюдный. «На рѣчки маломъ ингуль, по саксаганъ и отъ саксаганъ(—и) на низъ ингульца миль на десять(.) а на великомъ ингуль до верху балацкого, которое отъ гарду внизъ до десяти миль со стоить, зѣмовники запорожскіе имѣются, а ниже балацкого ни-

¹⁾ «Ингуль» по-татарски «іеп-кул» — обширное озеро.

²⁾ «Еланецъ» по-татарски «алан» — лужайка, поляна.

какихъ зимовниковъ нѣтъ, въ лѣтъ жъ хоча по надъ лиманомъ для рыбныхъ ловель и другихъ добычь звѣринныхъ козаки живутъ(.) почему все выходятъ какъ звѣтники; да между тѣмъ трактомъ отъ сѣчи до гарду идутъ чрезъ все жъ тѣ мѣста между рѣчками Днѣпромъ. Бугомъ и лиманомъ простирающимся(.) къ турецкой стороны никакихъ поселеній нѣтъ; и есть тотъ степь дикій и отъ поселеній российской имперіи состоящей в далекомъ разстояніи(.) лѣсовъ никакихъ нѣтъ, кромѣ на громоклен которая вице балацкого впадаетъ въ Ингуль имѣть байракъ лѣсной разстояніемъ отъ балацкого с милю; да на речки маломъ ингулу, балацкомъ и по бугу терновники и чашники маліе бѣдно имѣются» ¹⁾).

Бугскіе пороги начинаются какъ разъ противъ Константиновки и идутъ выше ея; всехъ ихъ здѣсь семь: телицкій, пышенинскій, лопатовскій, подорожинскій - первый, строчкій-первый, строчкій-второй, подорожинскій-второй. Между этими порогами стоятъ четыре острова: константиновскій - первый, константиновскій - второй, киріаковскій и подорожинскій. Изъ коихъ первый покрытъ громаднымъ дубовымъ лѣсомъ.

Выше Константиновки идетъ колонія Новая-Линдау, противъ которой впадаетъ въ Бугъ р. Малый-Ташлыкъ ²⁾. потомъ село Семеновка, бывшее военное поселеніе, противъ котораго въ Бугъ стоятъ новые семь пороговъ: палиенковскій, лысенковскій, давидинскій, розидоровскій, войстриченскій, македонцовскій и порогъ чернецій, и между семью порогами четыре острова: барановскій, наумовскій, мясниковскій и семеновскій, изъ коихъ первые три названы по именамъ владѣльцевъ, а послѣдній по имени села Семеновки.

За Семеновкой слѣдуетъ село Мигін. противъ котораго въ Бугъ возвышаются еще четыре порога: мигійскій - первый,

¹⁾ Изъ актовъ собственнаго собранія, 1753 года, 20 мая.

²⁾ Слово «Ташлыкъ» татарскаго происхожденія.—по-русски это значитъ «каменистый».

запорожскій, мигійскій-второй, и компанійскій. Изъ четырехъ особенно замѣчательнъ запорожскій порогъ. Этотъ порогъ совсѣмъ не то, что порогъ на Днѣпрѣ. Представьте себѣ огромнѣйшую скалу, высоты сажень около пятнадцати, ширины сажень около десяти, которая, подобно искусственному мосту, перекинута съ одного берега рѣки на другой, и это будетъ запорожскій порогъ на Бугѣ. Вода, бѣгущая по рѣкѣ, встрѣтивъ на своемъ пути неодолимое препятствіе, въ видѣ запорожскаго порога, бросается на-право и на-лѣво, въ оба берега, размываетъ себѣ небольшіе жолобы между скалъ и съ страшнымъ ревомъ устремляется впередъ. Для полнаго представленія о запорожскомъ порогѣ, представьте еще себѣ огромнѣйшую скалу, втрое выше той, которая протянулась поперекъ рѣки, стоящую у лѣваго берега Буга, противъ самаго порога и носящую названіе Протичанской скалы. Съ нея, какъ съ высоты птичьяго полета, открывается великолѣпнѣйшій видъ на всю эту страшную пучину, которая называется запорожскимъ порогомъ. На ней-же можно видѣть подобіе подковы и звѣзды, выбитыя на скалѣ Богъ вѣсть кѣмъ и Богъ вѣсть въ какое время. Противъ компанійскаго порога стоитъ замѣчательная скала Компанійская, на которой показываютъ двѣ пещеры, — одну длины 15 арш., которая носитъ названіе «Кузни», потому что въ ней находятъ много углей, а другую длины 2 арш., въ нее можно влѣзть только животомъ, и одно такъ-называемое Гайдамацкое сидѣніе, родъ естественнаго дивана, сдѣланнаго на скалѣ и имѣющаго 11 арш. длины, 3 четв. ширины и 6 четвертей высоты (спинка). Противъ Компанійской скалы стоитъ въ Бугѣ длинный островъ съ тѣмъ-же названіемъ, покрытый сплошнымъ дубовымъ лѣсомъ.

Выше Мигій идутъ послѣдніе два порога, за которыми впадаетъ въ Бугъ р. Синюха, гдѣ сходятся вмѣстѣ три города: Ольвіополь (у запорожцевъ Орликъ), Голта и Богополь. При впаденіи Синюхи въ Бугъ, съ проведеніемъ такъ-называемой

новой Днѣпровской линіи крѣпостей, устроень былъ городъ Екатерининскъ, имени императрицы Екаторины II ¹⁾.

Выше Ольвіополя впадаетъ въ р. Синюху р. Черный Ташлыкъ при деревнѣ Калмазовой. Въ старое время р. Черный Ташлыкъ, начиная на двѣ версты отъ устья ея вверхъ, покрыта была лѣсомъ, состоящимъ изъ клена, орѣшника и чагарника. На пять верстъ выше д. Калмазовой стоитъ село Синюхинъ-Бродъ, на р. Синюхѣ, гдѣ у запорожцевъ былъ извѣстный Синюхинъ-Бродъ.

Берега р. Синюхи большею частью голы, скалисты; наибольшая ширина рѣки—70 саж., наибольшая глубина—6 арш.; противъ села Синюхина-Брода въ рѣкѣ стѣитъ шесть острововъ, покрытыхъ лозою и камышемъ. Между береговыхъ скалъ есть нѣсколько естественныхъ пещеръ: такова пещера ниже хаты кр. Алексѣя Мирянова, имѣющая полтора аршина длины и два съ половиной высоты; такова пещера Зміева, нѣсколько ниже села, высоты до трехъ аршинъ, вмѣстимостью на десять человекъ и др. ²⁾. Въ настоящее время черезъ р. Синюху, противъ села Синюхина-Брода, существуетъ восемь бродовъ; пархоменковъ, патринъ, коцубальскій, степановскій, гладкій, македонскій, мартыновскій и кремповскій. У запорожцевъ былъ здѣсь только одинъ бродъ, по теперешнему между степановскимъ и гладкимъ, противъ двора кр. Павла Жука. Здѣсь у нихъ стоялъ деревянный столбъ, въ три аршина высоты и два толщины, который служилъ маякомъ для переправляющихся черезъ рѣку. Теперь этого брода не существуетъ. Во время запорожцевъ самые берега рѣки Синюхи покрыты были небольшимъ лѣсомъ, большею частью кленомъ и орѣшникомъ, отъ котораго въ настоящее время не осталось также ни пня.

Выше с. Синюхина-Брода идутъ села: Ольшанка, Осички, Добрянка, мѣстечко Добровеличково, при впаденіи р. Сухого-

¹⁾ Миллеръ. Разсужденіе о запорожцахъ. Москва. 1847, 42.

²⁾ На одной изъ береговыхъ скалъ р. Синюхи, противъ огорода кр. П. Жука, выбиты двѣ чапки и сапогъ 2 вершка величины.

Ташлыка въ р. Синюху, село Тишковка, при впаденіи р. Выси въ р. Синюху ¹⁾). Въ сторону отъ села Тишковки стоитъ мѣстечко Хмѣлево, бывшее имѣніе Кириѣкова, гдѣ у запорожцевъ былъ большой лѣсъ, подъ которымъ «гайдамаки робыли хунтузію». Близъ мѣстечка Хмѣлеваго раскинулось село Плетеный-Ташлыкъ, на рѣчкѣ Плетеномъ-Ташлыкѣ. Рѣчка Плетеный-Ташлыкъ беретъ свое начало около д. Гапсиной и впадаетъ въ р. Черный-Ташлыкъ подъ д. Звѣревой. Плетенымъ онъ называется потому, что вода въ немъ идетъ «въ переплетъ, загородами, або плесами: винъ наче нарощно порысованный». Всего теченія его, по изгибамъ—30 верстъ; въ старицу это была рѣчка глубокая, «потому что она шла однимъ корытомъ»; берега ея окаймлены были живописными плавнями. Близъ р. Плетенаго-Ташлыка растутъ лѣса: Спорный, Круглый, Чумацкій, Чоботокъ, Крачекъ, Манойловъ,— всего до 300 десятинъ; они состоятъ изъ дуба, осины, граба, клена, принадлежать казнѣ и ежегодно увеличиваются отъ посадки. Рядомъ съ с. Плетенымъ-Ташлыкомъ стоитъ с. Аникіевка, близъ котораго также растетъ большой лѣсъ; за селомъ Аникіевкой слѣдуютъ деревня Гапсина или Александровка, а за деревней Гапсиной с. Малая-Выска, на р. Малой-Выси. Рѣчка Малая-Высь начинается подъ д. Лутовкой, на девять верстъ къ сѣверу отъ с. Малой-Выски, и впадаетъ въ р. Высь между Николаевкой и Петро-островомъ.

Не вдалекѣ отъ с. Малой-Выски расположено мѣстечко Большая-Выска, на р. Большой-Выси. Рѣчка Большая-Высь беретъ свое начало у села Аникіевки, а впадаетъ въ р. Высь около Новомиргорода.

Городъ Новомиргородъ основанъ на запорожской землѣ выходцемъ изъ Сербіи. Иваномъ Самойловичемъ Хорватомъ, въ 1752 году, у рѣки Выси и озера Лонго; сперва онъ былъ простымъ шанцемъ, а потомъ, съ 1764 года, переименованъ въ городъ. Съ теченіемъ времени онъ, послѣдовательно, исполнялъ

¹⁾ Всѣхъ Высей три: просто Высь, Малая-Высь и Большая-Высь.

назначеніе таможни, уѣзднаго города. губернскаго города вознесенскаго намѣстничества (1775 г.), заштатнаго, военнаго поселенія и вновь (1860 г.) заштатнаго. Для человѣка, занимающагося исторіей запорожскихъ козаковъ, Новомиргородъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ находится могила генерала Петра Абрамовича Текели, уничтожившаго, по повелѣнію императрицы Екатерины II, столицу запорожскихъ козаковъ. Сичу, въ 1775 г. Текели погребенъ въ соборной церкви Новомиргорода, подъ сводомъ, у правой стѣны, тотчасъ по входѣ въ церковь, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая надпись, сдѣланная золотыми буквами на холстѣ и вставленная въ деревянную раму пяти четвертей длины и четырехъ безъ вершка ширины: «Генералъ-аншефъ Петръ Абрамовъ сынъ Текелій націи славено-сербской родился венгерскаго королѣвства въ городѣ Ародѣ 1720 года будучи въ римской императорской королѣвской службѣ по 1747 годъ втомъ году вступилъ въ російскую императорскую военную службу и продолжая оную съ усерднѣйшимъ и похваляемѣйшимъ образомъ и отличаясь мужествомъ и храбростію во всю прусскую войну въ польской экспедиціи и въ двухъ прошедшихъ турецкихъ походахъ при истребленіи запорожской Сѣчи и при усмиреніи бунтующихся разныхъ горскихъ народовъ. достигъ до сего достопохвальнаго и знаменитаго чина заслужилъ отъ ея императорскаго величества монаршіи благоволенія и разныя жалованіе ему императорскіе (sic) ордени а именно александра Невскаго св. великомученика и побѣдоносца (sic) георгія второй (степени) св. равноапостольнаго князя владимира (sic) первой степени и великогерцогскаго голштинскаго святыя анны сего 1792 года апреля 25 дня въ 11 часу по полунощи на 73 году отъ рожденія скончался».

Близъ Новомиргорода стоятъ лѣса Черный-лѣсъ и Чута. По точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, Черный-лѣсъ имѣеть 7000 десятинъ, а Чута—3077 десят., но между ними есть еще Чута, которая принадлежитъ частному владѣльцу, что все, вмѣстѣ составляетъ 21 тысячу десятинъ лѣса. Съ западной

стороны къ Чутѣ примыкають лѣса Пугачъ и Бакай, за которыми начинается знаменитый Мотренинскій лѣсъ. Уже изъ одного цифроваго показанія видимъ, почему Черный - лѣсъ и Чута играли такую важную роль въ исторіи гайдамачества. Лѣсъ состоитъ изъ дуба, клена, береста, осинъ и т. п. деревъ; въ немъ водятся волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и проч. Много существуетъ преданій, связанныхъ съ Чернымъ лѣсомъ и Чутой; много есть, по разсказамъ дидовъ, въ лѣсу такихъ мѣсть, въ которыхъ скрыты гайдамаками несмѣтные богатства, драгоценныя оружія, много есть въ немъ пещеръ, ходовъ, разныхъ другихъ тайниковъ, гдѣ имѣли свои пристанища удалые гайдамаки.

Далеко ниже лѣса Чорнаго и Чуты стоитъ мѣстечко Кривой Рогъ и близь него хуторъ Дубовая-Балка, имѣніе владѣльца Александра Николаевича Поля, расположенное вдоль р. Саксагани.

На этомъ пути, близь станціи «Ингулецъ», стоитъ огромнѣйшій и чрезвычайно грандіозный курганъ, называемый Царской могилой. И по внѣшнему виду, и по величинѣ Царская могила напоминаетъ Царскую могилу въ Керчи. Съ сѣвера и запада она совершенно отвѣсна, съ востока и юга нѣсколько поката. При 350 саженьхъ въ основаніи она имѣетъ 200 саж. черезъ вершину. Отъ такого неравномѣрнаго сочетанія основанія съ высотой могила и кажется колоссальнымъ сооруженіемъ. Къ тому-же она стоитъ на чрезвычайно ровной и открытой степной мѣстности. Могила составляетъ собственность крестьянина Лихмана и, какъ гласитъ преданіе, названа Царской потому, что около нея стоялъ лагерь какой-то польскій царь. Какъ-бы въ подтвержденіе этого говоритъ и цѣлая система укрѣпленій съ бастионами по угламъ, къ востоку отъ могилы.

Хуторъ Дубовый стоитъ въ устьѣ балки Дубовой и правого берега рѣки Саксагани ¹⁾.

¹⁾ Слово Саксагань по-татарски «сык-сык» — значитъ легкой, быстрый.

Саксагань начинается двумя рожками: один берет начало близъ д. Любоміровки, другой близъ д. Малой-Александровки, потомъ они сходятся подъ селомъ Погоровкой и впадаютъ въ мѣстечкѣ Кривомъ-Рогѣ, херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, въ р. Ингулецъ. Всего теченія ея по изгибамъ 200 верстъ; по прямому направленію—95 верстъ, наибольшая глубина ея—двѣ съ половиной сажени, у села Шмакова.

Балка Дубовая покрыта сплошь, отъ вершины и до конца, дубовымъ лѣсомъ. Въ немъ попадаются дубы, имѣющіе въ обхватѣ до шести аршинъ; они растутъ между огромнѣйшихъ скалъ, разбросанныхъ по обѣ стороны балки, и придають ей необыкновенную дикость и съ тѣмъ вмѣстѣ удивительную прелесть и величіе.

Картина оживляется тѣмъ, что среди балки течетъ небольшой ручей чистой и очень прохладной воды съ примѣсью разныхъ минераловъ, а вершина и устье ея покрыты ковромъ зеленой травы и цвѣтовъ. Для человѣка, ищущаго вездѣ слѣдовъ древности, Дубовая балка интересна въ томъ отношеніи, что здѣсь онъ можетъ видѣть нѣсколько пещеръ, находящихся въ массивныхъ скалахъ ея. Такихъ пещеръ владѣлецъ насчитываетъ до 30; изъ нихъ особенно замѣчательна такъ-называемая Гайдамацкая конюшня, и близъ нея Гайдамацкая хата. Гайдамацкая конюшня представляетъ изъ себя огромнѣйшій навѣсъ, отдѣляющійся съ правой стороны балки (если идти отъ вершины къ устью) отъ кварцитной стѣны, въ которомъ, по преданію, были вбиты нѣсколько бронзовыхъ колець для привязыванія къ нимъ лошадей. О бокъ съ Гайдамацкой конюшней устроена Гайдамацкая хата,—это огромнѣйшая пещера, «выклеванная» въ скалѣ и могущая вмѣстить въ себѣ до двадцати и даже болѣе человѣкъ. По разсказамъ мѣстныхъ стариковъ, въ этой пещерѣ имѣли свое пристанище гайдамаки, скрывавшіеся здѣсь отъ преслѣдованія поляковъ. Говорятъ, что у гайдамаковъ эта пещера обита была краснымъ сукномъ, а послѣ ихъ ухода долго скрывала въ себѣ оставленные ими

сокровища, пока ее не открыли какіе-то кладискатели. Судя по находимымъ орудіямъ и по могиламъ, открытымъ въ балкѣ Дубовой, можно думать, что какъ самая Гайдамацкая хата, такъ и другія пещеры, открытыя въ ней, относятся къ отдаленнѣйшему отъ насъ времени, ко времени каменнаго періода, и гайдамаки воспользовались ими, какъ уже готовыми, для своихъ цѣлей. Мѣстность Дубовой балки настолько интересна, что привлекаетъ къ себѣ множество путешественниковъ въ лѣтнее время. Кто исходилъ балку отъ устья и до вершины, тотъ не могъ не замѣтить на самой вышкѣ ея, съ лѣвой стороны, песчаниковаго шестиконечнаго креста, великолѣпно возвышающагося среди густой зелени вѣковѣчныхъ лѣсовъ. А кто приближался къ этому кресту, тотъ, безъ сомнѣнія, и пытался прочесть сдѣланную на немъ надпись: «Зде опочиваетъ рабъ божій кирило и съ нимъ товарищѣ(и) войсковѣи мѣкифоръ и михайло пуця бывшаго низоваго войска запорожскаго курина дядкѣвскаго кирило мощенскій преставися году 1779 мѣсяца ноября 4 дня. ІО ХР. Сей крестъ сооруженъ рабомъ божіемъ федоромъ Губою. Братъ его логинъ асаулъ выйсковый погребенъ былъ у самарѣ» (См. табл. XXXI).

Распростившись съ гостепримнымъ, обязательнымъ и незабвеннымъ владѣльцемъ Дубовой балки, А. Н. Подемъ, я поспѣшилъ къ мѣсту послѣдней запорожской Сѣчи, теперешнему селу Покровскому, екатеринославской губерніи и уѣзда.



Ч. II. Рис. 31.

Дубовая балка и запорожскій крестъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ой съ-пидь города, съ-пидь Елисаветы, отъ орды вылигали,
А въ города, та въ Елисаветы, все паны собирались,
Паны сенаторы, пребольшии генералы, воны думали гадали,
«Ой якъ бы намъ, панамъ сенаторамъ, запорожську землю взяти?
Ой якъ бы жъ намъ, ой якъ бы жъ намъ ихъ вольности одибрати?»
Ой одибрали вси вольности запорожськи, начали ланы дилити.
Ой одибрали та всю запорожську землю, теперь сами овладають,
А до запорожнивъ, низовыхъ молодцывъ, часто листы посылають,
А запорожжи та добри молодци усе теѣ та гараздъ знали,
Посидлали воронии кони та пидь турка втикали.

Народная пѣсня.

Незавидна была жизнь запорожскихъ козаковъ подъ властью крымскихъ хановъ: за каждымъ шагомъ, за каждымъ движениемъ ихъ зорко слѣдили; они не смѣли держать при своей Сичи пушекъ, они должны были отдать всѣ имѣвшіеся у нихъ боевые снаряды, они не могли строить никакихъ укрѣпленій, они обязаны были содержать множество турецкихъ чиновниковъ, они принуждены были одѣлять разными подарками пашей, мурзъ, беевъ, пріѣзжавшихъ въ Сичь по порученію крымскаго хана. «Оныхъ козаковъ житіе подъ крымскою властію было зѣло трудное... Однажды нѣкоторые козацкіе рыболовы нечаянно на крымской сторонѣ въ отмытомъ отъ полой воды берегѣ рѣки Диѣпра, въ урочищѣ Карайтебенѣ, усмотрѣли одну пушку малую и пришедъ объ оной объявили кошовому; на что кошевой, взявъ нѣсколько козаковъ, пришедъ оную пушку вырывать стали и

въ томъ мѣстѣ нашли ихъ числомъ пятьдесятъ; которыя пушки взявъ и содержали въ одномъ зимовникѣ потаенно, не объявляя объ нихъ никому, опасаясь, дабы татаре отъ нихъ оныхъ пушекъ не отобрали» ¹⁾). Вдобавокъ къ этому и русское правительство не переставало преслѣдовать запорожцевъ: по російской границѣ разставлены были крѣпкіе караулы, которые должны были хватать, вѣшать и казнить запорожскихъ козаковъ. Много разъ запорожцы обращались съ просьбой къ русскимъ царямъ о помилованіи, но эта просьба долго оставалась «гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ». Наконецъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, въ 1734 году, 7 сентября, при посредствѣ генераль-маіора графа Вейсбаха, запорожцамъ дозволено было возвратиться въ Россію и поселиться на родныхъ имъ пепелищахъ.

«Гей, братци, якъ бы воно не було,
А лучче християньскои царици служити,
Нижъ въ Олешкахъ намъ жити,
Идѣть крымскимъ ханомъ у ярми ходити».

Самый переходъ запорожскихъ козаковъ изъ-подъ власти крымскаго хана подъ власть русской императрицы произошелъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1733 году у русскихъ съ поляками началась война; поляки обратились съ просьбой къ крымскому хану о присылкѣ имъ на помощь запорожскихъ козаковъ. Татары нашли нужнымъ удовлетворить просьбѣ поляковъ, и запорожцы пошли въ походъ противъ русскихъ. Но тутъ запорожцы и рѣшили воспользоваться благопріятнымъ моментомъ. Они отправили отъ себя посланца къ русской императрицѣ съ просьбой принять ихъ подъ скипетръ російской державы. Императрица согласилась и послала отъ себя офицера для приведенія запорожскихъ козаковъ къ присягѣ, вручивъ съ этимъ вмѣстѣ тому-же офицеру и нѣсколько тысячъ рублей для раздачи запорожцамъ на постройку новой Сичи. Въ то-же

¹⁾ Мышенскій. Истор. о козак. зап. Одесса, 1852, стр. 26.

время турецкій султанъ, узнавъ о намѣреніяхъ запорожскихъ козаковъ перейти на сторону Россіи, въ свою очередь, прислалъ отъ себя полномочнаго посла съ богатыми дарами, желая склонить запорожцевъ вновь на свою сторону. У запорожцевъ былъ въ то время кошевымъ атаманомъ Иванъ Малашевичъ. Кошевой собралъ войсковую раду и тутъ, на войсковой радѣ, все запорожцы единогласно отвергнули предложеніе султана и присягнули российской императрицѣ. Турецкій посланникъ, возвращаясь къ султану, сообщилъ ему объ этомъ лично. Тогда султанъ издалъ приказаніе схватить еще оставшихся въ предѣлахъ Турціи запорожскихъ козаковъ и отдавать ихъ въ тяжкія работы; запорожцы тоже не оставались въ долгу и много изрубилъ турокъ ¹⁾.

Но, спрашивается, гдѣ же послѣ этого осѣлись запорожцы своею Сичею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ современникъ событія, Григорій Кремянскій. «По разореніи Петромъ Первымъ старой Сичи (на р. Чортомлыкѣ), запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы Анны Іоанновны о принятіи ихъ опять подъ российскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы и поселились выше Кизикермена (т. е. Берислава) въ *Омлювомъ* ²⁾ и поживя тамъ, какъ говорятъ, семь годъ, переселились въ Красный-кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ устроилъ свою жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II, чрезъ генерала Текеллія, который 1775 года іюня 3 дня Зеленой недѣли, въ среду противъ четверга, ночью и взяли Запорожскую Сѣчь, по несопротивленію оныхъ, безъ всякаго кровопролітія. Кошевого-жъ Петра Колныша, судью Павла Косапа (Головатаго) и писаря Глобу, по взятіи Сѣчи, отправлено сокрыто въ Петербургъ» ³⁾.

¹⁾ Мышецкій. Истор. о козак. зап., стр. 27 — 30.

²⁾ Въ Балкѣ Мѣловой, гдѣ с. Мѣловое, херсон. у.

³⁾ Записки одес. общ. истор. древн., т. VI, стр. 645.

Такъ, возвратившись изъ-подъ власти татаръ, въ 1734 году, запорожцы жили сперва Сичею въ Омиловомъ, на балкѣ Каменкѣ, а потомъ поднялись выше и устроили себѣ Сичу, «ладно и крѣико сѣли своимъ кошемъ» между рѣкъ Пидпильной и Базавлукомъ, который въ то время отдѣлялъ собой кодацкую паланку отъ паланки ингульской, а теперь служить раздѣльною линіей между губерніями екатеринославской и херсонской. «Новая Сичъ» расположена была вдоль праваго берега р. Пидпильной ¹⁾, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ она дала отъ себя луку, противъ такъ-называемой «великой плавни», по которой съ юга, встрѣчно Сичи, текла рѣчка Старая Сысина ²⁾, а съ востока, изъ-подъ Чертомлыцкой Сичи, рѣчка Скарбная ³⁾. «Пидпильня—мате Днипра, бо вона Сысею корме его, а Скарбною зодягае» ⁴⁾. Нужно взглянуть на Пидпильную Сичу по направленію отъ сѣвера къ югу, на разстояніи трехъ-четырехъ верстѣ вдали, чтобы видѣть, насколько удобно она была расположена въ стратегическомъ отношеніи: она спдѣла въ низкой котловинѣ, защищенная съ востока, юга и запада громаднѣйшей плавней. 26 тысячъ десятинъ, которая даже въ настоящее время покрыта непроходимымъ лѣсомъ, изрѣзана многими рѣчками и рѣчками и покрыта шестьюдесятью семью большими озерами, кромѣ множества малыхъ. Что представляла изъ себя «Великая плавня» во время запорожцевъ, можно судить по тому, что въ ней даже въ настоящее время теряются и едва не погибаютъ лѣсные охотники, хорошо освоившіеся съ мѣстностью Пидпильной. Какъ-то одинъ забрался въ эту плавню и цѣлыхъ три дня бродилъ, отыскивая выхода изъ нея, чуть

¹⁾ Пидпильня впадаетъ въ р. Сандалку подъ с. Грушевской, херсонскаго у.

²⁾ Старая Сысина впадаетъ въ р. Базавлукъ, подъ дер. Кутомъ; есть еще и Новая Сысина, но она образовалась недавно.

³⁾ Течетъ на протяженіи 40 верстѣ, впадаетъ противъ с. Малыхъ-Гирлъ; наибольшая ширина до 3 саж.

⁴⁾ По берегамъ Скарбной растетъ громадный лѣсъ, «одѣвающій рѣку».

не сдѣлавшись добычею голодной смерти. Уже подь конецъ третьяго дня онъ увидѣлъ какого-то крестьянина и вѣсто того, чтобы спросить, какъ ему выбратся изъ плавень, бросился къ мужику, схватилъ его за руку и сталъ просить у него, чтобы тотъ далъ ему немедленно хоть кусокъ, хоть крошку хлѣба ¹⁾). Подь прикрытіемъ такихъ-то плавень, которыя тянулись на сотни верстъ вправо и влѣво отъ Сичи и на десятки верстъ прямо на югъ отъ нея, запорожцы могли быть совершенно безопасными отъ своихъ исконныхъ враговъ, татаръ и турокъ.

Самое устройство «Новой Сичи» представлялось въ такомъ видѣ. Собственно Сича лежала на правомъ берегу Пиднильной, углубившись въ луку или дугообразный извивъ ея, и раздѣлялась на внутренній и вѣшній кошъ. Въ первомъ среди площади возвышалась одноглавая деревянная церковь, крытая тесомъ, основанная при кошевомъ атаманѣ Иванѣ Малашевичѣ, въ 1734 году, 3 апрѣля, и снабженная богатѣйшею церковною утварью; подлѣ церкви стояла небольшая, также деревянная, колокольня съ тесовой крышей въ два яруса. Подь конецъ своего историческаго существованія запорожцы задумали было построить себѣ каменную церковь изъ мрамора и тесоваго камня, взятаго ими на развалинахъ старыхъ мечетей татарскихъ городковъ, но этому не суждено было исполниться. Близъ сичевой колокольни выдѣлялись: будинокъ для кошеваго атамана, скарбница или замокъ для войсковаго добра, домъ для войсковой канцеляріи, а вокругъ всей площади сичевой расположены были тридцать-восемь куреней, поставленныхъ кругомъ по окраинамъ внутренняго коша. Въ центрѣ куреней, тутъ же во внутреннемъ кошѣ, при церкви, отведена была широкая, гладко-выровненная площадь, на которой происходили войсковыя рады для выбора новыхъ старшинъ, дѣлежа земель, для объявленія непріятелямъ размира и для заключенія съ ними мира. Внутренній кошъ

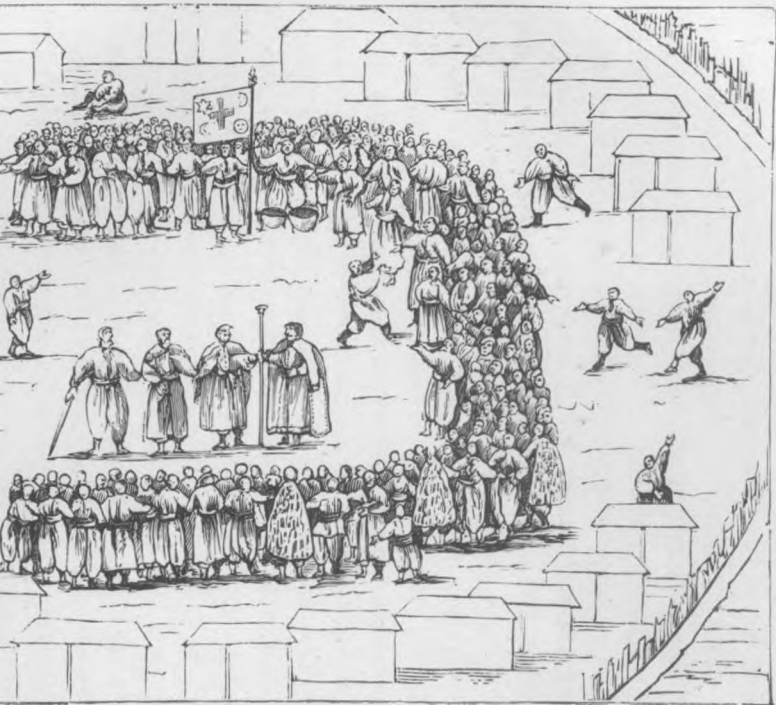
¹⁾ Это былъ одинъ изъ фельдшеровъ села Покровскаго.

отдѣленъ былъ отъ виѣшняго особымъ валомъ, черезъ который, по направленію отъ юга къ сѣверу, шли во виѣшній кошъ широкіа ворота. Во виѣшнемъ кошѣ, вдоль р. Пидпильной, тянулись такъ - называемыя слободы запорожскихъ козаковъ, а сѣвернѣе отъ нихъ, въ юго-восточномъ углу, стояли комендантскій домъ, офицерскія и инженерныя квартиры, солдатскія казармы, артиллерійскіа склады, пороховыя погреба и солдатская гаушвахта, составлявшіа такъ-называемый Новосѣченскій ретраншементъ. Ретраншементъ устроенъ въ Сичи русскимъ правительствомъ съ видимою цѣлью помогать запорожцамъ въ ихъ войнѣ съ турками, а въ дѣйствительности со скрытою цѣлью держать ихъ въ своихъ рукахъ. Запорожцы прекрасно понимали цѣль построенія русскимъ правительствомъ новосѣченскаго ретраншемента, выражая это иносказательно пословицей: «засила намъ московска болячка въ пичинкахъ». Въ Новосѣченскомъ ретраншементѣ стоялъ всегда батальонъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ русскаго офицера. Впервые это было примѣнено въ 1735 году кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Леонтьевымъ. Съ виѣшней стороны Сича обведена была общимъ землянымъ валомъ, который, дѣлая разные углы и выступы, упирался обоими концами въ рѣку Пидпильну; по валу стоялъ высокій частоколь изъ толстыхъ бревенъ, заостренныхъ сверху и осмоленныхъ снизу. Къ западу отъ вала, вдоль рѣки Пидпильной, тянулись запорожскіа зимовники, а сѣвернѣе отъ нихъ чернѣли волчьи ямы, засады, окопы, ложементы, устроенныя на случай набѣговъ непріятелей.

Въ такомъ-то видѣ представлялась Сича, устроенная запорожскими козаками на р. Пидпильной. Въ такомъ видѣ дошелъ до насъ и снимокъ съ нея, представленный въ извѣстномъ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» А. И. Ригельмана. (См. табл. XXXII). Ригельманъ жилъ два года въ Сичи, съ 1740 по 2 іюня 1743 года, и оставилъ для поколѣнія рисунокъ «Запорожской Сѣчи», въ которой происходитъ «избраніе кошеваго атамана». Есть еще одинъ снимокъ «Церкви, рады и



Ч. II. Рло 32.



Видъ Новой Сичи по Ригельману.

курней запорожскихъ», 1773 года, найденный въ губернскомъ архивѣ г. Екатеринослава полковникомъ генеральнаго штаба Шмидтомъ и напечатанный имъ въ его сочиненіи «Матеріалы для географіи и статистики»¹⁾; но на этомъ снимкѣ нѣтъ ничего напоминающаго запорожскую Сичу, нѣтъ ни малѣйшаго намека ни сичевыхъ козаковъ. Передъ вами церковь великороссійскаго стиля, рубленая, съ зубчатой рѣзьбой, съ такъ называемыми кокошниками на самой церкви и на ея придѣлахъ; за церковью, также великороссійскаго стиля и характера, избы, рубленные, длинные, со множествомъ высокихъ деревянныхъ, съ покрывками въ видѣ голубятенъ, трубъ, съ четырёхугольными, въ одну линію, окнами; передъ церковью кругъ козаковъ, также великороссійскихъ, съ бородами, въ круглыхъ шляпахъ или безъ шляпъ, съ небритыми головами и безъ всякаго признака чупринъ, въ короткихъ кафтанахъ съ разрѣзами назади и съ капюшонами на спинѣ. Нигдѣ рѣшительно и ни въ чемъ нѣтъ намека на запорожскую Сичу и запорожцевъ. Даже знамя, стоящее у колокольни, не имѣетъ никакого сходства съ запорожскими знаменами; даже число старшины и самое расположеніе ея на радной площади не запорожское, не говоря уже о сабляхъ и не говоря уже о томъ, что вы видите передъ собой на рисункѣ типичнѣйшихъ великороссовъ, съ огромнѣйшей дубиной, съ длинными густыми бородами и съ большими косами на головѣ. Что же тутъ запорожскаго? Да это просто кругъ донскихъ козаковъ, а никакъ не запорожскихъ. Но грустно, что этотъ же рисунокъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, попалъ въ «Исторію новой Сѣчи» г. Скальковскаго, только что изданную третьимъ изданіемъ. Неужели почтенный авторъ «Исторіи» нашель въ этомъ рисункѣ что-нибудь запорожское? Очевидно, да, потому что иначе зачѣмъ же было бы ему перепечатывать снимокъ? А въ то же время, повидимому, и нѣтъ, иначе зачѣмъ

¹⁾ Спб., 1863 годъ, часть I и II.

же нужно было автору передѣлывать лица, обстановку и даже костюмы, представленные на рисункѣ, на запорожскій ладъ? Возьмите въ руки рисунокъ, напечатанный самимъ Шмидтомъ, и рисунокъ, напечатанный Скальковскимъ, и посравните ихъ. У Шмидта на первомъ планѣ снимка, съ правой стороны, стоятъ два довольно неуклюжихъ козака съ малахаями на головахъ, съ толстыми дубинами въ рукахъ, спинами къ зрителямъ; у Скальковскаго они нарисованы въ полуоборотъ, въ прекрасныхъ шляпахъ по послѣдней петербургской модѣ, въ изящныхъ костюмахъ, въ изящной позѣ, одинъ съ тоненькой тросточкой въ лѣвой рукѣ, а другой съ лѣвой ногой, заложеной за правую. Это два барина. Далѣе, у Шмидта на томъ же первомъ планѣ, но съ лѣвой стороны, представлены также два очень типичныхъ великороссіянина, одинъ съ лицомъ круглымъ, безъ усовъ и безъ бороды, въ русскомъ зипунѣ, другой съ громаднѣйшимъ макогономъ на правомъ плечѣ, съ космами на головѣ; у Скальковскаго оба сдѣланы типичнѣйшими запорожцами съ маленькими усиками, съ подстриженными по малороссійски волосами и совсѣмъ безъ макогона на плечѣ. Затѣмъ у Шмидта, въ лѣвомъ углу рисунка, между четырьмя фигурами стоитъ одна выразительнѣйшая фигура великоросса съ цѣлымъ стогомъ волосъ на головѣ, съ длинной окладистой бородой, съ благодушнымъ выраженіемъ лица, обращеннымъ къ своему ближайшему товарищу; у Скальковскаго изъ этой же самой фигуры изображенъ тощій запорожець, съ усами безъ бороды, съ лицомъ, поднятымъ вверхъ и какъ бы прислушивающимся къ голосу всей рады. Наконецъ, у Шмидта представлено всѣхъ фигуръ 76, у Скальковскаго 141; у Шмидта онѣ стоятъ въ одну линію передъ церковью, у Скальковскаго цѣлымъ кругомъ; у Шмидта онѣ сдѣланы болѣе или менѣе отчетливо, такъ что вы видите здѣсь настоящихъ великороссовъ, у Скальковскаго онѣ изображены безличными цѣшками, конечно для того, чтобы скрыть настоящій обликъ ихъ и выдать непременно за запорожцевъ, чѣмъ они никогда не были. Но, скажемъ отъ

себя, одни мертвіи срама не имуть и вновь возвратимся къ нимъ.

Основанная на р. Пидпильнѣ Новая Сича существовала недолго: едва прошло сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, какъ она уже и покончила свое историческое существованіе. Это было въ 1775 году. 4 іюня. при кошевомъ атаманѣ Петрѣ Ивановичѣ Калнишевскомъ. въ царствованіе императрицы Екатерины II. Что же за причина была уничтоженія запорожской Сичи?

Кто болѣе или менѣе знакомъ съ исторіей запорожскихъ козаковъ. того неминуемо долженъ былъ занимать вопросъ о причинѣ уничтоженія Запорожья. Въ самомъ дѣлѣ, Запорожье, въ свое время игравшее такую огромную роль и наполнявшее своимъ именемъ чуть-ли не всю Европу, было почему-то разорено и уничтожено московскимъ правительствомъ. Говорятъ обыкновенно, что Запорожье изжило свой вѣкъ, что оно сыграло свою роль, что оно оказалось лишнимъ и т. п. Но все это, на нашъ взглядъ, не больше, какъ пустыя, ничего незначащія и ничего необъясняющія фразы. Мы смотримъ на это дѣло нѣсколько иначе. Уничтоженіе Запорожья вытекало органически изъ самаго хода русской исторіи. Объяснимся. Еще Иванъ Даниловичъ Калита, прототипъ русскихъ князей-собирателей, намѣтилъ себѣ двѣ цѣли въ политикѣ: централизацію и единовластіе. Съ тѣхъ поръ эта идея сдѣлалась для преемниковъ его тѣмъ жизненнымъ нервомъ, изъ котораго они выходили въ началѣ царствованія, около котораго они ходили въ теченіе его и къ которому возвращались въ концѣ его. Великимъ московскимъ князьямъ, а потомъ и московскимъ царямъ на этомъ пути пришлось встрѣтить массу различныхъ препятствій: внутри — со стороны цѣлага сословія удѣльныхъ князей, отдѣльныхъ. сильныхъ своимъ положеніемъ, личностей. со стороны сословія духовныхъ особъ, крыяцевъ, ордынскихъ татаръ; во внѣ Россіи — со стороны литовцевъ, польскихъ королей, турокъ. При всей въ то время слабости нашего отечества. при всей раздробленности его частей, при всемъ давленіи

ни со стороны сильныхъ сосѣдей, русское государство все-таки достигло намѣченного княземъ-собирателемъ пути — централизаціи и единовластія. Однако, почти параллельно съ ходомъ этого развитія русскаго государства, въ немъ развивалась неизвѣстная въ другихъ странахъ сила, козачество, сперва малороссійское, потомъ запорожское, донское, яицкое и др. Козачество въ теченіе трехъ вѣковъ играло въ Россіи громадную, чуть-ли не колоссальную роль, на которую, впрочемъ, наши историки еще довольно мало обращали и обращаютъ вниманіе. Начавшись въ концѣ XV вѣка, оно въ теченіе XVI-го уже совершенно сложилось въ опредѣленные формы и намѣтило себѣ совершенно опредѣленные задачи, но такія именно формы и задачи, которыя шли прямо въ разрѣзъ съ централизаціей и единеніемъ русскаго государства. Это были два крайнихъ полюса: южный и сѣверный, никогда не сходявшіеся и никогда не могшіе сойтись. Всего рѣзче эта разница выступила въ царствованіе императрицы Екатерины II. Въ самомъ дѣлѣ, императрица Екатерина II, какъ и всѣ ея предшественники, помимо новыхъ идей вѣка, стремилась къ той же исконной цѣли, намѣченной великимъ княземъ-собирателемъ: она шла въ этомъ случаѣ, такъ сказать, въ одну ногу съ самой исторіей — направлять свою дѣятельность отъ центра къ окружности и не давать возможности выдвигаться областной обособленности. И что же видитъ она? Видитъ то, что у нея тутъ-же подъ бокомъ существуетъ такого рода община, которая только по имени признаетъ свою зависимость отъ русскаго правительства, на самомъ же дѣлѣ и знать не желаетъ никакой опеки надъ собой: самовольно выбираетъ себѣ старшину, самовольно воюетъ со своими сосѣдями, самовольно казнить и милуетъ преступниковъ, самовольно принимаетъ къ себѣ искателей разныхъ приключеній и ко всему этому самовольно заводитъ у себя такіе порядки, которые служатъ началомъ уже настоящаго государства. Это — община запорожскихъ козаковъ. Прежде бывало запорожцы знали только войну, а теперь они помимо

войны занимаются земледѣіемъ, заводятъ школы, даютъ опредѣленія для всего войска, и все это на прагахъ полнаго равенства между всѣми членами. И въ то время, когда въ центральной Россіи при Екатеринѣ II крѣпостничество достигло своего максимальнаго развитія, въ то время, когда въ центральной Россіи помимо власти императора не было другой власти, въ это самое время въ южной Россіи, въ Запорожьѣ, господствуетъ совершенное равенство и полное народоправленіе. Такимъ образомъ выходило, что въ русскомъ монархическомъ государствѣ существовало другое государство чисто демократическаго характера. Отъ этого въ одной и той же Россіи и въ одно и то же время происходили такіа явленія. Недовольны, положимъ, крестьянинъ какимъ-нибудь распоряженіемъ своего правительства или ближайшаго своего начальства. Ну, что-же? Можно обойти такое распоряженіе. Стоитъ только добѣжать до Запорожья; тамъ дадутъ и земли, и луговъ, и скота, и плуговъ. Садись, ори, живи, и, если ты способенъ, начальствуй въ паланкѣ, куренѣ, а не то и въ Сичи. Но могло-ли это гармонировать съ тою задачею русскаго государства, къ которой оно стремилось вѣками? Само собою нѣтъ, и въ этомъ-то состоитъ главная и существенная причина уничтоженія Запорожья. Конечно, къ этому слѣдуетъ прибавить еще и тѣ мелкіе проступки, какъ нападенія на татаръ, донцевъ, какъ грабежи и разоренія, которыми нерѣдко проявляли себя запорожцы. Но это было только поводомъ къ уничтоженію Запорожья, а не причиною, такъ какъ въ тѣ времена никѣмъ и никогда грабежи и разоренія серьезно не считались проступками, а скорѣе удальствомъ и молодечествомъ. Сущность вовсе не въ томъ.

Рѣшивъ покончить съ Сѣчью, Екатерина II однако сдѣлала это не сразу. Первый шагъ къ уничтоженію Запорожья былъ намѣченъ ею уже въ 1764 году, когда она принудила графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго сложить съ себя званіе гетмана Малороссіи. Съ тѣхъ поръ украинскій сепаратизмъ пересталъ пугать императрицу; но для того, чтобы уничтожить

и тѣнь страха, нужно было еще разрушить гнѣздо запорожскихъ козаковъ, Сичу. И вотъ въ 1775 году, 4 іюня, отдано было приказаніе русскимъ войскамъ занять главные мѣста Запорожья. Въ «Манифестѣ о разрушенномъ войскѣ запорожскомъ», изданномъ отъ имени императрицы, насчитывается шесть причинъ, за которыя московское правительство находить нужнымъ разъ навсегда покончить съ запорожцами. «Во-первыхъ. начали они, лѣтъ за десять тому назадъ, да и въ самое новѣйшее время, гораздо далеко простирать свою дерзость, присвоивъ и требуя, наконецъ, себѣ, какъ будто достояніе ихъ собственности, не только всѣхъ тѣхъ земель, которыя нами черезъ послѣднюю войну отъ Порты Оттоманской пріобрѣтены. но даже и занятыхъ селеніями новороссійской губерніи, предъ-являя, будто имъ и тѣ и другія издревле принадлежали... Во-вторыхъ, въ слѣдствіе такого себѣ присвоенія новороссійской губерніи земель, дерзнули они не токмо препятствовать указанному отъ насъ обмежеванію оныхъ, воспрещая посылан-нымъ для онаго офицерамъ явную смертію, но заводитъ и строитъ на нихъ самовластно собственные свои зимовники, а сверхъ того уводитъ еще изъ тамошнихъ жителей и изъ поселенныхъ полковъ, гусарскаго и пикинернаго, мужеска и женска пола людей... Въ-третьихъ, пограбили и разорили они, запорожцы, у однихъ обывателей новороссійской губерніи въ двадцать лѣтъ, а именно съ 1775 года, цѣною на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ-четвертыхъ, не устрашили еще самовластно захватить зимовниками своими пріобрѣтенныя мирнымъ трактатомъ новыя земли между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ, присвоить и подчинить себѣ новопоселяемыхъ тамъ жителей Молдавскаго гусарскаго полку... Въ-пятыхъ, какъ-же они принимали къ себѣ, не смотря на частыя имъ отъ правительствъ нашихъ запрещенія, не однихъ уже прямо въ козаки вступавшихъ бѣглецовъ, но и людей женатыхъ и семейнистыхъ, черезъ разныя обольщенія уговорили къ побѣгу изъ Малороссіи для того только, чтобы себѣ подчинить и завести у себя собствен-

ное хлѣбопашество, въ чемъ довольно уже и предупѣли... Въ-шестыхъ, наконецъ, тѣ-же запорожцы стали распространять своевольныя присвоенія и до земель, издревле принадлежащихъ нашему войску донскому..., дѣлая и симъ донскимъ козакамъ запрещеніе пользоваться оными землями, которыя уже долго-временно въ ихъ обладаніи состоятъ. Всякій, здраво разсуждающій, можетъ тутъ легко проникнуть какъ лукавое намѣреніе запорожскихъ козаковъ, такъ и существенный отъ онаго государству вредъ. Заводя собственное хлѣбопашество, разторгали они тѣмъ самое основаніе зависимости ихъ отъ престола нашего и помышляли, конечно, составить изъ себя, посреди отечества, область совершенно независимую, подъ собственнымъ своимъ нецтовымъ управленіемъ, въ надеждѣ, что склонность къ развратной жизни и къ грабежу будетъ, при внутреннемъ изобиліи, безпрестанно обновлять и умножать ихъ число... И тако, по необходимому уваженію на все вышензраженное, сочли мы себя нынѣ обязанными предъ Богомъ, предъ имперіей нашей и предъ самимъ вообще человѣчествомъ, разрушить Сѣчу запорожскую и имя козаковъ, отъ оной заимствованное. Вслѣдствіе того, 4 іюня, нашимъ генералъ-поручикомъ Текелемъ, со вѣренными отъ насъ ему войсками, занята Сѣчь запорожская въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Возвѣщая нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ поданнымъ все сіи обстоятельства, можемъ мы въ тоже время имъ объявить, что нѣтъ теперь болѣе Сѣчи запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдовательно же и козаковъ сего имени. Мѣсто жилища и угоды тамошнія оставляемъ мы для постоянныхъ и отечеству на равнѣ съ другими полезныхъ жителей» ¹⁾).

Перечисленные шесть причинъ можно свести только къ двумъ—присвоенію и захвату чужой собственности и стремленію создать независимое управленіе. Важнѣйшая изъ этихъ

¹⁾ Ригельманъ. Дѣтопис. повѣств. о Мал. Рос., Москва, 1847 г., ч. IV, стр. 32—34.

причинъ—вторая; первая-же относится къ такимъ причинамъ, безъ которыхъ въ сущности ни запорожское, ни другое какое-либо войско, жившее съ ничтожнымъ жалованьемъ, не существовало и не могло существовать. Оттого правительство до Екатерины II никогда или почти никогда не обращало особеннаго вниманія на «разбой и грабежи» запорожскихъ козаковъ. «Татарина не убить, лиха не пограбить, такъ и не жить» — говорили запорожцы сами себѣ и своимъ сосѣдямъ. Самое слово «воевать» еще въ недавнемъ прошломъ значило жечь, палить и уничтожать. Екатерина II понимала это больше, чѣмъ кто другой, и если она указывала на грабежи запорожцевъ, какъ на причину уничтоженія Сичи, то это только потому, что такія дѣйствія всего нагляднѣе толпѣ, всегда мало понимающей истинныя стремленія своего правительства.

Итакъ, Запорожье должно было окончить свою политическую жизнь. Генералъ Текели исполнилъ возложенное на него порученіе уничтоженія Сичи изумительно быстро. Прибывъ къ корпусу русскихъ войскъ, стоявшему тогда у крѣпости св. Елисаветы, генералъ Текели, отѣхалъ обратно въ Кременчугъ къ князю Прозоровскому, командиру корпуса, и принялъ отъ него начальство надъ войсками. Быстро раздѣливъ войска на отряды, Текели съ главною частью корпуса двинулся прямо на Сичу. Чтобы предупредить слухи о своемъ движеніи, Текели «положилъ скорѣйшій маршъ, и на 4-е число къ Сѣчи прибылъ предъ свѣтомъ». Оставивъ главную силу войскъ въ лагерѣ, недалеко отъ Сичи, Текели съ полковникомъ Яковлевымъ, орловскаго пѣхотнаго полка, и барономъ Розеномъ, полковникомъ небольшой части конницы, двинулся прямо на слободы и укрѣпленія запорожцевъ, «никѣмъ за ихъ сномъ необозримъ, такъ что и часовые при ихъ артиллеріи въ томъ упражненіи были». Оставался незанятымъ только кошъ, при которомъ стояли «не спящіе караулы». Чтобы покончить дѣло безъ кровопролитія, Текели послалъ отъ себя въ кошъ подполковника Мисюрева съ предложеніемъ сдаться. Мисюрева сперва не приняли въ кошъ, но

потомъ, когда узнали, что вся Сича, и вся артиллерія, и всё суда, стоявшія на р. Пидпильной, въ виду Сичи, были уже заняты московскими войсками, рѣшили впустить Мисюрева въ кошъ; послѣ этого самъ кошевой и вся старшина его выѣхали на встрѣчу Текели, оставивъ въ кошѣ трехъ-тысячное козацкое войско; тогда московскія войска заняли кошъ, пороховые погреба, канцелярію, и всё войсковыя принадлежности оцѣпили караулами, а самого кошеваго и всю его старшину арестовали. Такъ доносилъ объ этомъ горестномъ для запорожцевъ событіи самъ генераль Петръ Абрамовичъ Текели, 1775 года, 6 іюня. изъ лагеря при Сичи ¹⁾. Къ этому очевидецъ событія, Коржъ, добавляетъ, что послѣ разрушенія запорожской Сичи донцы, калмыки и москали топорами вырубилъ царскія ворота въ сичевой покровской церкви, вылитыя изъ чистаго серебра, и по-срывали шаты и привѣски съ иконъ ²⁾.

Какая же участь выпала на долю печальныхъ свидѣтелей этой драмы, кошеваго атамана Петра Ивановича Калнишевскаго и его ближайшихъ сподвижниковъ, судьи Павла Головатаго и писаря Ивана Глобы, а вмѣстѣ съ ними и всего войска запорожскаго? Что касается массы запорожскаго войска, то одна часть ея осталась въ предѣлахъ Россіи и составила изъ себя такъ-называемое кубанское козацье войско; другая часть ушла подъ власть турокъ и прожила тамъ до 1828 года, послѣдовательно перемѣнивъ пять Сичей: Устьдунайскую, Банатскую (въ Австріи), Старосейменскую, Котирлезскую и Дунавецкую ³⁾. Что же касается главныхъ начальниковъ запорожскаго войска, то судьба ихъ была болѣе, чѣмъ печальна: всё они были отправлены въ ссылку въ отдаленныя мѣста, гдѣ прожили до самой своей смерти, безъ близкихъ и друзей. Иванъ Яковлевичъ Глоба былъ сосланъ въ Сибирь, въ городъ Туруханскъ,

¹⁾ Записки одес. общ. ист. и древн., т. III, стр. 587.

²⁾ Изустныя преданія Коржа, издан. Стороженка, стр. 152.

³⁾ См. объ этомъ Кондратовича «Задунайская Сѣчь», Кіевск. Старина 1883 г., I—IV.

гдѣ скончался въ мѣстномъ монастырѣ около 1790 года Павель Фроловичъ Головатый былъ отправленъ въ ту-же Сибирь, въ городъ Тобольскъ, гдѣ прожилъ въ Знаменскомъ монастырѣ 20 лѣтъ и скончался на 80 году отъ рожденія. При жизни надъ нимъ учрежденъ былъ двойной надзоръ: военный и монастырскій. «Въ инструкціи, данной архимандриту Ильѣ, сказано между прочимъ, что Головатому запрещается не только посѣщать и принимать постороннихъ людей, но и ходить въ церковь. Въ послѣдствіи времени, по его желанію, разрѣшено было ему посѣщать церковь въ сопровожденіи часоваго солдата. неотлучно при немъ находившагося, но съ тѣмъ, чтобы Головатый стоялъ въ церкви на особомъ отъ народа мѣстѣ, не оглядывался назадъ и по сторонамъ и при входѣ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. На содержаніе его назначено было изъ казны въ годъ по сто рублей ассигнаціями, которые выдавались ему по мѣсячно, въ полученіи-же ихъ, по его безграмотству, расписывались другіе» ¹⁾).

Но тяжелѣе всѣхъ пришлось главному начальнику запорожской Сичи, Петру Иваловичу Калнишевскому. Онъ также отправленъ былъ въ ссылку, но куда именно—до послѣдняго времени не знали. Историкъ «Новой Сѣчи», А. А. Скальковскому, мѣсто ссылки Калнишевскаго совсѣмъ не было извѣстно, и онъ гадательно высказалъ предположеніе, что, послѣ разоренія Сичи. послѣдній кошевой ея отправленъ былъ куда-то на Донъ.

«Ой полети ты, черная галко,
та на Динь рыбы исти;
Та принеси, та принеси, ты черная галко,
отъ Калныша намъ висти!
Та вже жъ мени не литити
на Динь рыбы исти,
Та вже жъ мени не носити
одъ Калныша вамъ висти!» ²⁾.

¹⁾ Киевская Старина, 1887 года, июль, стр. 586.

²⁾ Изъ пѣсень собственного собранія; записано въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губернии, въ д. Богодарѣ.

Но въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтїя П. С. Ефименку удалось напасть на слѣдъ Калнишевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ, о чемъ онъ и сообщилъ своевременно въ «Русской Старинѣ»¹⁾. Съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, что послѣдній кошевой атаманъ, послѣ паденїя Сичи, съ береговъ полуденнаго Днѣпра отправленъ былъ въ краесвѣтную обитель на Соловецкомъ островѣ, гдѣ прожилъ цѣлыхъ 27 лѣтъ, до самаго конца жизни. Весной 1887 года намъ удалось посѣтить Соловецкій монастырь и на мѣстѣ собрать свѣдѣнїя о Петрѣ Ивановичѣ Калнишевскомъ. По указу императрицы Екатерины II, писанному 1776 года, іюня 10 дня, за № 1419, Калнишевскій отправленъ былъ въ ссылку на постоянное жительство въ Соловецкій монастырь. Его сопровождалъ секундъ-майоръ Александръ Пузыревскій, перваго московскаго пѣхотнаго полка, съ однимъ унтеръ-офицеромъ и пятью рядовыми. Путь шелъ черезъ Москву въ Архангельскъ. Арестанта везли подъ строгимъ инкогнито и крѣпкимъ карауломъ, не называя нигдѣ ни его имени, ни фамиліи. Кортель состоялъ изъ девяти подводъ: на трехъ подводахъ помѣщался конвой съ арестантомъ, на четырехъ имуществу отправляемаго въ ссылку. Конвой съ арестантомъ прибылъ 11 іюля въ г. Архангельскъ: здѣсь губернаторъ Головцынъ, замѣнивъ бывшую команду новой, изъ четырехъ человекъ, отправилъ Пузыревскаго вмѣстѣ съ арестантомъ черезъ Бѣлое море въ Соловецкій монастырь. на суднѣ, нанятомъ у купца Воронихина. Судно, два раза садившееся на мель, было повреждено и простояло нѣсколько времени въ устьѣ р. Сѣверной Двины. Уже 29 іюля Калнишевскій прибылъ въ Соловецкій монастырь и представленъ былъ архимандриту его, Досифею. По разсказамъ богомольцевъ, крестьянъ села Ворзогоръ, архангельской губерніи, посѣщавшихъ Соловецкую обитель и нѣсколько разъ слышавшихъ тамъ о кошевомъ, когда его только-что привезли въ Соловки, то онъ казался человекомъ средняго роста, чрезвычайно здоровымъ и

¹⁾ Русская Старина, 1878 годъ, ноябрь, книга XIV.

широкоплечимъ, одѣтъ былъ въ красный кафтанъ. говорилъ «не такъ чисто по-русски», но потомъ сдѣлался худъ и старъ, носилъ сѣдые остѣкшіеся волосы, короткую сѣдую бороду, одѣвался въ китайчатый синій сюртукъ съ маленькими оловянными пуговицами въ два ряда.

Въ монастырѣ такъ-же какъ и въ пути, съ Калнишевскимъ обращались строго. Въ архивѣ монастыря хранятся нѣсколько вѣдомостей о содержащихся колодникахъ, гдѣ противъ каждаго изъ нихъ выставлено, какъ слѣдуетъ обращаться съ арестантомъ. Въ вѣдомости 1780 года, подъ № 14, противъ фамиліи Калнишевскаго записано: «1776 года, іюля 29 дня по указу святѣйшаго правительствующаго синода воисполненіе высочайшей Ея Императорскаго величества на всеподданнѣйшемъ генералъ аншофа военной коллегіи вице президента астраханской (,) азовской і новороссійской губерніи генерала губернатора и кавалера григорья александровича потемкина докладѣ корфирмаціи велѣно бывшаго съчи запорожской кошеваго петра колнишевскаго содержать безвыпускно изъ монастыря і удалить не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ соловецкомъ монастырѣ солдатъ»¹⁾. Эта прописка, съ нѣкоторыми измѣненіями, повторяется во всѣхъ вѣдомостяхъ о содержащихся колодникахъ изъ года въ годъ.

По преданію, помѣщеніе для Калнишевскаго сперва отведено было въ камерѣ Головленковой Архангельской башни, а потомъ въ камерѣ башни Прядиленной. Всѣхъ башенъ въ монастырѣ восемь: Корожня или Флащевая²⁾, Успенская или Оружейная, Прядиленная, Никольская, Квасоваренная, Кухонная, Архангельская и Бѣлая. Изъ нихъ въ пяти башняхъ устроены отдѣльныя камеры для помѣщенія преступниковъ: въ Корожней—одно въ нижнемъ этажѣ, въ Прядиленной—

¹⁾ Полугодовая черновая вѣдомость о монашествующихъ и о содержащихся арестантахъ, № 121.

²⁾ На ней выставляютъ флагъ.

одно въ среднемъ этажѣ, въ Никольской—два, въ амбразурахъ нижняго этажа, въ Архангельской—одно, во-второмъ и третьемъ этажахъ. Всѣ камеры башенъ похожи одна на другую и различаться лишь однимъ размѣромъ. Вотъ устройство камеръ въ двухъ башняхъ, гдѣ сидѣлъ Калнишевскій. Каждая изъ нихъ сдѣлана въ стѣнѣ средняго этажа башни, имѣющей девять аршинъ толщины, съ внутренней стороны. Если пробраться во дворъ монастыря и потомъ войти черезъ широкія ворота въ средній этажъ башни, то тотъ же часъ налѣво можно увидѣть небольшое отверстіе; это и есть камера. Если-же переступить порогъ камеры, то можно увидѣть и самое устройство ея. Она имѣетъ видъ большой печи, сдѣлана аркой. длиною въ четыре съ половиной аршина. шириною въ два съ половиной, высоту въ два съ небольшимъ, безъ точки и безъ оконъ, если не считать оконъ небольшой. сдѣланной въ стѣнѣ, щели, имѣющей высоты 5 вершковъ, ширины 2 вершка ¹⁾). Камера заперлась двумя дверьми: внутренней желѣзной и наружной деревянной. обитой войлокомъ, замыкавшихся огромнымъ двухъ-пудовымъ замкомъ. Если взять во вниманіе то, что стѣна башни, въ которой сдѣлана камера. выходитъ во дворъ, обнесенный кругомъ высокими стѣнами, если взять во вниманіе то, что противъ башни во дворѣ стоитъ старинное зданіе, почти совершенно заслоняющее собой всю стѣну ея. если принять во вниманіе то, что къ самой стѣнѣ башни придѣланъ широкій корридоръ съ очень наклонной деревянной крышей, отъ которой падаетъ мрачная тѣнь на всю нижнюю половину стѣны и если, наконецъ. принять въ расчетъ и то, что стѣна. въ которой устроена щель, имѣетъ толщины аршинъ и три четверти, то можно положительно сказать, что въ камеру за 400 лѣтъ ея существованія никогда не попадалъ ни одинъ лучъ солнца. Не забудемъ еще и того, что на всемъ Соловецкомъ островѣ бы-

¹⁾ Это—камера въ Придвинной башнѣ; камера въ Архангельской башнѣ имѣетъ 5 арш. въ квадратъ, окно 7 вершк. въ квадратъ.

вають не только цѣлые дни, но и цѣлые мѣсяцы, когда люди солнца праведнаго «и въ глаза не видятъ».

Въ этой тюрьмѣ Калнишевскій сидѣлъ около 12 лѣтъ. надзоръ за нимъ до того былъ строгъ, что его не выводили изъ тюрьмы для физическихъ потребностей, отчего долго послѣ него оставался слой нечистотъ, около аршина толщиною. Но около 1788 года Петръ Пвановичъ Калнишевскій былъ переведенъ изъ камеры въ келью, сперва 15-ю, потомъ 14-ю; всѣхъ келій было въ то время 29, и надолго арестанта кошеваго пришлось далеко не послѣднее помѣщеніе. Можетъ быть, переводъ его изъ камеры въ келью состоялся вслѣдствіе того, что онъ жилъ смирно, не причиняя никому безпокойствъ и не имѣя никакихъ мыслей о побѣгѣ. Живя въ камерѣ, а потомъ въ кельѣ, Калнишевскій получалъ содержаніе по 1 рублю въ день, или 365—366 рублей въ годъ. Если взять во вниманіе то, что при существованіи запорожской Сичи кошевой атаманъ получалъ жалованья всего лишь 70 рублей въ годъ, а вся сичевая старшина, кромѣ куренныхъ атамановъ, получала 165 р., и если принять въ соображеніе то, что одинъ рубль прошлаго столѣтія стоилъ чуть ли не больше десяти настоящаго, то положеніе Калнишевскаго покажется болѣе, чѣмъ обезпеченнымъ. Но это объясняется тѣмъ, что деньги, опредѣленные на содержаніе Калнишевскаго, выдавались изъ собственнаго его имѣнія, поступившаго въ секвестръ. Лишенный званія, но не лишенный состоянія, Калнишевскій могъ дѣлать и такіе расходы, какъ расходъ на сооруженіе великолѣпнаго запрестольнаго креста, пожертвованнаго имъ въ соборный храмъ монастыря въ 1794 г. Крестъ въ вышину больше аршина, серебряный, позлащенный съ надписью: «Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Пвановымъ Кошевымъ 1794 года. Вѣсъ тринадцать фунтовъ (,) (48) сорокъ восемь золотниковъ». Лишенный свободы, Калнишевскій, однако, могъ выходить изъ тюрьмы для говѣнья, въ великій и усепенскій постъ. Изъ вѣдомостей о колодникахъ, бывшихъ въ исповѣди, видно, что съ 1777 г. и по 1792 г.

Калнишевскій говѣлъ если не по два раза въ годъ, то непремѣнно одинъ разъ.

При всемъ этомъ положеніе узника не измѣнилось до 1801г., за нимъ по-прежнему наблюдали очень строго; караульные солдаты, слѣдившіе за нимъ, были исключительно великороссы. «Пришли мы въ трапезу,—разсказываетъ очевидецъ крестьянинъ Лукинъ,—передъ обѣдомъ, дожидали монаховъ съ порціей. Приходитъ человѣкъ незнаемый, за карауломъ три солдата съ ружьями, и спрашиваетъ насъ любопытно: «кто царемъ теперь? какъ цари живутъ нынче и какія благополучія на Руси тепереча»? Мы отвѣчали, что царемъ Александра Павловичъ; живутъ по прежнему все, слава Богу, благополучно и хорошо. Онъ бы и больше разспрашивалъ, да солдаты не позволили. «Отъ этого человѣка, говорили они, отойдите прочь, съ этимъ человѣкомъ не приходится говорить вамъ». И монахи тоже запрещали. «Архимандритъ увидитъ, сказывали они, такъ нехорошо вамъ за это будетъ». Архимандритъ пришелъ, и онъ подошелъ къ благословенію. «Древень ты еси, землю пахнешни», сказалъ архимандритъ тому человѣку. И точно, онъ очень древень былъ: тутъ онъ и жизнь кончилъ. Опосля монахи сказывали, что это какой-то кошевой атаманъ»¹⁾).

Въ такомъ положеніи находился Калнишевскій до 1801 года, когда на російскій престолъ возшелъ императоръ Александръ I. Тогда манифестъ императора повелѣвалъ: «всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей, по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ важныхъ преступлений, какъ-то: смертоубійства, разбоя и лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствія свободными»²⁾. Въ числѣ прощенныхъ въ одномъ изъ списковъ, подъ № 28, показанъ и «Петръ Ивановичъ Кал-

¹⁾ Русская Старина, 1875 годъ, т. XIV, стр. 412.

²⁾ Копія съ указа хранится въ монастырскомъ архивѣ.

нишевскій. подольскій шляхтичъ, бывшій запорожскій кошевой атаманъ, въ Соловецкомъ монастырѣ» ¹⁾).

Калнишевскій принялъ вѣсть о своемъ освобожденіи съ величайшею радостью и въ память этого соорудилъ превосходнѣйшее евангеліе, въ серебряной позлащенной оправѣ, вѣсомъ два пуда, двадцать фунтовъ, сдѣлавъ на немъ такую надпись: «Во славу божію устроися святое евангеліе во обитель святаго преображеніе (іа) і преподобныхъ отецъ зосимы и савватія соловецкихъ чудотворцевъ что на море окияне (ѣ) приархимандрите нонѣ и радениемъ и коштомъ бывшаго запорожской съчи кошеваго петра івановича Калнишевскаго 1801 года а всего весу 34 оу 25 зо ²⁾ всеі сумы 2435». Къ этой подписи на застѣжкахъ евангелія прибавлено. «Стараніемъ і трудами: соловецкаго моностира; наместникомъ: іеремонахомъ: веніаминномъ: святое евангеліе: здѣлана: московской третей гильдіе купецъ: серебряныхъ: дель мастеръ: владиміръ: андреевичъ».

Въ настоящее время циркулируетъ между монахами монастыря по поводу освобожденія Калнишевскаго такой слухъ. Императоръ Александръ I, во время посѣщенія Соловецкаго монастыря, увидѣвъ въ тюрьму, въ которой содержался Калнишевскій, пришелъ отъ нея въ ужасъ и потомъ, желая облагодѣтельствовать невиннаго страдальца, спросилъ его, какой ему надо награды за всѣ понесенныя имъ страданія: «Ничего мнѣ, государь, не надо, кромѣ одного: вели построить острогъ для подобныхъ мнѣ страдальцевъ, чтобы они не томились въ такихъ же заключеніяхъ, въ какомъ томился я». И государь приказалъ построить острогъ. Но этотъ слухъ, какъ слухъ, не оправдывается уже тѣмъ, что острогъ построенъ за три года до вступленія Александра I на престолъ (въ 1798 году), какъ это видно изъ соловецкаго лѣтописца ³⁾. Ходитъ также слухъ, что, когда Калнишевскаго освободили изъ тюрьмы, то онъ оказался уже

¹⁾ Полное собраніе законовъ, т. XXVI, № 19, 784.

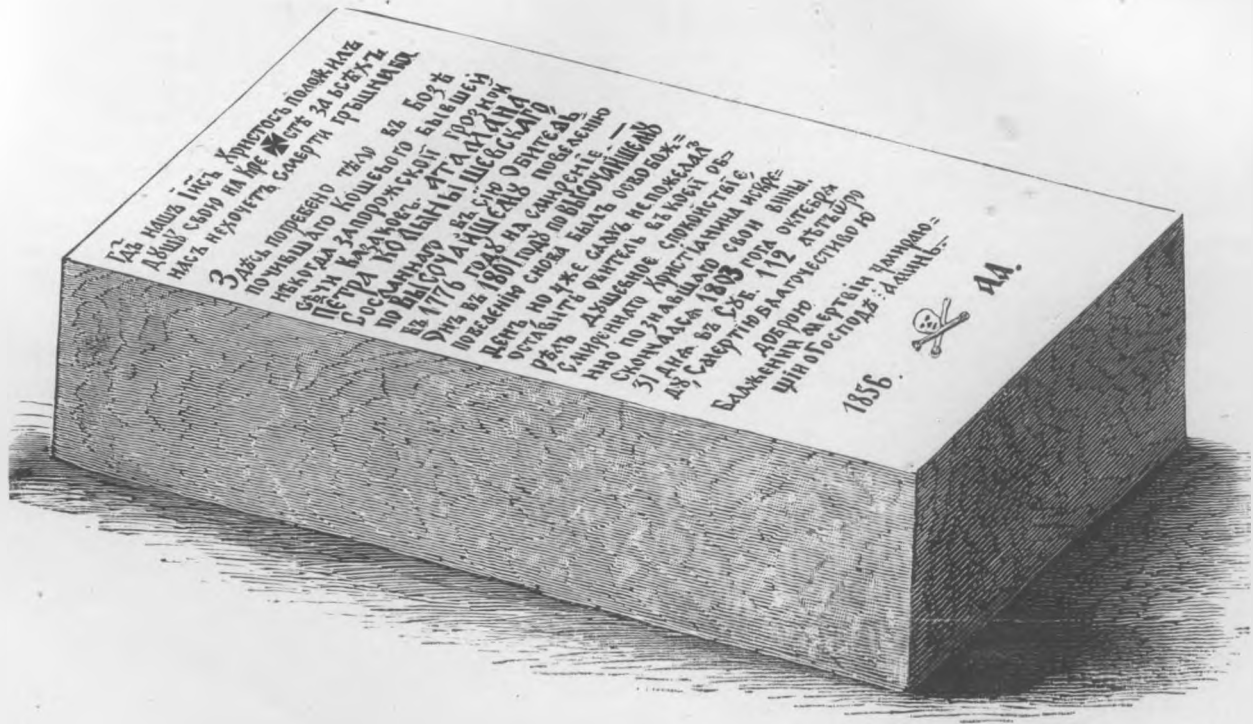
²⁾ Безъ бумаги, дерева и бархата.

³⁾ Лѣтописецъ соловецкій. Москва, 1883 годъ.

сдѣльнымъ. Это возможно, но вопросъ отчего: отъ темнаго ли помѣщенія или отъ старости? Нужно сказать, что по освобожденіи изъ тюрьмы Калнишевскій былъ уже въ довольно преклонномъ возрастѣ, около ста лѣтъ отъ роду. Такъ или иначе, но получивъ свободу, Калнишевскій уже не пожелалъ оставить Соловецкой обители, сдѣлаясь простымъ послушникомъ и, проживъ два года на свободѣ, скончался. Умершаго похоронили на самомъ лучшемъ мѣстѣ монастыря, во дворѣ, близъ алтара соборнаго храма св. Преображенія, съ южной стороны, съ одной стороны близъ могилы архимандрита Феодорита, съ другой, близъ могилы знаменитаго дѣятели въ смутную эпоху, Авраамія Палицына. Спустя 53 года послѣ смерти Петра Ивановича Калнишевскаго, надъ его прахомъ сооружена была плита архимандритомъ Александромъ Павловичемъ, впоследствии полтавскимъ епископомъ, со слѣдующею надписью: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ не хотеть смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной сѣчи козаковъ. Атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повеленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю. Блажени мертвіи умирающіи о Господи: Аминь. 1856 А. А...» (См. табл. XXXIII). Но точно ли Петръ Ивановичъ Калнишевскій умеръ 112 лѣтъ отъ роду? Намъ кажется, приводимое показаніе нѣсколько сомнительнымъ въ виду того, что въ самыхъ исповѣдныхъ росписяхъ противъ имени Калнишевскаго число лѣтъ его нигдѣ не показано, тогда какъ число лѣтъ другихъ арестантовъ вездѣ точно опредѣлено. Очевидно отсюда, что и самъ кошевой не зналъ числа своихъ лѣтъ. Въ противномъ случаѣ монахъ, ведшій исповѣдныя росписи и обязанный

заносить лѣта всѣхъ арестантовъ, зналъ бы и число лѣтъ Калнишевскаго. Что же касается намогильной эпитафiи, то она сочинена пятьдесятъ три года послѣ смерти Калнишевскаго, и числовая дата въ ней показана. нужно думать, по преданiю. И въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы 85 лѣтнiй старецъ управлялъ вольною ватагою запорожскихъ козаковъ. Но такъ или иначе, а событiе совершилось: началось на Днѣпрѣ, кончилось на Бѣломъ морѣ.

Свята брама одчиньлась,
Козака впустили;
И зновъ брама зачиньлась,
На вкѣ зачиньлась
Козакови...



Гав. Иаковъ Ангъ Христовъ повоинне
 двину сарду на крѣ. Ж. стѣ за бсѣхъ
 насъ нехочу съ смерти грѣшныи
 Завѣ. поревено телу въ боу въ
 почившато Кошевого П. И. Калнишевскаго
 нехочу запоружскогъ Бывешей
 Петра Кошениы Атаману
 по вѣдннчаръ въ 1776
 въ 1776 году на сандарскѣ
 дѣлѣ въ 1801 году по вѣдннчару
 повелѣнн слова была оубѣжденно
 рабѣ. Но уже славѣ оубѣжденно
 оставитъ оубѣдѣ. —
 Самореннко Христовъ иже
 нно по знавшато своимъ
 Скочнааса 1808 года оубѣдѣ
 А.А. въ С.С. 112 оубѣдѣ
 ду. Смертннвалотчестнво ю
 Владнннвалотчестнво ю
 допрото
 Шнобостнодѣ. А.А.

1856



44.

Ч. II. Рис. 33.

Плита кошеваго П. И. Калнишевскаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Та ще не свить, та ще ни свить, та ще не свитае,
А вже жь москаль Запорожье та кругомъ облягае.
Ой облягше Запорожье, ставъ степь межувати,
Ой ставъ города, паньски слабоды поричкахъ сажати...
Наступала чорна хмара, настала ще й сива:
Була Польща, була Польща тай стала Россія.

Народная пѣсня.

Было ровно два часа дня, когда я, послѣ долгихъ переѣздовъ отъ города къ городу, отъ села къ селу, приблизился наконецъ къ мѣстечку Покровскому, гдѣ нѣкогда была такъ называемая Новая, по времени послѣдняя, Сича на р. Пидпильной. Солнце пекло страшно. Я подъѣзжалъ къ Покровскому съ сѣверной стороны, и потому оно представилось мнѣ во всемъ видѣ, какъ на ладони. Покровское расположено по правому берегу р. Пидпильной¹⁾; съ юга оно окаймлено лѣсомъ, идущимъ на безконечное пространство въ длину и верстъ на двадцать-пять въ ширину; съ запада частью охватывается рѣкой Пидпильной, частью переходитъ въ открытую степень, съ востока граничитъ съ экономическимъ полемъ, а съ сѣвера замыкается широкимъ и довольно возвышеннымъ выгономъ, имѣющимъ видъ склона или подошвы небольшой горы, постепенно спускающейся къ правому берегу рѣки Пидпильной. Самое село

¹⁾ Слово «Пидпильня» производять отъ слова «пидпилевать», потому что она своимъ теченіемъ подпильваетъ собственный правый берегъ.

сидить на низкомъ спускѣ выгона. Въ исторіи Новой Сичи мѣсто выгона достопримѣчательно тѣмъ, что на немъ въ 1775 году рѣшена была участь политическаго бытія Запорожья. Генераль Текели, получившій высочайшее повелѣніе атаковать запорожскую Сичу, исполнилъ приказаніе въ точности: онъ внезапно явился у Сичи, выстроилъ главную часть своихъ полковъ на теперешнемъ выгонѣ села. Это мѣсто, дѣйствительно, весьма удобно для стратегическихъ дѣйствій.

Окинувши взоромъ все это пространство и вдоволь налюбовавшись прекраснымъ видомъ, открывающимся отсюда на всѣ четыре стороны, я спустился ниже, къ самому селу, представшему передо мной во всей его прелести, съ каменною заново побѣленною пятиглавою церковью и обширными зеленѣющими садами. Уже возлѣ первой хаты села я увидѣлъ большой песчанниковый крестъ и выкопанную около него яму.

— Что это такое?

— Да это запорожское кладбище!

Я остановился и приблизился къ кресту. Съ восточной стороны на крестъ сдѣлано было обыкновенное изображеніе, распятіе Христа, а съ западной выбиты слѣдующія слова: «Зде опочиваетъ рабъ божій Іоанъ каписъ куреня сергиевскаго атаманъ и преставися 1779 года мѣсяца декабря дни». (См. табл. XXXIV). Яма, вырытая у креста, была дѣломъ рукъ искателей кладовъ. «У насъ на этотъ счетъ, — рассказывалъ крестьянинъ Кондратъ Голубъ, — это дѣло обыкновенное. Вотъ стоитъ крестъ; подъ нимъ насыпь; стоитъ онъ иногда много лѣтъ и никто его не трогаетъ, но вдругъ кто-нибудь прослышитъ, что подъ этимъ крестомъ зарытъ кладъ. Тогда онъ дождется самой темной ночи, возьметъ заступъ, идетъ къ завѣтному мѣсту и роетъ на немъ землю. Случается, что и находятъ что-нибудь, но больше уходитъ ни съ чѣмъ. Только по утру люди смотрятъ, а у креста яма, и возлѣ нея насыпана свѣжая земля... Случалось и мнѣ пробовать это, когда я былъ парубкомъ. Однажды отправился я съ двумя товарищами



Ч II. Рис 31.

Намогильный крестъ атамана Каписа.

на поиски. Начали рыть. Я копаю, а они стерегутъ, чтобы кто-нибудь не подсмотрѣлъ. Уже выкопалъ я глубокую яму; спускаюсь въ нее. Страшно... Я дѣлаю крестное знаменіе и снова принимаюсь за дѣло. Копнулъ разъ, копнулъ два, копнулъ и три. Вдругъ слышу что-то какъ-будто зазвенѣло. «Хлопцы, кладъ»! — «А, ну, подавай его сюда»! Я выбросилъ. И что-же? Большой человѣческой черепъ! Смѣху было послѣ того»...

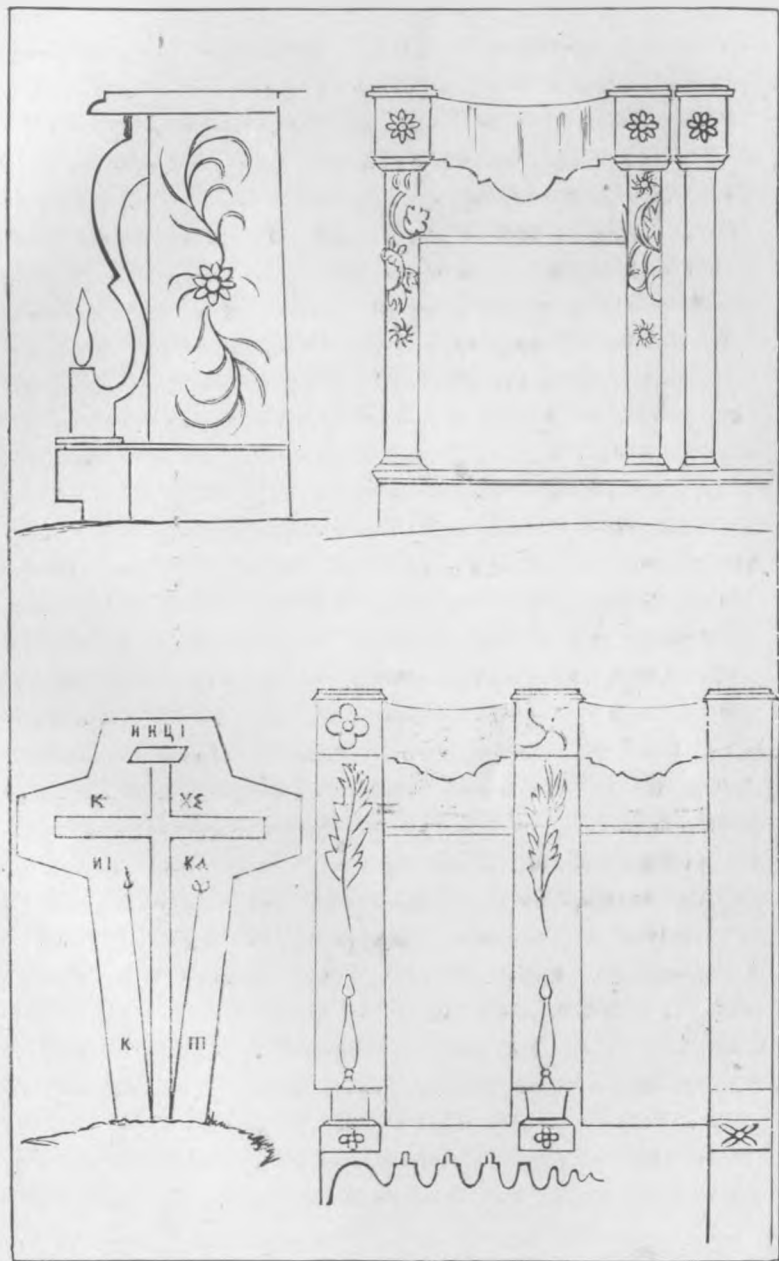
По рассказамъ старожиловъ, запорожское кладбище занимало довольно большое пространство: по крайней мѣрѣ, 300 сажень. На немъ стояло еще въ недавнее время нѣсколько намогильныхъ крестовъ съ надписями, теперь уже разобранныхъ экономіей для фундаментовъ подъ дома и магазины. Уцѣлѣло только четыре креста съ надписями: «Зде опочиваетъ рабъ божій данило борісенко к: с: п. лі. вского бывшего андро. року 1729 мѣсяца марта 4 дня». «Зде опочиваетъ рабъ божій иванъ чапля знатный товарищъ куреня поповичевского (,) преставися за атамана максима кулька. 1728 года сентября 4». «Зде поставленні (ый) крестъ благородия его пана стефана атамана бывшего кошового (,) куреня уманского но онъ положен ест по церквою пресвятія богородици преста(вися) в ро (року) 1747 у маю дня 13». (См. табл. XXXV). Последняя надпись гласить о томъ, что подъ крестомъ лежитъ прахъ кошеваго атамана Стефана Гладкаго, отца Даніила Гладкаго, также кошеваго атамана.

Кромѣ намогильныхъ крестовъ, въ селѣ Покровскомъ сохранилось довольно много остатковъ запорожской старины. Таковы прежде всего четыре сволока съ надписями, уцѣлѣвшіе еще отъ прошлаго столѣтія отъ запорожскихъ хатъ. У крестьянина Корнія Забары: «Благословеніемъ отца и поспѣшествомъ сына и совещеніемъ святаго духа создася сей курѣнь васюрынского войска васюринскимъ обществомъ за атамана антона Головка 1710 году мая 24 дня». Сволокъ былъ протянуть черезъ весь курень, но теперь урѣзанъ и имѣетъ всего лишь 9

аршинъ. У крестьянина Клина Широковского (по уличному Абдулы): «Божіи (мъ): изволеніемъ і помощьюъ создася домъ сей а стараніемъ якими игнатовъ товариша куреня вѣшестеблѣвѣвского 1746 года мѣсяца іюня 9». Вся хата была рублена изъ осокоря, вербы и дуба, теперь отъ нея сохранились только верхніе вѣнцы. У крестьянина Митрофана Чернаго (по уличному Папуши). «Благословеніемъ отца: изволеніе: сіна и содѣйствіемъ святаго духа аминь: создася домъ сей а коштомъ пана васілія григоріевича знатного товариша куреня менского 1747 года: мѣсяца августа 13». Хата стояла близъ запорожской церкви; въ ней, по разсказамъ дидовъ, запорожцы держали совѣты. У священника Георгія Ващинскаго. «Благословеніемъ отца и изволеніемъ сына и совершеніемъ святаго Духа создася домъ сей рабомъ божіимъ григоріемъ комишаномъ 1765 году мѣсяца мая 10». Кромѣ сволоковъ въ огородѣ крестьянина Андрея Лойка стоитъ памятникъ, устроенный на мѣстѣ бывшей запорожской церкви, съ надписью: «Сеі крестъ поставлен на (надъ) престоломъ покрови пресвятыя бгоматере: стараніемъ гуріемъ (—рія) булгарь (—омъ) 1835 го.»¹⁾ Въ самой экономіи села Покровскаго (великаго князя Михаила Николаевича), на чердакѣ амбара, хранится желѣзный крестъ, стоявшій нѣкогда на сичевой запорожской церкви; онъ выкованъ изъ желѣза, работы весьма простой, но съ тѣмъ вмѣстѣ и довольно излишней; высоты три аршина безъ вершка; тамъ же въ экономіи, у помощника управляющаго М. С. Моздалевскаго, есть серебряная медаль, въ видѣ треугольника, съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица Екатерины II, а съ другой съ надписью: «Заключенъ миръ съ портою 10 іюля 1774 года». Эти медали раздавало русское правительство запорожцамъ за участіе ихъ въ русско-турецкой войнѣ 1773 и 1774 годовъ.

Но еще больше того хранится запорожскихъ древностей въ церкви села Покровскаго. Вотъ они: антиминь, дарованный въ

¹⁾ Гурій Булгарь—крестьянинъ с. Марьянскаго, херсонскаго уѣзда.



Ч. II. Рис 35.

Намогильный крест кошеваго С. Гладкаго и запорожскія бокуны.

запорожскую церковь въ 1754 году кievскимъ митрополитомъ Тимошеемъ Щербацкимъ, при кошевомъ атаманѣ Якимѣ Игнатовичѣ. Двѣ чаши. одна оловянная, другая серебряная съ надписью: «Сія чаша зделана коштомъ за упокой андрея белоуса (.) а заздравле жены его (.) стараніемъ же священника дроботова июня 5 дня 1758 года». Крестъ напрестольный, рѣзной въ серебряной оправѣ. Икона Покрова Богоматери, въ серебряной позлащенной шатѣ съ двумя лѣпными херувимчиками вверху. Икона Саввы освященнаго, деревянная, съ надписью: «Сію икону отмѣнивъ до храма пресвятой богородицы козаць куреня тимошевскаго». Икона Андрея Первозваннаго съ надписью: «Сію икону отмѣнилъ рабъ божій андрей бабка (.) баштовый староста». Икона Распятія и Богоматери съ надписью: «Изображенія чудотворныя іконы пресвятыя богоматере ахтирскія, которая видомъ явилась 1732 году мѣсяца іюля 13 дня. Сооружены шатки сіи рабомъ божимъ петромъ и давидомъ богородична и спасителева до храму покрови». Икона на холстѣ, со множествомъ ликовъ, съ надписью: «Сію икону отмѣнилъ куреня бруховецкаго атаманъ василь шило 1769 года іюля 10 дня». Икона родословія Спасителя съ тремя отцами церкви, изображенными безъ бороды и усовъ ¹⁾. Двѣ ризы. одна зеленого бархата съ шитымъ плечьемъ, съ изображеніемъ Богоматери Спасителя, апостоловъ и евангелистовъ, а другая—малиноваго бархата съ изображеніемъ Богоматери и ветхозавѣтныхъ патріарховъ. Два епитрахія зеленого бархата съ разными ликами. Двѣ хоругви, зеленого цвѣта, на высокихъ древкахъ, съ изображеніями. Евангеліе, безъ обозначенія года, въ простомъ коленкоромъ переплетѣ съ надписью: «Лавры кievопечерскія Архимандритъ романъ Копа, высокоочтенному Его милости Пану Іоанну Малашевичу войска запорожскаго низоваго Кошовому сію страданій христовыхъ евангельскую

¹⁾ Всѣ эти иконы находятся въ алтарѣ, кромѣ двухъ послѣднихъ, которыя помѣщены въ передней части храма.

помощью шарнировъ, дощечку. Последняя можетъ, въ случаѣ надобности, откидаться назадъ, и тогда молящійся можетъ вновь стать. (См. табл. XXXV). Паникадило, висящее среди церкви, изъ тонкой бѣлой жести съ стеклянными шарами, въ которые вставлены разные крестики рѣзной работы; куполь съ жертвенника, бывшаго въ алтарѣ сичевой церкви, высоты безъ четверти сажень, сдѣланный въ два яруса, съ девятью фальшивыми окнами, соснового дерева, обитый холстиной и по холстинѣ покрашенный бѣлой краской и обитый рѣзбой; гробница или сундукъ для положенія плащаницы, изъ соснового дерева съ рѣзбой, обитый холстиной, раскрашенный зеленой краской, съ изображеніемъ разныхъ ликовъ; аналой, высоты аршинъ съ четвертью, покрашенный ярко-зеленой краской, съ рѣзбой и со вставленной на немъ иконой, на которой представлена Богоматерь съ покровомъ, держащая подъ нимъ нѣсколько фигуръ: на первомъ планѣ царя Іоанна и царевну Софью, архіереевъ и монаховъ, а на второмъ — запорожцевъ; послѣдніе представлены безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ видныя чубы. (См. табл. XXXVI); наконецъ, весь иконостасъ, хранящійся на хорахъ церкви со множествомъ иконъ прекрасной греческой работы, отличающейся необыкновенною натуральностью; тутъ-же, вмѣстѣ съ иконостасомъ, хранятся фонари, затянутые слюдой вмѣсто стекла, оловянные тарелки, кадила, орлецы, хоругви, божицы, деревянные лопатки съ наклеенной на нихъ ектеніей, ставники, кресты, ноты съ надписью: «О тебѣ радуется благодатная тварь...», и наконецъ запорожское войсковое знамя, сдѣланное на холстѣ ¹⁾. Кромѣ перечисленныхъ остатковъ запорожской старины, сохранившихся на мѣстѣ бывшей Новой Сичи, уцѣлѣли еще земляныя укрѣпленія въ видѣ рововъ и высокихъ, больше двухъ сажень, валовъ. (См. пл. VII). Общая схема этихъ укрѣпленій, съ вѣшной стороны, заключаетъ въ себѣ всего лишь три линіи: съ

¹⁾ Приобрѣтено В. В. Тарновскимъ.

восточной стороны, по направлению отъ сѣвера къ югу, встрѣчно Пидпильной, идетъ наклонная линия сто сажень длины; съ сѣверной окраины, по направлению отъ сѣверо-востока къ юго-западу идетъ неправильная ломанная линия, подь тупымъ угломъ, на протяженіи двухъ-сотъ двадцати сажень; съ западной стороны, по направлению отъ сѣвера къ югу, подь прямымъ угломъ, идетъ совершенно правильная линия на протяженіи семидесяти сажень до самой р. Пидпильной. Основаніемъ для этой фигуры укрѣпленій, съ южной стороны, служитъ сама р. Пидпильна. Таковъ видъ укрѣпленій извнѣ; къ этому нужно добавить лишь то, что на сѣверной линіи его сохранились еще три редуты и широкія ворота, ведшія во внѣшній кошь, а у юго-западнаго конца, уже за рѣчкой Пидпильной, уцѣлѣло такъ-называемое городище, имѣющее видъ совершенно отдѣльнаго укрѣпленія изъ четырехъ канавъ ¹⁾: съ запада въ семьдесятъ четыре сажени, съ востока въ сто-тридцать сажень, съ сѣвера восемьдесятъ и съ юга въ сорокъ глубины до трехъ сажень каждая. Въ послѣднемъ укрѣпленіи, «городищѣ», по рассказамъ стариковъ, у запорожцевъ стояли хаты, погреба, тутъ-же они хоронили своихъ покойниковъ. Сообщение изъ Сичи черезъ Пидпильну съ городище не представляло тогда никакихъ затрудненій, такъ какъ въ то время рѣчка была настолько мелка, что ее переходили въ бродъ. Въ настоящее время это городище представляетъ изъ себя ровную-ровную, какъ будто утрамбованную или выбитую цѣпами площадь, въ самой серединѣ которой стоитъ вѣковая развѣсистая груша, а съ трехъ сторонъ—южной, западной и восточной, высятся громаднѣйшія вербы и еще громаднѣе осокори, между которыми переплелся непролазныи терновникъ. Внутри укрѣпленій, съ восточной стороны, по направлению отъ сѣвера къ востоку, идетъ еще одинъ ровъ, въ видѣ наклонной линіи, на протяженіи семидесяти-четыреехъ сажень, прямо къ р. Пидпильной, а въ серединѣ укрѣпленій, у праваго берега рѣки, видны

¹⁾ По мѣстному «пъзъ чотырехъ бокаивъ».

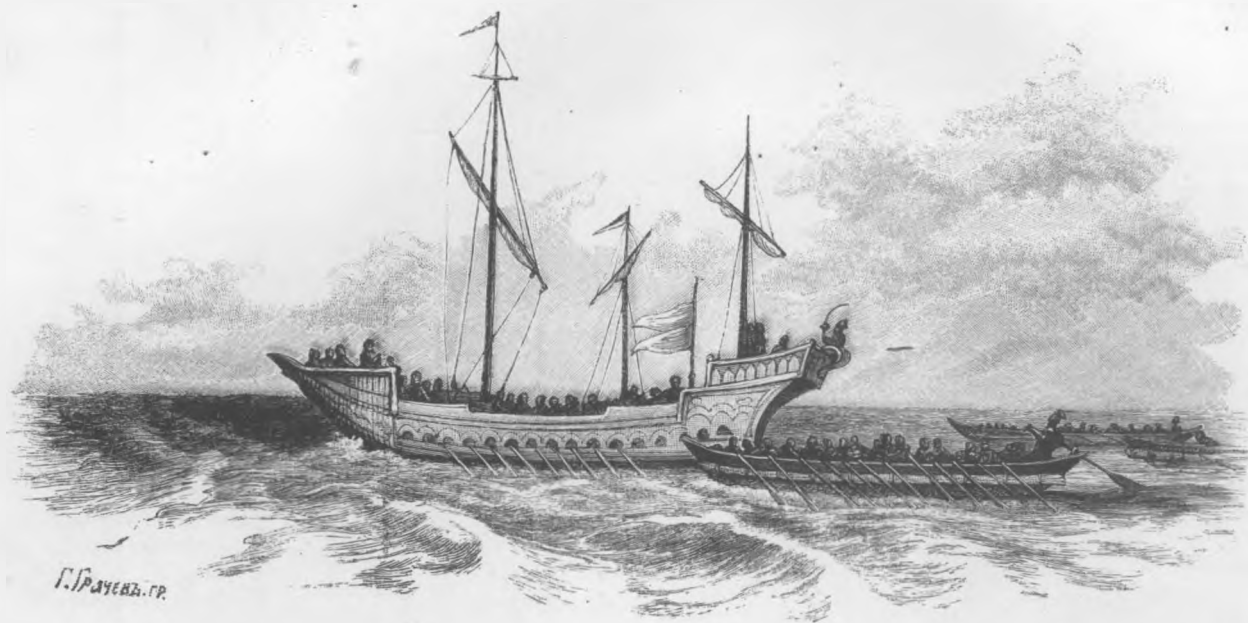
Долго я не могъ понять, отчего это происходитъ; наконецъ, однажды я сталъ копать землю въ палисадникѣ и тутъ подъ первымъ слоемъ ея увидѣлъ множество человѣческихъ костей и между ними страшную массу лягушекъ, я былъ просто пораженъ этимъ, но тотъ-же часъ понялъ, отчего не принимались у меня деревья. Удаливъ кости и очистивъ мѣсто отъ лягушекъ, я вновь насадилъ нѣсколько деревцевъ, и съ тѣхъ поръ они растутъ превосходно».

Кромѣ череповъ и костей, на мѣстѣ бывшей Сичи находятъ множество разныхъ вещей: пистолеты, кинжалы, ножи, сабли, ружья, пушки, ядра, пули, куски свинцу, круги дроту, кувшины, кафли, казаны, графины, чугуны, бутылки, штофы, кольца, перетни ¹⁾, тарелки, кубки, цѣлыя бочки смолы ²⁾, слои углей, склады сухарей, кучи пшеницы, гудзыки или пуговицы, пряжки, бубенцы, мониста на дроту, деньги, трубки-носогрійки или зюльки-буруньки (отъ турецкаго «бурунь» — носъ), разрисованныя разными «фигурами» и окрашенныя разными красками. Много разъ и намъ случалось находить здѣсь разныя вещи, но изъ множества ихъ всего любопытнѣе была находка двухъ запорожскихъ чаекъ или лодокъ, затопленныхъ въ р. Скарбной. Одна изъ этихъ лодокъ стояла поперекъ рѣки и имѣла около шести сажень длины и трехъ ширины, съ палубой, сосновыми кокорами и дубовымъ дномъ изъ одной доски; другая, меньшая по размѣрамъ, привязана была къ первой, съ кокорами изъ пяти сосновыхъ досокъ и съ дубовымъ дномъ изъ цѣльной доски; обѣ плоскодонныя. Къ моему большому сожалѣнiю, вытащить эти лодки изъ воды не было возможно, такъ какъ это требовало значительныхъ расходовъ.

Въ новой Сичи произведена была мной и раскопка запорожскихъ могилъ, но только въ послѣдней, седьмой по счету, находившейся въ огородѣ крестьянина Семена Мирошниченка,

¹⁾ Изъ завитковъ, на весь палець.

²⁾ Въ пристани.



Ч. II. Рис. 37.

Запорожскія галеры и чайки по Ровинскому и Боплану.

открыты были интересные находки. На могилѣ стоялъ небольшо-
шой песчаниковый крестъ съ надписью: «Рабъ божій Иоаннъ...
титаровскаго куреня». Углубившись въ могилу на одну са-
жень, я нашель въ ней сосновый гробъ, длины одиннадцать
съ половиной четвертей, а въ гробу открылъ совершенно со-
хранившійся скелеть запорожца, съ чубомъ на головѣ, три
раза обмотаннымъ близъ того мѣста, гдѣ было лѣвое ухо, съ
длинными рыжими усами на верхней полости зубовъ, съ су-
конной шапкой изъ барашковой околицы. въ четыре пальца
ширины, и темнаго вершка полторы четверти высоты. съ мѣдными,
внутри пустыми, на шелковыхъ шнуркахъ, пуговицами, съ шале-
вымъ зеленымъ поясомъ и съ двумя монетами въ карманѣ, одной
русской, мѣдной, другой серебряной, турецкой. Русская монета,
полушка, помѣчена 1731 годомъ. Во второй могилѣ, находившейся
во дворѣ священника Барышпольскаго, я нашель другой скелеть
запорожца, еще лучше сохранившійся, чѣмъ скелеть въ мо-
гилѣ Семѣна Мирошниченка, но онъ имѣлъ всего лишь одну
монету времянь Екатерины II, 1763 года, и одѣтъ былъ не
въ кафтанъ, а въ простой кожанокъ. Въ остальныхъ могилахъ,
кромѣ скелетовъ и иногда мѣдныхъ пуговиць, я ничего не на-
ходилъ. Пробоваль еще разрыть редуту, находящуюся въ
огородѣ кр. Петра Балыхина. и разрылъ въ длину пять саж.,
въ ширину двѣ съ половиной, но кромѣ пулъ и ядеръ, ничего
въ ней не нашель.

Изъ всѣхъ старожиловъ села Покровскаго только три:
Андрей Балыхинъ, Савва Самардакъ и въ особенности Иванъ
Чавунный, разсказываютъ кое-что о запорожцахъ. Послѣдній
былъ запорожскаго «заповиту». «Окримъ оцѣго дидя, Ча-
вунного, тутъ и нема другого изъ запорожскаго кодла: его дидь
изъ запорожцивъ; винъ бувъ за Дунаемъ, та знову вер-
нувсь. Якъ пала Сича, такъ тутъ зоставалось ше два чоло-
вика изъ запорожцивъ: Вылькодворецъ и Пискунъ; вони жили,
бидолахи, у вербовыхъ дуплахъ, на плавни. Инколи выйдуть

було изъ плавни, выпросють собі хлиба на сели та вп'ять и подадутця у плавни. Тамъ десь и повмирали, тамъ десь и кисточки ихъ погнили».

— А чого жъ ти запорожци позаставились тутъ?

— Суму запорожську берегли. Ту суму, що було зибрали на церкву. Чули, якъ воно було?

— Ни, не чувъ.

— Якъ не чули, то я вамъ розскажу. Збирае, значить, якось кошовый отаманъ своихъ козакивъ на раду. Ударили въ бубень, позиходились, постановились на майдани, ждуть. «А на-шо я васъ, добри-молодци, зибравъ»?— «А на-що, батьку»? Тоди казали усе «батьку» тай годи, це вже теперъ хто якого чину заслуже, то такъ его и звуть, а тоди «батьку» тай бильшь ничего,—простійшь вымовляти.— «А на-що, батьку»? «Можете вы прожити чотыри годы безъ жалування»?— «Можемо, батьку, можемо!»— «Можете»?— «Можемо!»— «Ну такъ видайте ваше жалування мини. А чи знаете на-що»?— «Ни, батьку, не знаемо!» «Хочу построи на Сичи монастырь та такой, щобъ вкь бувъ найкращий надъ усихъ монастыривъ и на всимъ свити. А чи гараздъ, паны-молодци»?— «Гараздъ, батьку, дуже гараздъ!» Ото й почали вони гроши собирати; зибрали велику суму; ото почали було й строи монастырь, коли це выйшовъ видъ царыци такой листъ, щобъ зигнати запорожчивъ геть звидцили. Прислано, скилько тамъ сотъ, и москаливъ на Сичу. Тоди запорожци бачуть, шо лихо, давай тикати. Тилько трудно було имъ пиднятись зъ гришми. Шо зъ ними робити? «Давай ихъ закопаемъ!»— «Давай!» Отъ и давай ихъ закопувати, та отуть, де теперъ у насъ икономычицькый садъ, и закопали, а двомъ запорожцямъ, Вилькодворцєви та Пискунови, приказали глядити ту суму. Уже давно повмирали и той кошовый, и ти запорожци, и ти сторожи, а гроши и теперъ десь лежать; я й самъ бачивъ, якъ вони перечищались, годъ десять тому назадъ, пидъ Риздво: такъ и горять, такъ и го-

рять: уперше. якъ свичка, удруге, якъ валокъ сина, а утрете, якъ поломья зъ высокою шапкою зверху.

— Такъ, значить, у запорожцивъ монастыря и не було?

— Такъ и не було!

— А церква жъ була?

— Церква була, и дзвиниця коло неи була. Дзвиницю ше й мы бачили, бо ии усёго годъ тридцать, якъ приняли; висока—высока була, а зверху зализный хрестъ. Бачили мы и канистасъ, той, шо въ запорожеской церкви стоявъ; винъ тежъ высокій — высокій бувъ, ажъ пидъ самый кунпулъ. Якійсь-то архырей хотивъ пидновить той канистасъ, такъ майстры дуже дорго брали.

— Ну, а грошій тихъ, шо въ саду закопали, вы не шукали?

— Де вже не шукалы? Шукалы! Разъ я оравъ коло саду. Орю соби тай байдуже, коли це зиркъ, ажъ передо мною пъя такъ, старинный пъятакъ, а на нему ше й кинь вылытый. Стой! Выпрягъ я воливъ та й давай копать чересломъ землю; рывъ—рывъ чересломъ, тоди давай сокирою рубати; рубавъ—рубавъ та ажъ до самисенького вечера догаявъ; така думка, шо ось выкопаю, клада, такъ де тоби? Сияъ грошъ въ найшовъ та съ тимъ и пишовъ.

Вотъ и все, что нашель я на мѣстѣ послѣдней запорожской Сичи, въ теперешнемъ селѣ Покровскомъ, екатеринославской губернии и уѣзда. Самое село возникло уже послѣ паденія Сичи въ 1775 году и заселено было разными выходцами изъ старой Малороссіи. Въ 1777 году, по распоряженію новороссійскаго губернатора, Матвея Васильевича Муромцева, Покровское названо городомъ Покровскомъ и къ нему определено «Славянское духовное правленіе». Но такое значеніе Покровское сохраняло за собой недолго: подъ конецъ того-же года оно именуется уже не городомъ, а только мѣстечкомъ; съ 1784 года оно остановится слободой; въ настоящее же время Покровское именуется то мѣстечкомъ, то селомъ. Послѣ паденія Сичи всѣ угодья, находившіяся близъ нея, пожалованы

были императрицей Екатериной II князю Вяземскому, отъ князя Вяземскаго они перешли къ барону Штиглицу, а отъ барона Штиглица—къ великому князю Михаилу Николаевичу.

Солнце давно поворотило за полдень, когда я выѣхалъ изъ села Покровскаго. Я ѣхалъ медленно, какъ бы не желая разстаться съ прекрасною мѣстностью села. Голова моя работала, мысли ронлись толпой, переносясь отъ настоящаго къ давно минувшимъ, но завѣтнымъ днямъ запорожскаго козачества. Еще въ раннемъ дѣтствѣ стиралъ я страстью видѣть святое для меня мѣсто Сичи запорожскихъ козаковъ. Теперь я видѣлъ его, теперь я измѣрилъ, исходилъ, истопталъ ногами его... Такъ вотъ она та Сичь-мате, Сичь славныхъ низовыхъ рыцарей, Сичь грозныхъ запорожскихъ козаковъ! Такъ вотъ та всеобъемлющая колыбель, орлиное гнѣздо, львиное логовище! Вотъ та запорожская Сича, которая спасла Россію, Польшу, Литву и сосѣднія съ ними страны отъ страшнаго наплыва турокъ, поглотившихъ всю византійскую имперію, обезличившихъ многія славянскія государства, грозившихъ перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, раздавить, уничтожить и даже стереть съ лица земли всѣхъ ея обитателей христіанъ! Вотъ та Сича, которая расшатала, осилила и окончательно добила то дикое, кровавадное и свирѣбое племя, которое именовалось крымской ордой, ногайскимъ улусомъ, и которое долго и какъ Дамокловъ мечъ тяготѣло надъ нашей многострадальной Украиной! Вотъ та Сича, откуда вылетали такіе стоглавыя орлы, какъ Сашко Туровець и Самійшло Кушка; такіе крѣпкіе духомъ и умомъ сильные волей и рыцарскими доблестями, какъ безсмертный Петро Конашевичъ Сагайдачный и достопамятный Дмитро Байда-Вишневецкій; такіе мощные богатыри, какъ Ясько Сулима и Иванъ Лутай; какъ отважный неустрашимый, гроза турокъ, слава запорожцевъ, Иванъ Сирко; такіе завзятые, никѣмъ недонятые, какъ Иванъ Стягаило, Филонъ Лихошой, Денись Кривоносъ и Петро Сорочинскій; такіе закаленные и никѣмъ непобѣжденные, какъ Иванъ Малашевичъ, Яковъ

Тукало, Василій Сычъ и Павло Козелецкій; такіе молчаливые, мало говорливые, какъ Степанъ Гладкій, Григорій Лантухъ, Антонъ Головатый и Петръ Ивановичъ Калишевскій, этотъ человекъ свѣтлаго ума, желѣзной воли и замѣчательныхъ военныхъ способностей! Вотъ та Сичъ, которая служила твердымъ оплотомъ не только одной русской народности, но и самаго православія противъ всѣхъ хитросплетеній и адскихъ каверзъ ненавистныхъ іезуитовъ, этихъ демоническихъ слугъ его «святѣйшества непогрѣшимого» римскаго папы. Вотъ она запорожская Сичъ, это «вѣчно юное сердце Украйны, эта горяняя искра ея», — та Сичъ, гдѣ свято исполнялись всѣ предковскіе обычаи украинскаго народа, гдѣ никогда не умирала козацкая воля и молодецкая удаля, гдѣ складывались цѣлыя тысячи глубоко прочувствованныхъ думъ, истинно-юмористическихъ разсказовъ, ѣдко-сатирическихъ пословицъ, присловьевъ и анекдотовъ и гдѣ искони и до послѣднихъ дней ея историческаго существованія распѣвались задушевные, мелодичныя и въ высшей степени художественныя пѣсни.

Свить велькій, край далекій, та ниде прожити:
Славне вѣйско запорожське хотять погубити.
Ой царица загадала, а Грыцько поранвъ,
Щобъ зигнати запорожцивъ та ажъ до Дунаю.
Вже жъ на ричци Базавлуци и москали стали,
Славни жъ хлопци-запорожци пили та гуляли.
Ой вже жъ москаль Запорожже кругомъ облягае,
А нашъ батько Калишевскій того й не гадае.
Ой изъ Ниву, изъ лиману витерь повивае,
А вже жъ москаль, а вже москаль Сичу обступае.
Васюринскій козарлюга не пье, не гуляе
Та всего свого отамана рано пробужае.
«Та встань, батьку-отамане, клычуть тебе люде,
Ой якъ станешъ ты на башти, москаля не буде!»
А москали не дремали, запасъ отбирали,
А московскіи старшіи церкву грибували:
Та беруть сребро, та беруть золото, войсковіи свичи,
Ой заплакавъ панъ коневый зъ старшиною въ Сичи.
Ой взійшовъ же панъ кошовый та на круту гору:
«Ой та не руйнуйте, люде добри, хочъ божого дому!»

А запорожськи атаманы якъ орлы литали
Та свого батька кошового вирненько благали:
«Та позволь, батьку, позволь, батьку, изъ штыхами стати,
Не одному генералу съ пличь голову зняти!
Не позволишъ изъ штыхами, позволь зъ кулаками,
Ой щобъ слава не пропала помижъ козаками!»
А вже жъ уступила одна дывизія та середь самои Сичи,
Ой взяла жъ вона сичови гарматы, вси козацьки здобычи.
Ой крикнувъ же а Калнышъ кошовый у покровскій церкви:
«Прибирайтесь, слави запорожци, якъ бы къ своей смерти!
Ой крыкнувъ же та Калнышъ кошовый на покровскій дзвиници:
«Ой кидайте жъ вы, слави запорожци, и pistols и рушницы!»
Ой плыве щука съ Кременьчука, розбыта изъ лука.
«О теперъ же намъ, Калнышъ кошовый, та съ тобою роздука!»
Ой пишли, пишли слави запорожци а не пишки, дубами,
Ой якъ оглянутця до славної Сичи, умыютьця слезами.
А вже жъ уступили та дви дывизии та въ покровськи базары,
А вже жъ. уже слави запорожци пяты показали...
Та встань, батьку, зъ домовыны, кдычуть тебе люде!
Ой якъ идешъ на Украину попрежньому буде.
Ой пиди жъ ты до столицы прохати царици,
Чи не вступе царстви-земли по прежни гряници.
«Ой царице, наша мате, змылуйся жъ надъ нами!
Отдай же намъ наши земли зъ темными лугами!»
— «Не на тее жъ, запорожцю, москаля заслала,
Ой щобъ твои лугы й земли назадъ повертала!»
Текла ричка изъ-пидъ саду тей упала въ кручи:
Заплакавъ же панъ кошовый видъ царици йдуче
Текла ричка, мала-невелычка, заросла лозами,
Заплакавъ же панъ кошовый дрибными слезами.
Ой великій свить, цариця, и всимъ ты владаешъ,
А вже жъ ты насъ, запорожцивъ, зъ мистця спомнидаешъ,
Та все жъ ты тихъ вражихъ панивъ та все награждаешъ». ¹⁾

¹⁾ Изъ пѣсенъ собственаго собранія, записанныхъ въ с. Писаревкѣ харьковскаго уѣзда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Витерь віе повивае, по полю гуае,
На моголы кобзарь сыдыть та на кобзи грае,
Кругомъ его степь, якъ море широке, сьніе.
За моголою могола, а тамъ тилько мріе.
Сывый усъ, стару чупрыу витерь розвивае,
То приляже, то послуха, якъ кобзарь спивае.

Т. Шевченко.

Отъ послѣдней Сичи мой путь лежалъ въ восточныя степи Запорожья, главнымъ образомъ въ бывшую калміусскую и часть самарской паланки, гдѣ жили семейные козаки, такъ-называемые «гниздюки или сыдни». По теперешнему, это большая часть александровскаго и нѣкоторая часть новомосковскаго уѣздовъ екатеринославской губерніи,—та именно часть, которая ограничена съ юга р. Конскими-водами, съ востока р. Камліусомъ, съ сѣвера рр. Волчьей и Ганчуломъ ¹⁾, съ запада прямою линіей, проведенной отъ половины р. Ганчула черезъ верховье р. Жеребца къ вершинѣ р. Конскихъ-водъ.

Много пришлось сдѣлать переѣздовъ, много пришлось перенести разныхъ неудобствъ, прежде чѣмъ я добрался до перваго большого села, Конскихъ-Раздоръ, александровскаго уѣзда.

Село Конскіе-Раздоры стоитъ на р. Конкѣ (иначе Конскія-воды), которая, начавшись въ шести верстахъ выше, при са-

¹⁾ По-татарски: «исн—чѣл», что значитъ «обширное пространство степь».

можь селѣ раздѣляется или раздирается на два отдѣльных рукава, чтобы снова въ полу-верстѣ ниже села слиться въ одну рѣчку; здѣсь же Конка принимаетъ въ себя и рѣчку Жеребецъ. Подъ Раздорами Конка представляетъ изъ себя очень ничтожную рѣчку, сплошь покрытую густымъ высокимъ камышомъ и очень высокими зарослями; берега ея здѣсь совсѣмъ неживописны.

Проѣхавъ мостъ и поднявшись на гору, мы очутились въ самомъ селѣ Раздорахъ. Село очень многолюдное и обширное: сразу же видно, что здѣсь процвѣтаетъ торговля при посредствѣ, впрочемъ, евреевъ; улицы широкія, чистыя, чему, можетъ быть, способствуетъ возвышенное мѣстоположеніе и каменистая почва села. Въ Конскихъ-Раздорахъ бываютъ очень часто ярмарки, каждый воскресный и праздничный день базары; здѣсь имѣютъ свое мѣстопребываніе мировой судья, судебный слѣдователь, становой приставъ и другія административно-полицейскія власти.

Совсѣмъ стемнѣло, когда я подъѣхалъ къ хатѣ крестьянина Ивана Быдла, на котораго мнѣ указали, какъ на гостепріимнаго человѣка, у котораго можно было остановиться и переночевать.

Раннимъ утромъ я оставилъ село Конскіе-Раздоры и направился въ слободу Воскресенку. Слобода Воскресенка—одна изъ людныхъ и большихъ слободъ, а мѣстность ея—одна изъ красивѣйшихъ. Она тянется длинной вереницей по-надъ рѣчкой Сухой-Конкой и стоитъ почти вся въ зелени; главная улица ея хотя и нѣсколько узкая, но за-то довольно чистая; хаты вездѣ высоки, хорошо выбѣлены. Въ общемъ вся слобода производитъ какое-то отрадное, успокаивающее впечатлѣніе.

Всегда умѣя подыскать себѣ пріятнаго спутника, какого-нибудь «дида» или «дядька», на этотъ разъ отъ села Воскресенки я долженъ былъ ѣхать съ небольшимъ «хлопцемъ». И это тотъ-же часъ сказалось. Отъ слободы Воскресенки до ближайшаго поселка, что называется, рукой подать. Но, благодаря

неопытности хлопца, намъ пришлось долго кружиться по различнымъ межамъ, зворотамъ и проселочнымъ дорогамъ, прежде чѣмъ выбраться на открытый шляхъ.

— А якъ цей шляхъ зветця?

— Муравскій, кажутъ.

Любо было посмотрѣть на этотъ шляхъ! Что за ровнота! Что за широта! Недаромъ объ немъ говорятъ въ Малороссіи: «лежить гася-протяглася, а якъ устане, то й небо достане...» Но мнѣ было не до того, чтобы любоваться дорѳгой. Зной, нестерпимый зной одолевалъ меня. Солнце было какъ разъ въ зенитѣ, и температура доходила до 40 градусоѵ. Воздухъ былъ настолько нагрѣтъ, что, казалось, онъ шелъ прямо изъ раскаленной желѣзной печи. Грудь захватываетъ; дышать нечѣмъ... Вся природа, въ другое время полная жизни и разнообразная, теперь, подъ палящими лучами неумолимаго солнца, превратилась какъ-бы въ застывшій остовъ. Ни вѣтерокъ не шелочнетъ, ни травка не шевельнется, ни степной кузнечикъ не затрещитъ, не застрекочетъ. Все точно прибито, пришиблено, все какъ-бы чувствуетъ на себѣ страшную духоту и совершенно отдается апатіи; а самая степь точно заколдована, точно погружена въ тяжкую дремоту. Не видно въ ней ни хуторка, ни кустика, ни пригорка, ни ручейка, ни одной версты для разнообразія, для опредѣленія пространства... Одна безконечная равнина, сливающаяся вдали съ небосклономъ, одна необъятная гладь широкой дороги, извивающейся нѣсколькими полосами взадъ и впередъ. Не на чемъ утомленнаго глаза остановить. Тихо вокругъ. Жажда страшно одолеваетъ... Но вотъ, на далекомъ горизонтѣ этой мертвой, сожженной солнцемъ степи, неожиданно обрисовывается синеватое озеро, окаймленное деревьями и живописно обставленное домиками, церковью и колокольнею.

— А что это? село?

— Нѣтъ, это маня!

— Да, это маня, миражъ!.. Но вотъ криница. Это, уже кажется, не миражъ.

— Да, это криница, настоящая криница.

— Ну, стой! Дальше ѣхать нѣтъ силъ!..

...Оставивъ криницу и миновавъ нѣсколько хуторовъ, деревень и колоній, мы добрались до мѣстечка Гуляй-Поля, и здѣсь я долженъ былъ перемѣнить лошадей, чтобы ѣхать дальше, въ глубь александровскаго уѣзда. Гуляй-Поле стоитъ на возвышенномъ песчаномъ мѣстѣ, при р. Ганчулѣ, имѣеть двѣ церкви, еврейскую синагогу, почтовую контору, нѣсколько лавокъ и подваловъ. Словомъ, это многолюдное, и даже, можно сказать, достаточно культурное мѣстечко съ преобладающимъ, однако, еврейскимъ населеніемъ. Изъ всѣхъ сооружений замѣчательно въ Гуляй-Полѣ еврейское кладбище, обнесенное прекрасной оградой вокругъ и наполненное хорошими памятниками въ срединѣ. На мой вопросъ, почему мѣстечко носитъ названіе Гуляй-Поля, мнѣ отвѣтили, что въ то время, какъ вся «округа», т. е. близъ лежащія къ слободѣ мѣста, уже давно была занята помѣщиками, это самое мѣсто или поле, что подъ слободой, долго лежало пустыремъ и потому прозвалось «Гуляй-Подемъ».

— А отчего жъ это поле такъ долго лежало пустыремъ?

— А видъ того бильшъ, шо тутъ були велики травы та комыши, а мижъ ними жили велики злодіи та розбойники, отвѣчалъ мнѣ крестьянинъ Евдокимъ Косякъ.

— И велики такы травы тутъ були?

— Таки травы та бурьяны, шо зъ нихъ и не вылизишь було. Стари люди розказують за ти травы таке, шо й вирити неможно. Отъ тутъ, у Наковальни ¹⁾, бувъ одинъ, дидь прозвищемъ Зализнякъ; ему було годъ сто двадцать, якъ винъ умеръ, — не брешу. Такъ той Зализнякъ розказувавъ, шо то воно тутъ робилось у старовину. «Тутъ, каже, цего звіру, тутъ каже, тіи птыци, такъ видимо й невидимо: такъ пиш-

¹⁾ Село новомосковского уѣзда.

комъ по степу и ходять. Прыихали, каже, мы съ своею паною у ци мисця, де теперь Наковальня,—воны, бачъ, одійшли ій по наслідству,—прыихали, каже, мы тай дивимось, ажъ тутъ ни хатинки, ни куриныця, одинъ степъ та ковыла. Шо тутъ казати?»—«А шо? Рубай очереть та копай дернину та роби курины». «Давай я рубати очереть, давай копати дернину. Нарубавъ, поставивъ, обсыпавъ землею; ото бачъ, хижка е. Ну, шо жъ теперь исты? Ну, исти уже, шо хочъ, те й изъ: е й птиця, е й звирь степовый. — «Такъ шо мини, каже пая, та птиця та звирь степовый? Ты поидь та піймай мини дике порося!» Ну, шо жъ порося, такъ и порося! Сйдаю на коня, беру малахай¹⁾ та й іду до рички, де було бырло²⁾ дикихъ свиней. Та ото прыиду тай жду, поки свини пидуть пасть у степъ, а поросята зостанутця сами; выдывлюсь, та заразь туды; ухоплю порося та навтикача; та вже бижу, тавже бижу, шо есть духу, а воно крычить, якъ скажене! Та шо жъ вы думаете? Якъ почують гаспидовы свини, та до мене, такъ и лизуть, такъ и лизуть пидъ ноги коневи; та такъ бижать ажъ до самого курина, та якъ бы не малахай, то й розирвали бъ»... Отъ шо воно було у старовину! Зовсимъ не те, шо теперь. Теперь хочъ бы сказать на щотъ урожая. Хиба винъ такій бувъ и у старовину? Куды вамъ! У нашої пани було семейства симъ чоловика, а вона бильшь тридцяти сажень николи не сіяла. Оце було заводоче прямо противъ курина, посіе пшенички та й жеде. Такъ вона якъ уроде, то й стебла не видко: самый кслось пошти та ше такій товстый наче веретено. Це, бачъ, хлиба таки були. А травы, такъ и казати ничего. За травою и земли не побачишь: якъ рядно, або кожухъ поверхъ земли лежить. Тоди, бачъ, мало хто косивъ ін, такъ вона пидниметця у гору та впять назадъ и пада та й лежить наче рядно; выкохаетця було така, шо чоловика и верхи на коню не видко. Отъ яки травы були».

¹⁾ Длинный кнутъ.

²⁾ Берлога.

Чтобы сообщеніе Евдокима Косяка не показалось преувеличеннымъ, приведу нѣсколько примѣровъ изъ писателей прошлыхъ вѣковъ о нашей Малороссіи. Бопланъ, описывая старую Малороссію, останавливается, главнымъ образомъ, на двухъ паланкахъ: кодацкой и самареккой, и описываетъ ихъ богатство въ такихъ краскахъ. «Тамъ находятся многія озера, столь, изобильныя рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Мѣста сіи называются Самоткань... Выше Самоткани протекаетъ рѣчка Домоткань, въ которой водится множество большихъ раковъ, въ девять дюймъ длиною... Обильнѣе всѣхъ рыбою Орель, текущая въ Днѣпръ съ московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2.000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были около фута величиною... Самара рѣчка весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едва ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семь съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Кодакъ... Козаки называютъ ее святою рѣкою ¹⁾, можетъ быть, за счастливое богатство ²⁾. «И бысть намъ сіе путное шествіе,—пишетъ раскольничій попъ Лукьяновъ въ 1710 году,—печально и уныльно, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество; козы дикія, и волцы, лоси, медвѣди. А земля зѣло угодна и хлѣбородна; и овощи всякаго много; сады что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много въ ней родится ³⁾. «Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣпра, отъ

¹⁾ Авторъ «Историч. обзора Екатер. епар.» говорятъ, что названіе р. Самары «священною или святою» ведетъ свое начало еще отъ времени Сарматъ-Козаръ и Сарматъ-Роксоланъ, у которыхъ на р. Самарѣ было святилище. Екатер, 1871, 15.

²⁾ Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 16, 17, 18.

³⁾ Путешествіе въ св. землю москов. свящ. Іоанна Лукьянова. Москва, 1862, стр. 16.

Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галиціи до сѣвернаго Донца; по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, ее посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы, богатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокъ и югъ она изумляетъ безбрежностію плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ цѣляется множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію, климатъ ея благодатворенный, растительность изумительная и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее колыбелью послѣ потопа¹⁾. «То, что писано современниками объ этой землѣ, текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говорилъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянной сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копъ. Травы были такъ высоки, что огромные вола скрывались въ нихъ почти по самые рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностію. По свидѣтельству того-же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Украинѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ ровъ осѣдлыхъ и что образовавшіеся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, добравшись туда, околѣвываютъ отъ ожорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго-Каменца Ржончинскій зналъ одного пасичника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ коихъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасикъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собиралъ ежегодно по пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ

¹⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842 г., т. I, стр. 4.
Запорожье, ч. II.

образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ десять тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поголовщины былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній¹⁾.

«Славно жить на Кошу:
И земли не папу,
И травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыплю золотомъ...
На войнѣ не тужу,
А на смерть козочу,
Безъ войны я кучу,
Да кучу, какъ хочу,
Въ свою голову!»

Много лѣтъ спустя послѣ этого Малороссія рисуется все въ такихъ же яркихъ краскахъ, какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ. «Обширное пространство плодovitыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопорожнія дачи, обрабатываютъ оныя прилежно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая очевидно труды свои сугубо награждаемыми. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ: рожь, пшеницу... изъ огородныхъ овощей: арбузы отменно сладкіе и великіе, красныя и бѣлыя дыни... Въ нѣдрахъ находятся: алебастръ, мѣль пишущій и мѣль годный къ зженію извести... А чаятельно, что и другого роду камни и руды сыскаются могли-бы, если-бъ къ тому употребить надлежащія мѣры. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ къ полученію изряднаго прибытка. Скотоводство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе,

¹⁾ Кулишъ. Польск. колониз. юго-западн. Русс, Вѣстн. Евр., 1874 г., III, 11.

что скотъ, особливо рогатый и лошадей почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу... Въ рѣкахъ и озерахъ вода сладка и здорова и къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода... и промышленниками ловится довольно. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ. однако въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья: дубъ, кленъ, вязъ... Сверхъ того разводятся фруктовые сады: виноградъ, тутовья деревья и волосекіе орѣхи; къ разведенію-же виноградовъ. вывезенныхъ изъ Крыму, греки и армяне по склонности ихъ и званію въ томъ, подають не малую надежду... Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся. медвѣди, волки, чикалки, дикія козы, кабаны... Изъ дикихъ птицъ: орлы, дрофы, фазаны, журавли и другіе роды» ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго о Малороссіи, легко повѣрить и тому, что разсказывалъ намъ о Запорожьѣ Евдокимъ Косякъ, да и раньше его старикъ Ѳедоръ Степановичъ Заброда, Иванъ Игнатовичъ Россолода, старикъ Семенъ Ивановичъ Герасименко и другіе.

Изъ Гуляй-Поля, миновавъ д. Варваровку, хуторы Полѣшка и Кригера, мы добрались до д. Екатерининской того-же александровскаго уѣзда, на р. Ганчулѣ, имѣнія Василя Осиповича Гладкаго, сына кошевого атамана Осипа Михайловича, выведшаго запорожцевъ изъ-за Дуная, въ 1828 году. Здѣсь я на время остановился, желая собрать данныя для личности Осипа Михайловича Гладкаго. Сынъ кошевого атамана принялъ меня до извѣстной степени пріятливо. Говорю «до извѣстной степени» потому, что этотъ человекъ, представляя собою и по виду и по характеру выразительнѣйшій типъ запорожца, отличается большою суровостью. Жизнь его мало чѣмъ разнится отъ жизни запорожца. Ему уже больше 70 лѣтъ, но онъ не только бодръ, а страшно здоровъ; онъ еще и теперь въ зимнее время

¹⁾ Записки одесскаго общ. исторіи и древностей, Одесса, 1853, т. III 302.

отправляется на засѣдки противъ волковъ, и гдѣ-нибудь въ ямѣ или во рву проводить всю ночь на-сторожѣ. съ ружьемъ въ рукахъ. Въ лѣтнее-же время его всегда можно видѣть если не во дворѣ съ топоромъ, то въ саду съ лопатой: «То панъ такий, шо такъ съ сокиркою и ходе скризь: усе самъ робе». Онъ понастроилъ въ саду нѣсколько куреней и каждый день переходить изъ одного въ другой. Съ виду Василій Осиповичъ представляетъ изъ себя фигуру средняго роста, плечистую и коренастую. на головѣ по вискамъ у него сѣдые пушистые волосы и большая, отъ макушки ко лбу лысина, на верхней губѣ длинные сивые усы. надъ свѣтлыми глазами густыя нависшія брови. Говорить онъ мало, смотреть сурово. О своемъ отцѣ, Осипѣ Михайловичѣ, кромѣ того, что уже сказано нами о немъ, онъ мало чего знаетъ ¹⁾. Осипъ Михайловичъ, по словамъ сына, не любилъ распространяться о своемъ прошломъ. Почему-же? Можетъ быть потому, что оно напоминало ему низменное происхожденіе его, а можетъ быть и потому, что самый поступокъ его съ запорожцами былъ не совсѣмъ честный. Не грызла-ли его совѣсть за то, что онъ, ради собственнаго интереса, чтобы получить высокій чинъ и блага земныя, отдалъ массу запорожскаго войска на убой туркамъ, а съ остальнымъ незначительнымъ числомъ запорожцевъ, искавшихъ также, можетъ быть, личныхъ выгодъ, перешелъ на сторону Россіи? ²⁾. Все это можетъ быть, но такъ-ли оно было въ дѣйствительности—это знаетъ одинъ Богъ сердцеѣдецъ.

Еще меньше сохранилось у Василія Осиповича отъ его отца вещей. Разсчитывая найти здѣсь и платье запорожское, и оружіе, и посуду, я нашелъ только саблю да жалованную Осипу Михайловичу на дворянство грамоту. Сабля подарена кошевому еще въ бытность его за Дунаемъ турецкимъ султаномъ. Она сдѣлана изъ стали, на которой вырѣзана надпись по-арабски

¹⁾ См. также статью В. О. Гладкаго. Русск. Старина 1881 г., т. II.

²⁾ См. Кондратовича. Задунайская Сѣчь. Кіевская Старина, 1883 года февраль, стр. 285, 286.



Ч. II. Рис. 38.

Сабля кошеваго О. М. Гладкаго.

изъ корана, ручка въ ней вырѣзана изъ слоновой кости, ножны обложены сваружи массивнымъ съ чернью серебромъ. (См. табл. XXXVIII). Грамота-же пожалована Гладкому императоромъ Николаемъ Павловичемъ, 1829 года. Вотъ она буква въ букву. «Божіею поспѣшествующею милостію, мы Николай первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій. и проч... Объявляемъ всемъ вообще и каждому особливо чрезъ сію нашу жалованную грамоту, что хотя мы по самодержавной отъ всемогущаго Бога намъ данной императорской власти и по природной нашей милости и щедротѣ, всехъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе всемилостивѣйше всегда защищать и споспѣшествовать имъ желаемъ; однакожь наипаче къ тому склонны, чтобъ тѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ и ихъ роды честію, достоинствомъ, такожь и особенною нашею милостію по ихъ состоянію награждать, повышать, и надлежащими преимуществами жаловать и во оныхъ подтверждать, которые по всеподданнѣйшей своей къ службѣ нашей ревности намъ и государству нашему отмѣнныя предъ прочими услуги и вѣрность показываютъ. А какъ мы вѣрноподданнаго нашего Іосифа Гладкова бывшаго кошеваго, переведшаго Задунайскую запорожскую Сѣчь въ Россію. а нынѣшняго командира Дунайскаго козачьяго Полка, высочайшимъ нашимъ приказомъ отданнымъ мая 27 дня 1828 года въ присутствіи нашемъ въ лагерѣ при Сатуновѣ, за отличіе въ сраженіи противу турокъ пожаловали въ наши полковники; но на дворянское достоинство диплома и герба отъ насъ пожаловано ему еще не было. То мы въ воздаяніе ревностныхъ его Полковника Іосифа Гладкова заслугъ, такожь и по нашей императорской склонности и щедротѣ, которую мы для награжденія добродѣтелей ко всемъ нашимъ подданнымъ имѣемъ, и по дарованной намъ отъ всемогущаго Бога самодержавной власти. всемилостивѣйше соизволили помянутаго нашего вѣрноподданнаго полковника Іосифа Гладкаго въ вѣчныя времена въ честь и достоинство Нашей имперіи дворянства, равно обрѣтающемуся въ нашей всероссійской наслѣдной имперіи цар-

ствахъ, княжествахъ и земляхъ прочему дворянству, возвести, постановить и пожаловать, яко же мы симъ и силою сего его Гладкова въ вѣчныя времена въ честь и достоинство нашей имперіи дворянства возводимъ, постановляемъ и жалуемъ и въ число прочаго всероссійской имперіи дворянства такимъ образомъ включаемъ. чтобъ ему и потомству его по низходящей линіи въ вѣчныя времена всеми тѣми вольностями, честью и преимуществомъ пользоваться, которыми и другіе нашей всероссійской имперіи дворяне по нашимъ правамъ, учрежденіямъ и обыкновеніямъ пользуются. Для вѣщаго же свидѣтельства и въ признакъ сей нашей императорской милости и возведеніе въ дворянское достоинство, жалуемъ ему Гладкову нижеслѣдующій дворянскій гербъ». Гербъ этотъ состоитъ изъ щита, раздѣленнаго на двѣ половины: въ верхней половинѣ на голубомъ полѣ вверху изображенъ орденъ Георгія побѣдоносца, внизу — лодка съ поднятымъ флагомъ и россійскимъ гербомъ; въ нижней половинѣ на красномъ полѣ изображена луна съ крестомъ надъ ней и съ двумя бунчуками по бокамъ креста. Сверху щитъ увѣнчанъ дворянской короной, а по бокамъ — обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ. Въ заключеніе въ грамотѣ говорится о томъ, что Гладкій можетъ уотреблять означенный гербъ «во всѣхъ честныхъ и пристойныхъ случаяхъ», а самому владѣльцу герба «обидъ и препятствія отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не чинить». «А для вѣщаго увѣренія мы сію нашу жалованную грамоту нашею собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрѣпить повелѣли. Дана въ Александріи близъ Петергофа мѣсяца Августа въ четвертый день, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяща осьмь сотъ двадцать девятое, государствованія же нашего четвертое. Николай. Управляющій министерствомъ юстиціи К. Александръ Долгоруковъ. Въ сенатѣ въ книгу записанъ подъ № 836. При запечатаніи въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ № 7218».

Оставивъ деревню Екатерининскую, я скоро прибылъ въ

хуторъ Черноземный. имяне Г. Л. Синегуба. Здѣсь я на-время остановился, желая познакомиться съ владѣльцемъ хутора, который ведетъ свой родъ отъ запорожца. Но, къ моему неудовольствію, Г. Л. Синегуба я не засталъ дома; тѣмъ не менѣе въ его запорожскомъ происхожденіи я убѣдился на основаніи слѣдующаго документа, предложеннаго мнѣ его женой. «Ея Императорскаго Величества Малія Россіи обонхъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетманъ... графъ Кириллъ Разумовскій. Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, войсковымъ товарищамъ, сотникамъ, значковымъ товарищамъ и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется. Бывшій въ Сѣчи запорожской куреня сергіевского козакъ Леонтіи Синегубъ подавъ намъ доношеніе, показуя: о продолженныхъ предъ нами его чрезъ многіе годы службахъ, и что де и самъ онъ съ 1743 по 1758 года въ войску нызовомъ запорожскомъ отправлялъ по нарядамъ войсковіе службы и разніе посылки и въ случавшихся партіяхъ поступалъ какъ принадлежитъ по вѣрно-подданной должности; о чемъ при ономъ своемъ доношеніи и данномъ ему отъ атамана Кошевого запорожскаго Данила Стефанова съ старшиною и товариствомъ атестатъ съ засвидѣтельствомъ, что онъ Синегубъ тамъ находился и службу войсковую отправлялъ вѣрно и радѣтельно, представилъ добавляя притомъ, что онъ нынѣ желаетъ отправлять войсковую службу въ Малой Россіи по примѣру предковъ его; и просилъ объ опредѣленіи его въ чинъ войскового товарища. Нашего разсмотрѣнія. А понеже объ ономъ Леонтіи Синегубу въ прошломъ 1758 году октября 3 и отъ нашей Генеральной Войсковой канцеляріи представлено къ намъ со удостоеніемъ его къ полученію того чина, и что онъ грамотной и къ службѣ въ томъ чинѣ войсковыхъ товарищей надежной; того ради мы Гетманъ и Кавалеръ по оному нашей Генеральной Войсковой канцеляріи объ ономъ Синегубѣ удостоенію и притомъ усматривая въ немъ къ службѣ войсковой згоноръ и способность. данную намъ отъ

Ея Императорскаго Величества властію реченнаго Синегуба опредѣляемъ войсковымъ товарищемъ и симъ нашимъ Универсаломъ предлагаемъ, дабы господа генеральные старшины, полковники, бунчуковые товарищи, полковые старшины, войсковые товарищи, сотники, значковые товарищи и прочіе чины о такомъ нашемъ опредѣленіи въдая, признавали означеннаго Синегуба войсковымъ товарищемъ. Онъ же войсковою товарищъ о нарядахъ и отправленіяхъ принадлежащихъ по его чину по примѣру прочихъ войсковыхъ товарищей долженъ состоять въ веденіи нашемъ, нашей генеральной канцеляріи, въ вѣрной Ея Императорскому Величеству службѣ къ присяге приведенъ отъ нашей Генеральной Канцеляріи; для чего ему войсковому товарищу Синегубу и сей нашъ Универсалъ за подписаніемъ нашимъ и съ приложеніемъ національной Малороссійской печати Данъ въ Глуховѣ Генваря 26 дня 1761 году. Гетманъ Графъ К. Разумовскій. Печать Ея Императорскаго величества малороссійскаго запорожскаго войска». (Козакъ съ мушкетомъ черезъ плечо).

Изъ хутора Черноземнаго прѣхалъ въ с. Покровское. Село Покровское есть «древнѣйшее изъ запорожскихъ займищъ, старожитная козацкая маѣтность»; уже въ 1730 году здѣсь сидѣлъ зимовникомъ обшитованный, т. е. отставной запорожскій старшина Головка ¹⁾). Въ настоящее время Покровское— довольно значительное торговое село; здѣсь имѣютъ свое мѣсто-пребываніе мировой судья ²⁾, докторъ, судебный слѣдователь, ветеринарный врачъ и становой приставъ. Село раскинулось по правому берегу р. Волчьей; у лѣваго берега Волчьей, противъ Покровскаго, стоитъ деревня Александровка, иначе Гнидина, названная по имени владѣльца Тита Гниды.

Слѣдующимъ днемъ я оставилъ Покровское. Проѣхавъ деревню Гнидину по направленію отъ востока къ западу, я

¹⁾ Матеріалы для историко-статист. опис. Екат. епар., Екат., 1880. II, 312.

²⁾ Сынъ Василія Осиповича, внукъ Осипа Михайловича Гладкаго, Осипъ Васильевичъ.

сразу очутился на широкомъ шляху. Съ правой стороны я увидѣлъ хуторъ Солошинъ, затѣмъ Стрильцеву могилу, съ лѣвой — пять незначительныхъ могилокъ, Каменоватую балку и Острую могилу. За объясненіемъ названій я обратился къ шестидесяти-пяти-лѣтнему старику Евсею Головурному, жителю хутора Солошина.

— Скажи, Овсію, якъ цей шляхъ зветця?

— Богъ его святой знае! Мы его звемъ Гайдамацькимъ, а чи винъ такъ и въ книгахъ пишеться, цего вже не знаемъ.

— А чого жъ вы звете его Гайдамацькимъ?

— Та того, шо тутъ саме засидали гайдамаки.

— Якъ такъ?

— А отъ якъ. Иде, прымиромъ, по шляху чумакъ, а гайдамака уже й прочувъ. Заразъ прокине середъ шляху повсть, уткне ратище въ землю, а самъ сховаеться въ траву тай жде чумака. Отъ иде чумакъ; баче, стоить ратище, а коло него лежить повсть; то вже винъ и кладе на ту повсть: або сухаривъ, або пшона, або хлѣба, або грошій. А якъ же не положе, то ото ёму й капуть. Пріємный народъ бувъ ти гайдамаки!

— Ну, шо жъ ты скажешъ за Каменовату балку? Чого вона такъ зветця?

— Видъ дикого каминня! За запорожцивъ тутъ водились дики кони ¹⁾. Пще я тай то зазнаю ихъ. Вони изъ себе не велички, а тилько товсти та крипки; на масть мышасти. Мій батько и ловывъ ихъ, такъ шо жъ? Вони або повтикають, або подохнуть: не можуть, бачъ, жити у неволи; по степу имъ бигати, то це такъ. Оце було иде чоловікъ по шляху кобылою, а дики кони пасутця у Камьянуватій балци. То жеребець заразъ выскоче на могилу тай нюха, чимъ той чоловікъ иде, чи кобылою, чи конемъ. Якъ почуе, шо кобыла, тоди пиши, чоловіче, шо пропало; побье и оглобли, полама и вози, займе съ собою и кобылу... Такъ по тому шляху колеса, обиддя,

¹⁾ Иначе называемые тарпаны.

огаобли та драбыны зъ возивъ и валяются: то все шкода дикихъ жеребцивъ.

Сообщеніе Евсевія Головурнаго находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ писателя XVII вѣка Боплана. «По степямъ украинскимъ, пишетъ Бопланъ, разгуливають цѣлыми стадами олени, лани, сайги... Дикія лошади ходять табунами отъ 50 до 60 головъ; нерѣдко онѣ заставляли насъ браться за оружіе, издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Впрочемъ, дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться ручными, но также ни къ чему не годны, развѣ только для пищи. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣ телятины... Дикую лошадь усмирить невозможно. Впрочемъ, дикіе кони разбиты на ноги: копыта ихъ разрастаются, дѣлаются толстыми, ибо ихъ никто не обрѣзываетъ, и не позволяютъ лошади быстро скакать» ¹⁾.

Сдѣлавъ двѣ-три версты по шляху отъ села Покровскаго, я наконецъ очутился въ деревнѣ Богодарѣ, на Ганчулѣ, имѣніи Федора Ивановича Михеева. Деревня Богодаръ для меня заветное, святое мѣсто. Ни Богодара, ни его владѣльца я никогда не забуду и не могу забыть. «Забвенна буди десница моя, аще забуду тебя...»

На слѣдующій день по приѣздѣ въ Богодаръ, мнѣ представили слѣща Оому Провору въ качествѣ знатока старины и прекраснѣйшаго игрока «на социльци». Въ короткое время мы очень подружились. Много-много услышалъ я отъ Хомя про дѣла давно минувшихъ дней; казалось, что этотъ чловѣкъ никогда не можетъ истощиться, и голова его по справедливости можетъ назваться лабиринтомъ съ безконечными ходами и переходами. Хома не любилъ никогда повторяться. Сегодня онъ разскажетъ мнѣ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, завтра — повѣсть о Егорѣ храбромъ, послѣ-завтра — легенду «о вовкулакахъ», а тамъ начнетъ потѣшать тѣмъ, «якъ кацапскій Богъ та боровся съ казацькимъ», или какъ происходитъ обы-

¹⁾ Описаніе Украины, СПБ. 1832 г., стр. 93.

чай сватанья у кацаповъ, и что въ это время дѣлаеть невѣста... Съ Хомой я любилъ болѣе всего предиринимать ночныя прогулки въ степь, въ лѣсъ, на рѣку, на курганъ и пр. При этомъ мы всегда шли подъ руку и дружелюбно о чемъ-нибудь бесѣдовали. Ночь, около одиннадцати часовъ; мнѣ не спится.

— Хомо!

— Агу!

— Подамось на могилу!

— А що жь? И подамось!

Я беру ружье. Хома сопиаку, и мы подаемся... Идемъ «на впростецъ» по бурьянамъ, черезъ канавы, глухою степью и добираемся до могилы.

— А скажи, Хомо, якъ ця могила зветця?

— Стрильцева!

— Видь чого такъ?

— Видь того, шо тутъ живъ такій козакъ, шо добре стрілявъ.

— Гораздъ, а хто-жь на ній оці ямки покопавъ?

— Це таки людци, шо грошіи шукали.

— И найшли-жь?

— Цилый казанъ, кажутъ.

— Якъ-же воно було?

— Якъ воно було, я цего самъ не бачивъ, а чувъ видъ дида Ивана Хотюна; винъ бувъ приставленъ пидпаскомъ до паньскои череды. «Мы, каже дидъ, телята пасли. Отъ-отъ соничко зайде, а мы пасемо. Коли це идуть якись-то три козаки; перешхали черезъ балку, повставали съ коней, идуть пишкомъ; идуть и несутъ разгорнуту бамагу: дійшли до Стрильцевои, два взбрилось на неи а третій коло дороги стоить. Стояли-стояли, идуть до насъ. «Здорови!» — «Здорови!» «А шо, хлопци, це у васъ Стрильцева могила?» — «Стрильцева!» Подывились вони, повернули назадъ таи потягли соби. На другій день женимб мы телятъ; догнали до могилы. ажъ телята и давайтъ землю розрывать ногами та кидати ин. Мычатъ та кидаютъ. Мы туды; дивимось, ажъ тамъ земля розрыта. «Оце жь ти ко-

заки, мабуть, шо грошій шукали!! Давай и соби шукати. Шукали-шукали тай найшли одного міднаго пятака. Видно було, шо тутъ стоявъ цілый бочонокъ въ гришми: слиды отъ обручей позаставались. Людци поживились, а мы подывились.

— Хомо!

— Агу!

— А хто цимъ именіємъ владивъ преже, до теперяшого пана Михеева?

— Панъ Солоха.

— А до пана Солохи?

— Панъ Гнида.

— А до пана Гниды?

— Козаки запорожци владили.

— А куды жъ вони звидциля подились?

— Царица Катерина прогнивалась на нихъ, тагъ вони кудысь и помандрували.

— И далеко помандрували?

— Та одни за Дунай-ричку. а други идъ Кальчикъ ричку.

— Ну!

— Отъ ну! Та ото ти, шо пишли идъ Кальчикъ, виробились у дугаривъ, або харчызивъ: таки були разбойники, шо страсть одна. Оце було якъ сонце низько, то вже й не идъ мимо нихъ, а то або вбьють, або зарижуть. Одно слово, таке стали робити, шо и страшно казати,

— Отъ якъ!

— Коли жъ такъ!

— А де жъ ти, шо пишли за Дунай?

— Ти вернулись, кажуть, упячь назадъ та тутъ десь знову и занастили себе.

— Добре, Хомо, добре! А чи не засвистити намъ на свистильци?

— Чомъ-же не такъ? И засвистимъ.

И Хома наладился; онъ сѣлъ на курганъ, на корточки, а я прилегъ поодаль отъ кургана въ травѣ. И что за картина

вышла! Высокий, покрытый густой травой, съ небольшимъ на срединѣ углубленіемъ, курганъ; на самой вершинѣ кургана съ открытой лысой головой Хома; онъ гладко выбритъ, на немъ бѣлая тонкаго полотна сорочка и синія средней величины шаровары, на ногахъ «добри шанови чоботы»; Хома сидитъ какъ-то особенно важно, поднявъ сверху голову, и въ зубахъ держитъ соплику. Вокругъ невозмутимая тишина. Только изрѣдка, да и то чуть замѣтно доносится до моего уха отдаленный лай собакъ да одиночный голосъ какого-нибудь хлопца, уводящаго на ночлегъ въ стень лошадей; изрѣдка-же дохнетъ ночной вѣтерокъ и наклонитъ къ землѣ бѣлый, подобный морской пѣнѣ, шелковистый ковыль... Повсюду темь; звѣзды едва-едва мрѣютъ въ небесномъ пространствѣ; чуть замѣтно въ отдаленіи блестятъ водная полоса Волчьей рѣки... И въ это самое время Хома насвистываетъ старо-козацкую пѣсню:

„Та чорная хмара наступае, ставъ дощъ накрапать
Ой, благослови, отамане, наметъ напинаць.
Гей, уси паны, уси дуки въ намети сили,
Наша жъ браття—голотолька гай не посямили,
А взяли квартиру, другую съ жарту, на дощи сили.
Гей, веселая беседонька, де голота пье;
А еще лучше, а еще краще, де отаманъ е:
Ой, хочъ вниъ не пье горилоньки, порядокъ дае.
Якъ прійшовъ батько, панъ-отаманъ, стало ему жаль:
Ой, скинувъ съ себе синій каптанъ, наметъ розиславъ.
А жъ иде богачъ та иде дукачъ та въ порози ставъ,
Гей, пзъ нашої голотольки та сміятися начавъ.
Уже жъ багачъ, та уже дукачъ насмихастя:
«Ой, за-що жъ тая голотолька напиваетця?»
Ой якъ крикне жъ панъ-отаманъ а на свою голь:
«Гей, визмиць дуку за чубъ, за руку тай виведити вонъ!»
Ой одинъ бере за чубъ, за руку, другій въ шию бье:
«Гей, не йди, не йди, превражіѣ дуче, та де голота пье!»
Якъ пишовъ багачъ, якъ пишовъ дукачъ та й не оглядавсь.
Гей, десятому заказувавъ та щобъ не сміявсь;
Якъ пишовъ дукачъ, якъ пишовъ богачъ крутымъ бережкомъ,
Гей рощпсеу чорны кудри та густымъ грибишкомъ

И какаѣ характерная пѣсня! Какъ живо она вызываетъ

на память то время изъ исторіи малороссійскаго козачества, время Ивана Самойловича и Ивана Мазепы. когда вся войсковая малороссійская старшина стала отдѣлять отъ себя чернь и присваивать себѣ разныя права и привиллегіи въ ущербъ простымъ казакамъ и когда въ козацкой средѣ, съ одной стороны, всплыли такъ - называемые дуки—богачи, а съ другой обозначились такъ - называемые голота — бѣдники, и когда, вълѣдствіе этого, на Украинѣ въ самомъ сословіи козацкомъ, «возникло взаимное недовѣріе, возродилась вражда, а потомъ возгорѣлась и самая ненависть со всеми ужасающими послѣдствіями этой страсти» ¹⁾. Какъ живо эта-же пѣсня рисуетъ намъ сѣрую запорожскую голь! Ту именно голь, которой все ни по чемъ и къ которой вполне можно приѣхать слова попа Лукьянова: «А все голубѣ безпорочная; а на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшны зѣло, голы, что бубны, черны, что араны. лихи, что собаки: изъ рукъ рвутъ» ²⁾. Несчастная голь! Это та самая знаменитая «спромашня», на которой, «ни чобить, ни штанивъ, ни сорочки не было: а на иному сами рубци высятъ. Мовъ той ныганъ иде, пятами свите» ³⁾...

Хома давно уже кончилъ свою пѣню; онъ сыгралъ уже и другую: началъ и третью, а мнѣ все мерещатся дырявые сапоги, рваное платье козаковъ. ихъ жалкій убогій видъ. «Хомо! Хомо! Эхъ, если-бы ты видѣлъ, какъ три зирочки покатились по небу»?! — «Та то козацьки души усмихаются намъ»!... Пѣсня прервана, и скоро мы возвратились въ хуторъ.

Однажды мнѣ захотѣлось осмотрѣть рѣку Ганчулъ на томъ ея мѣстѣ, гдѣ она впадаетъ въ рѣку Волчью, образуя собой очень высокій, вдающийся въ рѣку носъ и отдѣляя во времена козачины калміусскую паланку отъ паланки самарской. Было подъ-вечеръ, когда я, въ сопровожденіи дѣда Данила Нелипы, отправился къ Ганчулу и сѣлъ въ лодку. Мы поплыли по те-

¹⁾ Киевская Старина, 1882 г., т. IV, стр. 135.

²⁾ Путешествіе въ Св. Землю, Москва, 1862 г., 15.

³⁾ Киевская Старина, 1883 г., т. V, 763 и 764.

ченію рѣки съ юга на сѣверъ. Лодка наша шла точно въ панорамѣ, имѣя съ лѣвой стороны берегъ, усыянный громадными гранитными глыбами, а съ правой—берегъ, окутанный высокими камышомъ и густою рощею деревьевъ, частью осинъ, частью татарскаго клена, частью дикаго терновника. Скоро подплыли мы къ тому самому мѣсту, гдѣ Ганчуль, въ видѣ правильной полудуги, поворотивъ съ запада на востокъ, съ стремительною силою мчится въ Волчью рѣку. У мѣста слиянія этихъ рѣкъ изъ материка образуется небольшой мысъ, по обѣимъ сторонамъ окаймленный густою непролазною чащей и высокими, больше 3 сажень, камышомъ. Берега мыса, подмываемые съ той и другой стороны водой, представляются настолько отвѣсными и настолько высокими, что вскарабкаться на нихъ нѣтъ никакой возможности. Нѣсколько ниже мыса, по рѣкѣ Волчьею, отъ множества наклоненныхъ къ водѣ деревьевъ, образуется родъ естественнаго павильона. Взобравшись подъ этотъ павильонъ, мы немного передохнули, но потомъ вновь продолжали свое плаваніе. По лѣвую руку отъ насъ шли надѣлы крестьянъ села Покровскаго, по правую — владѣнія Ѳ. П. Михеева. Скоро мы добрались до большого выступа, съ правой стороны.

— Диду!

— А що, паничу!

— Шо це за выступъ такий?

— Це Зміивъ куть.

— Шо жъ воно таке? Змій тутъ живъ, чи що?

— Ни, не змій, а козакъ такий, якъ змій.

— Якъ це такъ?

А такъ, шо винъ орудовавъ дуже великою силою. та отутъ зробивъ соби печеру тай живе, а якъ плыве було татарюга по Вовчий, то винъ заразь буць та й вбѣ его. Ото узнали люди про его хистъ та й прозвали Зміемъ, а по нему уже и куть Зміивъ.

— Такъ отъ якъ!

— Такъ саме!

— Ну, а теперъ скажи мени, шо воно оце за ямки, коло цего кута.

— Та це отъ яки ямки. Литъ сорокъ тому назадъ вызидивъ сюды изъ якогось города чиновникъ шукати тутъ клада. Прихавъ, дивитця на це місце. ажъ тутъ каминь; пиднявъ винъ той каминь на блоки, туды. а тамъ вода; выбиравъ-выбиравъ воду. ничего нема. Давай вертити свердлами; вертивъ-вертивъ. тежъ ничего нема. Тоди винъ и каже чоловіку, шо коло него ходивъ: «поведи мене, спасыби тоби, ще у той густый теренъ. тамъ, я чувъ, законано двадцять бочекъ казны». Повивъ той чоловікъ его у теренъ; такъ шо жъ? Копавъ-копавъ и тамъ ничего не найшовъ. Съ тимъ и поихавъ. «Ни, каже, сюды треба не такого знаюку, якъ я».

Мы поднялись еще дальше по рѣкѣ и увидѣли небольшой островокъ съ правой стороны отъ насъ.

— Шо це таке за остривъ?

— Птичій.

— Чого жъ винъ такъ зветця?

— Того, шо на нему птышня була.

— А хто жъ ту птышню заводивъ тутъ?

— Панъ Гнида.

— Шо це воно все Гнида та Гнида. оце вже у якій разъ я чую про того Гниду. Скажи пожалуйста, чи винъ великій бувъ панъ, чи такъ соби панокъ?

— Винъ-то великій та тилько изъ маненькихъ выйшовъ.

— Якъ це такъ?

— Та отъ якъ. Дило це було за запорожцивъ. Приходить разъ до запорожцивъ хлопья тай проситця, шобъ вони прийняли его до себе. «А шо ты у батька та у матери робивъ?» — «Свыни насъ!» «А будешъ у насъ свини пасти?» — «Буду!» «Добре, яке бъ же ему мення дати?» Подивились на него, а на нему гнидъ. а на нему гнидъ, наче на свини!.. Ото заразь

и дали ему призывше Гнида ¹⁾. Химерни людци були!.. Живе воно мижъ запорожцями: коли це вийшовъ видъ царици такій листъ, щобъ не було запорожцивъ. «Теперь, хлопци, бижить, хто куды шймавъ!..» Якъ розійшлись запорожци тай бросили Гниду; такъ винъ справивъ соби шкапіячку, купивъ визъ, набравъ повинъ визъ горшкивъ тай повизъ у Луспенивку; а у Луспенивци тоди було може хать десять, а не бильшь якъ пятнадцять. Повизъ у Луспенивку тай не продай; везе назадъ. коли ось назустричъ ему сусиль старый запорожець!.. Давай балакать зъ нимъ, давай балакать тай сказавъ, де гроши за кошани, у якому майдани вони лежать. Такъ винъ пидъихавъ до майдану, перевернувъ горшки, забравъ сумы тай годи горшки продавати; купивъ у Кутуза земли пятнадцать тысячъ, женивъ та й давай прилащовать на свою землю людей. Оце якъ йдутъ яки чумаки, або косари, то винъ до нихъ: «идить, каже, до мене, у мене степъ якъ дымъ». Та отакъ винъ и набравъ людей бильшь ста симей та тоди вже и зашороборывъ... Ото й дити у него пидросли; три сыны у него було, винъ имъ и землю подиливъ; та два жъ изъ нихъ вийшли путни, а одинъ пьяница. Старый якъ умеръ, а винъ давай гуляти; гулявъ-гулявъ та догулявъсь до того, шо й участокъ свй продавъ Солоси, оце, де теперь нашъ Богдаръ, — продавъ, а самъ по-давъ у Кивъ. Навпосля якось приходивъ, приниъ мирку вешій съ собою; подививъ тай назадъ. Такъ отакій той Гнида. Старый то ше не забувавъ свого прежнего званія: винъ частенько показувавъ и той самый майданъ, де перекинувъ визъ зъ горшками. Наши батьки балакають, шо ще й вони бачили черепки отъ тихъ горшкивъ».

Было уже за полночь, когда я велѣлъ поворотить лодку назадъ и плыть за теченіемъ р. Волчьей. Рѣка Волчья есть притокъ рѣки Самары, впадающей въ Днѣпръ. Она беретъ свое

¹⁾ Сравни у Скальковскаго «Исторія Новой Съчи», Одесса, 1846, ч. I, 318—319.

начало въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи; длина ея—220 верстъ, ширина отъ 15 до 25 саж., глубина отъ 1 фута и до 1 саж. Въ исторіи древней кievской Руси она извѣстна тѣмъ, что по ней шелъ естественный путь изъ Кіева въ Константинополь и обратно уже съ IX вѣка по Р. Х., когда только что основалось русское государство. «Если плаваніе черезъ днѣпровскіе пороги внизъ, по теченію воды, представляло много трудностей и неудобствъ, то вверхъ, противъ теченія воды, оно было уже совершенно невозможно; а перевозаживать барки и лодки, суда и струги по сушѣ мимо всѣхъ пороговъ, на разстояніи 40 или 50 верстъ,—превышало силы человѣческія. Поэтому-то шедшіе или возвращавшіеся изъ Константинополи въ Кіевъ держались уже большею частію другого пути, именно: изъ Чернаго моря пускались Керченскимъ проливомъ въ Азовское море, изъ этого моря плыли рѣкою Міусомъ; отсюда около версты шли волокомъ въ Волчью воду (рѣку Волчью), изъ нея въ р. Самару, а изъ Самары уже въ Днѣпръ. Нынѣшнія ственныя рѣки Міусъ, Волчья и Самара съ своими притоками въ древнія времена были огромны и глубоки; даже въ концѣ XVII вѣка онѣ были еще судоходны. Съ половины IX вѣка, по основаніи на югѣ Россіи русскаго тмутараканскаго княжества, этотъ путь, какъ изъ Кіева въ Тмутаракань, такъ и обратно, для всѣхъ путешественниковъ, особенно русскихъ, былъ общезвѣстнымъ и самымъ обыкновеннымъ... Самарою поддерживались и скрѣплялись въ то время всѣ политическія связи, всѣ родственныя и торговыя сношенія и сообщенія между Русью кievскою и черниговскою, съ одной стороны, и тмутараканскою—съ другой ¹⁾).

Былъ какъ-то прекрасный іюльскій день. Солнце уже сошло со своего зенита и склонялось къ западу. Я вышелъ изъ своего «убѣжища» и направился по дугу на баштанъ. Пройдя четверть часа по открытой ровной стени, я спустился въ дугъ и

¹⁾ Феодосій. Историч. обзоръ церкви Екатер. епар. Екатер. 1876 г., 16—17.

туть, почти у самого берега р. Ганчула, увидѣлъ небольшой куренець и около него дидо-сторожа, Ивана Хотюна. Объ немъ уже давно доносили мнѣ, какъ о человѣкѣ, который умѣеть «брехати» про запорожцевъ. Я подошелъ къ куреню, поздоровался съ дидомъ, сѣлъ на травъ, скинулъ съ себя фуражку и расположился какъ дома. Дидъ вытащилъ превосходную ароматичную дыню. досталъ изъ кармана ножъ, сдѣланный изъ обломка косы и представляющій изъ себя скорѣе шило, нежели настоящій ножъ, разрѣзалъ этимъ ножемъ дыню и сталъ угощать меня ею.

— А знаете, диду, чого я прійшовъ до васъ?

— А чого?

— Послухати про запорожцивъ. Наказали мини, шо вы дуже добре про нихъ балакаете.

— Це вже, мабуть, Хома вамъ донисъ? Де вже я тамъ добре балакаю, якъ я ихъ не знаю и не бачивъ.

— Такъ. може, чули, коли сами не бачили.

— Якъ малымъ ще бувъ, то такъ кой-яки басни чувъ.

— Шо жъ вы чули?

— Чувъ, шо бъ то вони знались зъ нечистыми. Отобъ-то, кажуть, чортъ бигъ искушать дивку тай на дорози замерзъ. Бигъ-бигъ тай забигъ до запорожцивъ у кишъ, такій, бачъ, невеличкій на сохахъ, куринь, де вони печуть та варють. Забигъ, сховавъ у миску тай лоскотить ложками: исти хоче. Лоскотить тай лоскотить, а запорожцямъ и не въ догадъ. «Шо воно таке лоскотить? Шо ты таке есть, шо ты ложками цокотишь?» — «Я. каже, лукавый». «Шо жъ тобі треба видъ насъ?» — «Та такъ-то й такъ: бигъ я искушати дивку, та по дорози и замерзъ, а теперъ забигъ до васъ, одигрився, такъ исти хочу. Готовьте, спасиби вамъ, бильшъ, то я вамъ у пригоди стану». «Ну, шо жъ, хлопци, варить бильше, готовьте довольно, нехай уже й винъ истъ». Отъ стали вони варити. Оце понаварюють казанивъ десять, понаставляють ему, а винъ

такъ усе и повылыже. П, пишло тимъ запорожцямъ добро таке, шо куды вамъ! У хливахъ ни одного кизячка, а воды якъ изъ воды, ажъ стегна имъ повыперало. Таке имъ пишло добро! «Варить, хлопци, варить!..» Ото дождались весны; якъ дождались весны, такъ винъ, сучій сынъ, якъ почувъ весну, такъ и крышу зирвавъ: утикъ!..

— Значить, запорожци жили не по-божому?

— Не по-божому, а по бурлацькому. Тоди такъ було, хто вырвавсь видкиля, то все бижить у Запорожжа; вони всякого приймали, тилько признавайсь, чи е жинка, чи нема. Ото прихавъ разъ до нихъ жонатый чоловікъ, городовикъ, тай проситця, шобъ приняли его до Сичи. «А жонатый ти, чоловіче?» — «Ни, не жонатый!..» «Ну, записуйся у куринь». Записавсь винъ. Живе. Прийшла велика п'ятниця. «А возьми, хлопче, каюкъ та поидь повикидай ятери изъ озеръ та изъ ричокъ, бо у страшну п'ятницю рыбу грихъ держати у запрудахъ». Поихавъ той городовикъ рыбы ослобонити. Ждать-пождать, его нема. А у него була жинка, та жинка не проста, а волшебница, такъ вона его и смыкнула ажъ у городы. Тоди сичовики до кошового. «Такъ-то и такъ-то, батьку, отакого-то козака нема». Кошовый подививсь куды тамъ треба та й каже: «Э, дуже далеко теперь винъ видъ насъ,—верстовъ. може, за триста... Потягла его до себе жинка. Ну, добре жъ хочъ то, шо винъ попливъ у каюци; хочъ и потягла, то не велика ще беда, а якъ бы пишовъ пишки, то вона бъ его тягла до себе на голій с-аци... Ну, дарма: винъ якъ розговіятця, то приеде на Богородицю. Коли це такъ: на Богородицю иде винъ у Сичъ. Заразъ до кошового и повинивсь. «Я жъ вамъ казавъ, еретычи сыны, признавайтесь вы, чи у васъ е жинки, чи нема. Дурный, шо не признавсь. Я бъ зробивъ такъ, шо не ты до неи, а вона до тебе бъ ихала та ще чимъ? Тимъ, чимъ сидить». «Прости, батьку, мою жинку! Осъ вона за те прислала тобі сорочку тонкого полотна на гостынець». Такъ винъ узявъ ту сорочку, розипьявъ надъ багаттямъ, дивывсь-дывывсь тай

каже: «Ни, волшебства ниякого нема», тай надивь. «Ну, спа сяби жь твой жыньци за гостынець!»

— Чувь я, шо будто вы. диду, розказуете ще про якогось Семена Палія та Грыцька Сагайдака; хто вони таки були?

— Семень Палій, — це той, шо ослобонивъ гатьманщину одь ляхивь. Винъ бувъ. коли хочете, сперше не Палій, а Семень Попильныкъ. Ледащо було; такъ у дурняхъ соби живь; усё у попили валивсь, видъ того и прозваніе получилъ «Попильныкъ». Отакъ винъ лежить мижъ запорожцями тай лежить, нычого не робе, а вони то все турка розгоняють, то пойдуть Польшу розоряти: наберуть по дванадцати коней тай хода; доскочуть соби грошій, суконь. усякою усячины, пріидуть до дому тай почнуть дуванити мижъ товариществомъ. Дойде черыга и до Семена. «За-шо ёму давати? Винъ тильки валяетця у попили, а робити ничого не робе, такъ на-що жь ёму давати?» — «Э, ни. каже кошовый: не обходьте, панове, и его, у нему е прокъ». Ну, отъ дадутъ и ёму шо-нёбудь. А винъ усё розверне попилъ шидъ куренемъ. — а курини у ихъ вельки, чоловікъ на шістьдесятъ,—розверне попилъ та тамъ и лежить... Отъ разъ кошовый зъ козаками и одлучись куды-сь. А Семень лежавъ-лежавъ. надоило; дали взявъ рушныцю таи потягъ до рички качокъ бити. Дойшовъ до рички, ажъ дывытця, у бѣрези скеля, велька скеля; сивъ винъ та тій скелі тай сумуе, шо нема чога исти. Коли це такъ хмарка за хмаркою выступае, ставъ дощыкъ брызкати, де не взялись и качки. Одна по одній, одна по одній, та якъ налетилы, хмара хмарою! Прыцилывсь Семень, пустывъ изъ рушныци, а тутъ его шось товкъ шидъ руку!.. Винъ и промахнувсь. «Эхъ, матери твой ковинька!..» Сыдыть, упьять журитця. «Шо жь воно мене товкнуло?» Подывывсь кругомъ, нема никого. Тоди взявъ прикрывъ рушныцю штанами, щобъ дощъ не замочивъ, лигъ бокомъ на скелю тай дрима. Дримá соби тай дримá. Коли це розкрывъ очи, гулькъ; ажъ по тимъ боци рички лежить шось голе до

голичерва тай гріетця противь соньця. Шо воно таке? Очи блестять, кыкти якъ у собаки, тило червоне, мотузкою пузо: нидперезано, хвостыкомъ вертыть та ще й пе-дыть... Ахъ, ты, еретыча душа! Якъ же ты смієшь передь запорожцемъ хвостомъ вертити та шей пе-дिति? Постой же, я тебе поверту!» Коли ось выскочило воно изъ воды, стало задомъ противь Семена та хвостыкомъ верть! А Семень его буць изъ рушныци! Таи и вбывъ. Убывъ и всихъ качокъ розигнавъ. Шо жъ теперъ казати? Потягъ до куриня. Идѣ до куриня, ажъ Господь пославъ ему назустрічь анголя. «Здоровъ, Семене!» — «Здоровъ, божий чоловіче! Шо ты есть таке?» «Я анголь зъ неба!» — «Анголь?» «Анголь». Семень знявъ шапку. — «Шо жъ тобі треба, божий анголю?» «Не мни треба, а шо тобі треба одъ Бога за те, шо ты побидывъ лукавого?» — «Хиба то лукавый?» «Лукавый. Ты его побидывъ, такъ Господь и пославъ мене до тебе, щобъ я давъ тобі, чого ты забажашъ у Господа». — «Тьфу! мни не те, шо воно лукавый, а те, шо якъ воно сміе передо мною хвостомъ вертити та ще й пе-дिति?.. Одначе, постой же, щобъ его попрохати? Якъ бы его гарно выдумати? А!.. Отъ що: хочю я небагато одъ Бога: щобъ скільки я обѣхавъ, стільки й побидывъ та щобъ стільки я живъ, скільки живе мисяць: мисяць старый и я старый, мисяць молодой и я молодой!» Полетивъ анголь до Бога. «Отъ такъ и такъ; того-то и того хоче Семень». — «Ну, шо жъ? Хай буде ему такъ, якъ винъ хоче...» А Семену уже й гадки нема: шкобыртае соби до куреня; одно тилько горе: исти хочетця. Ходывъ-ходывъ округъ куреня, найшовъ гнылу рыбыну, давай вогонь разводити; розводывъ-розводывъ, тай запаливъ куринь. Коли це приізжають зъ добычи запорожци. «Хто це куринь спаливъ?» — «Семень Попильныкъ!» Давай вони его лаяти. Лаяють та приговаривають: «Палій ты, сякій та такий сыну!» Ото и ставъ изъ Попильныка Палій, Семень Палій. Прошло скільки тамъ времени, збыраютця ушьять запорожци у Польшу. Обрали соби ватажка, ловлять коней. А Палій лежавъ-лежавъ тай каже: «Дайте жъ и мни

коня. може и я поиду? — «Куды тобі, сякій та такій сыну, ихати?» «Та нехай иде, каже кошовый, може й винть здастця».

— «Ну, коли хочешъ, то піймай собі тамъ де-нибудь на степену коня тай идь». Пишовъ Семень, піймавъ самого першого лошака тай веде до куриня. А запорожци ажъ ахнули: «Дывысь, кажуть, якого лошака піймавъ?» — «Дайте жъ минни и зброю: сидло та вуздечку!» «Бери, бери, хлопче, яку любля». Ото зибрались. «Ну, панове, васъ дванадцять, а я буду тринадцятий!» Посидали верхы, у кожного по два коня. Сивъ и Палій на своего лошака. Сивъ, не струснувъ, не здвигнувъ, ажъ усь дыва дались. «Мы скилько, кажуть, муштруемо своихъ коній, тай то такъ не поидымъ, а винть одразу сивъ тай поихавъ». Поихали, подрали Польщу, набрали добра, чого тамъ бажали: грошій, суконъ, зайцивъ, лысыць, тай идуть. Коли це за ними погоня: схопылось чоловікъ сорокъ ляхивъ. Ось-ось догонють. «А шо, панове, плохо намъ прійдетця: догонють иродовы ляхи, головы познимають». — «Шо жъ тутъ казати? Порадь. батьку отамане!» «Эхъ, панове-молодци, и порадивъ бы, такъ самъ не знаю, шо робити». «А я знаю, шо», обизвавъ тоди Палій: «уставайте вы съ коней та берить ихъ пидъ бороды тай стійте, не ворущьтесь, а я буду сыдити верхи,—я одведу очи ляхамъ». Повставали вони съ коней, держуть ихъ пидъ бороды, а Палій сидить верхи. Коли це добирають ляхи; дивлятыця, ажъ попередъ ихъ наче якісь кущъ. «Шо це воно стоить?» — «Та це кущъ терну, а на нему чи сорока, чи гава; наче гава». Подивились тай поихали назадъ. Тоди той ватажокъ у ноги Палію: «братыку, каже, ридный, якъ бы не ты, то мы бъ усьи пропади». Приихали до Сичи, розказали кошовому про свою оказію, а кошовый выслухавъ тай каже: «молодець Семень, не давъ ты запакувать души козацьки ляхамъ; будь же ты съ цего времени полковникомъ». И ставъ Семень Палій полковникомъ.

Отъ и живе собі Палій на Запорожьи. Ажъ ось иде царь Петро шляхомъ запорожскимъ, коли идуть кумы: «Шо вы не-

ете? — «Хлопчика! А який сьогодні день?» — «Сьогодні день Мазепи.» — «Ну, везить до попа; хай винь дасть мення хлопцеві Мазепа.» — «Повезли до попа, пипъ и прозававъ хлопця Мазепою. И ставъ той Мазепа великимъ чоловикомъ у гатьманщини, бильшимъ нижъ Палій на Запорожьи, тильки Семень Палій бувъ сильнійшій за Мазепу тай форкуватій трошки. Прочувъ Мазепа, шо Семень Палій форкуватій чоловикъ тай давай его зазывати до себе у гости. «Прыньди таки та прыньди та погуляемо съ тобою». А винь и прыхавъ. Отъ и давай Мазепа брататьця зъ Паліємъ. «Давай, каже, поминяймося перстинями: ты мій возьми соби, а я твій возьму соби.» — «Ну, шо жъ? и поминяймося.» И поми- нялись вони. Тоди давай Мазепа напувати Палія. Напувавъ- напувавъ та впоивъ его добре та тоди взявъ тай замурувавъ у стовпъ у Полтави. «Ну, теперь винь у моихъ рукахъ; боявсь я его кричко, а теперь ажъ не кашельки не боюсь». Тай давай прохати царя Петра, — а Мазепа бувъ у царя у великій слави, — та и давай прохати царя: «Стреби мини, каже, оцего чоловика, потому я его ненавию, бо винь уредный царству». — «Стреблю, каже царь, якъ шо винь уредный моему царству». — «Стреби, непременно стреби та пришли мини пер- стинь, шо въ нѣго на руки, — тоди я повірю, шо винь погибъ». «Добре, стреблю». Отъ вывели Палія изъ стовба, щобъ то каз- нить. «Ой, царю, не стреляй ты мене, бо я тоби колись-то здамся! Я буду тоби у великій пригоди». — «Якъ-жъ мини зробити, шо я вже пообещавъ Мазепи?» — «А отъ якъ: зведи мене съ цихъ мистъ, замість мене казни мого вродника, а перстинь мій видишли Ма- зепи». — «Ну, хай буде такъ, подивимось, шо съ того выйде.» Ото найшли вродника, казнили, Палія скрыли, а его перстинь види- слали Мазепи. Подививсь Мазепа на перстинь тай каже: «мій, настоаще мій; теперь я бачу, шо Палія вже на свити нема, оттеперь я й за царя визьмусь». Заразъ зговоривсь винь изъ шведомъ та зъ ляхомъ тай открывъ по царя войну. Задумавсь царь. Коли хтось и натекни ему: отъ якъ бы теперь Семень

Палій, то той бы могъ противъ Мазепы оружитьця». Царь снова спомнивъ про Палія, пославъ за нимъ по всій держави, де его найти. Сутокъ за шестеро, чи за семеро нашли его; привели, кинулись до него, а винъ увесь зарисъ, вошій на нему, страсть дивитьця. «Дайте мини спочить!» Дали ему спочить, потимъ привели до царя. А царь и давай ему жалуватьця, шо Мазепа устае противъ его воювать. Палій, чувше те, тай каже: «Цій биди, царю, ще можно запомогти: проси, царю, Мазепу на двое сутокъ обождать зъ войною, тоди й починай». Послухавсь царь. А Палій сивъ на коня тай давай облизжати ничью войська Мазепы. Якъ обвихавъ кругомъ, такъ и засмумивъ Мазепину рать. А Мазепа й негадки: жде двоухъ сутокъ. Ждавъ-ждавъ, давай по чарци пить, шобъ-то, бачъ, выизжать открывати войну. А Семень Палій, не дождавши вистовои орудін, та й выстреливъ изъ свого ружжа та якъ разъ у чарку Мазепы такъ и влучивъ. Пуля тилько джи!.. а чарка такъ и выпала изъ рукъ. Охъ мини лихо! Хто бъ то воно такій? Такъ може стризяти одинъ Семень Палій... Тилько его на свити нема. Хлопче, а пиди подивись, чи стоить на могилы шо-небудь?» — «Стоить». — «А яке воно есть?» — «Стоить якъ спить». — «А яка на нему муныція? чи била?» — «Била.» — «А на муныціи шо, не хрестъ?» — «Хрестъ!» — «То Палій, винъ якъ перехресте, то й аминь, а якъ обиде кругомъ війська, войська замиша.» И правда: якъ замишались войська, давай сами себе истреблять. Тоди Мазепу піймали, ноги одрубали, руки одризали, а самого привязали до коня тай выгнали въ степь; після того и закляття положили, шобъ нихто одинъ одного не называвъ Мазепою. А Семень Палій живе собі якъ місяць: місяць старый и винъ старый, місяць молодой и винъ молодой.

— Ну, скажить теперь, диду, шо вы знаете про Грыцька Сагайдака.

— Про Грыцька Сагайдака розскаже було все Березолуцькій; винъ живъ у Покровському та его батько бувъ изъ запороживъ, служивъ колись хлопцемъ при кошовому. Разъ якось

пишли запорожци за здобычею та й заблудились, зоставсь одинъ кошовый на всю Сичу. Нема козакивъ та й годи. Уже й ничъ настала, уже й соничко сходе. Ото кошовый уставъ у раньци та й каже: «Э, хлопче, сегодня якась буде потуга!» — «Яка жъ, батьку, потуга?» — А побачишь тоди; заряджай-ка ружжа та не забудь и pistols!» А у курини сотъ дви, може, pistolsивъ та й куринь здоровый такій. Позаряджувавъ винъ ружжа, поналагодивъ и pistols. Отъ кошовый нависывъ на себе висимъ pistolsивъ та й выйшовъ изъ куриня. «Ну, гляди-жъ ты, яка немира, подавай мини ружжа; колибъ ты успивавъ тильки, а я уже одибьюсь». Не уснивъ кошовый выйти изъ куриня, коли глядь, а ихъ иде тьма тьмуша, хмара хмарою: турокъ наголо!.. Несутця якъ скажени, а въ торокахъ усе сырыця. Не добилиги скильки тамъ сажень, може тридцять, а може й двадцять, а кошовый якъ выскоче та якъ крикне: «Стой! Хто такій?.. Не нахоть, перебью?» Вони й скасувались у водно. Выскочили два начальника, у бузументахъ, пидходють до кошового: «Здрастуй твая!» — «Здрастуй мій! А шо скажете?» «Пропусти насъ, спасиби тоби, на Самарь!» — «Просимъ сперше у гости, а потимъ уже будемъ балакать объ дилови». Прийшли вони; а ти, шо пидъ ними, стоять и не зъ миста. «А розстилай, хлопче, бурку», каже кошовый. Хлопецъ розиславъ. Вынявъ кошовый вина, понаставлявъ усякою всячины. «Сидайте!» Посидали вони, выпили, закусили, побалакали. «Ну, теперь идьте!» Якъ посидали ти начальники на коней та якъ майнули, то за ними такъ уси и заклеботили. «Ну, слухай, каже хлопцеви кошовый, буде плачь, стонъ великій, отто нашихъ вестимуть турки у полонть». Такъ, дни черезъ два женуть. И... плачь такій, шо, Господи милостивый! Навязали сотъ по пять, а може й по тысячи кожый та й женуть. Та дивчатъ та жинокъ такъ соби на संबоди, а мужикивъ та парубкивъ повязали сырыцами та й гонять повзъ майдана по марнопольскому шляху. Догнали до кошового. «И, батьку, шо якъ бы цихъ людей та ослабонить?» — «Я, каже, на те й важивъ! Хочъ и багато ихъ, та вже жъ

будимъ битця!..» И выбивъ, усихъ, якъ есть, выбивъ, а его не взяли; винъ знаючий бувъ: его ни пуля не брала, ни сабля не рубала, винъ такий бувъ, шо изъ воды выходивъ сухимъ, изъ вогню — мокрымъ; винъ знавъ уси броды и вси средствія; одно слово, винъ бувъ знаючий чоловікъ. Ото разъ царь пыта у его: де твое, каже, висько? — «А де воно, каже, родитця та й и вмере, а якъ умре, то знову рождается».

Оцей Сагайдакъ та Семень Палій були у запорожцивъ сами главни кошови; якъ вони повмирали, то й Запорожже вмерло. Тоди котри изъ за порождивъ пишли за Дунай, котри на Кальчику посидали, а котри пишли на Кубань обробляти землю. Це вже ихъ царица Катерина разгонила. Вона якъ руйнувала ихъ, такъ запорожськи гарматы йшли на Тонку у Перекипъ. Тоди скризъ были тутъ зимовники, а сель и чѣтки не було. Такъ то запорожци и повезли свои гарматы та худобу усяку: видра, кострули, кварталы, пивкварты, стаканы, мидь. Довезли до того мѣста, де Воскресенивка. — тоди ще ии не було, — та й закопали свою худобу на Лысій могилѣ. Уже геть пѣсля того тамъ ходивъ чабанъ зъ вивцями; та ходе та палочкою и штрика, коли це гулькъ, ажъ тамъ кострулька. Туды, ажъ тамъ цѣлый складъ усякого посуда. Винъ соби не дуракъ: диждавъ вечера, прійшовъ до дому, запригъ шкапу у визъ та й поихавъ забирати той посудъ. Зложивъ усе на визъ та того жъ дня и повизъ у Марнополь ¹⁾. Тильки шо вывизъ у базаръ, ажъ ось ему назустрічь жидъ. «Шо ты вывизъ?» — «Та тутъ сяке-таке!» «Ну, уже шо есть, покажи, на те жъ ты пріхавъ у базаръ». Подививсь винъ. «Ого!» каже: «скільки тоби дати за него?» — «А Богъ его зна, я й самъ не знаю, шо воно стое.» «Ну, отъ шо: паняй ты до мене у двиръ, тамъ звесимъ усе, скільки воно затыгне, я тоби и заплачу.» Пріхали у двиръ. «А

¹⁾ Мариуполь, екатеринославской губерніи уѣздный городъ.

зніси его у амбарь!» Той знісь. «А де ты его взявь?» — «Та я найшовъ его у Лысій могилы». «Брешишь, сякій-такій сьну, ты укравь его у кого-небудь! Ты ворюга!» Та за него... Винь отказуецця, а той жидь тягне его до начальства, а чоловікь упирайтця, та христитця та божитця. Та якъ vyrвась, та дай, Боже. ноги! Утикъ и покинувъ жидови усю свою кладь.

О на тій же Лысій гори, де чабанецъ найшовъ посудь, тамъ, кажуть, були закопани и гроши. Запорожци, якъ подуванють було миять собою яке добро, то зараць кожний иде та або хова куда-небудь, або закопуе. Та якъ закопа та ще й клятбу положе. Оце найде де-небудь каминь, наверне его на кладь, а потимъ пійма баранця, зьяже ему уси чотыри ноги дротомъ, положе на той камень та й пече живого вогнемъ: «Оце, каже, якъ цему ягнятови нудно та пекельно, такъ хай буде нудно та пекельно тому, хто визьме оцю кладь»... Такъ о тамъ же, кажу, на Лысій гори закопанъ бувъ и запорожскій кладь. Це снастивъ мини яврей Островскій, — винь у насъ шинокъ державъ. Бачите, ишовъ соби запорожець, старый-старый, ажъ вылискуецця. Ишовъ та й зайди у Солошинъ шинокъ, до Островського. Якъ разъ пидійшла суббота, шабашъ; отъ той яврей самъ справляе шабашъ, а мисто себе поставивъ якогось чоловічка. Увійшовъ у той шинокъ запорожець такъ соби повагомъ; поздоровкавъ; сивъ. Дивитця шинкаръ, запорожець. настоящий запорожець: на нему каптанъ, чотыри рукава, широчезни штаны, чупрына, — усе якъ слидъ. «А усыпъ, каже, осьмушку!» Той усыпавъ. Запорожець выпивъ, утерся, сидить соби и мовчить. «А що, пита шинкаръ, далеко були, дидуню?» — «Далеко, пидъ Марнополемъ, чоловіче.» «А чи проходили тамъ Лысу могилу?» — «Проходивъ, чоловіче!» «А чи чули, шо тамъ чабанъ найшовъ запорожське добро?» — «Чути не чувъ, а знаю, шо воно повинно тамъ бути.» «А чи знаете, де винь его дивъ?» — «Не знаю, чоловіче!» «Повизъ у Марнополь, а тамъ его обдуривъ жидь.» — «Погано;

а бильшь ничего винъ тамъ не находивъ?» «Ни, ничего»... «Дурный! Тамъ противъ тѣи могилы, у балыци, на киньци слободы сумы багацько закопано». Тильки сказавъ це та й заковкь. А той чоловікъ и давай тоди допытуватьця: «А скажить же, диду, чи по той бикъ слободы, чи по цей бикъ закопана та сума?» — «Прощайте!» Знявъ та й пишовъ, такъ и не сказавъ у якимъ мисьци. Такъ шо вже той чоловікъ, попокопавъ земли! Чи вже найшовъ винъ. чи не найшовъ тихъ грошій, Богъ его святой знае; та хочъ бы й найшовъ, такъ заклятими гришьями не поживешъ».

Изъ деревни Богодара я направился въ степь на сѣверо-западъ и, проѣхавъ мимо хутора Анновки, поселка Одноворскаго, черезъ рѣку Верхнюю-Терсу ¹⁾, село Ново-Николаевку, черезъ Среднюю-Терсу ²⁾ и Нижнюю-Терсу ³⁾, село Славгородъ, затѣмъ, миновавъ множество хуторовъ, колоній и слободъ, очутился въ павлоградскомъ уѣздѣ, въ селѣ Краснопавловкѣ, а отсюда перешагнулъ въ такъ-называемую Слободскую Украину, теперешнюю харьковскую губернію.

Украина! Сколько и грустныхъ и веселыхъ воспоминаній встаетъ въ моемъ воображеніи при одномъ этомъ словѣ. Только одно слово, но какое богатое и глубокое! Найдется-ли гдѣ-нибудь въ нашей обширной матушкѣ Россіи столь многозначительный своимъ прошлымъ и вмѣстѣ столь чарующій своимъ настоящимъ уголокъ, какъ та тихая, далекая и широкая Украина? Путникъ, остановись: здѣсь священная почва!.. Да, здѣсь почва священна, трижды священна! Здѣсь, что ни шагъ, то намекъ на славное прошлое нашихъ славныхъ предковъ. Сколько подвизалось здѣсь достойныхъ въ нашей исторіи героев? Сколько

¹⁾ Татарское слово: «тересь» — соръ, навозъ. Верхняя-Терса впадаетъ въ Среднюю, выше с. Ново-Николаевки.

²⁾ Средняя или Степная Терса впадаетъ въ р. Волчью подъ д. Берберовкой.

³⁾ Нижняя или Малая-Терса впадаетъ въ Степную-Терсу подъ дер. Штимовой, имѣиетъ Письменного.

завязывалось и развязывалось здѣсь громкихъ побѣдъ? Сколько разъ оглашался здѣсь воздухъ воплемъ и стономъ убиваемыхъ, пѣснями и кликами побѣждающихъ? А сколько разъ поливалась здѣсь земля кровью христіанскою, сколько разъ засѣвалась она костями человеческими, покрывалась доспѣхами ратными? Много-страдальная и великая Украина!.. Что то было здѣсь въ страшную, тяжелую безысходную татарскую годину, когда тяжкая мгла окутывала нашу Украину, когда стономъ сама земля стонала, когда «бѣдные невольники своими тяжкими кайданями повсюду брязчали, долю свою горькую кляли-проклинали?» Что то было тогда на Украинѣ?»

«Зажурилась Украина, що ниде прожити:
Вытоптала орда киньми маненькіи диты;
Ой маненькихъ вытоптала, великихъ забрала.
Навадь руки постягала, пидъ хана погнала».

А что было здѣсь въ «веселые часы людскихъ банкетовъ», когда католики попирали вѣру нашихъ предковъ, когда чело-вѣческія права нашего народа объявлены были нечеловѣческими, когда христіанинъ униженъ былъ до положенія скота, когда онъ получилъ кличку «быдло, пся кровь», когда наши храмы божіи отданы были въ руки жидамъ, когда школы украинскія сдѣ-лались притономъ ненавистныхъ іезуитовъ, заклятыхъ враговъ всей русской народности и всей православной вѣры? Что было тогда съ Украиной?

«Встае хмара зъ-за лиману,
А другая съ поля,
Зажурилась Украина,—
Така ш доля!
Зажурилась, заплакала,
Якъ мала дитына...
.. Якъ та галичъ поле крые
Ляхи, уійаты
Напитають,—нема кому
Порадоньки дати...»

Но вотъ для спасенія Украины въ ея нѣдрахъ зарождается могучая и невѣдомая дотогѣ сила. То было грозное и ничѣмъ

неодолимое, никѣмъ нешобѣдимое козачество. Тогда, какъ-бы по мановенію высшей силы, вся Украина заколосилась козацкою пажитью, заволновалась козацкою нивою. Крѣпкое тѣломъ, сильное духомъ, низовое козачество, подобно летучей кометѣ, бурно пронеслось по всей широкой Украинѣ, вездѣ оставляя за собой кровавый слѣдъ и всюду мстя страшною мстью врагамъ своей предковской вѣры и противникамъ своей русской народности, какими были кровожадные мусульмане и ненавидимые католики... И разлилась та слава козацкихъ подвиговъ далеко-далеко, наполнивъ собою сердца не только близкихъ, но и отдаленныхъ потомковъ низового «лышарства...» И до сихъ поръ слѣпцы-кобзари, слѣпцы-бандуристы разносятъ по Украинѣ ту славу великихъ козацкихъ подвиговъ...

Но время козаковъ на Украинѣ уже давно миновало; страсти уже улеглись, кровь перестала литься и на мѣстѣ великихъ дѣяній остались только высокіе курганы, называемые на живописномъ малороссійскомъ языкѣ могилами, которые звучатъ лишь однимъ тономъ нѣкогда бывшей здѣсь жизни. Замолкли козацкіе подвиги, сами козаки сошли со сцены, старое прежнее поколѣніе смѣнилось молодымъ, новымъ. Но природа осталась на Украинѣ все та-же. Родъ приходитъ, родъ проходитъ, а земля стоитъ. Все то-же небо, синее-синее, точно въ теплой Италіи, все тотъ-же воздухъ, чистый, живительный, все та-же растительность, свѣжая и роскошная, все тѣ-же лѣса, тѣнистые и прохладные, все тѣ-же рѣчки, тихо изливающія свои серебристыя струи и едва скользящія по безмѣрнымъ и въ лѣтнее время душистымъ лугамъ. Чудный край! Немудрено, что прошлое Украины нашло своихъ талантливыхъ пѣвцовъ въ лицѣ нашихъ великихъ творцовъ слова, поэтовъ. Такъ, уже въ XII вѣкѣ наша Украина воспѣта даровитымъ создателемъ «Слова о полку Игоревѣ», а потомъ въ наше время прославлена гениальнымъ Пушкинымъ, одновременно съ нимъ Гоголемъ и велѣдъ за ними А. Толстымъ.

«О, Донче, Доиче, немало ты величия:
Ты волнами князя ублаживалъ,
Стлалъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева роскошнаго
Одѣвалъ ты мглою теплою;
На водѣ стерегъ ты его гоголемъ,
На струяхъ лелѣялъ его чайками».

«Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колыхетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ топуть хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый,
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ;
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ.
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубясь надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ времянь Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипь, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Съчи?
Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье.
Когда росой подсолнечникъ блеститъ.
Такъ звонко летаетъ жаворонка пѣнье.
Стада блеять, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, уявчаны цвѣтами,
Идутъ козачки пестрыми толпами?
Ты помнишь ночь надъ спящею Украйной.
Когда съдой вставалъ съ болота парь.
Одѣтъ былъ мѣръ и сумракомъ, и тайной,
Блесталъ надъ степью искрами стожаръ,
И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?
Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи.
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?»

И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?
Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ лѣтъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій ходъ,
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою...
Туда, туда стремлюся я душою!

Съ понизовья вѣтеръ вѣетъ,
Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки лелѣетъ
И качаетъ.
Гей, хлопцы, живо, живо!
Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
Будемъ отдыхать!
Дружно въ весла! Чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запѣвайте!
Гей, хлопцы, пойте пѣсни,
Словно птицы въ поднебесьи
Вольныя поютъ.

Указатель малороссійскихъ словъ.

Б.

- Бавовна, бавына — хлопчатая бумага, вата.
Багаття — огонь, костеръ, кострище.
Базикати — болтать, переливать изъ пустаго въ порожнее,
Байдуже — нѣтъ нужды, безразлично, все равно.
Байракъ — оврагъ, поросшій лѣсомъ.
Балакать — говорить, бесѣдовать; балачка — молва, разговоръ.
Бачить — видѣть, зрѣть.
Башта — башня, взято съ турецкаго.
Бигъ — мае; отъ «Богъ» и «имѣть» въ смыслѣ «нѣтъ, не имѣется».
Бидолаха — бѣднякъ, несчастный человѣкъ.
Бня — около, возлѣ, близь.
Благати — просить, упрашивать, умолять.
Брама — ворота, въ особенности крѣпостныя и монастырскія
Броварня — пивоварня.
Будынокъ — строеніе, домъ, замокъ.
Будыголова — болотистое дудчатое растеніе.
Буркунъ — степное колючее сорное растеніе.

В.

- Важить — взвѣшивать, вѣсить, уважать.
Варена — водка съ медомъ, пряными кореньями, подогрѣтая на огнѣ.
Варъ — кипятокъ, жаръ, духота.
Вдіяти — сдѣлать, совершить.
Вессилля — свадьба; весильный — свадебный.
Вздрити — увидѣть, усмотрѣть, узрѣть.
Видциля — отсюда, съ этой стороны.

Війя — оглобля въ воловомъ возу.
Выбачати — извинять, прощать.
Вымовлять — выговаривать, высказывать.

Г.

Гадка — думка; гадки немає — нѣтъ мысли, намѣрѣнія, заботы
Гакивныця — пушка; звукоподразнательное слово.
Гавчирка — тряпка, ветошка.
Галлыкъ — стальной крючекъ для одежды.
Гараздъ — хорошо, прилично.
Гарба, гарбычка — все равно что арба — большой возъ для сѣна или сноповъ.
Гарный — хорошій, красивый.
Гаспидъ — демонъ, дьяволъ; гаспидскій — демонскій.
Геть — прочь, вонъ, убирайся.
Гиля — вѣтви, въ собирательномъ смыслѣ.
Гирко — горько; гиришъ — горше.
Глекъ — кувшинъ; уменьшительное глечикъ.
Годи — довольно, достаточно, полно.
Годувать — кормить; нагодувать — накормить.
Голдувать — владѣть, господствовать, повелевать.
Городовыкъ — житель городовъ старой Малороссіи.
Готувать — варить, стряпать, приготовить.
Гудзыкъ — пуговица, взято съ польскаго.

Д.

Дерныца — дернъ, дернина.
Де-що — кое-что.
Дзвиниця — колокольня, звоница.
Діяти — дѣлать. прединимать.
Дму, въ третьемъ лицѣ «дме» — надуваю, надымаю.
Догайтись отъ гаяти — замедлять, задерживать.
Драбына — лѣстница, преимущественно подвижная.
Дымарь — дымовая труба въ хатѣ въ куренѣ.

Ж.

Жахъ — испугъ; жахатыця — пугаться, страшиться.
Жодный — каждый, всякій.
Журицьця — печалыцьця, горевать, тосковать.

З.

- Забажать — пожелать.
Завбільшки — величиною съ кого или чего.
Зализный — желѣзный.
Запасъ — боевой снарядъ, принадлежность.
Заплющить — закрыть глаза, зажмуриться.
Запно — совѣстно, неловко.
Збѣговище — собраніе, съѣздъ.
Збѣжжа — движимое имущество.
Збудувати — построить, соорудить.
Звидкиля — отбуда, съ какой стороны.
Здобычь — добыча.
Здолити — одолѣть, побороть.
Зигнати — удалить, прогнать.
Злодій — злодѣй, воръ, разбойникъ.
Злыдащити — облыбиться, опуститься.
Знаюка — большой знахарь.
Зодягняный. одѣтый.
Зробити — сдѣлать; зробленный — сдѣланный.
Зруйнувати — разрушить, раскопать, зруйнуваня — разрушеніе.
Зузуля — букушка.
Зупинитись — остановиться.
Зъисти — съѣсть.

И.

- И жи-Богу — ей-Богу.
Изтяти — снять, срѣзать.
Изъ — малку — съ малолѣтства,
Инакше — иначе, инымъ способомъ.
Инжирь — винныя ягоды.

К.

- Кабыця — подвижной изъ камней очагъ.
Казань — котель; казанокъ — котелокъ.
Кайданы — кандалы, оковы.
Канистасъ — иконостасъ.
Капутъ — конецъ, смерть.
Качка — утка; отъ слова «качаться».
Кизякъ — засохшій навозъ.
Кій, кієкъ — дубина съ головкой на концѣ.
Килимъ — коверъ малорусской тѣани.

Кимлашня—калмыки въ собирательномъ смыслѣ.

Кисто—тѣсто.

Кишеня—карманъ.

Кишло—мѣсто, гдѣ что-нибудь кишить.

Кодло—родъ, племя, фамилія, гнѣздо.

Кожанокъ—тулупъ изъ овечьей кожи.

Коляки—увеличительное отъ колъ.

Колысь—когда-то, нѣкогда.

Комашня—муравьи въ собирательномъ смыслѣ.

Корякъ, корячокъ—деревянный ковшъ.

Кохаться—любить, лелѣять, жить: «кохатъця козами».

Куля—пуля.

Кунтушь—верхній суконный кафтанъ съ откидными рукавами, носимый козаками.

Купонька, купа—кучка, куча, толпа.

Кубло—гнѣздо.

Куфа—бочка, боченокъ.

Крадижка—воровство, мелкая кража.

Крамарь—мелкій торговецъ.

Круча—ответственный обрывъ.

Крыга—ледъ; по кризи—по льду.

Л.

Ланецъ—кожа для прикрытія чего-нибудь отъ дождя; ремень.

Лаяти—бранить, ругать.

Лиска—плетень, изгородь.

Лякать—пугать, страшить.

Липовныкъ—липовая посуда.

Лелека—аять, черногузь.

Лядскій—польскій.

Лехъ—каменный походной погребъ.

Люлька—трубка.

Лимпачъ—кирпичъ, сдѣланный изъ земли и соломы.

М.

Мандрувать—уходить, уѣзжать.

Майданъ—площадь, ровное мѣсто.

Майстро—мастеръ, ремесленникъ.

Маханъ—баранье мясо, употребительное слово въ Новороссіи

Меня — имя, званье.
Мерщій — скорѣе, быстрѣе.
Мечеть — мусульманская моельня; печь для печенія хлѣба.
Мицный, мицневый — крѣпкій, крѣпевый.
Млынъ — мельница.
Молодняга — молодяя деревья.
Москаль — солдатъ
Моторошно — жутко, дурно, тошно.
Мотузочокъ — веревочка.
Муравный, мурованный — сложенный изъ кирпича.

Н.

Набудувать — настроить.
Навтикача — навтечь.
Надія — надежда.
Наде — третье лицо отъ надуть, надымать.
Найбрацій — наилучшій, найкрасивый.
Намыста — мониста.
Наскризь — сквозь, насквозь.
Неби, неби-бъ то — какъ будто, яко бы.
Небога — бѣдняга.
Недоуздохъ — уздечка.
Немас, у насъ не має — у насъ не имѣется.
Немира — неустойка.
Нижъ — въ смыслѣ «ножа» и «нежели, чѣмъ».
Ногайва — ногойцы, въ собирательномъ смыслѣ.
Ночвы — корыто для стирки бѣлья.

О.

Обиддя — ободья.
Оболонь — оконная рама.
Обкерешувать — обдѣлать, обмотать, обойти.
Одружитьця — ожениться.
Ожеледыця — гололедница.
Окарачь — ракомъ, на четверенькахъ.
Окримъ — кромѣ, исключая.
Олійныця — маслобойня.
Олія — постное масло.
Опанчина — епанча, полсть.
Опизнытьця — опоздать.
Оселя — село, селеніе, селитьба, изба
Ослонъ, ослинь — скамья.

Отакувать, отакуватьця—облагать, строить.
Оттакелезный—увеличительное отъ «такой».
Оттягнуть—оттащить.
Оцей, оця—вотъ этотъ, вотъ эта.

II.

Падло—падаль, сквернота.
Паляныця—хлѣбъ изъ пшеничной или гречневой муки.
Пампушки—пшеничная или гречневая пышка.
Пань—отець—пань отецъ; всего больше къ священнику.
Патыночки—опорки, осметки, вѣроятно отъ «ботинокъ».
Паскудный—мерзкій, гнусный.
Печеря—пещера.
Петривскій—петровскій, петровскаго поста, петровокъ.
Пидмовлять—подговаривать.
Пиддиска—подоска для оси колесной.
Пидпврызаться—подпоясаться.
Пирнуть—нырнуть.
Пистоль—пицтоль—пистолеть.
Письмакъ—ученый человекъ.
Пишки—пѣшкомъ.
Пищалки—пищики, свистѣлки.
Пляшка—фляжка, бутылка.
Повзь—около, по—надъ, мимо.
Подитись—дѣться.
Подякувать—поблагодарить; нѣмецкое «danken».
Покуть—красный уголь въ избѣ, подъ образами.
Поляяти—поругать, избранить.
Поличити—лѣчить и считать.
Полуныця—земляника.
Понапинать—понатыгивать.
Порынять—погружаться въ воду, нырять.
Постолы—обувь изъ кожи безъ подошвъ и каблучковъ.
Потрибка—начинка, мясо, которымъ начиняють пироги.
Потуга—причина, насиліе. бѣда.
Поцупить—потянуть.
Похилый—хилый, слабый, немощной, сгорбленный.
Пустопашъ—безъ пуга, свободно.
Пыхва—ножны; то, во что впишаютъ сабли.
Прывивать—здороваться, привѣтствовать.
Проща—путешествіе къ св. мѣстамъ.
Прудытьця—выгонять изъ бѣлья блохъ или вшей.

Призвыети—произвести, сдѣлать.
Припона—преткновеніе, задержка.
Пристибывать—пристегнуть.
Причилокъ—уголь; причилкомъ—двумя углами узкой стѣны напередь.

Р.

Рада—совѣщанье; радитья—совѣщаться.
Рало—плугъ; то, чѣмъ орутъ.
Ратыще—копье; то, чѣмъ ратятся.
Ретязь—веревка, ремень.
Ривчакъ—ручей.
Риздво—Рождество.
Рогеля—снасть для ловли рыбы. на подобіе саба.
Розшущукать—разобрать, понять, разшелопать.
Росколюка—рощелина.
Росперезатьця—распоясаться.
Руйнுவать—разорить, обращать въ руины.
Рушныця—ружье.
Рясный—обильный, густой, многолистый.

С.

Сапьяны, сапьянцы—сафьяновые сапоги.
Сарана—саранча.
Сиромаха—бѣдный сирый, убогій человекъ.
Сварка—ссора, брань.
Свердло—буравъ.
Свитанокъ—время на свитаньи.
Сволына—стволь въ ружьѣ.
Съасувать—скосить, уничтожить.
Сжарь—имущество, кладь, находка.
Скризь—вездѣ. всюду.
Скрыня—сундукъ; латинское «scrinium».
Слабый—больной, недужій.
Спись—копье.
Спидныця—юбка женской одежды.
Спиинтись—остановиться.
Стегна—ребра.
Стягъ—знамя, куда стягиваются войска.
Страва—пища, ѣда.
Стричка—ленточка для косы.
√ Суремка, сурма—музыкальная труба.
Схаменутьця—спохватиться.

Т.

Тилипатья — болтаться, мотаться.
Типатья — трепаться, болтаться.
Тирса — степная трава, подобная осоке и камышу.
Тнутця, тнетця — тянуться, вытягиваться.
Товаряка, товарь — рогатый скотъ.
Торикъ — прошлаго года.
Трапатья — случаться, бывать.
Треба — нужно, потребно.
Трисочка — палочка, щепочка, щепя.
Трохи, трошки — немного, немножко.
Трычи — въ третій разъ, трижды.
Турбуватьця — заботиться, беспокоиться, тревожиться.
Тычя, тычечка — струя, теченіе, теченійце.

У.

Угамоватья — успокоиться, усмириться.
У купци — вмѣстѣ.
У лятку — лѣтомъ, въ лѣтнее время.
Улопатья, улопавсь — попасть въ просакъ.
Уперше — въ первый разъ.
Утекти, утече — уйти, уйдетъ.
Устилька — встилка въ сапогъ подъ подошву.
Ухопить отъ хапатья — схватить, поймать.

Х.

Хапатья — схватывать, ловить.
Характерныкъ — чародѣй, знахарь.
Харцызь — разбойникъ, душегубецъ.
Хиба — развѣ.
Хижка — хижина, лачужка.
Хистъ — удалъ.
Хистый — неустойчивый, опрокидывающійся.
Хвыля — волна.
Худоба, худобына — имущество, рогатый скотъ.
Худкый — худой, тощій.
Хутро — подкладка, подбой.

Ц.

- Ципокъ — палка.
Цюра — слуга, съ турецкаго языка.
Цуратись — чуждаться, отрезаться.
Цупко — крѣпко, сильно.

Ч.

- Ченьци — монахи, чернецы.
Черевѣ — чрево, животъ.
Чепурный — опрятный, чистый.
Чересло — поясъ, перевязь для сноповъ.
Черныця — монахиня, черница.
Чимчикувать — скоро идти.
Чутка — слухъ, молва.

Ш.

- Шалевый — сдѣланный изъ шали; прилагается къ поясу.
Шарпати — рвать, драть.
Шафарь — съ польскаго szafarz — ключникъ, экономъ; у запорожцевъ —
собратель податей.
Шибсныця — виселица.
Шматокъ — кусокъ, лохмоть.
Шкапа — лошадь; шкапіячка — лошаденка.
Шкода — порча, вредъ, убытокъ, изъянъ.
Шкодá — напрасно, тщетно, жалко.

Я.

- Якій — какой.
Якійсь — какой-то.
Якось — какъ-то.
Якъ — какъ.
-

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Часть первая.

Введеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, стр. 1—60. Мѣнія лѣтописцевъ и историковъ о происхожденіи козаковъ. Указанія на время появленія слово «козакъ». Первое появленіе запорожскихъ козаковъ на Низу; основаніе Сичи съ тридцатью-осьмью куренями; раздѣленіе всего Запорожья на паланки и время продолжительности исторіи запорожскихъ козаковъ. Первый и послѣдній кошевой. Запорожье въ настоящее время; сѣла: Каменно-Потоцкое, Троицкое, Плахтіевка, Деріевка, Куцезоловка, Шошиновка, Аулы, Романково, Камянское, Тритузное, Карнауховка, Тарамское, Сухачевка, Діевка, Новый-Кодакъ и Половица; краткая исторія каждаго изъ нихъ, описаніе острововъ, лежащихъ противъ селъ на Днѣпрѣ и указаніе на оставшіеся предметы древности въ церквахъ. Путешествіе императрицы Екатерины II. Собраніе древностей А. Н. Поля въ г. Екатеринославѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ, стр. 60—96. Исторія города Самары и преданія объ основаніи въ ней запорожскаго собора, теперь новомосковскаго; оставшіеся предметы древности въ немъ; портретъ запорожскаго гайдамаки. Рѣка Самара, ея окрестности, паланка и переправа самарская. Самарскій пустынно-николаевскій монастырь. Краткая его исторія, остатки древностей, портреты дикаго попа и полковника А. Ѳ. Колпака.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, стр. 95—115. Села отъ Самарскаго монастыря вверхъ: Вольное, Аванасьевка съ остатками древностей въ ея церкви. Котовка. Рѣка Орель съ ея окрестностями и рядомъ крѣпостей: св. Параскевы, Орловской, св. Іоанна, Бельсовской, Козловской, св.

Евродора. Рязской, Васильковской, Лявенской и Борисоглѣбской. Собрание древностей Г. П. Алексѣева. Село Чернетчина и находящійся въ ея церкви синодикъ Нехворощанскаго запорожскаго монастыря. Села: Магдалиновка. Королевка. Поливаивка. Очеретоватое и Спасское. Дидь Самойло Прусь и его рассказы о запорожцахъ. Село Старый-Кодакъ съ остатками земляныхъ укрѣпленій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, стр. 115—139. Переправа черезъ Днѣпровскіе пороги: на плоту и на простой лодкѣ. Ночлегъ въ Чертовой хатѣ. Проходъ Волчье-Горло, колонія Павло-Кичкасъ, Крарійская переправа, колонія Кичкасъ, педелище Сагайдака. Середняя скеля. Дурная скеля, кресло Сагайдака, Столпы и Стоги, запорожская мяска.

ГЛАВА ПЯТАЯ, стр. 139—168. Городъ Александровскъ, колонія Шенвизъ; могила кошеваго атамана О. М. Гладкаго, краткая біографія и поколѣніе его. Переѣздъ на о. Хортицу. Путешествіе отъ г. Александровска вверхъ по надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра мимо скели Дзвиницы, пещеры Школы, деревни Павло-Кичкаса. Дидь Дмитро Буть; преданія о запорожцахъ. Чугунная плита съ обозначеніемъ времени сооруженія пороговъ въ Днѣпрѣ. Острова: Большой-Дубовый, Малый-Дубовый; порогъ Вильный, села: Андреевка, Петровское; порогъ Воляга, пещера въ балкѣ Россоховатой и деревня Вороная.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, стр. 168—198. Острова отъ города Екатеринослава: Монастырскій, Становой, Самарскій, Кодачекъ. Первый порогъ Кодацкій. Что стояло сооруженіе каналовъ въ Днѣпрѣ? Заборы, камни, острова, балки ниже Кодацкаго порога. Сурской, Лоханскій и Звонецкій пороги. Камни Богатыри. Пещера въ огородѣ крестьянина Я. Зискоки. Заборы, камни, балки и острова ниже Звонецкаго порога. Скеля Монастырько и страшное мѣсто Пекло. Преданіе о пребываніи на Монастырькѣ императрицы Екатерины II. Порогъ Ненасытець. Спускъ черезъ него флотиліи Екатерины II. Острова ниже Ненасытеца. Янтарь на островѣ Песковатомъ. Островъ Дубовый и слѣдующіе за нимъ острова, заборы, камни, балки. Порогъ Воляговскій. Острова Таволжанскій и Перуень. Острова, заборы, камни и балки ниже Перуна. Острова: Кухаревъ, Малишевскіе, Пурисовъ, Вербовый, Каменоватый.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, стр. 198—252. Островъ Хортица. Древнія названія его. Первая Сича. Основатель ея Д. И. Вишневецкій. Расположеніе Хортицы. Зміева пещера. Мысь Свинячья голова: Цар-

ская пристань: укрѣпленія на материкѣ противъ переправы на Хортицу. Островъ Малая-Хортица. Балки, скели и мелкіе острова вокругъ Большой-Хортицы. Знакомство съ учителемъ на островѣ Хортицѣ, Я. Я. Купномъ, и ночлеги у него. Укрѣпленія въ сѣверной и южной части Хортицы. Время переселенія нѣмцевъ на Хортицу. Разсказъ о змѣяхъ на Хортицѣ. Курганъ Потемкинъ: преданіе о запорожцѣ Дворянениѣ; разсказъ старика нѣмца, Гильдебрандта. Хортица въ настоящее время. Село Вознесенка. Отплытіе изъ Александровска.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, стр. 252—267. Степи бывшаго Дикаго поля. Что такое запорожскій кошь? Какъ жили запорожцы? Гдѣ они дѣлись? Рѣка Базавлукъ. Хутора Перевизскіе и запорожская хата. Запорожское кладбище. Гряда Калнышиха. Вторая Сича. Мѣстоположеніе ея. Прибытіе въ нее германскаго посланника Эриха Ласоты. Цѣль его поѣздки. Посольство папы Григорія XIII; патеръ довъ Александро Комулео и его свидѣтельства о запорожцахъ. Посольство отъ запорожцевъ къ германскому императору. Село Грушевка съ остатками въ ней запорожскихъ древностей. Село Шолохово.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, стр. 267—290. Колонія Шенвизъ: рѣчка Кушугумъ, Великій лугъ. Села: Николаевка, Балабино, Большая-Катериновка, Кушугумовка. Малая-Катериновка и Красный-Куть. Заборы, острова, балки ниже о. Хортицы. Лысая гора, село Вѣленское и его исторія. Острова, балки ниже Вѣленскаго, Гульбище, село Выше-Тарасовка и его исторія. Острова Гійный, Круглый и Варавинъ. Рѣка Конка съ ея окрестностями. Село Голая-Грушевка съ ея достопримѣчательностями Сиркивкою и Калитинымъ-Рогомъ. Третья Томаковская Сича. Описаніе острова Томаковки и пребываніе на немъ Богдана Хмельницкаго. Остатки пребыванія запорожцевъ на Томаковкѣ. Окрестности острова Томаковки.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, стр. 1—36. Село Чернышовка. Стошестнадцатилѣтній старикъ И. И. Россолода. Биографическія свѣдѣнія о немъ. Подлинный разсказъ Россолоды о природѣ запорожскихъ степей и о жизни запорожскихъ козаковъ, начиная съ поступленія козака

въ Сичь и кончая его смертю. Куда дѣвались запорожцы? Балка Каменка съ запорожскими намогильными крестами. Новопавловскій лиманъ. Лысая гора и запорожское кладбище на ней съ однимъ намогильнымъ крестомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. стр. 36—61. Четвертая Сича. Никитинская. Свѣдѣнія о ней и время основанія. Пребываніе на ней гетмана Богдана Хмельницкаго. Никитино въ настоящее время. Смытіе Сичи водой. Укрѣпленія и остатки древностей въ мѣстной церкви и у частныхъ лицъ. Старикъ Степанъ Яцковскій. Крестьянинъ Мокій Лось, внукъ запорожца. Два кафтана, поясъ и сабля, сохранившіеся у Мокія Лося отъ времени запорожцевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. стр. 61—100. Четвертая Сича Чортомлыцкая. Свѣдѣнія объ ней и время построенія церкви на Сичи. Почему запорожцы оставили Сичу на Никитинѣ и перешли на Чортомлыкъ? Укрѣпленія близъ бывшей Сичи. Могила козака Тарана и кошеваго И. Д. Сирка и историческія свѣдѣнія о его личности. Годъ смерти и мѣсто погребенія Сирка. Мѣстоположеніе Сичи и прежній ея видъ. Находки вещей на Сичи. Преданія о посадкѣ вокругъ Сичи деревьевъ. Преданіе о запорожской церкви, о разореніи Сичи. Разсказъ дидовъ Сукура и Оникіенка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. стр. 100—142. Острова, рѣчки, балки ниже мѣстечка Никополя. Острова Носоковка и Каирь. Села Кочкаровка и Мѣловое съ его достопримѣчательностями. Шестая Сича Каменская. Свѣдѣнія объ ней. Видъ ея въ настоящее время. Развалины куреней, кладбище, могила кошеваго К. Г. Головка и В. Герофеевича. Причина оставленія запорожцами Каменской Сичи. Хуторъ Блажковъ. Разсказъ старика С. Герасименка. Бизюковъ монастырь и свѣдѣнія о немъ. Острова, балки и рѣчки ниже села Кочкаровки. Села Сомово, Мальцово и Каховка. Города Кизикермень и Тавань. Остатки древностей въ городѣ Бериславлѣ въ церкви и у частныхъ лицъ. Острова, рѣчки, переправы и села ниже города Берислава; Корсунскій монастырь. Села Тягинка, Козачьи-Лагери и городъ Херсонъ съ остатками въ немъ запорожскихъ древностей.

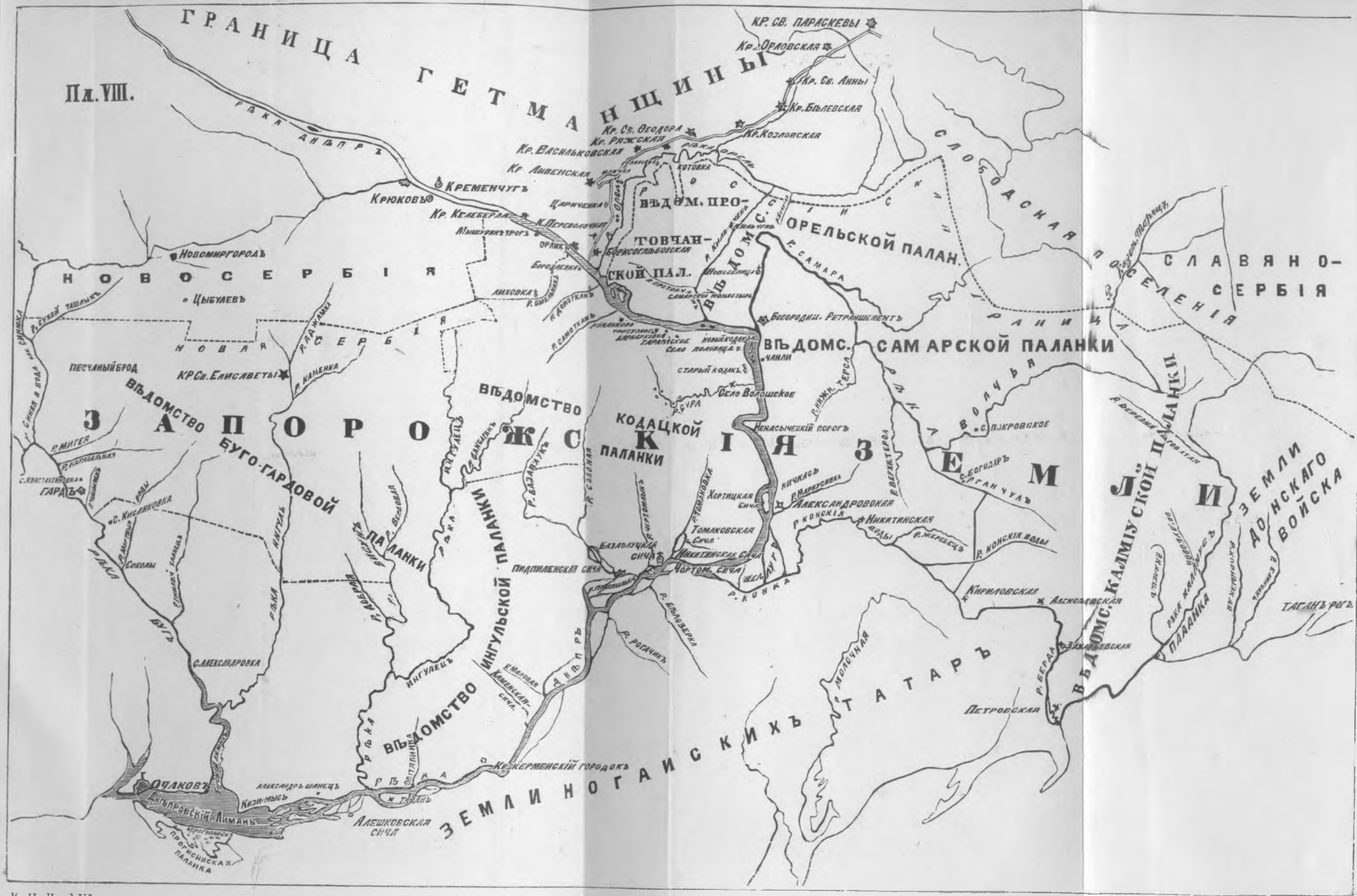
ГЛАВА ПЯТАЯ. стр. 142—162. Седьмая Сича. Алешковская. Свѣдѣнія о ней и мѣстонахожденіе. Разсказы старожиловъ Горбатенка, Киріяша, Плохого, Бурлаченка. Села ниже города Херсона. Рѣка Бугъ. Село Александровка, мѣсто Семенова-Рога; село Кисляковка и запорожская церковь. Чортайскій бродъ черезъ Бугъ. Село

Константиновка, запорожскій гардъ, островъ Гардовый; преданіе о кончинѣ Запорожья. Бугскіе пороги. Рѣки Синюха и Высь. Городъ Новомиргородъ. Могила генерала П. Текели. Черный лѣсъ и Чута Хуторъ Дубовый на р. Саксагани. Гайдамацкая конюшня и гайдамацкая пещера.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. стр. 163—187. Причина перехода запорожцевъ изъ-подъ власти турокъ подъ власть Россіи и поселеніе вновь въ Сичи Каменской, а отсюда въ Сичи на Пидпильной. Последняя Сича Новая, ея мѣстонахожденія и общій видъ. Причины уничтоженія Запорожья. Участъ Ивана Глобы, Павла Головатаго и Петра Калнишевскаго. Двадцатисемилѣтнее пребываніе его въ Соловецкомъ монастырѣ, кончина и оставшіеся послѣ него предметы древности и намогильная плита.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. стр. 187 — 203. Село Покровское; намогильные кресты курянаго атамана Каписа и кошеваго атамана Степана Гладкаго. Запорожскія хаты со сволоками. Древности, сохранившіяся въ мѣстной церкви. Укрѣпленія, оставшіеся отъ времени запорожцевъ. Находки древностей. Расказы старика И. Чавуннаго. Общее заключеніе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, стр. 203—241. Восточныя степи Запорожья. Село Ковскіе-Раздоры и Воскресенка. Степь въ лѣтніе мѣсяцы. Село Гуляй-Поле. Расказъ Евдокима Косяка. Характеръ степи по описанію польскихъ историковъ. Деревня Екатерининская, имѣніе В. О. Гладкаго. Свѣдѣнія о кошевомъ Гладкомъ. Г. Л. Синегубъ. Село Покровское: преданіе о Гайдамацкомъ шляхѣ и дикихъ коняхъ. Деревня Богодаръ. Расказы слѣпца Ѳ. Проворы, Д. Нелипы и дида И. Хотюва. Украйна. Указатель малорусскихъ словъ.



Общій планъ запорожскихъ владѣній.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	СТР.
Памятникъ кошеваго И. Д. Сирка. Въ началѣ.	
I. Пушки, собранія А. Н. Поля	54
II. Запорожець со статуэтки, собранія А. Н. Поля . .	56
III. Группа запорожцевъ, собранія А. Н. Поля	58
IV. Новомосковскій соборъ	70
V. Играющій на бандурѣ гайдамака, собранія Я. П. Новицкаго	72
VI. Самарскій соборъ	84
VII. Полковникъ Аѳанасій Колпакъ, собранія Г. П. Алексѣева	100
VIII. Плавъ крѣпости Кодака	114
IX. Видъ Ненасытецкаго порога	120
X. Камень Дзвиниця	150
XI. Забора Волошинова	174
XII. Камень Богатырь	176
XII. Камень Монастырько	178
XIII. Каналъ Ненасытецкаго порога	182
XIV. Камень Перуновъ	190
XV. Плавъ Малой Хортицы	218
XVI. Ангелъ изъ церкви с. Грушевки, рисунокъ И. Е. Рѣпина	284
III. Плавъ Томаковской Сичи	288
I. Плавъ Хортицкой Сичи	232
II. Плавъ Базавлудцкой Сичи	260

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Портретъ стамешнадцатилѣтняго старика И. И. Россолоды. Въ началѣ	
II. Обчиська трубка	14
III. Запорожская кобза, рисунокъ И. Е. Рѣпина . . .	16
IV. Запорожскій лагерь и возы	18
V. Запорожскій зимовникъ	20
VI. Запорожскія баклажки, собранія Я. П. Новицкаго и И. Е. Рѣпина	22
VII. Ружье, кинжалъ и сабля. рисунокъ И. Е. Рѣпина	24

	стр.
VIII. Копья, келепа и якирьца, собранія Г. П. Алексѣева	26
IX. Запорожскіе войсковые клейноды	28
X. Сволокъ и лутки запорожскаго куреня, рисунокъ И. Е. Рѣпина	44
XI. Икона Богоматери въ Никополѣ	46
XII. Напрестольный крестъ въ Никополѣ	48
XIII. Запорожская плащаница въ Никополѣ	50
XIV. Запорожская риза въ Никополѣ	52
XV. Запорожская рива въ Никополѣ	54
XVI. Запорожскій аналой въ Никополѣ	56
XVII. Икона Покрова съ молящимися запорожцами	58
XVIII. Кружка кошеваго Ивана Сирка	60
XIX. Запорожець Иванъ Шиявъ, рис. И. Е. Рѣпина	62
XX. Запорожець Яковъ Шиявъ, рис. И. Е. Рѣпина	64
XXI. Росписка архіерея Рафаила	66
XXII. Запорожское платье, рисунокъ И. Е. Рѣпина	68
XXIII. Запорожское платье, рисунокъ И. Е. Рѣпина	70
XXIV. Запорожскій графинь	72
XXV. Памятникъ кошеваго И. Д. Сирка	74
XXVI. Видъ Чортотмыцкой Сичи, рис. И. С. Васильковскаго	82
IV. Планъ Чортотмыцкой Сичи	84
XXVII. Казань, пороховницы и чернильница	86
XXVIII. Запорожская дарохранительница	108
V. Планъ Каменской Сичи	114
XXIX. Памятникъ кошеваго К. Г. Головка	116
XXX. Запорожскія трубки	118
VI. Планъ Алешковской Сичи	146
XXXI. Дубовая балка и запорожскій крестъ	162
XXXII. Видъ Новой Сичи по Ригельману	168
XXXIII. Плита кошеваго П. И. Калнишевскаго	186
XXXIV. Намогильный крестъ атамана Каниса	188
XXXV. Намогильный крестъ кошеваго С. Гладкаго и запорожскія бокуны	190
XXXVI. Икона на аналоѣ съ двумя запорожцами	192
VII. Планъ Новой Сичи	194
XXXVII. Запорожскія галеры и чайки по Ровинскому и Боплану	196
XXXVIII. Сабля кошеваго О. М. Гладкаго	212
VIII. Общій планъ запорожскихъ владѣній. Въ ковчѣ.	

КАТАЛОГЪ ИЗДАНИЙ Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА. 1877—1887 гг.

АНТРОПОЛОГІЯ.

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакціею профессора И. И. Мечникова.
Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРИЯ МАТЕРІАЛИЗМА

И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Н. Н. Страхова.

Томъ I-й: Исторія матеріализма до Канта. 398 стр.

Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ Канта. 495 стр.

Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

сочиненія ДАВИДА РИКАРДО.

Пер. Н. Зибера, съ приложеніями переводчика. 685 стр.

Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ИСТОРИЯ ТЕОРИИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе. Пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей, 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

РУКОВОДСТВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ, 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДА.

Томъ I-й. Эллинская эпоха, съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.

отенци джеввонса.

Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕВНИКЪ ЛОГИКИ

ДЕДУКТИВНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ, съ вопросами и примѣрами.

Ст. Джеввонса.

Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

З В У К Ъ .

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. Альфреда Маршалля Майера. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. М. А. Антоновича.

165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

С В Ъ Т Ъ .

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. А. Майера и Барнара. Съ 29 рис. Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 84 стр. Ц. 50 к.

съ пересылкою 65 к.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекція Роско: Изъ чего составлена земля.—Локаеръ: Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть.—Уильямсонъ: Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

СЕРІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Переводъ съ англійскаго М. А. Антоновича.

Введеніе. Проф. Генсли. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—Химія. Проф. Роско. Съ 36 рис. въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—Физика. Проф. Бальф. Стьюарта. Съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—Физическая географія. Проф. Гейни. Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Геологія. Проф. Гейни. Съ 46 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. Физиологія. Д-ра Фостера. Съ 18 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. Астрономія. Нормама Локаера. Съ 48 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Лекція проф. Эдинб. унив. П. Г. Гэта. Пер. подъ редакц. И. М. Сѣченова. Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

ПРАКТИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ПО БОТАНИКЪ И ЗООЛОГИИ.

ГЕКСЛИ И МАРТИНА.

Переводъ съ англійскаго А. Я. Гердъ.
218 стр. Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Составилъ А. Я. Гердъ.

Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и въ первомъ изданіи одобренъ какъ руководство для гимназій.
Въ 3 част. въ 207 рисунк. въ текстѣ. Изд. 4-е. 257 стр. Ц. 1 р. 60 к.
съ перес. 1 р. 80 к.

ОПЫТНАЯ МЕХАНИКА. С. С. ВОЛЬ.

Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Наукъ. Пер. съ англ. подъ ред. Н. Н. Любавина. Съ 100 рис. въ текстѣ. 358 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Проф. А. Гейни. Пер. съ англ. А. Я. Гердъ. Съ 78 рис. въ текстѣ и 10 картин. въ прилож. 370 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ГИМНАСТИКА ГОЛОСА,

основанная на физиологическихъ законахъ.

Руководство къ упражненію и правильному употребленію органовъ рѣчи и пѣнія.

ОСКАРА ГУТМАНА.

128 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

О ПСИХОМОТОРНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ

И РАЗВИТІИ ИХЪ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Проф. И. Р. Тарханова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛЕКЦІИ ОБЩЕЙ ТЕРАПІИ. Проф. В. МАНАССЕЙНА.

Часть 1-я. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ДОМАШНІЙ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ.

Д-ра Нурвуазье, врача при общинѣ діакониссъ въ Ригиѣ. Съ рис. въ текстѣ. Пер. съ 3-го нѣмецк. изд. М. Ловцовой. Съ предисл. проф. Манассейна. 185 стр. Ц. 75 к., съ перес. 85 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ФИЗИОЛОГИИ.

кратно и общедоступно изложенные В. Прейеромъ, ординарн. проф. физиологiи.
Пер. И. Р. Тарханова. 265 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. к.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ НА НЕЙ ЖИВУЩИХЪ.

Проф. А. Н. Бекетова. Изд. 5-е, съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к., съ перес. 1 руб.

НАРОДЫ ТУРЦІИ.

Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ.
Пер. съ англ. 300 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

**ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА и ИНДІИ.
ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО.**

Соч. И. П. Минаева.
2 части. 522 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

О ПОГЛОЩЕНИИ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ СОЛЯНЫМИ РАСТВОРАМИ И КРОВЬЮ.
И. М. Стѣнова. 164 стр. больш. форм. Ц. 3 руб., съ перес. 3 р. 80 к.

СКОВОДСТВО.

Г Заттегаста. Перев. подъ редакцію Д-ра О. А. Гримма. 2 тома
съ 200 рис. въ текстѣ. Ц. 7 руб. съ пересылкою.

Н. СМАЙЛЬСЪ.

**ИСТОРИЯ ШОТЛАНДСКАГО НАТУРАЛИСТА
Томаса Эдварда.**

Перев. С. И. Смирновой. 163 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ.

А. Н. Бекетовъ. Ц. 50 коп., съ пересылкою 60 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Абея Овелана. Переводъ съ франц. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭМВРИОЛОГИИ.

Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунк. Пер. съ англ. подъ ред. О. А. Грима.
350 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

шесть лекцій, читанныхъ въ королевскомъ институтѣ въ 1873 г., и
единство исторіи.

Лекціи, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ, Эд. Фримана. Перев. съ
англ. Н. Корнунова. 376 стр. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою 2 р. 80 к.

М. ФОСТЕРЪ. НАЧАЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИОЛОГИИ.

Пер. съ англ. С. В. Пантелѣевой. 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О НЕНОРМАЛЬНОСТИ МОЗГОВОЙ ЖИЗНИ

современнаго культурнаго человѣка. М. М. Манассеиной. Ц. 1 р. 25 к.

Гофманъ. Руководство къ Судебной медицинѣ; пер. съ англ. проф.
Сорокина. Ц. 4 р.

Блазюсъ. О запасахъ энергіи въ природѣ. пер. Флуз; ц. 30 к.

Сочиненія Юрнелія Тацита.

Пер. съ прилж. и со статьею о Тацитѣ и его сочиненіяхъ В. И. Модестова.
Т. I. Агрикола. Германія. Исторія. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтопись. Раз-
говоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

4-е изданіе, 4 тома. Цѣна 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

КЛЕРКЪ-МАКСУЭЛЬ.

МАТЕРІЯ И ДВИЖЕНІЕ.

Пер. съ англійск. М. А. Антоновича. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

РУДОЛЬФЪ АРЕНДЪ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ХИМІИ

Съ 178 рис. въ текстѣ, пер. съ нѣм. подъ ред. проф. Тавилдарова. Ц. 1 р. 50 к.
съ пер. 1 р. 70 к.

В. Карпентеръ.

ЭНЕРГІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

Пер. съ англійск., съ 81 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

И. Р. ТАРХАНОВЪ.

ГИПНОТИЗМЪ, ВНУШЕНІЕ И ЧТЕНІЕ МЫСЛЕЙ. Цѣна 75 коп.

Грантъ Алленъ. Ч. Дарвинъ. Пер. съ англ. подъ ред. А. Н. Эмелгардта.
Ц. 1 р. 50 к.

О. А. ШТОФФЪ. (Женщина-врачъ.)

УХОДЪ ЗА РЕБЕНКОМЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ.

Практическіе совѣты матерямъ. Ц. 50 к.

Ж. СИМОНЪ. СРЕДННОЕ ЦАРСТВО.

Основы китайской цивилизаціи. Пер. съ франц. В. Ранцева. Ц. 2 р.

Г. Д. ВАХТЕЛЬ. РУКОВОДСТВО КЪ ТЕХНИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.

Цѣна 5 р.

РЭМСЕНЪ. ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СОЕДИНЕНІЙ УГЛЕРОДА.

(Органическая химія.) Пер. Н. С. Дрентельна. Ц. 2 р.

П. ТЭТЪ. СВОЙСТВА МАТЕРІИ.

Перевъ съ англ. И. М. Стѣнова. Ц. 2 р. 50 к.

Александренко, В. Н. Англійскій Тайный совѣтъ и ея исторія. Т. 1.
Часть I. Ц. 2 р. 50 к.

Баръевъ, Н. И. Основные вопросы философіи исторія. 2-ое изд. 2 т.
Ц. 4 р. 25 к.

Баръевъ, Н. И. Историческая философія гр. А. Н. Толстого въ „войнѣ
и мирѣ“.

Баллингъ, Е. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго
промысла. Пер. К. Флюк. Ц. 2 р.

Гердъ, А. Я. Учебникъ Географіи 1 вып. 60 к.; 2 вып. 50 к. 3 вып. 75 к.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ при-
знакамъ. пер. С. И. Серебrenникова. Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданій Д. Ф. Пантелѣева въ книжной торговлѣ Н. П.
Карбасникова. С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 48.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 Января 1887 г.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Б. Саловая, № 27.

Изданія Л. Ф. Пантелѣва.

Главный складъ: Книжный магазинъ Н. П. Гербасникова, С.-Петербургъ,
Литейная № 48; Москва. Моховья, д. Коха.

Джевоисъ, С. Основы науки Трактатъ о логикѣ и научномъ
методѣ Перев. съ англійск. М. А. Антоновича. Ц. 4 р.
50 коп.

» Элементарный учебникъ логики. Перев. М. А. Анто-
новича Ц. 2 р.

Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія. 4-е изд. 4 т. Ц. 7 р.

Зайцевъ, В. А. Руководство всемірной исторіи Древняя исторія
Востока Ц. 2 р.

» Древняя исторія Запада. Т. I. Эллинская эпоха. Ц. 4 р.

Киревъ, Н. И. Основные вопросы философіи Исторія. 2-е изд.
2 т. Ц. за 2 т. 4 р. 25 к.

Ланге, Ф. Исторія матеріализма и критика его значенія въ
настоящее время. Перев. съ нѣм. Н. Н. Страхова. 2 т.
Ц. 5 р.

Овелакъ. Лингвистика Перев. съ фр. Ц. 2 р.

Рикардо, Д. Сочиненія. перев. Н. Зибера. Ц. 3 р. 50 к.

Симонъ, Ж. Среднее царство. Основы китайской цивилизаціи.
Пер. съ франц. В. Л. Ранцева. Ц. 2 р.

Тацитъ, К. Сочиненія. Пер. съ примѣчаніями и со статьею о Та-
цитѣ и его сочиненіяхъ В. И. Модестова Т. I. Агри-
вола. Германія Исторія Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лето-
писи. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к.

Толлиннаръ, Антропология. Пер. подъ редак. проф. И. И. Меч-
никова. Ц. 4 р.

Фриманъ, Эд. Сравнительная политика и единство Исторія Пе-
рев. съ англ. Н. М. Коркунова. Ц. 1 р. 50 к.

Александровъ, В. Е. Англійскій тайный совѣтъ и его исторія.
Т. I. Часть I. Отъ начала XIII ст. до смерти Ген-
рихъ VIII. Ц. 2 руб. 50 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

Бобринскій, М. Исторія Польши. Пер. подъ ред. пр. П. П.
Карцева.

Дажский, А. В. Повторительный курсъ по неорганической химии.
Дернбургъ. Пандекты. Пер. съ нѣм. М. И. Брунна.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики.

» Прикладная механика

Модестовъ, В. И. Исторія римской литературы.

Татъ, П. Теплога.